

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОУ ВПО «АмГУ»

УТВЕРЖДАЮ
Зав. Кафедрой философии
----- С.В. Дзюба
«-----» -----2007

ОСНОВЫ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО ДИСЦИПЛИНЕ
для специальностей 021100 «Юриспруденция»
041101 «Социальная работа»

Составитель: О.Б. Коренная

Благовещенск
2007

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Факультета социальных наук
Амурского государственного
Университета

О.Б. Коренная

Учебно-методический комплекс по дисциплине «Основы теории аргументации»
для студентов очной формы обучения специальностей 0211000; 0414101 –
Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007 –461с

Учебно-методический комплекс составлен в соответствии с
Государственным стандартом. Включает цели, задачи учебного курса, наименование тем
и содержание лекционных, практических занятий, вопросы для итоговой оценки знаний,
самостоятельной работы, список рекомендуемой литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ	4
2. СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ	8
3. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ	12
4. КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА	289
5. РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	461

ВВЕДЕНИЕ

Убеждение – одна из центральных категорий человеческой жизни и деятельности. Одновременно это одна из сложных противоречивых, с трудом поддающихся анализу категорий. Миллионы людей можно убедить в том, что на них возлагается особая миссия в истории человечества. С другой стороны, есть люди, которых невозможно убедить в самых простых истинах.

Убеждение изучается многими науками: психологией, логикой, лингвистикой, философией, риторикой, теорией социальной коммуникации и др. Особое место среди них занимает ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ, которая систематизирует и обобщает все то, что говорят об убеждении другие дисциплины. Эта теория отвечает на такие вопросы как: способы обоснования и опровержения убеждений, зависимость этих способов от аудитории и обсуждаемой проблемы, своеобразие обоснования в разных областях мышления и деятельности: начиная с естественных и гуманитарных наук и кончая идеологией, пропагандой и искусством. Начавшая складываться еще в античности, теория аргументации прошла долгую историю, где были взлеты и падения. В современный период можно говорить о становлении новой теории аргументации, складывающейся на стыке целого ряда наук и учитывающей в полной мере современной логики и методологии познания.

Предметом теории аргументации является изучение многообразных дискурсивных (рассудочных) приемов, которые позволяют усиливать или изменять убеждения аудитории.

Цель аргументации – принятие выдвигаемых положений аудиторией. В рамках данной дисциплины понятия «истина» и «добро» могут быть промежуточными целями, но конечной ее задачей всегда является убеждение аудитории в справедливости предлагаемого ее вниманию положения, склонение ее к принятию этого положения и, возможно, к действию, предполагаемому им. Это значит, что оппозиции «истина-ложь» и «добро -

зло», важные для других наук, не являются ключевыми ни в аргументации, ни в ее теории. Аргументы могут приводиться не только в поддержку тезисов, представляющихся истинными, но и поддержку заведомо ложных или неопределенных тезисов. Аргументированно отстаиваться могут не только добро и справедливость, но и то, что кажется, или в последствии окажется злом.

Общие контуры новой теории аргументации наметились в последние 2-3 десятилетия. Она восстанавливает то позитивное, что было в античной риторике и иногда ее называют **новой риторикой**. Сегодня стало понятно, что теория аргументации не сводится к логической теории доказательства, которая опирается на понятие истины, и для которой понятия «аудитория» и «убеждение» совершенно инородны. Теории аргументации также нельзя сводить к методологии науки или теории познания.

Аргументация – это определенная человеческая деятельность, протекающая в конкретном социальном контексте и имеющая своей целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости каких-то положений. Теорию аргументации нельзя сводить и к эристике (теории спора), поскольку спор – это только одна из многих ситуаций аргументации.

В последние десятилетия изучение аргументации превратилось в самостоятельную область исследований. Это стало возможным благодаря совместным усилиям философов, формальных и неформальных логиков, аналитиков устной, письменной и разговорной речи, ученых, занимающихся проблемами общения и представителями других дисциплин. В зависимости от целей изучения аргументации были сформулированы различные подходы к ее анализу. Основу для разработки этих подходов составили: новая риторика Перельмана и Люси Ольбрехт-Титеки, аналитическая структура Стефана Тулмина, проблематология Мишеля Мейера, социальная эпистемология Чарльза Вилларда, неформальная логика Энтони Блэра и Ральфа Джонсона, пост-стандартный подход к ложным выводам Джонса Вудса и Дугласа Уолтона, естественная логика Джин-Блейз Грайз, в

отечественной науке теория аргументации представлена работами А.А. Ивина, Г.И. Рузавина.

В основу данного курса легли работы А.А.Ивина «Основы теории аргументации», Г.И. Рузавина «Логика и аргументация», Франса Х.ван Еемерена и Роба Гроотендорста «Аргументация, коммуникация и ошибки», В.И. Кириллова и А.А. Старченко «Логика».

В настоящем курсе аргументация рассматривается с разных позиций, дополняющих друг друга: с точки зрения мышления, с точки зрения человека и общества, с точки зрения языковых категорий, с точки зрения истории.

Курс предназначен для гуманитарных специальностей: юриспруденция, социальная работа, психология, социальная педагогика, религиоведение, а также для всех, кто интересуется теорией аргументации.

Пояснительная записка

Программа курса «Основы теории аргументации» составлена в соответствии с рабочим и учебным планами.

Цель курса - дать студентам знания о возможных видах аргументативного процесса, а также сформировать навыки и умения, необходимые для реализации полученных знаний на практике. Овладеть мастерством аргументации и убеждения, поскольку эти умения приобретают особенно важное значение для тех, кто готовится к профессиональной деятельности в области социально-гуманитарных наук.

Программа курса основ теории аргументации включает следующие темы: «Общая структура и методы аргументации», «Убедительные основания», «Виды аргументации», «Аргументация и ценности», «Объяснение и понимание в аргументации», «Проблемные ситуации в аргументации», «Некорректная аргументация», «Искусство спора».

Многие темы курса "Основы теории аргументации" тесно связаны с материалом курса математики, философии, истории, логики.

Согласно требованиям к общим гуманитарным дисциплинам, изучив курс основ теории аргументации, студент должен:

- иметь представление о научных, философских и религиозных картинах мироздания, сущности, назначении и смысле жизни человека, многообразии форм человеческого знания, соотношении истины и заблуждения, знания и веры, рационального и иррационального в человеческой жизнедеятельности, особенностях функционирования знания в современном обществе, об эстетических ценностях, их значении в творчестве и повседневной жизни и уметь ориентироваться в них;
- понимать роль науки в развитии цивилизации, соотношение науки и техники и связанные с ними современные социальные и этические проблемы, ценность научной рациональности и ее исторических типов, знать структуру, формы и методы научного познания, их эволюцию;
- владеть методами и приемами логического анализа.
- строить и анализировать аргументативный процесс.

Программа курса отвечает основным принципам педагогики. Курс построен по принципам последовательности, доступности, непротиворечивости. Учебный материал расположен в данном курсе по принципу от простого к сложному. Главная дидактическая цель курса состоит прежде всего в том, чтобы вооружить студента знаниями, которые позволили бы ему:

- лучше ориентироваться в функциях, выполняемых различными элементами разговорного и научного языка в различных коммуникативно-познавательных ситуациях,
- эффективно использовать знания о корректных и некорректных приемах аргументации на практике,
- уверенно и грамотно выполнять такие логические процедуры, как построение аргументации, подбор необходимых аргументов,

- быть чувствительным к логическим противоречиям, умышленным и непроизвольным погрешностям в рассуждениях, недозволенным приемам в дискуссиях и спорах.

Содержание дисциплины

Тема 1. Убедительные основания.

Что такое аргументация. Структура и субъекты аргументативного процесса. Понятие «поля аргументативного процесса», содержание и согласование полей аргументации. Графические схемы структуры аргументации. Основные стадии процесса аргументации. Важнейшие методы аргументации. Принцип достаточного обоснования. Абсолютное и сравнительное обоснование.

Тема 2. Эмпирическая аргументация.

Прямое подтверждение. Подтверждение следствий. Факты как примеры. Факты как иллюстрации.

Тема 3. Теоретическая аргументация.

Дедуктивное обоснование. Системная аргументация. Опровержимость и проверяемость. Условие совместимости. Методологическая аргументация. Границы обоснования.

Тема 4. Контекстуальная аргументация. Традиция и авторитет. Интуиция и вера. Здравый смысл и вкус.

Тема 5. Аргументация и ценности.

Ценности и эпистемология. Описание и оценка. Многообразие оценок. Квазиэмпирическое обоснование оценок. Теоретическое обоснование оценок. Контекстуальные аргументы. Принцип морали.

Тема 6. Объяснение и понимание в аргументации.

Объяснение. Предсказание. Понимание. Понимание поведения. Понимание природы. Понимание языковых выражений.

Тема 7. Проблемные ситуации и аргументация.

Многообразный мир проблем. Явные проблемы. Неявные проблемы.

Тема 8. Некорректная аргументация.

Некорректные доказательства. Софизмы. «Есть» и «должен». Стандартные некорректные аргументы.

Тема 9. Искусство спора.

Спор как частный случай аргументации. Корректные приемы спора. Некорректные приемы спора. Споры об истине и споры о ценностях. Четыре разновидности споров. Как не следует спорить. Общие требования к спору. Можно ли одержать победу в споре?

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСОВ ПО ТЕМАМ

№ тем	лекции	практич. зан.	Всего
1	2		2
2	2	2	4
3	2	2	4
4	2	2	4
5	2	2	4
6	2	2	4
7	2	2	4

8	2	4	6
9	2	2	4
итог	18	18	36

Самостоятельная работа студентов

В качестве самостоятельной работы студентам предлагаются следующие виды работ:

1. Проанализировать речи выдающихся судебных ораторов России второй половины 19 века (А.Ф. Кони (на выбор три речи), Ф.Н. Плевако (на выбор 3-4 речи), речи амурских гос. обвинителей и адвокатов).
2. Подготовить и защитить перед группой реферат на одну из предложенных тем:
 1. Теория аргументации как наука об убеждении.
 2. Контекстуальная аргументация.
 3. Некорректная аргументация.
 4. Значение аргументации в обыденной жизни и профессиональной деятельности человека.
 5. функции языка в аргументации (теория речевых актов Д. Сёрля).
 6. Многообразие моделей аргументации.
 7. Аргументация как деятельность человека.
 8. Возникновение парадоксов в теории аргументации, деятельности и науке.
 9. Софизмы и софистические приемы доказательства в теории аргументации.
 10. Какую роль играет эристика в современной аргументации?

Зачетные вопросы:

1. Структура доказательства. Поля аргументации. Согласование полей аргументации.
2. Способы доказательства.
3. Чем отличаются косвенные доказательства от прямых? На какой основной закон опираются в косвенных доказательствах.

- 4.Опровержение. Понятие опровержения, виды, структура.
- 5.Правила доказательства и опровержения.
- 6.Ошибки, возникающие при нарушении правил в доказательствах и опровержениях. Виды ошибок.
- 7.Абсолютное и сравнительное обоснование
- 8.Основные функции языка
9. Принцип достаточного основания.
10. Эмпирическая аргументация.
11. Дедуктивное обоснование.
12. Системная аргументация
- 13 Опровержимость и проверяемость
- 14 Методологическая аргументация
- 15 Контекстуальная аргументация.
- 16.Ценности и эпистемология
- 17 Описание и оценка
- 18 Квазиэмпирическое обоснование оценок
- 19 Теоретическое обоснование оценок
- 20 Контекстуальные аргументы. Принципы морали.
- 21 Объяснение и понимание в аргументации
22. Проблемные ситуации в аргументации.
23. Некорректная аргументация. Стандартные некорректные аргументы.
24. Спор как частный случай аргументации.
25. Корректные приемы спора.
26. Некорректные приемы спора .
- 27.Четыре разновидности споров.
28. Общие требования к спору.

Материалы к семинарским занятиям.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ 1

Задание 1.

В приведенных текстах определите логические ошибки, укажите, какие правила нарушены.

Какую ошибку в доказательстве имел в виду известный русский логик С.И. Поварнин, приводя пример следующего спора: «...юный идеалист доказывает человеку «опыта», что такой-то поступок малодушен и бесчестен. Тот сперва стал спорить «чин-чином», но затем, видя, что дело его плохо, заявил:»»Очень вы еще молоды и неопытны. Поживите, узнаете жизнь и сами со мною согласитесь. Юноша стал доказывать, что молодость не при чем, что «он знает жизнь».

1. После ухода Швейка коллегия трех пришла к единодушному выводу: Швейк – круглый дурак и идиот согласно всем законам природы, открытым знаменитыми учеными психиатрами. В заключении, преданном судебному следователю, между прочим стояло: «Нижеподписавшиеся судебные врачи сошлись в определении полной психической отупелости и врожденного кретинизма представшего перед вышеуказанной комиссией Швейка Йозефа, кретинизм которого явствуется из таких слов, как «Да здравствует император Франц-Иосиф Первый», каковых вполне достаточно, чтобы определить психическое состояние Йозефа Швейка как явного идиота».
2. «Сганарель. Мы, великие медики, с первого взгляда определяем заболевание... я немедленно проник в суть вещей и заявляю вам: ваша дочь нема.
Жеронт. Так-то оно так, но я бы хотел услышать, отчего это случилось?
Сганарель. Сделайте одолжение. Оттого, что она утратила дар речи.
Жеронт. Хорошо, но скажите мне, пожалуйста, причину, по которой она его утратила.
Сганарель. Величайшие ученые скажут вам то же самое: оттого, что у нее язык не ворочается.
Жеронт. А в чем вы усматриваете причину того, что он не ворочается ?

Сганарель. Аристотель сказал по этому поводу... много хорошего.

Жеронт. Охотно верю.

Сганарель. О, это был великий муж.

Жеронт. Не сомневаюсь.

Сганарель. Подлинно великий!...»

(Мольер. Лекарь по неволе).

3. « Победоносиков. ...Итак, товарищи, этот набатный революционный призывный трамвайный звонок колоколом должен гудеть в сердце каждого рабочего и крестьянина. Сегодня рельсы Ильича свяжут «Площадь имени десятилетия советской медицины» с бывшим оплотом буржуазии, «Сенным рынком»... Кто ездил в трамвае до 25 октября? Деклассированные интеллигенты, попы и дворяне. За сколько ездили? Они ездили за пять копеек станцию. В чем ездили? В желтом трамвае. Кто будет ездить теперь? Теперь будем ездить мы, работники вселенной. Как мы будем ездить? Мы будем ездить со всеми удобствами. В красном трамвае. За сколько? Всего за десять копеек. Итак товарищи... На чем мы остановились?

Машинистка Ундертон. На «Итак, товарищи...»

Победоносиков. Да, да... Итак, товарищи, помните, что Лев Толстой – величайший и незабвенный художник пера. Его наследие прошлого блещет нам на грани двух миров, как большая художественная звезда, как, целое созвездие, как самое большое из больших созвездий – Большая Медведица. Лев Толстой... (Маяковский В.В. Баня).

«...Миссис Маунтин...была...великой свахой, а поэтому воображала, будто все питают намерение сочетаться браком со всеми остальными... Она знала, что мистер Вашингтон собирается жениться, была убеждена, что столь практичный молодой человек будет подыскивать себе богатую невесту... Госпожа Эсмонд была сущей пигалицей – менее пяти футов росту на самых высоких каблуках и с самой высокой прической, а мистер Вашингтон ростом был в добрых шесть футов два дюйма и широкоплеч. Высокие же и широкоплечие мужчины всегда женятся на пигалицах; откуда следовало, что

мистер Вашингтон обязательно должен иметь виды на вдову. Что могло быть логичнее такого вывода?» (Теккерей. Виргинцы).

4. «Наконец нас обоих привлекли к суду за то, что мы пускали в обращение краденые банкноты, - а там и другие наши художества вскрылись...

Когда нас привели в залу суда, я первым делом заметил, каким джентльменом смотрит Компенсон, - кудрявый, в черном костюме с белым платочком, - и каким я против него смотрюсь оборванцем. Когда началось заседание и вкратце перечислили улики, я заметил, как тяжело вина ложится на меня и как легко на него. Когда принялись за свидетелей, все время выходило, будто это я главный преступник, каждый готов был в том присягнуть – и деньги всегда платили мне, и всем казалось, что я один и затеял дело и барыш получил. А уж когда повел речь защитник Компенсона, тут я понял всю их политику. Он что сказал? «Милорд и джентльмены, вот перед вами стоят два человека, и вы сразу видите, до чего они между собой непохожи. Один, младший, получил воспитание, с ним разговор будет вежливый; другой, старший, не получил воспитания, с ним разговор будет другой; один, младший... не в чем таком не был замечен, а только был на подозрении; другой, старший, был замечен много раз, и всякий раз вина его была доказана. Так разве не ясно, который из них виновен, если виновен один, а если оба – то который виновен гораздо больше?» Ну, и все в этом роде... Компенсон и в школе-то учился, и друзья его детства занимают всякие высокие посты, и свидетели встречали его в таких-то клубах да обществах, и никто про него дурного не слышал...» (Ч. Диккенс. Большие надежды).

5. «Предметом моей сегодняшней лекции я избрал, так сказать, вред, который приносит человечеству потребление табаку... О табаке, так о табаке – мне решительно все равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должною серьезностью, иначе как бы чего не вышло. Кого же пугает сухая, научная лекция, кому не нравится, тот может не слушать и выйти. Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей, которые могут почерпнуть из моей лекции мимо его вредных действий употребляется также в медицине. Так, например, если муху посадить в

табакерку, то она издохнет. Вероятно, от расстройства нервов. Табак есть главным образом растение. Когда я читаю лекцию, то обыкновенно подмигиваю правым глазом, но вы не обращайтесь внимания; это от волнения. Я очень нервный человек, вообще говоря, а глазом начал подмигивать в 1889 году 13 сентября, в тот самый день, когда у моей жены родилась, некоторым образом, четвертая дочь Варвара. У меня все дочери родились 13 числа. Впрочем, ввиду недостатка времени, не станем отклоняться от предмета лекции. Надо вам заметить, жена моя содержит музыкальную школу и частный пансион, то есть не то чтобы пансион, а так, нечто вроде. Между нами говоря, жена любит пожаловаться на недостатки, но у нее кое-что припрятано, этак тысяч сорок или пятьдесят, у меня же ни копейки за душой, ни гроша – ну, да что толковать!» (А.П.Чехов. О вреде табака).

Задание 2.

В приведенных текстах определите способ доказательства или опровержения, выделите тезис, аргументы, способ обоснования, укажите виды суждений.

1. «Ты спросишь, Граттий, меня, почему же так сильно я восхищаюсь этим поэтом? Потому, что дает он моей душе отдохнуть от судебного шума, успокоить мой слух, утомленный злословием споров на форуме. Неужели ты думаешь, что может хватить у меня материала, когда ежедневно мне приходится здесь говорить по делам столь различным, если бы свой дух не воспитывал я на поэзии? Может ли выдержать ум столь напряженный труд, если бы не нашел облегченья в занятиях этой наукой? Я, по крайней мере, открыто скажу про себя, что этим занятиям я искренно предан. Пусть будет стыдно другим, если так зарылись они в свои книги. Что не могут из них извлечь ничего на общую пользу, ни представить открыто что-либо на общественный суд; а мне чего же стыдиться, почтенные судьи! За всю свою жизнь моя помощь в тяжелый момент или в трудном положении кому-либо из вас ни в деле гражданском, ни в уголовном не заставила ждать; не удержала

меня ни жажда досуга, не отвлекли удовольствия, не заставил промедлить, наконец, даже сон. Поэтому кто же мне бросит слово упрека, кто справедливо решится меня уколоть, если все то время, какое иной изведет для собственных дел. Для праздничных зрелищ. Для других удовольствий наконец просто для отдыха душою и телом. Сколько иные истратят его на пиры без конца. На игру в кости иль в мяч. – если это время я сам для себя употребляю для того, чтобы вернуться к занятиям дней моей юности? И это тем более мне должны вы позволить, что мой талант как оратора. Каков бы он ни был, вырос из этих занятий, и в минуты опасности при судебных процессах он всегда приходил на помощь друзьям. Если кому-либо кажется он не очень серьезным, то все то высокое, что в нем должно заключаться, я знаю наверно, откуда. Из какого источника я его мог почерпнуть. Ведь если бы, с дней моей юности слушая многих ученых, читая много их книг, я не внушил бы себе убеждения, что в жизни нет ничего важнее, к чему бы надо стремиться, кроме как к славе, исполненной чести, и для достижения этого надо считать ни во что все телесные муки, все опасности смерти и даже изгнания,- я бы никогда не отдал себя ради вашего блага на растерзание, на эти враждебные выходки в ежедневных людей. Этими мыслями полны все книги, полны наставления мудрых, полна вся история, опыт седой старины; но все они были бы сокрыты во мраке забвения. Если б на них своих ярких лучей не бросила литература и не осветила б. Сколько в работах и греков и римлян осталось нам как бы чеканных образов твердых мужей – не только, чтоб созерцать, но и для того, чтобы им подражать. Когда я управлял государством, всегда передо мной они были, всегда, мысленно образы этих великих людей созерцания, я укреплял свою душу и мысли» (Марк Туллий Цицерон. Речь за поэта Архия).

2. «По личному мнению подсудимого, все его действия носили отпечаток энергии человека, вступившего в новую деятельность одушевленным лучшими и самыми горячими желаниями искоренить беспорядки, накопившиеся в последние десятилетия. Иначе смотрит на эти действия

Харьковская палата. Усматривающая в них в насилие и злоупотребление властью. Среднего пути между этими двумя взглядами нет, и по изучению существа дела, я присоединяюсь не ко взгляду Протопопова, а ко взгляду палаты.

Власть имеет сама в себе много привлекательного. Она дает облеченному ею сознание своей силы, она выделяет его из среды безвластных людей, она создает ему положение, с которым надо считаться. Для самолюбия заманчива возможность приказывать, решать, приводить в исполнение свою волю и, хотя бы в очень узкой сфере, карать и миловать; для суетного самомнения отраден вид сдержанной тревоги, плохо скрытого опасения, искательных и недоумевающих взоров... поэтому люди, относящиеся серьезно к идее о власти, получая эту власть в свои руки, обращаются с ней осторожно, а вызванные на проявление ее в благородном смущении призывают себе на память задачи. Но бывают и другие люди. Обольщенные прежде всего созерцанием себя во всеоружии отмежеванной им власти, они только о ней думают и заботятся – и возбуждаются от сознания своей относительной силы. Для них власть обращается в сладкий напиток, который быстро причиняет вредное для службы опьянение. Вино власти бросилось в голову Протопопову.» (Речь А.Ф.Кони по делу Протопопова).

3. «...Буду говорить только о состоянии культуры в нашей стране и, главным образом, о гуманитарной, человеческой ее части. Я внимательно изучал предвыборные платформы депутатов. Меня поразило, что в подавляющем большинстве из них даже не было слова «культура». На самом Съезде слово «культура» было проходным образом произнесено только на третий день. И сейчас об этом говорил Михаил Сергеевич Горбачев.

Между тем без культуры в обществе нет нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука, ибо трудно, например, проверить эксперименты, стоящие миллионы, огромные проекты «строек века» и так далее.

Низкая культура нашей страны отрицательно сказывается на работе, на наших межнациональных отношениях, так как национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности к чужому мнению и не агрессивны. Незнание элементарной, формальной логики, элементов права, отсутствие воспитанного культурой общественного такта отрицательно сказывается даже на работе нашего Съезда. Я думаю, это не надо пояснять.

К сожалению, в отношении культуры действует еще «остаточный» принцип. Об этом свидетельствует даже Академия наук Советского Союза, где гуманитарной культуре отведено последнее место. Посмотрите справочник Академии наук. Места русской культуре в нем почти нет.

О крайне низком состоянии культуры в нашей стране свидетельствует, во-первых, состояние памятников культуры и истории. Это перед глазами у всех, я не буду об этом говорить. Во-вторых, это состояние библиотек и архивов. О последних, кстати сказать, было хорошо написано в последнем номере «Советской культуры». И так дело обстоит как в самых крупных библиотеках, так и в мелких, сельских. В-третьих, состояние музеев, состояние образования, в первую очередь – среднего начального, где закладывается культура человека» (Лихачев Д.С. Выступление на съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989г.)

Задание 3

Определите способ опровержения (критики), запишите его схему.

1.«Если бы Успенский Ю.Л. действительно замыслил убийство, да еще столь хитро и долго подготавливаемое, чтобы можно было поверить, что Галина Муранова покончила с собой, то позвольте просить вас подумать, стал бы он накануне убийства в руки того, кто жаждет отмщения за дочь, столь грозное оружие против себя, стал бы он, повторяю, накануне смерти своей жены писать ее матери, предваряя, что он замыслил убийство ее дочери?» (Ораторские речи в суде.)

2. Выдающийся ученый и философ эпохи Возрождения, Дж. Бруно, следующим образом опровергал одно из обвинений инквизиции: «Ему сказано: Не припоминаете ли вы, что говорили, думали или верили, будто люди рождаются в разврате, как все остальные животные, и что это состояние началось еще со времен потопа?»

Ответил: Я полагаю, что таково мнение Лукреция. Я читал об этом взгляде и слышал, как его излагают, но не выдавал за свой собственный взгляд, не держался его и не признавал. Когда же я обсуждал этот взгляд в своих чтениях, то излагал мнение Лукреция, Эпикура и подобных им. Это мнение не соответствует с моей философией и не может быть выведено из ее оснований и заключений, как в этом легко может убедиться тот, кто читал ее». (Анталогия мировой философии –Т.2. стр. 176. М. , 1970.)

3. «Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть... Мечь обыкновенно руководится личными счетами с отмщенным за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбовым, но и сам Боголюбов не был близким, знакомым человеком. Мечь стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны те или другие последствия выстрелов.

Наконец, мечь старается достигнуть удовлетворения возможно дешевой ценой, мечь действует скрыто, с возможно меньшими пожертвованиями. В поступке Засулич, как бы не обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного. Но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести... одна мечь была бы неверным мериллом для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич». (Речи известных юристов. Из выступления П.А. Александрова по делу В.Засулич.)

4. «Если допустить, что адвокаты, как полагает обвинение, сами умоляли Ольгу Штейн бежать вопреки ее воле, то естественно, что она тогда же вместо всяких слез и молений, потребовала бы от низ возврата гонорара. Да, несомненно, адвокаты и без подобного требования сочли бы долгом, убеждая ее бежать,

вернуть, если не полностью, то хотя в части, полученные по делу деньги. Между тем мы видим, что Ольга Штейн, все время ищущая денег, не только во время отъезда. Но даже впоследствии, находясь в Нью-Йорке, и испытывая сильную нужду, не заявляет подобного вполне естественного требования... Не ясно ли, что не адвокаты были инициаторами бегства Ольги Штейн, иначе вся картина их денежных отношений сложилась бы совершенно иначе»... (Речи известных юристов. Из выступления адвоката М.Г. Казаринова по делу адвокатов Л.А. Безунова и Г.С. Аронсона).

5. «Представим себе на секунду, что Семенова получила эти вещи не преступным путем, а ей их действительно сунули, насильно навязали. Всего проще было пойти и объявить об этом в полицию или хоть дождаться утра, чтобы разузнать, в чем дело, сообразить, как с ними быть дальше.

Но нет! Тотчас же возникает и с лихорадочной поспешностью осуществляется, естественное лишь в самых крайних, безотлагательных случаях опасности, назревающее средство – бегство...» (Речи известных юристов. Из выступления Карабчевского по делу Мироновича).

Практическое занятие 2.

Задание 1.

К тезису подберите аргументы, продемонстрируйте их связь с тезисом, используя дедуктивную форму обоснования:

Т. «Петров совершил преступление по небрежности».

Задание 2.

Определите вид доказательства. Какая ошибка допущена в этом доказательстве?

В книге Эразма Росттердамского «Разговоры запросто» есть такая сценка. Собрались однажды несколько человек и заспорили, какая часть человеческого тела самая почтенная. Один высказал предположение, что глаза, второй, что сердце, третий, что мозг, одним словом каждый говорил иное и приводил свои доводы.

Один сказал: «А по-моему, самая почтенная часть та, на которой мы сидим». Все сочли это мнение нелепым, но он прибавил: «В народе говорят: кто садится первым, тому и почета всего больше. А почетное это право принадлежит названной мною части».

Задание 3.

По какой схеме идет данное доказательство? Является оно прямым или косвенным?

Один английский экономист сказал: «Любая короткая фраза об экономике внутренне лжива». Но сама эта фраза, являющаяся короткой, есть фраза об экономике, точнее говоря, фраза о фразах об экономике. Как таковая она тоже должна быть внутренне лживой. Но то, что она лжива, означает, что есть короткие фразы об экономике, не являющиеся лживыми. Следовательно, некоторые короткие фразы об экономике не являются внутренне лживыми.

Задание 4.

К данным тезисам подберите аргументы, аргументируйте тезис, используя аналогию как форму обоснования, запишите схему.

А) Обоснуйте собственными аргументами утверждение одного из адвокатов в деле фон Бюлова: «Если свидетель солгал хотя бы раз... вы можете отвергнуть все его показания».

Б) Докажите собственными аргументами следующее предположение Холмса, высказанное Уотсону: «— Так вы думаете, что за квартирой следят?» - «Я знаю, что за ней следят». - «Кто же?» - «Мои старые враги Уотсон. Та очаровательная компания, шеф которой покоится на дне Рейхенбарского водопада». (Конан-Дойль).

Задание 5.

Найдите тезис, аргументы, укажите способ доказательства.

«Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обветшалые зеленым плющом и увенчанные купами

чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там, высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного полного мглой ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своей чешуею» (М.Ю.Лермонтов).

Задание 6.

Определите способ аргументации и форму обоснования тезиса. В косвенном обосновании укажите, апагогическое оно или разделительное.

"... В настоящем деле нет середины: нужно или признать, что она (Рыбаковская) совершила убийство с заранее обдуманном намерением, или же нужно признать, что она совершила его по неосторожности; для предположения, что она совершила это преступление в внезапном порыве, не остается места, потому что как из показания Рыбаковской, так и из показания лейхфельда видно, что между заряджением пистолета и выстрелом прошел известный промежуток времени.... Для того, чтобы предположить в Рыбаковской заранее обдуманное намерение совершить то преступление, в котором она обвиняется.... в настоящем деле решительно нет основания. Сознание ее в том, что она зарядила пистолет, показывает именно то, что она не считает этого обстоятельства уличающим ее в преступлении, что она в этом отношении показывает совершенную правду, хотя это обстоятельство по самому свойству своему при известной обстановке могло быть обращено против Рыбаковской" (Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова.)

Задание 7.

Определите способ опровержения, запишите его схему.

" Если бы Успенский Ю.Л. действительно замыслил убийство, да еще столь хитро и долго подготавливаемое, чтобы можно было поверить, что Галина Мурановна покончила с собой, то позвольте просить вас подумать, стал бы он накануне убийства давать в руки того, кто жаждет отмщения за дочь, столь грозное оружие против себя, стал бы он повторяю, накануне смерти

жены писать ее матери, предваряя, что он замыслил убийство ее дочери?2 (Ораторские речи в суде. ЛГУ).

Краткая биография А.Ф. Кони

Изучая биографию величайшего русского юриста Анатолия Федоровича Кони невозможно не удивляться всесторонности его образования, широте взглядов, глубине его мировоззрения. Его книги могут служить не только путеводителем по уголовному процессу прошлого века, по нравственным его началам, но и вообще по всей культуре конца XIX века. По своему творчеству А.Ф. Кони приближается к Геродоту, отцу истории, который описал не столько фактические события жизни современников, сколько то, о чем говорили люди в его время. Свой путь в обществе он начал как деятель «эпохи реформ» 60-х годов XIX в. и завершил в годы Советской власти. Русскому обществу Кони известен в особенности как судебный оратор. Переполненные залы судебных заседаний по делам, рассматривавшимся с его участием, стечение многочисленной публики, привлекавшейся его литературными и научными речами, и быстро разошедшийся в двух изданиях сборник его судебных речей - служат тому подтверждением. По содержанию своему, судебные речи Кони отличались всегда высоким психологическим интересом, развивавшимся на почве всестороннего изучения индивидуальных обстоятельств каждого данного случая.

С особенной старательностью останавливался он на выяснении характера обвиняемого, и, только дав ясное представление о том, «кто этот человек», переходил к дальнейшему изысканию внутренней стороны совершенного преступления. Характер человека служил для него предметом наблюдений не со стороны внешних только образовавшихся в нем наслоений, но также со стороны тех особых психологических элементов, из которых слагается «я» человека.

Установив последние, он выяснял, затем, какое влияние могли оказать они на зарождение осуществившейся в преступлении воли, причем тщательно отмечал меру участия благоприятных или неблагоприятных условий жизни данного лица, выдвигал основные элементы личности на первый план и находил в них источник к уразумению исследуемого преступления.

Анатолий Федорович Кони родился 28 января 1844 года в Санкт-Петербурге в семье Федора Алексеевича Кони, известного водевилиста и редактора журнала «Пантеон» и Ирины Семеновны Кони, урожденной кн. Юрьевой, известной на сцене под фамилией Сандунова, Она была незаурядной личностью, сочетавшей в себе самые широкие дарования - была писательницей и актрисой. По свидетельству современников и самого Анатолия Федоровича он воспитывался под влиянием литературной и артистической среды, к которой принадлежали его родители; в московском университете он слушал лекции Крылова, Чичерина, Бабста, Дмитриева, Беляева, Соловьева. Слушание этих лекций заложило в нем прочные основы философского и юридического образования, а личные сношения со многими представителями науки, изящной литературы и практической деятельности поддерживали в нем живой интерес к разнообразным явлениям умственной, общественной и государственной жизни; обширная, не ограничивающаяся специальной областью знания, эрудиция при счастливой памяти, давала ему, как об этом свидетельствуют его речи, обильный материал, которым он умел всегда пользоваться, как художник слова.

Сын семьи писателей не собирался идти по стопам своих родителей. Карьера Анатолия Федоровича Кони в качестве юриста сложилась практически случайно - он готовился учиться на математика. Но жизнь привела его в

юриспруденцию, к счастью для России и для нашей юридической науки. Сначала А. Кони поступил на математический факультет Санкт-Петербургского Императорского Университета, но ввиду студенческих беспорядков был вынужден переехать в Москву и поступить на юридический факультет Московского Университета, который успешно закончил со степенью кандидата прав летом 1865 года. За свою жизнь Кони прошел все ступени прокурорской и судебной иерархии. Анатолий Федорович начал свою карьеру с должности помощника секретаря Санкт-Петербургской судебной палаты в апреле 1866 года. Выдающиеся способности Кони в этой области были замечены не сразу. Ему еще предстояло пройти трудный путь товарища прокурора в Казани, в Харькове. Там он обратил на себя внимание как грамотный и талантливый обвинитель и в 1874 году был приглашен в Санкт-Петербург на должность товарища прокурора окружного суда (в прошлом веке товарищами именовали заместителей) и занимал ее в течение пяти лет. В этом же году был произведен в чин коллежского асессора. Выступая лично по громким делам, в которых его противниками были лучшие представители столичной адвокатуры, Кони быстро приобрел известность талантливого обвинителя и выдающегося судебного деятеля. Вскоре он стал председателем петербургского окружного суда. В 1900 году Кони оставил судебную деятельность и указом императора Николая II был переведен в общее собрание Первого департамента Сената в качестве присутствующего сенатора. Несмотря на то, что каждая из занимаемых Анатолием Федоровичем должностей требовала огромного труда, Кони всегда находил время для преподавательской и научной деятельности. С 1876 по 1889 годы он читал лекции в Императорском училище правоведения, а с 1901 по 1912 годы – в Александровском лицее по уголовному судопроизводству, с особой разработкой вопросов судебной этики. Кони перенес свою деятельность в другую область – область преподавания, и отдался этой деятельности с молодым увлечением. За 1917 – 1920 годы А. Ф. Кони прочел около тысячи

публичных лекций в различных петербургских учебных заведениях: Петроградском университете, Институте живого слова, Железнодорожном университете и др. «Я прожил жизнь так, что мне не за что краснеть. Я любил свой народ, свою страну, служил им, как мог и умел. Я не боюсь смерти. Я много боролся за свой народ, за то, во что верил», - писал А. Ф. Кони, когда ему было 82 года. Следующей весной 1927 года, читая лекцию в холодной, не отапливаемой аудитории, Кони простудился и заболел воспалением легких. Вылечить его уже не смогли. 17 сентября 1927 года Анатолия Федоровича не стало.

Анатолий Федорович Кони по праву может быть назван основателем новой науки - судебной этики, которой посвящен труд «Нравственные начала в уголовном процессе» (1902 год). Идеалист, твердый ревнитель духа великих реформ 60-х годов, он верил в возможность воспитать молодое поколение, вложить в его основы нравственности...

Во многом благодаря его поддержке были приняты законы об условно-досрочном освобождении (1909), о допущении женщин в адвокатуру (1913).

Творчество Кони подтверждает слова Ф. Ницше о том, что «хороший писатель может не быть хорошим оратором, но хороший оратор всегда - хороший писатель». Жизнь Анатолия Федоровича Кони многогранна и каждый раз, описывая ее, можно открывать все новые и новые стороны его светлого образа. Основная часть его рукописного наследия хранится в Институте русского языка и литературы (Санкт-Петербург), его книги переизданы в России и за рубежом, его речи цитируются как образцы судебных речей, его мемуары используются для объективного написания биографий многих известных личностей. Изучение его творчества продолжается. Особенно актуальным становится оно сейчас, когда наш суд приобретает многие черты судебной системы, созданной в 1864-66 годах. И здесь незаменимыми пособиями будут книги Кони «Судебная реформа и суд присяжных», «О суде присяжных и о суде с сословными представителями», «Заключительные прения сторон в уголовном процессе». Анатолий

Федорович Кони занимает особое место среди русских прогрессивных юристов и видных деятелей культуры России второй половины XIX и начала XX в.

Речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем.

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела; между ними часто встречаются дела, где свидетельские показания дышат таким здравым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем. Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнавания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимой.

Я не стану напоминать вам обстоятельства настоящего дела; они слишком несложны для того, чтобы повторять их в подробности. Мы знаем, что молодой банщик женился, поколотил студента и был посажен под арест.

На другой день после этого нашли его жену в речке Ждановке. Проницательный помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с горя по мужу, и тело было предано земле, а дело воле божьей. Этим, казалось бы, все и должно было кончиться, но в околотке пошел говор об утопленнице. Говор этот группировался около Аграфены Суриной, она была его узлом, так как она будто бы проговорила, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужем. Поэтому показание ее имеет главное и существенное в деле значение. Я готов сказать, что оно имеет, к сожалению, такое значение, потому что было бы странно скрывать от себя и недостойно умалчивать перед вами, что личность ее не производит симпатичного впечатления и что даже взятая вне обстоятельств этого дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие. Но я думаю, что это свойство ее личности несколько не изменяет существа ее показания. Если мы на время забудем о том, как она показывает, не договаривая, умалчивая, труся, или скороговоркою, в неопределенных выражениях высказывая то, что она считает необходимым рассказать, то мы найдем, что из показания ее можно извлечь нечто существенное, в чем должна заключаться своя доля истины. Притом показание ее имеет особое значение в деле: им завершаются все предшествовавшие гибели Лукерьи события, им объясняются и все" последующие, оно есть, наконец, единственное показание очевидца. Прежде всего возникает вопрос: достоверно ли оно? Если мы будем определять достоверность показания тем, как человек говорит, как он держит себя на суде, то очень часто примем показания вполне достоверные за ложные и, наоборот, примем оболочку показания за его сущность, за его сердцевину. Поэтому надо оценивать показание по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, без постороннего давления, если оно дано без всякого стремления к нанесению вреда другому и если затем оно подкрепляется обстоятельствами дела и бытовой житейской обстановкою тех лиц, о которых идет речь, то оно должно быть признано показанием

справедливым. Могут быть неверны детали, архитектурные украшения, мы их отбросим, но тем не менее останется основная масса, тот камень, фундамент, на котором зиждутся эти ненужные, неправильные подробности.

Существует ли первое условие в показании Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорилась, по первому толчку, данному Дарьей Гавриловной, когда та спросила: «Не ты ли это с Егором утопила Лукерью?» Самое поведение ее при ответе Дарье Гавриловой и подтверждение этого ответа при следствии исключает возможность чего-либо насильственного или вынужденного. Она; сделалась,— волею или неволею, об этом судить трудно, свидетельницею важного и мрачного события, она разделила вместе с Егором ужасную тайну, но как женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, как все люди, у которых на душе тяготеет какая-нибудь тайна, что-нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвестностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, может быть, осталась жива, и гнетущим сознанием, что она умерщвлена и поэтому-то она стремилась к тому, чтобы узнать, МТСИ сделалось с Лукерьей. Когда все вокруг было спокойно, никто еще не знал об утоплении, она волнуется как душевнобольная, работая в прачечной, спрашивает поминутно, не пришла ли Лукерья, не видали ли утопленницы, Бессознательно почти, под тяжким гнетом давящей мысли, она сама себя выдает. Затем, когда пришло известие об утопленнице, когда участь, постигшая Лукерью, определилась, когда стало ясно, что она не придет никого изобличать, бремя на время свалилось с сердца и Аграфена успокоилась. Затем опять тяжкое воспоминание и голос совести начинают ей рисовать картину, которой она была свидетельницею, и на первый вопрос Дарьи Гавриловой она почти с гордостью высказывает все, что знает. Итак, относительно того, что показание Суриной дано без принуждения, не может быть сомнения.

Обращаюсь ко второму условию: может ли показание это иметь своею исключительною целью коварное желание набросить преступную тень на Егора, погубить его? Такая цель может быть только объяснена страшною ненавистью, желанием погубить во что бы то ни стало подсудимого, но в каких же обстоятельствах дела найдем мы эту ненависть? Говорят, что она была на него зла за то, что он; женился на другой; это совершенно понятно, но она взяла га это с него деньги; положим, что, даже и взяв деньги, она была недовольна им, но между неудовольствием и смертельною ненавистью целая пропасть. Все последующие браку обстоятельства были таковы, что он, напротив, должен был сделаться ей особенно дорог и мил. Правда, он променял ее, с которую жил два года, на девушку, с которой перед тем встречался лишь несколько раз, и это должно было задеть ее самолюбие, но чрез неделю или, во всяком случае, очень скоро после свадьбы, он опять у ней, жалуется ей на • жену, говорит, что снова любит ее, тоскует по ней. Да ведь это для женщины, которая продолжает любить,— а свидетели показали, что она очень любила его и переносила его крутое обращение два года,— величайшая победа! Человек, который ее кинул, приходит с повинною головою, как блудный сын, просит ее любви, говорит, что та, другая, не стоит его привязанности, что она, Аграфена, дороже, краше, милее и лучше для него... Это могло только усилить прежнюю любовь, но не обращать ее в ненависть. Зачем ей желать погубить Егора в такую минуту, когда жены нет, когда препятствие к долгой связи и даже к браку устранено? Напротив, теперь-то ей и любить его, когда он всецело ей принадлежит, когда ей не надо нарушать «их закон», а между тем она обвиняет его, повторяет это обвинение здесь, на суде. Итак, с этой точки зрения, показание это не может быть заподозрено.

Затем, соответствует ли оно сколько-нибудь обстоятельствам дела, подтверждается ли бытовою обстановкою действующих лиц? Если да, то как бы Аграфена Сурина ни была несимпатична, мы можем ей поверить,

потому что другие, совершенно посторонние лица, оскорбленные ее прежним поведением, не свидетельствуя в пользу ее личности, свидетельствуют, однако, в пользу правдивости ее настоящего показания. Прежде всего свидетельница, драгоценная по простоте и грубой искренности своего показания,— сестра покойной"Лукерьи. Она рисует подробно отношения Емельянова к жене и говорит, что, когда Емельянов посватался, она советовала сестре не выходить за него замуж, но он поклялся, что бросит любовницу, и она, убедившись эту клятву, посоветовала сестре идти за Емельянова.. Первое время они живут счастливо, мирно и тихо, но затем начинается связь Емельянова с Суриной. Подсудимый отрицает существование этой связи, но о ней говорит целый ряд свидетелей. Мы слышали показание двух девиц, ходивших к гостям по приглашению Егора, которые видели, как он, в половине ноября, целовался на улице, и не таясь, с Аграфеною. Мы знаем из тех же показаний, что Аграфена бегала к Егору, что он часто, ежедневно по нескольку раз, встречался с нею. Правда, главное фактическое подтверждение, с указанием на место, где связь эта была закреплена, принадлежит Суриной, но и оно подкрепляется посторонними обстоятельствами, а именно — показаниями служащего в Зоологической гостинице мальчика и Дарьи Гавриловой. Обвиняемый говорит, что он в этот день до 6 часов сидел в мировом съезде, слушая суд и собираясь подать апелляцию. Не говоря уже о том, что, пройдя по двум инстанциям, он должен был слышать от председателя мирового съезда обязательное по закону заявление, что апелляции на приговор съезда не бывает, этот человек, относительно которого приговор съезда был несправедлив, не только по его мнению, но даже по словам его хозяина, который говорит, что Егор не виноват, «да суд так рассудил», этот человек идет полюбопытствовать в этот самый суд и просиживает там полдня. Действительно, он не был полдня дома, но он был не в съезде, а в Зоологической гостинице. На это указывает

мальчик Иванов. Он видел в Михайлов день Сурина в номерах около 5 часов. Это подтверждает и Гаврилова, которой 8 ноября Сурина сказала, что идет с Егором, а затем вернулась в 6 часов. Итак, частица показания Суриной подтверждается. Таким образом, очевидно, что прежние дружеские, добрые отношения между Лукерьею и ее мужем поколебались. Их место заняли другие, тревожные. Такие отношения не могут, однако, долго длиться: они должны измениться в ту или другую сторону. На них должна была постоянно влиять страсть и прежняя привязанность, которые пробудились в Егоре с такою силою и так скоро. В подобных случаях может быть два исхода или рассудок, совесть и долг победят страсть и подавят ее в грешном теле, и тогда счастье упрочено, прежние отношения возобновлены и укреплены, или, напротив, рассудок подчинится страсти, заглохнет голос совести и страсть, увлекая человека, овладеет им совсем; тогда явится стремление не только нарушить, но навсегда уничтожить прежние тягостные, стесняющие отношения. Таков общий исход всех действий человеческих, совершаемых под влиянием страсти; на середине страсть никогда не останавливается; она или замирает, погасает, подавляется или, развиваясь чем далее, тем быстрее, доходит до крайних пределов. Для того чтобы определить, по какому направлению должна была идти страсть, овладевшая Емельяновым, достаточно взглянуть в характер действующих лиц. Я не стану говорить о том, каким подсудимый представляется нам на суде; оценка поведения его на суде не должна быть, по моему мнению, предметом наших обсуждений. Но мы можем проследить его прошедшую жизнь по тем показаниям и сведениям, которые здесь даны и получены. Лет 16 он приезжает в Петербург и становится банщиком при номерных, так называемых «семейных» банях. Известно, какого рода эта обязанность; здесь, на суде, он сам и две девушки из дома терпимости объяснили, в чем состоит одна из главных функций этой обязанности. Ею-то, между прочим, Егор

занимается с 16 лет. У него происходит перед глазами постоянный, систематический разврат. Он видит постоянное беззастенчивое проявление грубой чувственности. Рядом с этим является добывание денег не действительною, настоящею работою, а «наводкою». Средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угождает посетителям, которые, довольные проведенным временем с приведенною женщиною, быть может, иногда и не считая хорошенько, дают ему деньги на водку. Вот какова его должность с точки зрения труда! Посмотрим на нее с точки зрения долга и совести. Может ли она развить в человеке самообладание, создать преграды, внутренние и нравственные, порывам страсти? Нет, его постоянно окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти, а влияние жизни без серьезного труда, среди далеко не нравственной обстановки для человека, не укрепившегося в другой, лучшей сфере, конечно, не явится особо задерживающим в ту минуту, когда им овладеет чувственное желание обладания... Взглянем на личный характер подсудимого, как он нам был описан. Это характер твердый, решительный, смелый. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился, человек «озорной», беспокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно — и поколотил притом не своего брата мужика, а студента, «барина», — стало быть, человек, не очень останавливающийся в своих порывах. В домашнем быту это человек не особенно нежный, не позволяющий матери плакать, когда его ведут под арест, обращающийся со своею любовницею, «как палач». Ряд показаний рисует, как он обращается вообще с теми, кто ему подчинен по праву или обычаю: «Идешь ли?» — прикрикивает он на жену, зовя ее с собою; «Гей, выходи», — стучит в окно, «выходи» — властно кричит он Аграфене. Это человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный.

Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих нравственных начал дать не могла.

Посмотрим теперь на его жену. О ней также характеристичные показания: эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая: «Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала,— говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться»,— прибавил он. Итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное — скучная. Затем выступает Аграфена Сурина. Вы ее видели и слышали; вы можете относиться к ней не с симпатией, но вы не откажете ей в одном; она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, споря с подсудимым, она, очевидно, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром, у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы. Это совсем другой тип, другой темперамент.

Вот такие-то три лица сводятся судьбою вместе. Конечно, и природа, и обстановка указывают, что Егор должен скорее сойтись с Аграфеною; сильный всегда влечется к сильному, энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого. Егор женится, однако, на Лукерье. Чем она понравилась ему? Вероятно, свежестью, чистотою, невинностью. В этих ее свойствах нельзя сомневаться. Егор сам не отрицает, что она вышла за него, сохранив девическую чистоту. Для него эти ее свойства, эта ее неприкосновенность должны были представлять большой соблазн, сильную приманку, потому что он жил последние годы в такой сфере, где девической чистоты вовсе не полагается; для него -обладание молодою, невинною женою должно было быть привлекательным. Оно имело прелесть новизны, оно так резко и так хорошо противоречило общему складу окружающей его жизни. Не забудем, что это не простой крестьянин, грубоватый, но прямодушный,— это крестьянин, который с 16 лет в Пе-

тербурге, в номерных банях, который, одним словом, «хлебнул» Петербурга. И вот он вступает в брак с Лукерьею, которая, вероятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, он охлаждается, а затем начинается обычная жизнь, жена его приходит к ночи, тихая, покорная, молчаливая... Разве это ему нужно с его живым характером, с его страстною натурою, испытавшею житье с Аграфеною? И ему, особенно при его обстановке, приходилось выдвигать виды, и ему, может быть, желательна некоторая завлекательность в жене, молодой задор, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья — совершенная противоположность этому. Охлаждение понятно, естественно тут Аграфена снует, бегают по коридору, поминутно суется на глаза, подсмеивается и не прочь его снова завлечь. Она зовет, манит, туманит, раздражает, и когда он снова ею увлечен, когда она снова позволяет обнять себя, поцеловать; в решительную минуту, когда он хочет обладать ею, она говорит: «Нет, Егор, я вашего закона нарушать не хочу», — т. е. каждую минуту напоминает о ' сделанной им ошибке, корит его тем, что он женился, не думая, что делает, не рассчитав последствий, сглупив... Он знает при этом, что она от него ни в чем более не зависит, что она может выйти замуж и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукою и вернуться к скучной и молчаливой жене, или отдаться Аграфене. Но как отдаться? Вместе, одновременно с женою? Это невозможно. Во-первых, это в материальном отношении дорого будет стоить, потому что ведь придется и материальным образом иногда выразить любовь к Суриной; во-вторых, жена его стесняет; он человек самолюбивый, гордый, привыкший действовать самостоятельно, свободно, а тут надо ходить тайком по номерам, лгать, скрываться от жены или слушать брань ее с Аграфеною и с собою — и так навеки! Конечно, из этого надо найти исход. И если страсть сильна, а голос совести слаб, то исход может быть самый решительный. И вот является первая мысль о том, что от жены надо избавиться.

Мысль эта является в ту минуту, когда Аграфена вновь стала принадлежать ему, когда он снова вкусил от сладости старой любви и когда Аграфена отдалась ему, сказав, что это, как говорится в таких случаях, «в первый и в последний раз». О появлении этой мысли говорит Аграфена Сурина: «Не сяду под арест без того, чтобы Лукерья не было»,— сказал ей Емельянов. Мы бы могли не совсем поверить ей, но слова ее подтверждаются другим беспристрастным и добросовестным свидетелем, сестрою Лукерья, которая говорит, что накануне смерти, через неделю после свидания Егора с Суриной, Лукерья передавала ей слова мужа: «тебе бы в Ждановку». В каком смысле было это сказано — понятно, так как она отвечала ему: «Как хочешь, Егор, но я сама на себя рук накладывать не стану». Видно мысль, на которую указывает Аграфена, в течение недели пробежала целый путь и уже облеклась в определенную и ясную форму — «тебе бы в Ждановку». Почему же именно в Ждановку? Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от нее избавиться. Как, что для этого сделать? Убить... Но как убить? Зарезать ее — будет кровь, нож, явные следы,— ведь они видятся только в бане, куда она приходит ночевать. Отравить? Но как достать яду, как скрыть следы преступления, и т. д. Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство — утопить. Но когда? А когда она пойдет провожать его в участок,— это время самое удобное, потому, что при обнаружении убийства он окажется под арестом и даже как нежный супруг и несчастный вдовец пойдет потом хоронить утопившуюся или утонувшую жену. (Такое предположение вполне подкрепляется рассказом Суриной. Скажут, что Сурина показывает о самом убийстве темно, туманно, путается, сбивается. Все это так, но у того, кто даже как посторонний зритель бывает свидетелем убийства, часто трясутся руки и колотится сердце от зрелища ужасной картины; когда же зритель не совсем посторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убийство происходит в пустынном месте, осенью и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсем может собрать свои

мысли и не вполне разглядела, что именно и как именно делал Егор. Но сущность ее показаний все-таки сводится к одному, т. е. к тому, что она видела Егора топившим жену; в этом она тверда и впечатление это передает с силою и настойчивостью. Она говорит, что, испугавшись, бросилась бежать, затем он догнал ее, а жены не было; значит, думала она, он таки утопил ее; спросила о жене — Егор не отвечал. Показание ее затем вполне подтверждается во всем, что касается ее ухода из дома вечером 14 ноября. Подсудимый говорит, что он не приходил за ней, но Анна Николаева удостоверяет противоположное и говорит, что Аграфена, ушедшая с Егором, вернулась через 20 минут. По показанию Аграфены, она как раз прошла и пробежала такое пространство, для которого нужно было, по расчету, употребить около 20 минут времени.

Нам могут возразить против показания Суриной, что: смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих, могущих быть, возражений. Прежде всего нам скажут, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимого, который должен был войти в воду, не были мокры и т. д. Вглядитесь в эти два пункта возражений и вы увидите, что они вовсе не так существенны, как кажутся с первого взгляда. Начнем с грязи и борьбы. Вы слышали показание одного свидетеля, что грязь была жидкая, что была слякоть; вы знаете, что место, где совершено убийство, весьма крутое, скат в 9 шагов, под углом 45°. Понятно, что, начав бороться с кем-нибудь на откосе, можно было съехать по грязи в несколько секунд до низу и если затем человек, которого сталкивают, запачканного грязью, в текущую воду, остается в ней целую ночь, то нет ничего удивительного, что на платье, пропитанном насквозь во« дою, слякоть расплывается и следов ее не останется: природа сама выстирает платье утопленницы. Скажут, что нет следов борьбы. Я не стану утверждать, чтобы она была, хотя разорванная пола кацавейки наводит, однако, на мысль, что нельзя отрицать ее существования. Затем

скажут: *сапоги*. Да, сапоги эти, по-видимому, очень опасны для обвинения, но только по-видимому. Припомните часы: когда Егор вышел из дома, это было три четверти десятого, а пришел он в участок десять минут одиннадцатого, т. е. через 25 минут по выходе из дома и минут, чрез 10 после того, что было им совершено, по словам Суриной. Но в часть, где собственно содержатся арестанты и где его осматривали, он пришел в 11 часов, через час после того дела, в совершении которого он обвиняется.

В течение этого времени он много ходил, был в теплой комнате и затем его уже обыскивают. Когда его обыскивали, вы могли заключить из показаний свидетелей; один из полицейских объяснил, что на него не обратили внимания, потому что он приведен на 7 дней; другой сказал сначала, что всего его обыскивал, и потом объяснил, что сапоги подсудимый снял сам, а он осмотрел только карманы. Очевидно, что в этот промежуток времени он мог успеть обсохнуть, а если и оставалась сырость на платье и сапогах, то она не отличалась от той, которая могла образоваться от слякоти и дождя. Да, наконец, если вы представите себе обстановку убийства так, как описывает Сурина, вы убедитесь, что ему не было надобности входить в воду по колени. Завязывается борьба на откосе, подсудимый пихает жену, они скатываются в минуту по жидкой грязи, затем он схватывает ее за плечи и, нагнув ее голову, сует в воду. Человек может задохнуться в течение двух-трех минут, особенно если не давать ему ни на секунду вынырнуть, если придержать голову под водой. При такой обстановке, которую описывает Сурина, всякая женщина в положении Лукерьи будет поражена внезапным нападением,— в сильных руках разъяренного мужа не соберется с силами, чтобы сопротивляться, особенно если принять в соображение положение убийцы, который держал ее одною рукою за руку, на которой и остались синяки от пальцев, а другою нагибал ей голову к воде. Чем ей сопротивляться, чем ей удержаться от утопления? У нее свободна

одна лишь рука, но перед нею вода, за которую ухватиться, о которую опереться нельзя. Платье Егора могло быть при этом сыро, забрызгано водою, запачкано и грязью немного, но при поверхностном осмотре, который ему делали, это могло остаться незамеченным. "Насколько это вероятно," вы можете судить по показаниям свидетелей; один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой говорит — в чуйке и т. д. Наконец, известно, что ему позволили самому явиться под арест, что он был свой человек в участке,— станут ли такого человека обыскивать и осматривать подробно?

Посмотрим, насколько возможно предположение о самоубийстве. Думаю, что нам не станут говорить о самоубийстве с горя, что мужа посадили на 7 дней под арест. Надо быть детски-легковерным, чтобы поверить подобному мотиву. Мы знаем, что Лукерья приняла известие об аресте мужа спокойно, хладнокровно, да и приходиться в такое отчаяние, чтобы топиться ввиду семидневной разлуки, было бы редким, чтобы не сказать невозможным, примером супружеской привязанности. Итак, была другая причина, но какая же? Быть может, жестокое обращение мужа, но мы, однако, не видим такого обращения: все говорят, что они жили мирно, явных ссор не происходило. Правда, она раз, накануне смерти, жаловалась, что муж стал грубо отвечать, лез с кулаками и даже советовал ей «в Ждановку». Но, живя в России, мы знаем, каково в простом классе жестокое обращение с женою. Оно выражается гораздо грубее и резче, в нем муж, считая себя в своем неотъемлемом праве, старается не только причинить боль, но и нашуметь, сорвать сердце. Здесь такого жестокого обращения не было и быть не могло. Оно, по большей части, есть следствие грубого возмущения какою-нибудь стороною в личности жены, которую нужно, по мнению мужа, исправить,

наказуя и истязуя. Здесь было другое чувство, более сильное и всегда более страшное по своим результатам. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконец, мы знаем, что никто так не склонен жаловаться и плакаться на жестокое обращение; как женщина, и Лукерья точно так же не удержалась бы, чтобы не рассказывать хоть близким, хоть сестре, что нет житья с мужем, как рассказала о нем накануне смерти. Итак, нет повода к самоубийству. Посмотрим на выполнение этого самоубийства. Она никому не намекает даже о своем намерении, напротив, говорит накануне противоположное, а именно: что рук на себя не наложит; затем она берет у сестры— у бедной женщины — кофту: для чего же?—чтобы в ней утопиться; наконец, местом утопления она выбирает Ждановку, где воды всего на аршин. Как же тут утопиться? Ведь надо согнуться, нужно чем-нибудь придержаться за дно, чтобы не всплыть на поверхность... Но чувство самосохранения непременно скажется,— молодая жизнь восстала бы против своего преждевременного прекращения, и Лукерья сама выскочила бы из воды. Известно, что во многих случаях самоубийцы потому только гибнут под водою, что или не умеют плавать, или же несвоевременно придет помощь, которую они обыкновенно сами призывают. Всякий, кто знаком с обстановкою самоубийства, знает, что утопление, а также бросание с высоты,— два преимущественно женских способа самоубийства,— совершаются так, что самоубийца старается ринуться, броситься как бы с тем, чтобы поскорей, сразу, без возможности колебания и возврата, прервать связь с окружающим миром. В воду «бросаются», а не ищут такого места, где бы надо было «входить» в воду, почти как по ступенькам. Топясь в Ждановке, Лукерья должна была войти в воду, нагнуться, даже сесть и не допустить себя встать, пока не отлетит от нее жизнь. Но это положение немислимое! И зачем оно, когда в десяти шагах течет Нева, которая не часто отдает жизни тех, кто пойдет искать утешения в

ее глубоких и холодных струях. Наконец, самое время для самоубийства выбирается такое, когда сама судьба послала ей семидневную отсрочку, когда она может вздохнуть и пожить на свободе без мужа, около сестры. Итак, это не самоубийство.

Но, быть может, это убийство, совершенное Аграфеной Суриной, как намекает на это подсудимый? Я старался доказать, что не Аграфене Суриной, а мужу Лукерьи можно было желать убить ее, и притом, если мы остановимся на показании обвиняемого, то мы должны брать его целиком, особенно в отношении Суриной. Он здесь настойчиво требовал -от свидетелей подтверждения того, что Лукерья плакалась от угроз Суриной удавить ее или утюгом хватить. Свидетели этого не подтвердили, но если все-таки верить обвиняемому, то надо признать, что Лукерья окончательно лишилась рассудка, чтобы идти ночью на глухой берег Ждановки с такою женщиною, которая ей враг, которая грозила убить ее! Скажут, что Сурина могла напасть на нее, когда она возвращалась, проводив мужа. Но факты, неумолимые факты докажут нам противное. Егор ушел из бань в три четверти десятого, пришел в участок в десять минут одиннадцатого, следовательно, пробыл в дороге 25 минут. **Одновременно** с уходом из дому он вызвал Аграфену, как говорит Николаева. Следовательно, Сурина могла напасть на Лукерью только по истечении этих 25 минут. Но та же Николаева говорила, что Аграфена Сурина вернулась домой через *двадцать* минут после ухода. Наконец, могла ли Сурина один-на-один сладить с Лукерьею, как мог сладить с нею ее муж и повелитель? Вот тут-то были бы следы той борьбы, которой так тщетно искала защита на платье покойной. Итак, предположение о Суриной как убийце Лукерьи рушится и мы приходим к тому, что показание Суриной в существе своем верно. Затем остаются неразъясненными два обстоятельства: во-первых, зачем обвиняемый вызывал Аграфену, когда шел убивать жену, и, во-вторых, за* чем он говорил, по показанию Суриной, что «брал девку, а вышла

баба», и упрекал в том жену, в последние моменты ее жизни? Не лжет ли Сурина? Но, господа присяжные, не одними внешними обстоятельствами, которые режут глаза, определяется характер действий человека; при известных случаях надо посмотреть и на те душевные про* явления, которые свойственны большинству людей при известной обстановке. Зачем он бросил тень на честь своей жены в глазах Аграфены? Да потому, что, несмотря на некоторую свою испорченность, он живет в своеобразном мире, где при разных, подчас грубых и не вполне нравственных явлениях существует известный, определенный, простой и строгий нравственный кодекс. Влияние кодекса этого выразилось в словах Аграфены: «Я вашего закона нарушать не хочу!» Подсудимый — человек самолюбивый, гордый и властный; прийти просто просить у Аграфены прощения и молить о старой любви — значило бы прямо сказать, что он жену не любит потому, что женился «сдуру», не спросясь броду; Аграфена стала бы смеяться. Надо было иметь возможность сказать Аграфене — не, что она может нарушить закон, потому что этого закона *нет*, потому, что жена внесла бесчестье в дом и опозорила *закон* сама. Не тоскующим и сделавшим ошибку, непоправимую на всю жизнь, должен он был прийти к Аграфене, а человеком оскорбленным, презиравшим жену, не смогшую до свадьбы «себя соблюсти». В таких условиях Аграфена стала бы его, быть может, жалеть, но он не был бы смешон в ее глазах. И притом — это общечеловеческое свойство, печальное, но верное,— когда человек беспричинно ненавидит другого, несправедлив к нему, та он силится найти в нем хоть какую-нибудь, хотя вымышленную, вину, чтоб оправдаться в посторонних глазах, чтобы даже в глазах самого ненавидимого быть как бы в своем праве. Вот почему лгал Егор о жене Аграфене и в решительную минуту при них обеих повторял эту ложь, в виде вопроса жене о том, кому продала она свою честь, хотя теперь и утверждает, что жена была целомудренна. Зачем он вызвал Аграфену, идя на убийство? Вы ознакомились с Аграфеною Суриною невероятно,

согласитесь, что. эта женщина способна вносить смуту и раздор в душевный мир человека, ею увлеченного. От нее нечего ждать, что она успокоит его, станет говорить как добрая, любящая женщина. Напротив, она скорей всего в ответ на уверения в прочности вновь возникшей привязанности станет дразнить, скажет: «Как же, поверь тебе, хотел ведь на мне жениться — два года водил, да и женился на другой». Понятно, что в человеке самолюбивом, молодом, страстном, желающем приобрести Аграфену, должно было явиться желание доказать, что у него твердо намерение обладать ею, что он готов даже уничтожить жену-разлучницу, да не на словах, которым Аграфена не верит и над которыми смеется, но на деле. Притом она уже раз испытала его неверность, она может выйти замуж, не век же находиться под его гнетом; надо ее закрепить надолго, навсегда, поделившись с нею страшною тайною. Тогда всегда будет возможность сказать: «Смотри, Аграфена! Я скажу все, мне будет скверно, да и тебе, чай, не сладко придется. Вместе погибать пойдём, ведь из-за тебя же Лукерья душу загубил...».

Вот для чего надо было вызвать Аграфену, удалив, во что бы то ни стало, плаксивую мать, которая дважды вызывалась идти его провожать. Затем могли быть и практические соображения: зайдя за ней, он мог потом, в случае обнаружения каких-нибудь следов убийства, сказать: я сидел в участке, а в участок шел с Грушей, что же —' разве при ней я совершил убийство? Спросите ее! Она будет молчать, конечно, и тем дело кончится. Но в этом расчете он ошибся. Он не сообразил, какое впечатление может произвести на Сурину то, что ей придется видеть, он позабыл, что на молчание такой восприимчивой женщины, как Сурина, положиться нельзя... Вот те соображения, которые я считал нужным вам представить. Мне кажется, что все они сводятся к тому, что обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил.

Кончая обвинение, я не могу не повторить, что такое дело, как настоящее, для разрешения своего потребует больших усилий ума и совести. Но я уверен, вы не отступите перед трудностью задачи, как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий и несправедливый приговор над своею бедною и ни в чем не повинною женою, он со всею строгостью привел его в исполнение. Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее, как через несколько часов, подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своею женою.

Речь А. Ф. Кони по делу об игорном доме штабс-ротмистра Колемина.

До сведения прокурора С.-Петербургского окружного суда дошло, что в доме Абамелек на Михайловской площади в квартире штабс-ротмистра Колемина происходит азартная игра в рулетку. Произведенным по его распоряжению дознанием обнаружено несомненное существование у Колемина игорного дома. Вследствие этого и согласно предложению прокурора в ночь на 15 марта 1874 года судебный следователь прибыл с местным товарищем прокурора, полицией и понятыми в квартиру Колемина, где в одной из комнат застал Колемина и 13 игроков, сидевших вокруг большого стола со вделанной посередине рулеткой и суконной покрывкой, на которой отпечатаны обычные при игре в рулетку номера и надписи. Приход следователя последовал во время самой игры. Колемин держал банк. Перед банкометом и перед сидевшим против него подполковником Бендерским были кучки золотых монет, всего на сумму 2 тысячи 896 руб., и кредитными билетами 11 тысяч 50 руб. Все эти деньги оказались принадлежащими Колемину. Против некоторых других игроков лежали также золотые монеты в незначительном количестве. По предложению

следователя Колемин назвал своих гостей по фамилиям, за исключением Малыгина, фамилии коего не мог вспомнить, и Знамеровского, которого назвал Жадимировским. Имени и отчества гостей, кроме троих, Колемин назвать не мог. При осмотре квартиры Колемина найдены между прочим 8 рулеток, не вделанных в столы, и 4 книги: приходно-расходные, счетные и долговые, веденные рукой Колемина и указывающие на то, что игра у Колемина шла постоянно, в определенные дни, с ноября 1872 г. Допросами лиц, найденных следователем в квартире г. Колемина, а равно и прислуги последнего выяснено, что игра в рулетку у Колемина происходила первоначально два раза в неделю, а затем, с августа 1873 года, три раза в неделю, по понедельникам, четвергам и воскресеньям, в одни и те же определенные часы; что всем приходящим полагалось даровое угощение; что вход в квартиру и участие в игре были свободны для всякого, кого рекомендовал кто-либо из игроков; что значительное число лиц посещало Колемина исключительно для игры, не ведя с ним помимо этого знакомства и не принимая его у себя; и, наконец, что некоторые посетители Колемина постоянно помогали ему в счете, участвуя известною долею в выигрыше и проигрыше банка. По проверке отобранных от Колемина книг, между прочим, оказалось, что в период времени с 19 августа 1873 по 11 марта 1874 года он только в августе и феврале был в незначительном проигрыше, во все же остальные месяцы оставался в значительном проигрыше. Всего барыш, полученный им от рулетки за это время, равняется 49 тысячам 554 руб. 25 коп. Привлеченный к делу, Колемин не признал себя виновным, утверждая, что, по его мнению, рулетка не запрещена законом и что игорного дома он не держал.

Ввиду этих обстоятельств штабс-ротмистр Колемин был предан суду по обвинению в устройстве в своей квартире заведения для запрещенной игры в рулетку, т. е. в преступлении, предусмотренном 990 ст. Уложения о наказаниях.

Господа судьи! Подсудимый, отставной штабс-ротмистр Колемин, предан вашему суду по обвинению в том, что в доме его была организована игра в рулетку. Для того, чтобы признать это обвинение правильно направленным против Колемина, предстоит разрешить два существенных вопроса. Первый из них: есть ли игра в рулетку игра запрещенная? Второй: есть ли в деянии Колемина признаки содержания им игорного дома? Оба эти вопроса тесно между собою связаны. Рассматривая первый вопрос - есть ли рулетка игра запрещенная,- следует обратиться к прямому указанию закона. Рулетка - игра, основанная на случае; в ней расчет, известные математические соображения, ловкость и обдуманность в игре не могут приводить ни к какому положительному результату. Если и есть некоторые, как говорят, более или менее верные приметы в игре в рулетку, если можно замечать чаще других повторяющиеся номера и т. п., то это все-таки не изменяет характера игры, и она остается основанной на случае, а не на расчете. Закон наш, в 444 ст. XIV т. Устава о пресечении и предупреждении преступлений говорит, что запрещается играть в азартные игры и открывать свой дом для них; статья эта основана главным образом на Уставе благочиния, изданном при императрице Екатерине в 1782 году. Устав благочиния прямо определяет, что игрой запрещенной или азартной считается всякая игра, основанная на случае. Ввиду этого положительного определения, рулетка, по самым свойствам и приемам игры, не может не считаться игрой запрещенной. Власть, следя за появлением различных новых азартных игр, постепенно их изымлет из употребления, запрещает их, но она не может уловить все разнообразные виды игры, все новые способы и приемы ее. Жизнь слишком разнообразна и представляет многообразные способы и развлечений, и незаконного приобретения средств к существованию. Законодательство не может никогда идти вровень с этой изобретательностью; оно обыкновенно несколько отстает, но в нем всегда содержатся общие указания на главные свойства игр, которые оно считает запрещенными и против которых оно считает нужным бороться. Так и в

нашем законодательстве такие указания содержатся в ст. 444 т. XIV, и в силу их последовали распоряжения администрации. Мы имеем циркуляры министра внутренних дел от 11 марта 1863 г. за N 31 и от 18 февраля 1866 г. за N 33, которыми запрещены домино-лото, игра в орлянку и игра в фортунку. Если взглядеться в существо этих игр, то окажется, что все они основаны на случае, на счастии, на азарте, и, в сущности, игра в фортунку есть не что иное, как вид простонародной рулетки. Ясно, что преследование уже было направлено на игры, очень сходные с рулеткой, но чаще, чем она, проявлявшиеся в жизни. Наконец, и практика иностранных законодательств признает рулетку запрещенной игрой. Мы знаем, что маленькие, по большей части ничтожные государства, где государственные доходы рассматриваются как личная собственность и как хозяйственный прибыль владельца лица, считали возможным допускать у себя игорные дома с рулеткой, в которую, однако, не позволяли играть собственным подданным; игра в рулетку в настоящее время удержалась, как кажется, только в *Saxon les bains**(174) и в маленьком княжестве Монако. Как только сильная государственная власть вступала в обладание теми землями, где процветала рулетка, она уничтожила ее. Пруссия, вступив во владение Нассауским герцогством, сосчитала дни рулетки в Висбадене и Гамбурге, а вскоре и совсем уничтожила ее. Когда в истощенной войной Франции раздались голоса об учреждении открытой игры в рулетку, чтоб увеличить наплыв путешественников и усилить прилив золота в стране, лучшие представители общества и литературы с негодованием восстали против этого, и правительство отвергло предложение о таком недостойном средстве обогащения. Ввиду всего этого нельзя не признать рулетку игрой азартной, а следовательно, запрещенной. Надо притом заметить, что для определения того, что она имеет признаки азартной игры, суд не нуждается в прямом указании на это карательного закона. Я уже сказал, что законодатель не может уследить за всеми проявлениями быстротекущей общественной жизни. Это, в иных случаях, задача суда. Кассационный Сенат по делу

Аксенова в решении 1870 года N 1791 признал, что от суда зависит разрешение вопроса, была ли та или другая игра запрещенной или нет. Если суд признает, что игра основана на случае, то он признает, что она азартная и этим самым включает ее в разряд запрещенных игр. Такое определение суда должно быть основано на существе дела и не может подлежать проверке в кассационном порядке. Сенат признал, что один из мировых съездов имел право, вникая в существо дела, признавать игру в "ремешок" азартной, и не считал возможным отменить это решение съезда, несмотря на отсутствие указаний закона на такую игру. Очевидно, что в этом отношении суду предоставлена большая власть, и, быть может, и в настоящем случае суд не откажется закрепить своим веским словом запрещенный характер за рулеткой.

Перехожу к разрешению другого вопроса: устроил ли господин Колемин дом для запрещенной игры в рулетку? Условия игорного дома довольно ясно определены в приложении к 444 ст. XIV т. В источниках, на которых она основана, указано прямо, что "запрещается играть в запрещенные игры", "открывать свой дом для запрещенной игры днем или ночью", "запрещается иметь счетчика, продавать своим гостям или иным образом давать и передавать золото, серебро или иные денежные ценности"; наконец, запрещается иметь постоянную прибыль от этой игры. Это последнее условие весьма ясно выражено в указе императрицы Екатерины, вошедшем в Полное собрание законов за N 13677. В нем прямо говорится, что в случае "раскрытия" игорного дома, "буде происходит прибыль запрещенный, то, о том исследовав, учинить по законам". Итак, вот главные условия игорного дома: он должен быть открыт днем и ночью, в определенные часы, для желающих играть в запрещенную игру; в нем должна происходить запрещенная игра; в нем могут быть лица, которые занимаются счетом в помощь хозяину; в нем может происходить для удобства размен золота, и, наконец, все это должно вести к общей, к главной цели учреждения подобного дома - к неправильной прибыли, к запрещенному прибытку. Я

прибавлю, что, насколько можно представить себе общую картину игорного дома, жизнью еще выработано одно условие в дополнение к этим условиям закона - именно доступность игорного дома, доступность хозяина его лицам, которые пожелают принять участие в игре. Закон, впрочем, указывает и на отрицательные данные для непризнания игорного дома. Эту отрицательную сторону закон обрисовывает в ст. 448 XIV т., где говорится, что "если игра служила для забавы или отдохновения с друзьями и в семье и не была запрещенной, то вины нет". Поэтому, если будет открыто учреждение или дом, где происходят такие запрещенные игры, и происходят не в тесном кругу лиц, связанных узами дружбы, и не в кругу родных и близких, и если, кроме того, главная цель этой игры не отдохновение, а неправильный прибыток, то мы имеем дело с игорным домом. Применяя эти общие начала к настоящему делу, я полагаю, что мы найдем, что все условия, указанные законодателем, существуют в деянии Колемина. Игра была запрещенная, игра происходила днем и ночью. Мы знаем из показаний свидетелей, что были определенные, ясно установленные наперед дни, в которые можно было являться играть в определенные часы. Хотя Колемин заявил здесь, что он приглашал лиц, игравших у него, особо каждый раз, хотя господин Тебенков показал, что он получал особые приглашения каждый раз, но надо думать, что эти лица или запамятовали, или ошибаются, так как большая часть свидетелей прямо указывает, что дни и часы были всем известны заранее. Один из последних свидетелей весьма характерно заявил даже, что "общая молва" указывала безошибочно на эти именно игорные дни. Наконец, нельзя упускать из виду, что даже если бы подобные дни не существовали, а существование их подтверждается записными книгами, то несомненно, что они должны бы быть установлены для того, чтобы каждый, желающий играть, мог ехать не на "огонек", как объяснил подсудимый, а на нечто более определенное. Это были не одни дни, это были и ночи. Следовательно, два первых условия, требуемые законом, существуют. Затем, того, что были счетчики, отрицать невозможно ввиду показания господина

Тебенюкова и данных, которые мы имеем относительно участия в счете господина Бендерского. Из этих данных, среди которых важно показание прислуги, видно, что деятельность счетчиков была довольно определенная и исполнялась преимущественно одним лицом, привычным к этой деятельности. Она сопровождалась известным гонораром, который, несмотря на участие в проигрыше, имел своим результатом, однако, то, что в 8 месяцев, из которых 2 было летних, так сказать, "малоигорных", составлял сумму в 2 тысячи руб.- жалованье весьма хорошее за обязанность считать. Счетчик приходил несколько ранее и уходил несколько позже остальных гостей. Господин Тебенюков объяснил, что он оставался для сведения итогов после каждого рулеточного дня и ночи. Следовательно, он исполнял все вспомогательные обязанности по рулетке и был тем счетчиком, которого разумел закон, запрещая иметь такового.

Наконец, последнее условие, указанное законом,- выдача золота - точно также выяснилось свидетельскими показаниями. Закон, конечно, не имел в виду соединить с понятием об игорном доме понятие о меняльной лавке. Он имел в виду другое. Для того, чтобы удобнее играть в запрещенную игру, нужно предоставить посетителям игорного дома некоторые удобства и некоторые приспособления, которые дали бы им возможность приступить к игре без особенного стеснения, без особенного приготовления. Эта легкость приступа к азартной игре, создание этой легкости есть одна из особенностей игорного дома. Нельзя стеснять гостей необходимостью приносить на значительные суммы мелкие деньги в кармане, менять их, заходить для этого в лавки и т. п. Предупредительный хозяин может сам принять эту обязанность на себя и, с возможно меньшей потерей, предлагать свое золото гостям, избавляя их от всех предварительных забот об этом. Вот что предвидел закон, запрещая такую отдачу или передачу золота. Я никак не могу утверждать, чтоб господин Колемин пользовался какими-нибудь выгодами от этой продажи золота; притом, при выгоде, которую ему приносила рулетка, потеря нескольких копеек на курсе не составляла

существенной потери. Таким образом, в деянии его существуют те условия, которые указаны законом: дом его открыт днем и ночью; в доме его существует счетчик, существует размен золота. Все эти условия, очевидно, направлены к тому, чтоб по возможности облегчить игру в рулетку тем, кто пожелает в нее играть. Для чего же делается это облегчение? Для того, чтобы рулетку охотно посещали, чтоб к ней могло приступить наибольшее количество лиц. Это наибольшее количество лиц должно доставить пятое указанное законом условие: неправильный прибыльок. На него указывают счетные книги Колемина, его собственные показания и, наконец, признание большинства свидетелей, что они остались, в конце концов, в проигрыше. Этот "неправильный прибыльок" состоял в том, что содержатель банка, несмотря на расходы, которые он нес на угощение ужинами, как показали некоторые свидетели, "даром", все-таки остался в большом выигрыше. Хотя здесь заявлялось господином Колеминым, что одной книги недостает, что вообще вычисления следователя произведены неправильно, но такое заявление запоздало, так как следствие предъявлялось ему; перед окончанием его подсудимый был спрошен, что он может еще прибавить или сказать в свое оправдание, и он мог своевременно обратить внимание следователя на ошибки в вычислениях, и тогда они были бы еще раз проверены при его помощи и по его указанию. Я не отрицаю, впрочем, что у него могли быть большие траты и должники, и притом весьма неисправные. Человек, державший рулетку, несший тяжелые обязанности банкюмета, конечно, мог отдыхать от этой деятельности, ведя жизнь широкую и шумную и не жалея денег, выигранных в рулетку. Я утверждаю лишь, что из книг несомненно можно вывести, что им выиграно с 1 августа 1873 года по 11 марта 1874 года 49 тысяч 554 руб. 25 коп. Этот выигрыш выводится из ежедневных заметок, сколько было в начале каждой игры в банке и сколько в конце ее. Этих цифр нельзя отвергнуть, и если даже исключить 14 тысяч руб., о которых говорит господин Колемин, как о неуплаченном ему долге, то все-таки останется достаточно значительная цифра прибылька. Закон называет этот прибыльок

неправильным, и едва ли суд может посмотреть на него иначе. Как ни разнообразны средства приобретения в современном обществе, но все-таки у большинства взгляд на свойство и происхождение прибыли и дохода более или менее одинаков. Только то, что приобретается личным трудом или трудом близких лиц, есть приобретение почтенное, облагороженное в самом своем начале работой и усилиями; что же приобретается без труда, без усилий, шутя, что приобретается посредством эксплуатации дурных страстей и увлечений других людей, есть прибыль неправильный.

Я говорил уже, что для того, чтоб признать существование игорного дома, необходимо, чтобы существовало еще одно житейское условие: легкость и удобство доступа. Я думаю, что и это условие в данном случае существует. Я не стану повторять показаний всех свидетелей, но думаю, что суд не может не согласиться, что из показаний свидетелей видно, что они не состояли с господином Колеминым в тех дружественных или семейных отношениях, о которых говорит ст. 448 XIV т. Напротив, взглядыываясь в эти отношения, видим, что знакомство с господином Колеминым завязывалось не лично для него, что не его личные достоинства привлекали большинство к нему в дом, что многие, будучи ему представлены впервые, уходили, не сказав с ним ни слова и прямо принявшись за знакомство с тем предметом, который привлекал их более, чем хозяин, - с рулеткой. Я думаю, что не очень ошибусь, сказав, что рулетка знакомила большинство посетителей с господином Колеминым, а не их собственное желание. Знакомство завязывалось вне всяких правил общежития. Хотя человек холостой может держать себя просто и не требовать соблюдения относительно себя всех форм и обрядов общественной жизни, но я не думаю, чтоб по отношению к человеку светскому, у которого бывали люди хорошего круга, можно было отрицать все обрядности общежития, чтобы можно было приезжать к нему в 11 и 12 часов ночи в первый раз, не делать ему визита, не рассчитывать на его визит и не находить необходимым знакомить его со своим домом. Знакомство это имеет характер особенный, оно является чем-то случайным,

проникнуто отчуждением, носит характер знакомства более с учреждением, чем с лицом. Нам скажут, может быть, что круг знакомых господина Колемина был ограничен, что у него было всего человек 35 знакомых. Но, по-видимому, господин Колемин впадает в ошибку, определяя таким образом количество своих знакомых. Во всяком случае, большой оборот рулетки, на который он сам указывает в своей книге, едва ли мог происходить при ограниченном количестве знакомых. Один из свидетелей заявил здесь, что состав гостей при рулетке постоянно менялся, что это были люди, незнакомые друг другу, которых связывала только рулетка. Притом, количество знакомых господина Колемина и не должно быть особенно велико, чтоб соответствовать понятию об одном из условий игорного дома. Понятно, что доступ к господину Колемину не мог быть открыт всякому, что всякий не мог войти к нему с улицы, как в трактир или в ресторан. Этого требовало удобство играющих. Играть в рулетку пойдут только люди со средствами, люди светские, с лоском развития и образованности; они должны быть обеспечены от разных неприятных встреч, от неблагоприятных знакомств и приключений. Для того, чтобы обеспечить их спокойствие, необходимо было, чтоб вводимые лица были, по крайней мере, как-нибудь рекомендованы, кто их хоть немного, хоть с внешней стороны, знает. Такая рекомендация требовалась и у господина Колемина. Она была необходима, потому что если б доступ был открыт всем, то в число гостей попали бы на первых же порах вовсе нежелательные чины полиции, интересующиеся рулеткой совсем с другой точки зрения. Наконец, надо оградить гостей от прихода человека неразвитого, нетрезвого, который мог бы ругаться, негодовать на проигрыш в грубой форме и, пожалуй, стал бы обращаться с играющими в рулетку, как обращаются с играющими в орлянку. Вот для чего были установлены некоторые гарантии, которых, однако, оказалось недостаточно, чтобы предотвратить вход таких лиц, последствием которого явилось настоящее дело.

Подсудимый не признал себя виновным; но я думаю, что, отрицая свою виновность, он не отрицает фактов, наглядных и очевидных, не отрицает 8 рулеток, которые лежат перед судом, не отрицает темных занавесей своих окон, существования счетчиков и того, что у него было найдено 13 человек, игравших в игру запрещенную; не отрицает, конечно, и того, наконец, что из них он не всех знал по фамилиям и только трех - по имени и отчеству. Вероятно, отрицая свою виновность, он смотрит на дело так же, как смотрели довольно многие после того, как оно возбудилось. Начатие этого дела, привлечение господина Колемина к ответственности возбудило самые разнообразные толки в обществе. Оно для многих явилось неожиданным и неприятным происшествием, не находящим себе оправдания ни в законе, ни в нравственной необходимости, и вызвало горячие толки и нарекания. В начатии дела многие видели не только нарушение существеннейших прав русских граждан, но даже нарушение чуть ли не святости семейного очага... Окончательное слово суда, конечно, покажет, согласно ли со своими обязанностями и требованиями закона воспользовалась обвинительная власть по этому делу своими правами и напрасно ли нарушила она спокойствие господина Колемина и его гостей. Но если господин Колемин основывает свои соображения на взглядах лиц, упомянутых нами, то его оправдания едва ли заслуживают уважения. Нельзя говорить, что рулетка не есть запрещенная игра, и что всякий может играть в нее сколько хочет, по правилу "вольному воля". Этого нельзя говорить, потому что рулетка есть игра азартная, рассчитанная на возбуждение в человеке далеко не лучших его страстей, на раздражение корыстных побуждений, страсти к выигрышу, желания без труда приобрести как можно больше, одним словом, игра, построенная на таких сторонах человеческой природы, которые, во всяком случае, не составляют особого ее достоинства. Быть может, скажут, что у Колемина собирались люди с характером, с твердой волей, которые знали меру, не переступали границ, не увлекались. Но кто поручится, что в числе лиц, которых могли приводить отовсюду знакомые к господину Колемину, не

было людей среднего сословия, трудовых, живущих "в поте лица", особенно, если бы рулетке дано было пустить свои корни в разных слоях общества? Кто поручится, что к господину Колемину не являлись бы играть люди, живущие изо дня в день с очень ограниченными средствами, люди семейные, которые искали бы случая забыться пред игорным столом от забот о семействе и о мелочных хозяйственных расчетах, и что, входя в этот гостеприимный, хлебосольный дом для развлечения, они не выходили бы из него, чтобы внести в свои семьи отчаяние нищеты и разорения? Нельзя требовать от всех одинаковой силы характера и воздержания. Когда разыгрывается корыстолюбие, когда выигрыш мелькает перед глазами, когда пред человеком обязательно и заманчиво рассыпается золото, нельзя требовать, чтобы всякий думал о необходимости давать детям воспитание, хранить для семьи средства к жизни. Это не суть соображения теоретические. Я основываюсь на соображениях, которые имело в виду правительство, запретив в клубах домино-лото, наделавшее в свое время немало несчастий. Нельзя говорить, как, к сожалению, говорят многие, что достаточно, чтобы зло не проявлялось наружу, чтобы оно не бросалось в глаза, не причиняло публичного соблазна, и что общество не страждет, если зло происходит в четырех стенах. Во-первых, это взгляд не правовой. В четырех стенах дома могут совершаться самые мрачные преступления, и даже семья, ввиду совершаемых в ней иногда жестокостей, не совершенно изъята из ведения судебной власти. Законодатель и судья не могут смотреть лицемерными глазами на то, что происходит вокруг. Они не могут закрывать глаза на зло потому только, что оно не попадает на глаза, не выставляется наружу, а существует где-то тайно, притаясь и помалкивая. Раз зло существует, будет ли оно на площади, в подвале или в раззолоченной гостиной, оно все-таки останется злом и его следует преследовать. Господин Колемин, отрицая свою виновность, указывает, что общество, в котором он вращался, которое играло у него, есть общество людей достаточных, для которых проигрыш не составляет сильной потери, а выигрыш не имеет значения приобретения. Но

он обвиняется не в том, что они проигрывали, а не выигрывали, а в том, что их небольшой, быть может, в отдельности проигрыш составлял для него весьма существенный выигрыш. Во-вторых,- и это главное - закон не знает сословных преступлений, не знает различий по кругу лиц, в среде коих совершается его нарушение. Он ко всем равно строг или равно милостив. В последнее время всякий, кто следил за общественной жизнью в Петербурге, конечно, слышал или знает, что азартные игры развиваются очень сильно в низшем слое населения, что во многих местах Петербурга существуют притоны, где играют в разные азартные игры люди, живущие ежедневным трудом,- приказчики, мелкие торговцы, прислуга, извозчики, рабочие. Им не досталось в удел развитие, у них нет или почти нет, кроме вина, других, более разумных развлечений. Развлечение после скучного трудового дня представляют такие притоны. Здесь проигрывается, после хорошего дарового угощения, заработок многих дней и отсюда благодаря разным ловким мошенничествам неразвитый бедняк выпускается ограбленным и нередко со скамьей подсудимых в перспективе. Такие притоны, бесспорно, составляют большое зло, и допустить существование игорных домов между простым народом решительно невозможно по их растлевающему значению. Но если преследовать их устройство у людей низшего сословия, то на каком основании оставлять их процветать между людьми высшего сословия? Разве основные условия игорного дома не везде одинаковы? Почему разгонять тех, кто на последние трудовые деньги, после усталости от работы, не имея других развлечений, прибегает к азартной игре, и оставлять в покое тех, которые ради "незаконного прибытка" устраивают игорные дома и строят свое благосостояние на пользовании увлечениями своих гостей? Ввиду этого я полагаю, что суд не разделит взгляда на неправильность возбуждения этого дела и согласится со мной, что в деянии господина Колемина были все признаки содержания игорного дома.

Что касается наказания, то его следовало бы назначить в высшей мере. Статья 990 Уложения о наказаниях назначает наказание в виде штрафа в

размере до 3 тысяч руб. Штраф этот должен, конечно, соразмеряться со степенью развития и образованности обвиняемого. Степень развития и образования господина Колемина, кончившего курс в одном из высших военных учебных заведений, может быть признана достаточно высокой, чтобы применить к нему наказание в высшей мере, т. е. в размере 3 тысяч руб. Затем, из книг его видно, что он выиграл 49 тысяч 554 руб. 25 коп. Деньги эти приобретены посредством игры в рулетку, которая производилась в игорном доме; содержание игорного дома есть деяние преступное, следовательно, деньги эти суть плод преступного деяния; вещи же, приобретенные преступлением - плоды преступления,- возвращаются тем, от кого они взяты; в случае, если не окажется хозяев, они поступают на улучшение мест заключения. Поэтому я полагал бы из арестованных у господина Колемина денег удержать для соответствующей выдачи и дальнейшего распоряжения, по 512 ст. т. XIV Свода законов, ту сумму, которая, по мнению суда, составит его незаконный прибыток.

Окружной суд, рассмотрев дело и признав, что в августе 1873 года он устроил у себя в квартире род заведения для запрещенной игры в рулетку, на основании 990, 42 и 84 ст. Уложения о наказаниях, 1234 ст. Устава гражданского судопроизводства, 777 ст. Устава уголовного судопроизводства и 512 ст. Устава о предупреждении и пресечении XIV т. Свода законов постановил: подвергнуть Колемина денежному взысканию в пользу государственных доходов в количестве 2 тысяч руб., а в случае несостоятельности заключить в тюрьму на 6 месяцев; обратить на него судебные дела по делу издержки; находящееся налицо вещественное доказательство - рулетку - уничтожить; добытые посредством преступления Колеминым деньги в количестве 35 тысяч 407 руб. 25 коп. возвратить лицам, от которых они выиграны; с деньгами, которые не будут истребованы, поступить в порядке, указанном 512 ст. XIV т. Свода законов.

Речь А.Ф. Кони по делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности.

Господа сенаторы! Кандидат прав и бывший земский начальник Харьковского уезда Протопопов жалуется на несправедливость приговора судебной палаты и с фактической, и с юридической точки зрения. Неправильно истолковав понятия о превышении власти и о нарушении правил при лишении свободы в применении к *недоказанным* обстоятельствам, палата, по его заявлению, постановила крайне суровый приговор, разрушающий его служебную карьеру и не принимающий во внимание его молодость и неопытность. Поэтому прежде всего приходится обратиться к *фактической* стороне дела и взвесить степень доказанности вмененных подсудимому в вину обстоятельств. Протопопов, определенный на должность земского начальника 1 сентября 1890 г. и вступивший в нее 8 сентября, 23 ноября был уже от нее уволен. Нам известна вся его деятельность за этот кратковременный период, но с достоверностью можно сказать, что в небольшой начальный промежуток ее, с 8 по 27 сентября, в течение всего 19 дней, подсудимый, в кругу подведомственных ему местностей, ознаменовал себя служебными действиями, энергический характер которых имел результатом предание его, по постановлению совета министра внутренних дел, суду, и тесно связан, как усматривается из того же постановления и из показания двух компетентных свидетелей — управляющего экономией князя Голицына-Бауе-ра и начальника харьковского жандармского управления Вельбицкого, с беспорядками в слободе Должике, результатом коих были вызов войск для восстановления порядка, суд над 18 крестьянами этой слободы и присуждение 10 из них в арестантские отделения с лишением прав и 4 к содержанию в тюрьме. По личному мнению подсудимого, все его действия носили отпечаток энергии человека, вступившего в новую

деятельность одушевленным лучшими и самыми горячими желаниями искоренить беспорядки, накопившиеся в последние десятилетия. Иначе смотрит на эти действия Харьковская палата, усматривающая в них насилие и злоупотребление властью. Сред? него пути между этими двумя взглядами нет, и, по изучении существа дела, я присоединяюсь не ко взгляду Протопопова, а ко взгляду палаты.

Власть имеет сама в себе много привлекательного. Она даёт облеченному ею сознание своей силы, она выделяет его из среды безвластных людей, она создает ему положение, с которым надо считаться. Для самолюбия заманчива возможность приказывать, решать, приводить, в исполнение свою волю и, хотя бы в очень узкой сфере, карать и миловать; для суетного самомнения отраден вид сдержанной тревоги, плохо скрытого опасения, искательных и недоумевающих взоров... Поэтому люди, относящиеся серьезно к идее о власти, получая эту власть в свои руки, обращаются с нею осторожно, а вызванные на проявление ее и благородном смущении призывают себе на память не только свои права, но также свои обязанности и нравственные задачи. Но бывают и другие люди. Обольщенные прежде всего созерцанием себя во всеоружии отмежеванной им власти, они только о ней думают и заботятся — и возбуждаются от сознания своей относительной силы. Для них власть обращается в сладкий напиток, который быстро причиняет вредное для службы опьянение. Вино власти бросилось в голову и Протопопову. Мы не, внаем, что он думал о своей новой должности, когда возможность получения ее впервые выросла перед ним, не знаем и того, как готовился он к ней со времени назначения до дня вступления, но вступил он, очевидно, с твердым представлением, что ему надо проявить власть простейшим и, по его мнению, не возбуждающим никакого сомнения средством. «Я всегда бил и буду бить мужиков», — заявил он, по словам свидетеля Евсея Руденко. «При постоянном обращении с народом

исполнение обязанности не может не сопровождаться - иногда резким словом, без чего и служба была бы невозможна», - заявляет он сам. Но прежде разбора отдельных случаев его деятельности по водворению порядка или, вернее, а производству беспорядка во вверенном ему участке, нужно заметить, что свидетели по делу распадаются, как и всегда, на две категории — свидетелей обвинения и свидетелей оправдания. Но разнятся они между собою не только по значению фактов, о которых показывают, но и по личным свойствам своим. Свидетели обвинения — обыкновенные люди, память которых тем яснее, чем ближе к событию, причем показания их в существе одинаковы и при следствии, и на суде, хотя между тем и другим прошло довольно много времени. Если некоторые из них, а именно городовые заштатного города Золочева — Борох и Семен Гладченко - и забывают на суде некоторые подробности, то стоит пред ними прочесть первоначальные их показания, как они их тотчас и вполне подтверждают. Это свидетели «здорового ума и твердой памяти», на которых всегда спокойно может опираться правосудие. Иными свойствами обладает большинство свидетелей, подтверждающих оправдания Протопопова. Память или совершенно изменяет им на суде, так что они, «ничего не помнят», или же, напротив, чрезвычайно просветляется, обратно пропорционально количеству времени, прошедшему от события и от следствия.

9 сентября Протопопов, на другой день вступления в должность, является в Золочев и делает выговор двум городовым, не узнавшим в нем земского начальника, а затем приказывает старшему городовому Ивану Гладченко сказать им, что если они не будут вежливее, то он «будет бить им морды». Так определяется им с первых же шагов внутреннее содержание и внешнее проявление своей власти по отношению к подчиненным. Иван Гладченко, подтвердивший такое приказание у судебного следователя, ныне отрицает его, но

получившие его от него Борох и Семен Гладченко при всей своей сдержанности не забыли, что именно так передал им приказание Протопопова старший городской. «Я говорю одним языком, городской другим,— объясняет подсудимый,— но оба мы имели в виду сказать одно и то же». Но старший городской — не случайный и болтливый собеседник земского начальника, а подчиненный, получивший приказание сделать внушение нижним чинам и передающий слова начальства, конечно, без произвольных вариантов. Поэтому, доверяя его первому показанию, я вполне соглашаюсь и с подсудимым. Да, они оба «имели в виду сказать одно и то же» — и сказали это. За внушением городским надлежащего страха следует приведение в порядок, в том же Золочеве, Ворвуля, который, «обернувшись» на призыв подсудимого «Эй! Рыжий — поди сюда!» и прервав разговор с собеседником, получил удар палкою по плечу, сопровождаемый ругательством, за то, что, стоя задом к проходившему по площади Протопопову, не поклонился ему. Это подтвердил на суде свидетель Лебединцев. Надзиратель Аксененко при следствии заявлял, что, стоя в отдалении, видел лишь, как подсудимый грозил палкою Ворвулю. Свидетель Лебединцев, тоже стоявший в отдалении, видел, что подсудимый ударил Ворвуля, как ему показалось, три раза. Приходится, однако, поверить потерпевшему, что он получил лишь один удар, причем заблуждение Лебединцева о числе ударов объясняется тем, что, по собственным словам Протопопова, он Ворвуля «не ударил, а только жестикулировал его», что подтверждает и Аксененко, говорящий, что «угрозы Протопопова скорее имели вид жестикуляции». Эта «жестикуляция» не без основания могла быть принята Лебединцевым за удары, один из которых действительно и был получен Ворвулем. Интересное единство в выражениях между подсудимым и Аксененко по поводу «жестикуляции» нарушается, однако, когда дело идет о том, чем именно жестикулировал Протопопов. «Если бы во время выговора Ворвулю даже и коснулся его *тоненькою тросточкою*,— объясняет последний,— то нельзя же это считать ударом *палкою*». К сожалению,

тоненькая тросточка — не магический жезл, прикосновение которого не может быть вменяемо в вину, да и Аксененко — это опора оправданий подсудимого — говорит об угрозах палкою...

С 24 сентября неправильный взгляд Протопопова на свою задачу принимает особенно широкие размеры и проявляется с крайнею резкостью. Явившись на сход в Золочев, где для выбора волостных судей собрано было до тысячи человек, он приступает к объяснению этой толпе «значения реформы». Приказав, согласно показанию свидетелей Завадского и Семена Гладченко, полицейскому «дать по морде» мальчику, выглядывавшему в шапке из-за забора, и сбить шапку, Протопопов указал, по его словам, что крестьяне должны жить по-братски, избегая сутяжничества и столкновений, оканчивающихся судом, и, по единогласному удостоверению ряда допрошенных палатою свидетелей, заявил требование, чтобы крестьяне не подавали ему жалоб и прошений, угрожая, что если они этому не подчинятся, то «всякая жалоба будет на морде, а прошение на ...задней части тела подающих». Когда при выборах судей посредством выкриков фамилий поднялся шум, Протопопов, выйдя из себя и стуча палкою по столу, начал кричать сходу: «Тише, а то я вас половину перебью», что удостоверяется свидетелями, чего и сам он в существе не отрицает, объясняя, что, когда ему удавалось прекратить шум не сразу, он раздражался и мог произнести какую-нибудь угрозу по адресу крестьян. Во время схода крестьянин Слепущенко, будучи хмельным, сочувственно повторял народу слова подсудимого и был за это, по приказанию последнего, вполне основательно, «удален», «убран» или «арестован». Сила не в том, в какой редакции было дано это приказание: нельзя же допускать пьяную и неуместную болтовню на сходе, а сила в том, что по окончании схода, как усматривается из показания семи свидетелей, Протопопов, проходя мимо арестантской или, как выражаются свидетели, «каютки» и услышав просьбы Слепущенко об освобождении, велел его выпустить и кланявшегося в ноги с мольбою о прощении избил до крови ку-

лаками и ногами, приказав снова посадить. Слепущенко просидел пять часов, и протокола об его аресте составлено не было. Оправдываясь по поводу последних событий, подсудимый опирается на показания надзирателя Аксененко, доктора Арефьева и городского Вороха. С характером объяснений первого мы уже знакомы, да И притом, заявляя на суде, что он не слышал ничего о месте, где окажутся у прибегающих к помощи земского начальника прошения и жалобы, Аксененко ссылается на свое показание на предварительном следствии, а там он говорил, что не всегда был на месте, где происходили объяснения подсудимого со сходом. Борох положительно не слышал угрозы сходу, а остальных свидетелей Протопопов не почел за нужное об этом расспрашивать. Но ведь не шепотом же говорил он со сходом, и, быть может, отрицательные показания членов схода, стоявших пред подсудимым, сильнее убедили бы нас в том, что угроз не было, чем слова подначального человека, городского Бороха. Остается врач Арефьев, гимназический товарищ Протопопова и друг его по университету, находившийся при подсудимом во время разъездов по службе. Показание его пришло издалека, из Бреста, Гродненской губернии, записано в довольно неопределенных выражениях («дверь была немного приотворена, но я не слышал ударов, а слышал, что Протопопов будто толкнул Скрипку в двери», говорится в нем) и действительно отрицает произнесение подсудимым угроз и разъяснений о прошениях, побитие Слепущенко и т. д. Но почтенное чувство дружбы и товарищества может иногда невольно умалять в наших глазах резкость образа действий друга, особенно когда наше показание против него могло бы положить большую гирю на чашу обвинения. Тут и сожаление, и боязнь повредить близкому человеку, и разные другие хорошие *личные* чувства могут заслонять от нас *общественную* обязанность не закрывать глаза на деяния неправого. Наконец, может возникать и боязнь упрека в нравственной солидарности с неодобрительными действиями товарища. Доктор Арефьев ездил по волостям с Протопоповым. Для чего? Конечно, не для подачи медицинского пособия, которое могло, пожалуй, оказаться

нужным при своеобразном взгляде подсудимого на свои задачи. Из любопытства? Или для практического назидания, имея намерение самому пойти по служебным стопам товарища? Но тогда как же можно было не вразумить друга, не напомнить ему об уважении к человеческому достоинству, не удержать чрезмерной энергии, пожирающей новобранца с вредом для него и для окружающих? Как быть просто любознательным наблюдателем всего, что творил Протопопов с 8 по 27 сентября? Ответ один — этого ничего не творилось. Но ряд свидетелей говорит, напротив, что творилось. Нужен выбор. Палата, видевшая этих свидетелей воочию, слышавшая их показания, данные под присягою, под огнем перекрестного допроса, верит им. Приходится и нам им поверить.

За сходом в Золочеве быстро следуют остальные происшествия, принявшие, по отношению к подсудимому, уголовную окраску. 25 сентября к нему пришел крестьянских Забийворота с жалобой на сына крестьянина Мирона Серого, нанесшего ему побои. Лежащие на земском начальнике обязанности прямо указывают на образ действий, обязательный в этом случае. Его, по-видимому, и захотел держаться Протопопов. Он послал Забийворота к врачу для освидетельствования следов побоев. Оставалось затем передать дело в волостной суд и наблюдать за скорым и справедливым решением. Но 26 сентября, собравшись ехать в этот день в Мироновку, Протопопов приказал привести в волостное правление сына Серого, чтобы, как он объясняет, «поговорить с ним относительно его вчерашнего поступка». Очевидно, что для этого разговора нужно было дознаться, какой именно из сыновей Серого виновен в этом поступке, так как Забийворота не мог назвать его по имени. Сначала хотели привести Игната, но посланный за ним сторож Олейников выяснил, что виновным мог быть не Игнат, а Михаил Серый. От вторичной посылки уже за Михаилом и от того, что он должен был запереть содержимую им гостиницу, произошло неизбежное промедление. Подсудимый объясняет, что Серый будто бы выразил нежелание «идти к начальнику», но судебным следствием это ничем

не подтверждено, а удостоверено лишь то, что при самом входе Серого в волостное правление Протопопов спросил его: «Слышал ли ты о новом законе?» и начал его бить кулаками по лицу, говоря: «Я вас выучу по-своему, чтобы вы знали новые порядки». Обучение продолжалось четверть часа и притом так усердно, что не только лицо Серого было разбито в кровь, которая перепачкала и его одежду, но Протопопов не пожалел и собственных рук, разбив себе на них пальцы. Затем без всякого протокола Серый был посажен в карцер. Побоев Серому не отрицает и сам подсудимый, только в них и сознаваясь. Это сознание было для него, впрочем, неизбежно, ибо вслед затем он уехал на сход в Мироновку, где, по показанию восьми свидетелей, произнес речь о том, что отныне у крестьян не должно быть ни краж, ни неуважения к родителям и старшим, а если это будет продолжаться, то виновных он будет *до суда* жестоко бить и поколотит так, как *сейчас* поколотил одного богача в Золочеве: «До сих, пор рука болит, перчатки снять невозможно!» Таким образом, опьянение ложным взглядом на свою власть совершило свой круг. Начавшееся угрозами «побить морды» 9 сентября — 26 сентября оно выражается уже в похвальбе совершившимся в этом смысле фактом. Наконец, 27 числа подсудимый в Должике, на выборе волостных судей. Когда предложение его идти в церковь помолиться пред выборами встречает заявления, что собравшиеся были накануне в церкви, а крестьянин Старченко громко возражает, что «Нынче не праздник», то он, с возгласом: «Что, что?!» бросается на него, в толпу, с поднятою палкою. Это приводит толпу в волнение, ему кричат: «За что сунулись драться! Ничего не разъяснили, а стали биться», раздаются крики: «Бьют нас, бьют! Бей его!» и начинаются беспорядки, которые, быстро разрастаясь, продолжаются до 5 октября, требуя призыва военной силы и вызывая строгий судебный приговор.

Подсудимый оправдывается тем, что народ был вообще восстановлен против власти земских начальников, что ходили слухи о предстоящем будто бы восстановлении крепостного права, что Серый пользовался прежде, по сво-

ему влиянию, явною безнаказанностью, которой надо было положить предел. Я готов согласиться, что все это именно было так, что, быть может, нужно было установить в некоторых из обществ, подведомых Протопопову, большее благочиние и согнуть выю каких-нибудь мироедов под справедливое ярмо закона. Но этого следовало достигнуть законными мерами и приемами. Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. дает для этого средства. Оно вводит земского начальника в близкое соприкосновение со всеми сторонами сельской жизни, вооружает его судебною и административною властью, дает ему контроль над местными крестьянскими учреждениями. Он может судить виновного, он может лишать свободы не исполняющего его законные требования, он может «бить его рублем», т. е. штрафовать. И твердое, но справедливое проявление такой власти, спокойное, неотвратимое и неизбежное, в связи с доброжелательным и верным объяснением нового закона крестьянам, без сомнения, сразу рассеяло бы все народные толки о нем и произвело доброе действие, заменив тревожные слухи ободрительными фактами. Как же поступает Протопопов? «Горячие» речи о необходимости мира и согласия он сопровождает бранью и побоями, постоянно приходит в такое состояние, когда, по его же собственным словам, «рассудок уступает место раздражению», грозит и хвалится этими действиями пред смущенною и без того толпою, запрещает прибегать к себе за защитою нарушенных прав и вызывает, наконец, верную оценку своей системы в упреках этой толпы: «Ничего не разъяснили, а начали биться». Вся известная нам по делу деятельность его с 8 по 27 сентября представляет, нечто вроде музыкальной фуги, в которой звуки раздражения и презрения к закону все расширяются и крепнут, постоянно повторяя один и тот же начальный и основной мотив — «побить морду». И этими-то средствами думал он внушить спокойствие, уважение к старшим и к порядку, зная, что именно этих-то средств, о которых ходили смутные и злые толки, и боялся тот народ, с которым ему нужно было стать в близкие отношения. Он думал внушить не опасение

законной ответственности, а просто житейский страх. Но одним страхом, и только страхом, не поддерживается уважение и не создается спокойствие. Имея возможность рассеять ложные слухи о «новом законе», Протопопов, безрассудно относясь к своей задаче и грубо-самонадеянно к области своей деятельности, так «по-своему учил новым порядкам», что усиливал волнение и, предшествуемый правдивыми, к сожалению, слухами о своих подвигах, дал в Должике окончательный толчок возродившимся беспорядкам. Кстати, я должен припомнить, что, по словам подсудимого, свидетелям его поведения в Должике нельзя доверять, ибо они все были привлеченными к суду за участие в беспорядках. Это неправда. Из восьми свидетелей, допрошенных по этому поводу, лишь двое — Чайка и Крапка — были в числе привлеченных. Поэтому надлежит признать, что фактическая сторона обвинения доказана и что с этой точки зрения приговор палаты должен быть утвержден.

Перехожу к *юридической* стороне дела. Протопопов признает неправильным применение к нему первой части 348 статьи Уложения, говорящей о взятии кого-либо под стражу хотя и по законным, достойным уважения причинам, но без соблюдения установленных на то правил. Палата усмотрела несоблюдение этих правил в отсутствие установленных ст. 61 Положения о земских участковых начальниках протоколов об арестовании Слепущенко и Серого. Подсудимый находит, что протокол по 61 статье не есть постановление, ограждающее личную свободу, ибо он должен быть составляем и при наложении штрафа, а лишь простое письменное изложение приказа начальника об арестовании, для составления которого нет ни формы, ни срока; протокол этот не относится к заключению под стражу, о котором говорится в 348 статье Уложения и в 187 статье Правил о производстве судебных дел у земских начальников, а есть лишь результат наложения дисциплинарного и притом дискреционного взыскания, которое почитается, согласно 64 статье Положения, окончательным и тотчас же приводится в исполнение. Но с этими возражениями никак нельзя согласиться. В ст. 61 совершенно точно сказано, что о каждом случае

ареста до трех дней или денежного взыскания до 6 руб. должен быть составлен особый протокол. Содержание под стражею по ст. 348 Уложения имеет в виду всякого рода места заключения, не исключая и волостного правления, как это разъяснено Правительствующим Сенатом еще в 1871 и 1874 годах по делам Тарабанина и Казинцева, почему всякое арестование уполномоченным лицом есть лишение свободы, соответствующее взятию под стражу. Несоставление протокола по 61 статье прежде всего нарушает права арестованного. Несомненно, что он не может жаловаться в порядке, инстанций на наложение взыскания по 61 статье, опровергая действительность оказанного им неисполнения законных требований земского начальника; но если это требование вовсе не было предъявлено или было в явном противоречии с законом, не вытекало из прап земского начальника и составляло превышение им власти, т. е. преступное со стороны его действие, то арестованный имеет точно так же несомненное право, на точном основании 66, 121, 132, 135 и 136 статей Положения о земских начальниках и статьи 1085 Устава уголовного судопроизводства, обратиться к начальству земского начальника — губернатору или губернскому присутствию с жалобой или с просьбой о вознаграждении за вред и убытки. Для выяснения правильности этих жалоб, для проверки при ревизиях законности действий земских начальников и должны быть составляемы протоколы по 61 статье. Особой формы их и не нужно. Она ясно указана содержанием ст. 61. Протокол, очевидно, должен содержать в себе изложение причин за арестования, указание на то, какое именно требование не исполнено, и определение срока ареста или размера денежного взыскания. Он должен быть составлен немедленно по наложении взыскания, в первую свободную для этого минуту. Без та кого протокола не останется никакого следа распоряжения, не будет налицо основания для права жалобы на превышение власти, права, которое возникает тотчас по отбытии наказания, не будет и материала для надзора начальства и для ревизии по ст. 66, 101 и 102 Положения, которая может наступить ежечасно. Предоставить земскому

начальнику составлять такой протокол, когда ему вздумается, не указывая для этого срока, значит подвергать должностное лицо соблазну составлять такие протоколы лишь при наступлении ревизии, по памяти, которая нередко изменяет людям, имеющим сложные обязанности; значит, с другой стороны, подвергать считающего себя обиженным соблазну прибегать к лживым уверениям, что он бесконтрольно и бесследно засажен на большой срок или уплатил большую сумму взыскания, чем разрешает закон. Ссылка на 187 статью Правил о производстве судебных дел не представляется убедительной для подтверждения той мысли, что только постановление о протоколах по той статье служит для ограждения прав арестуемого. И эта 187 статья, и статья 430 Устава уголовного судопроизводства говорят об арестовании не наказанного, а лишь обвиняемого. Если обвиняемому разрешается жаловаться на неосновательность его арестования по ст. 422 Правил о производстве судебных дел и ст. 491 Устава уголовного судопроизводства, и, конечно, на незаконность этого арестования то не может же последнее право быть отнято у наказанного. На этой почве могли бы в некоторых случаях развиваться злоупотребления и со стороны тех, кто подвергает аресту, и со стороны тех, кто фактически осуществляет этот арест. А чтобы оставить это право жалобы, закон требует составления протокола по 61 статье. Не убеждает меня и ссылка на то, что наказание по 61 статье есть дисциплинарное взыскание. Во-первых, это взыскание, только более мягкое и не требующее формального производства, за нарушение вовсе не дисциплинарного характера, а в сущности предусмотренное 29 статьей Мирового Устава, во-вторых, и дисциплинарное взыскание налагается не бесследно. Если бы председатель суда арестовал кого-нибудь из публики на сутки по ст. 155 Учреждения судебных установлений или обер-прокурор подверг чиновника канцелярии аресту на семь дней по 262 и 267 статьям того же Учреждения так, просто, на словах, не отдав письменного приказа, с указанием причины и срока арестовано, он подлежал бы, по моему мнению, уголовной ответственности по первой части 348 статьи Уложения.

Поэтому Протопопов, не составивший после схода в Золочеве протоколов об арестовано Слепущенко и затем об арестовано Серого, во всяком случае нарушил 348 статью Уложения и притом без всякого к тому повода. Я допускаю, что земский начальник, присутствуя во время выборов на сходе и вынужденный арестовать нарушителя порядка, может не иметь времени писать протокол, подобно тому, как председатель, арестуя во время судебного заседания такого нарушителя, не может прерывать, для писания постановления, судебного следствия или, в особенности, прений, но затем, освободясь от присутствования, требующего непрерывности, оба они *должны* оформить свое распоряжение. И подсудимый поступил бы более правильно и законно, если бы посвятил хоть частицу того времени, в течение которого он утруждал себя нанесением побоев Серому и Слепущенко, на написание приказов об их арестовано. Ему не следовало бы жаловаться на эту часть приговора. Прокуратура и палата отнеслись к нему мягко, и он подвергнут слабейшему из всех наказаний по первой части 348 статьи — строгому замечанию, тогда как он мог быть, по моему мнению, обвиняем прокуратурою, от которой зависит, согласно 1096 статье Устава уголовного судопроизводства и решению Сената по делу Алексеева 1880 года за № 36, квалификация преступных деяний должностных лиц по второй части 348 статьи, подвергающей виновного в арестовано кого-либо, без всяких достойных уважения причин, наказанию как за противозаконное лишение свободы, гораздо более строгому, чем замечание. Он ничем не доказал, чтобы им было предъявлено Серому законное требование, которое Серым не было исполнено, и, следовательно, не доказал, что имел достойные уважения причины для применения к нему 61 статьи Положения о земских начальниках. Я не хочу сказать этим, что по соображении всех обстоятельств дела к подсудимому неправильно применена первая часть ст. 348 Уложения, но думаю указать этим, как преувеличены жалобы Протопопова на чрезмерную суровость приговора.

Обращаюсь к обвинению в *превышении власти*. Казалось бы, что о нем не может быть и спора. Что такое все судимые деяния Протопопова, во всей своей совокупности, как не одно сплошное превышение им вверенной ему власти?! Закон не может предусмотреть заранее всех разнообразных способов и случаев злоупотребления чиновником своими правами. Это злоупотребление обуславливается местом и временем. По существу своему административная деятельность объемлет такие разнообразные стороны практической жизни, так живо и близко соприкасается со всеми ее сторонами, что законодатель никогда не мог бы выполнить удовлетворительно задачу, решив заранее перечислить всевозможные случаи превышения власти в области административных действий. Потребности и условия жизни быстро растут, видоизменяясь и развиваясь, а закон вырабатывается с осторожной оглядкой и вдумчивостью. Он лишен возможности заранее отметить *все*, что может сделать орган власти, но он дает ему, в ряде своих постановлений, общие руководящие начала и основные правила деятельности, он вручает ему своего рода компас, который всегда и при всех условиях указывает, *где север* и как надо направлять свой путь. Поэтому и наше Уложение о наказаниях в общей главе о превышении власти и о противозаконном ее бездействии, перечисляя в ст. 344—350 отдельные, точно обозначенные случаи превышения власти, вовсе не упоминает о таковых же случаях бездействия, а в ст. 338 и 343, определив общие понятия и условия превышения и бездействия власти, назначает за то и другое, смотря по обстоятельствам и последствиям, различные наказания. Должностное лицо признается, говорит между прочим ст. 338 Уложения, превысившим власть, ему вверенную, когда, выступив из пределов и круга действий, предписанных ему по званию или должности, учинит что-либо в отмену или *вопреки* существующих узаконений или предпишет или примет меру, которую мог бы установить лишь новый закон, и т. д. Действуя по закону, а не вопреки ему, говорит эта статья чиновнику, не присваивай себе права, принадлежащего лишь власти законодательной, но если ты находишь

нужным сделать какое-нибудь распоряжение, на которое у тебя нет прямого уполномочия от твоего высшего начальства, то испроси таковое, а не действуй с самонадеянным самоволием. Это требование с достаточною полнотою указывает на образ поведения должностного лица, ставя основанием ему закон или основанное на законе же разрешение высшего начальства. С достаточною полнотою — потому, что неведением закона, на основании 62 статьи Законов основных и 99 статьи Уложения о наказаниях, никто отговариваться не может, что чиновники приносят, на основании 714 статьи Устава о службе гражданской, присягу исправлять свою должность по существующим Уставам и Учреждениям» и что, наконец, по ст. 715 того же Устава «всякий служащий должен поставить себе в неперемнную обязанность ведать законы и Уставы государственные», не простирая, как говорится в ст. 717, «своей власти за пределы, предназначенные ей законом», который должен быть исполняем без «обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований». Вот почему совершенно справедливо составители нашего нового Уложения признают, что превышение власти, предусмотренное 338 и 341 статьями настоящего Уложения, соответствует превышению полномочий, присвоением себе власти законодателя, вот почему уголовный кассационный департамент еще в 1870 году, в решении по делу Егорова, № 377, высказал, что нарушение основных форм и обрядов, установленных для деятельности должностного лица, есть превышение власти, предусмотренное 338 статьей Уложения. А что, как не ряд действий, вопреки закону и с нарушением всяких допустимых законом приемов и форм, представляют все меры, которыми знакомил с «новыми порядками» крестьян Протопопов? Эти меры выросли как сильные и быстрые побег из бывшей их зерном мысли, что для водворения того, что подсудимый называл *порядком*, никакой закон не писан, никакая власть не имеет пределов в своем усмотрении. Но мысль эта ложная и опровергается

целью издания Положения об участковых земских начальниках. Этот закон вызван, как то выражено в именном высочайшем указе Сенату, одною из главных причин, затрудняющих правильное развитие благосостояния в сельском населении России, состоящею в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти, соединяющей попечительство над сельскими обывателями с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях. Положение о земских начальниках должно, по мысли закона, «устранить этот недостаток и поставить местную власть в подобающее ей и согласное с пользою государства положение». Поэтому, сам нарушая благочиние, которое он был призван охранять, вызывая в имеющих с собою дело людях опасение за свою безопасность, нарушая их права побоями, бранью и угрозами, подсудимый коренным образом искажал идею и задачу учреждения, которому он служил, и превышал, действуя *вопреки* существующим *указонениям и уставам*, свою власть, создавая себе не подобающее и не согласное с пользою государства положение.

Одним из выдающихся проявлений наличности отношения власти в действиях подсудимого является приказание его не сметь подавать ему прошений и жалоб, сопровождаемое угрозою принимать их «на морде» и «на задней части тела». "Оно сделано на сходе, при разъяснении собравшимся крестьянам нового закона, сделано лицом, прибывшим как представитель ново установленной власти, права и обязанности которого темному люду не могут быть в точности известны. Поэтому это не пустая и не простая угроза. Это есть предварение, под угрозою незаконной расправы, о том, что пользование правом жаловаться, искать защиты у власти отныне в участке подсудимого осуществлению не подлежит. Внушение сделано властью определенно и вразумительно — и притом человеком, который доказал уже и которому предстояло тотчас же опять доказать, что он шутить не любит и часто выражение о

морде не одна лишь метафора, человеком, который и в апелляции своей говорит о произнесении «довольно резких» речей с целью показать, что он не из тех начальников, распоряжения которых могут быть не исполняемы, и который упрекает Серого в том, что тот сразу подает жалобы губернатору, прокурору и в уездный съезд за побои, имеет намерение жаловаться министру и, лишь сознав, что в земском начальнике можно нажать «опасного врага», начинает действовать другим путем. Поэтому судебная палата совершенно правильно признала это внушение приказанием, составляющим преступление, предусмотренное первой частью 341 статьи Уложения. Такое приказание было распоряжением, идущим вразрез с прямыми обязанностями земского начальника.

По ст. 54 Положения он обязан принимать словесные и письменные просьбы всегда и везде. Не говоря уже о прошениях и жалобах, которые подаются ему как судье и случаи подачи которых, так сказать, рассыпаны по всем «правилам о производстве судебных дел у земских начальников», он должен, как попечитель о нуждах сельских обывателей, принимать жалобы по 26 статье Положения неправильно избранных на должности крестьян, по 28 статье — на должностных лиц волостного и сельского управлений, по 33 статье — на отказы в наделах малолетним и продажу их имущества, по 34 статье — на приговоры сельских обществ об удалении порочных членов и непринятии опороченных судом в свою среду и по 38 статье — на действия опекунов малолетних крестьян. Нужно ли говорить о значении, которое могут иметь эти жалобы и для жалобщика, и для надзирающей инстанции в лице уездного съезда, и для общественного порядка? Достаточно вспомнить, что постановления, о которых говорится в 34 статье, суть прямые последствия 48 и 49 статей Уложения о наказаниях и что ими определяется, в значительной мере, дальнейшая судьба жалобщика, а обязанность прислушиваться к жалобам на обиду малолетних касается одного из очень больных мест нашего сель-

ского быта. Наконец, по праву надзора за деятельностью волостного суда, земский начальник обязан принимать, по ст. 30, жалобы на решения этого суда и по 31 — представлять уездному съезду жалобы на приговоры о телесном наказании. Последние жалобы при обсуждении закона о земских начальниках были предметом особого рассуждения, и предположение предоставить право принесения их лишь совершеннолетним было отвергнуто Государственным советом ввиду исключительного характера этого наказания, требующего возможной осмотрительности и того, что благодаря влиянию школы уровень умственного развития крестьянской молодежи значительно повысился, а с тем вместе развилось в ней чувство собственного достоинства. Приказание не подавать всех этих жалоб, ставя преграду между уездным съездом и населением, освобождая подсудимого от значительной части обязательного труда, придавая законному праву жаловаться характер личного противодействия желанию земского начальника, было, в сущности, отказом в правосудии, а отказ этот, по смыслу 13 статьи Устава уголовного судопроизводства, карается по 341—343 статьям Уложения о наказаниях. Поэтому присуждение Протопопова к законной ответственности за превышение власти является, по моему мнению, справедливым.

Остается сказать об указаниях на суровость приговора, выразившуюся в исключении подсудимого из службы. Палата не приняла во внимание объяснений Протопопова о своей *молодости*... И правильно сделала! По закону земским начальником можно быть с 25 лет, как и мировым судьей, судебным следователем и присяжным заседателем. Этот возраст обеспечивает известный житейский опыт, вдумчивость и выдержку, необходимые для того, чтобы пользоваться властью, проявление которой отражается на судьбе других людей. Протопопов на пять лет — ему было в 1890 году 30 лет — ушел вперед от этого срока. Когда же признает он себя зрелым человеком, считая 30-летний возраст еще таким, к которому применимо мерило, созданное жизнью для молодости, смотрящей на все неопытными,

отуманенными легкомысленною радостью существования, глазами? Не менее неосновательна и ссылка его на новизну дела и незнание, чем руководиться в своих действиях. Приступая к новому делу по собственному желанию, он должен был изучить закон, который считал себя призванным исполнять. Закон этот очень не велик. На подробнейшее изучение по нему своих прав и обязанностей достаточно одной недели. Да и содержание его в большей части ничего нового не представляет для того, кто подержал экзамен из уголовного и гражданского судопроизводства и должен был знать, что такое Мировой Устав и Уложение о наказаниях. Характерные стороны народного быта тоже должны быть известны подсудимому. Он местный помещик, а следовательно, знаком с народом не из книжек. Не помешала же новизна дела мировым посредникам первого призыва с честью и безупречно исполнить свои обязанности.

Протопопов ссылается на то, что приговор палаты уничтожает его права на дальнейшую службу. Таким образом, пропали годы его университетского учения и преимущества, даваемые степенью кандидата прав! Да, пропали! Это грустно, но заслуженно. Напрасно ищет он в ссылке на свои университетские годы основание для особого снисхождения. Своею деятельностью он доказал, что они прошли для него бесследно. Студент обязан выносить из университета не один багаж систематизированных сведений, но и нравственные заветы, которые почерпаются в источнике добра, правды и серьезного знания, называемом наукою; эти заветы и в конце жизни светят студенту и умиляют его при мысли об университете. Наука о праве в своих обширных разветвлениях везде говорит о началах справедливости и уважения к достоинству человека. Поэтому тот, кто через год с небольшим по окончании курса бросил эти заветы и начала, как излишнее и непрактичное бремя, кто, вместо благодарной радости о возможности послужить на добро и нравственное просвещение народа, со смиренным сознанием своей ответственности перед законом, вменил спасительные указания этого закона в ничто, напрасно ссылается на свой

диплом. Звание кандидата прав обращается в пустой звук по отношению к человеку, действия которого обличают в нем *кандидата бесправия*. Лишены значения и указания апелляции на третировку имени подсудимого неразборчивым общественным мнением и советы суду не прислушиваться к этому мнению, а просвещать его. Общественное мнение действительно было бы очень неразборчиво, если бы его не смущал образ действий Протопопова и если бы оно находило его заурядным и не стоящим внимания явлением. Суду не следует служить органом общественного мнения, которое бывает изменчиво и слагается иногда случайно, под слишком разнородными и неуловимыми влияниями. Но суд, оставаясь живым организмом, а не мертвым механизмом, не может не отражать в своем приговоре голоса общественной совести, которая выражается и в твердом слове закона, и в проникающем этот закон духе. И если пред судом есть доказанное обстоятельство, оскорбляющее *такую* совесть,— суд исполняет свою обязанность, произнося слово осуждения без той ложной чувствительности, за которую столь часто скрывается черствое равнодушие к положению потерпевших.

Подсудимый настаивает пред Правительствующим Сенатом об отмене приговора палаты во всех частях, кроме одной, и об открытии ему вновь дверей государственной службы. Будучи в настоящем деле прокурором апелляционного суда, т. е., представителем обвинительной власти, я выражаю надежду, что Правительствующий Сенат оставит приговор палаты в силе, а ходатайство подсудимого без последствий. Устав о службе гражданской т. III Свода законов определяет в ст. 712 «общие качества должностного лица и общие обязанности, которые должны быть всегда зеркалом всех его поступков». К ним принадлежат: здравый рассудок, человеколюбие, рдение а должности, правый и равный суд всякому состоянию и т. д. Мы видели, как часто гнев потемнел здравый рассудок подсудимого, мы знакомы с характерными способами выражения им своего *человеколюбия*, мы знаем, как рдение о должности обращалось у него в рдение о своей власти, нам известно, *как* облегчал он обращение к своему

правому и равному суду... Он не может, без опасения причинения дальнейшего вреда поручаемому ему делу, оставаться матросом на корабле государственной службы. Его следует высадить за борт, и когда он, предавшись частной жизни, сольется с массой людей, не имеющих никакой власти, он взглянет на последнюю снизу вверх и, вероятно, поймет, как дурно для других и опасно для себя распорядился он тою властью, которая была ему с доверием дана...

Речь А.Ф Кони по делу о подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Дело, подлежащее нашему обсуждению, и по свойству преступления, и по его сложности выходит из ряда дел обыкновенных. Преступления, принадлежащие к разряду многообразных подлогов, отличаются от большинства других преступлений, между прочим, одною резкою характеристическою чертою: в большей части преступлений обвиняемые становятся более или менее в явно враждебные отношения к лицу потерпевшему и действуют поэтому, не всегда имея возможность тщательно обдумать все эти поступки, все предусмотреть, что нужно устранить, и обставить свои действия так, чтобы потом, в случае преследования, предстать, по-видимому, чистыми и по возможности неуязвимыми; напротив, преступление подлога совершается всегда путем длинного ряда приготовительных действий и почти всегда таким образом, что виновный имеет возможность обдумать каждый свой шаг, предусмотреть его последствия и рассчитать все шансы успеха. Кроме того, это последнее преступление не совершается никогда под влиянием кратковременного увлечения, под давлением случайно и нежданно сложившихся обстоятельств, но осуществляется спокойно и так сказать, разумно. Существенный признак этого преступления составляет обман, в который вводятся лица, против которых направлен тому очень часто бессознательным помощником, пособником, средством для совершения подлога является тот, против кого он совершается, является лицо слишком доверчивое, мало осторожное. Иногда такое лицо своею неосмотрительностью помогает обвиняемому само прикладывая руку

к своему разорению, как это было и в настоящем деле. Вот почему подобного рода преступление представляет для исследования подчас большие трудности и они увеличиваются еще и тем, что подлог совершается большею частью в обстановке, исключающей всякую возможность добыть свидетелей самого содеянного действий, в которых выразилась преступная мысль обвиняемого. Поэтому в таких делах, быть может, более, чем в каких-либо других, необходимо взглянуть в житейскую обстановку участвующих в деле лиц, посмотреть на их взаимные отношения, разобрать и оценить их. Прежде чем приступить к разбору улик, следует постараться вывести из оценки этих отношений возможность или невозможность совершения тех деяний и происхождения тех обстоятельств, которые подали повод к возникновению вопроса о преступлении. Поэтому и в настоящем случае я прежде всего обращаюсь к бытовой стороне данного дела. Краткий очерк личности и обстановки как княгини Щербатовой, так и подсудимых должен ответить на вопрос о том, действительно ли мог быть совершен в настоящем случае подлог.

Первый вопрос, возникающий при рассмотрении дела с этой точки зрения, есть вопрос о том, *существовали ли между княгиней Щербатовой и подсудимым Торчаловским такие отношения, которые давали бы основания к сделке, по поводу которой возбужден вопрос о подлоге, вынуждающий нас разбирать настоящее дело?* Возможно ли, по существовавшим между княгиней Щербатовой и Торчаловским отношениям, чтоб она дала Торчаловскому; документ, по которому обещалась заплатить ему 35 тыс. руб. по первому требованию за его почтительность в качестве посаженного сына и за его особенное усердие в управлении ее делами? При разрешении этого вопроса неизбежно приходится обратиться к личности покойной княгини Щербатовой. Мы имели перед собой группу разнообразнейших свидетелей. Они в резких и выпуклых чертах изобразили всю домашнюю обстановку и самую личность: княгини Щербатовой. Каждое из этих показаний, начиная с правдоподобных до грубости показаний мирового

судьи и кончая наивно-достоверным показанием Константиновой, каждое прибавляет новую черту, новое освещение к личности княгини Щербатовой, и благодаря этим показаниям эта личность, так сказать, встает из гроба и оживает пред нами во всей своей непривлекательной оригинальности. Княгиня Щербатова — женщина простого звания, бывшая за тремя мужьями, повышавшаяся чрез замужество по общественной лестнице и дошедшая до титула княгини, чуждая какого-либо воспитания, — последний год жизни проживала в своем обширном доме по Забарьевской улице в Петербурге. Ей шел восьмой десяток, так как она вышла замуж еще в 1812 году. Она не знала грамоты, ничего не могла читать и умела только подписывать свое имя, так что с принятием титула княгини, по показанию свидетельницы Константиновой, приживалке Настасье Николаевне стоило немалых трудов выучить ее подписываться своим новым званием и фамилиею. Имея молодого и цветущего мужа, носящего громкий титул и почти безвыходно пребывающего в долговом отделении, княгиня обладает довольно большим состоянием, но не пользуется ни одним из удобств, даваемых большими средствами; она проживает в среде приживалок, компаньенок и разных приближенных старушек, которые льстят ей, пользуются крохами, падающими с ее скудного стола, и терпеливо облепили ее со всех сторон в надежде на будущие блага. Княгиня подвержена, по словам Бартошевича, «семи болезням», но любит наряжаться, хвастается и величается своими бриллиантами, как ребенок игрушками, постоянно преувеличивая их стоимость. Но в то же время облеченная в свои наряды и бриллианты, она требует грошей от своей доверенной «Маруськи» и сама покупает молоко, которое хранит у себя, в спальне, боясь, чтобы ее не обсчитала ключница. Соединение мелкой скарედности и скупости, доходящей, как выразился один свидетель, «до гадости», с желанием молодиться, с суетным тщеславием и с отсутствием всяких семейных отношений к купленному мужу, возвращенному обратно в долговое отделение по миновании надобности, — вот выдающиеся черты характера княгини Щербатовой. Мы знаем много примеров ее скупости;

свидетели постарались обрисовать эту сторону ее натуры. Благодаря им мы узнали, между прочим, что если она решалась казаться почему-либо доброю и кому-нибудь помогала пустяками, то эта помощь сразу-, стала в ее рассказах до огромных размеров и немедленно оглашалась по всему дому. Невольно возникает вопрос: возможно ли, чтобы такая женщина решилась подарить 35 тыс. руб. подсудимому Торчаловскому? Полагаю, что на этот вопрос приходится отвечать только отрицательно. Это невозможно ни по главным чертам ее характера, ни по тем общим свойствам, которые присущи большинству людей. Уменье оказывать милосердие, творить добро украдкою и делать благодеяния так, чтобы правая рука не знала, что делает левая, одним словом,— способность оказывать помощь ближнему без особых разговоров о своем деле и не взимая, так сказать, процентов в виде чужой признательности — удел не многих натур и требует тонкого духовного развития. Такие люди, конечно, попадаются в жизни, но в большинстве случаев бывает не так, и, к сожалению, очень часто благодеяния носят в себе неизбежную горечь оглашения и самовосхвалений благодетеля, а подчас — и его попреков. И княгиня Щербатова, насколько мы с ней познакомились, не должна была быть свободна от этого свойства. Возможно ли, чтобы она повествовавшая на весь дом о каждом рубле, кому-либо данном, хваставшая каждой мелкой жертвой, собиравшая жадною рукою медные гроши, возможно ли, чтобы она по жертвовала 35 тыс. руб. или выдала расписку в эту сумму, зная, что у ней могут затем потребовать эти деньги каждую минуту? Стала ли бы об этом молчать и скрывать свою щедрую подачку она, которая окончательно прогнала мужа от себя за то, что он продал подаренную ею шубу, и, держа его в долговом отделении, позволяла описывать свое имущество по иску в 5 тыс. руб., между тем как у ней были обширные средства для уплаты? Ужели такая женщина подарит 35 тыс. руб., не говоря об этом никому ни одного слова, не требуя затем от получившего подарок никаких знаков особого, исключительного уважения,

не указывая на все сделанное окружающим, которые, глядя на княжью щедрость, стали бы еще более почтительны, еще более покорны и сладкоречивы в надежде и сами получить соответствующую награду за свою службу? Даже Константиновой, этой верной слуге, которой она постоянно говаривала, что не забудет ее, она ничего, однако, не оставила, а между тем Торчаловскому, услугами которого была недовольна, подарила 35 тыс. руб. Этого, очевидно, не могло быть. Княгиня Щербатова была бы в этом случае не верна самой себе. А она была человек в своем роде цельный и последовательный.

Перехожу к Торчаловскому. Торчаловский впервые является около княгини Щербатовой, тогда еще Барышников вон, в 1849 году. Незначительный чиновник, он пользуется покровительством богатой генеральши, просит ее бить его посаженной матерью и затем получает у ней в квартире каморку около кухни и пищу с ее стола. Но генеральша или генерал, для нас это в настоящем случае безразлично, не дают своего покровительства даром, и вследствие этого однажды Торчаловский посылается поторопить запряженных лошадей,— его чиновная гордость оскорбляется, он не идет и его прогоняют. Несколько лет о Торчаловском не слышно, но затем, в 1859 году, он является уже управляющим имением княгини Щербатовой в Черниговской губернии. Каким образом это сделалось — нам неизвестно, но, судя по тому, что мы слышали на судебном следствии о личности Торчаловского, нет ничего удивительного, что он снова вкрался в милость княгини. Он обрисован различными свидетелями так, что нельзя не признать человеком умным, житейски опытным и ловким, прежде всего ловким. Таким очертил его и мировой судья Майков. Обладая такими свойствами, Торчаловский успевает снова помириться с генеральшею Барышниковою. Он управляет ее имением, однако недолго — с 12 ноября 1859 г. до 25 мая 1860 г., всего около полугода. Через полгода будущая княгиня Щербатова опять его прогоняет и, по словам свидетелей, «ругательски его ругает» за то, что он поступил с ней дурно и не оправдал

ее доверия. При этом рассказывается о каком-то доме, построенном из ее леса. Торчаловский заявляет, что все это неправда, так как он служил хорошо, причем лучшим доказательством его ревности к хозяйству покойной княгини может служить представленный им к делу документ, состоящий из одобрительного свидетельства, выданного' ему крестьянами черниговского имения Щербатовой и Местным церковным причтом. Но, взглядываясь в этот документ, приходится признать, что представление его Торчаловским отчасти подтверждает тот отзыв княгини Щербатовой, о котором сейчас было упомянуто. Во-первых, документ этот выдан Торчаловскому слишком через 17г года после того, как он оставил службу у княгини, тогда, когда он уже служил в Петербурге в департаменте герольдии, и выдан ему по его письменной просьбе. Для чего ему понадобилось подобное свидетельство? Если оно выдано ему для поступления на государственную службу, для того, чтобы показать себя с хорошей стороны в глазах будущего начальства, то для этого едва ли достаточно подобного удостоверения, которое обличает только хозяйственные способности Торчаловского. Но надо полагать, что этих качеств вовсе не требовалось для него для про* хождения государственной службы по ведомству герольдии, тем более, что в ней он оставался и впоследствии, несмотря даже на возбуждение против него обвинения в подлоге. Если ему нужно было зарекомендовать себя во мнении частных лиц, то в таком случае не проще ли было бы достать подобный документ прямо от хозяина, у которого он служил, достать одобрительный аттестат от княгини Щербатовой, а не от крестьян или местного причта? Что такое в самом деле это свидетельство? В нем крестьяне говорят, что такой-то всегда свои обязанности исполнял рачительно и *приводил их к повиновению средствами, указанными в законе*. Это было в 1861 году, во время переходное, когда крестьян более всего, конечно, интересовало устройство своего собственного быта. Что же значит, что такой-то исполнял свои обязанности рачительно и приводил крестьян к повиновению? Не значит ли это,

что он не делал явных злоупотреблений, которые даже чуждыми барскому хозяйству людьми были бы замечены, и не употреблял такого свойства принудительных мер, которые даже при существовании крепостного права были запрещены... В свидетельстве причта удостоверяется, что Торчаловский ни в чем предосудительном не был замечен, но и это свидетельство, при том положении главного управляющего, которое имел Торчаловский в помещичьем селе, при том приниженном и зависимом положении, в котором обыкновенно находится сельский причт не только относительно своих помещиков, но и их управляющих, такое свидетельство, говорю я, не имеет никакого серьезно" го значения. Да и к чему все эти свидетельства от крестьян, от причта, когда нужно только *одно* свидетельство от княгини Щербатовой? Но такого свидетельства у Торчаловского нет и быть не могло потому, что княгиня Щербатова не выдала бы такого удостоверения о добропорядочности человеку, которого бранила всем окружающим, и я полагаю, что все эти поздние похвальные листы от крестьян и причта явились именно ввиду жалоб княгини, вследствие желания Торчаловского иметь против ее укоров некоторые документы, которыми на первый взгляд удостоверялось бы, что он вовсе не такой дурной человек, как она об нем рассказывает. Как бы то ни было, но после 1859 года Торчаловский удаляется и является снова лишь в 1869 году. Княгиня Щербатова устарела, ее «мот», как она называла своего мужа, сидит в долговом отделении, напрасно подсылая к своей супруге заступников, ходатайствам которых она не придает никакой цены. Но вот от него является к княгине Торчаловский, который предпосылает себе письмо. Мы слышали здесь это письмо: в нем Торчаловский просит забыть прошедшее, которого более не существует, говорит, что он исправился и *«может, гордиться в своей сфере и даже быть полезным в сфере высшей»*. Это письмо, содержащее, между прочим, в себе подтверждение нелестных отзывов о нем княгини, производит, однако,

свое действие. Скромное сознание своей вины, указание на провидение и покорный тон письма трогают ее любящее униженную покорность сердце. Он является, его принимают... Второе письмо, которое было прочитано здесь, носит тот же характер. В этом письме княгиня, к которой Торчаловский в первом письме обращался официально, становится для него *«милой, доброй мамашей»*, принимает то *священное имя, которое он не произносил уже 20 лет*. Торчаловский отказывается от дел князя; он обезоружен добротой княгини, преклоняется перед ее умом и удивляется той верной оценке людей, которую она умеет делать. Он весь, всецело, готов служить ей, насколько хватит сил. Такими медоточивыми речами Торчаловский окончательно возвращает себе расположение княгини. Оно, впрочем, весьма понятно — и Торчаловский верно рассчитал. Княгиня благодаря ему вырастает в собственных глазах. Она — полуграмотная, неразвитая женщина — является замечательно умною, даже более, является глубоко мудрою, которой нельзя не удивляться. Лесть — орудие могучее против людей и потоньше Щербатовой — и Торчаловский благодаря этому орудию снова допущен к делам княгини. Но, однако, на время приобретенное расположение не сопровождается доверием подозрительной старухи: здесь был дан целый ряд свидетельских показаний, которые удостоверяют, что княгиня более доверяла дворнику Аверьянову, чем Торчаловскому. Вскоре после водворения Торчаловского она уже ворчливо заявляла Бартошевичу, что у ней полон дом жильцов, а денег нет. А затем начинаются и проявление полного недоверия и те резкие выражения, те бранные эпитеты, которые, по словам свидетелей, выставленных самим же Торчаловским, княгиня употребляла, говоря о нем, — та самая княгиня, которая, по письменному признанию его, умела делать такую верную оценку людям.

Таковы два главных действующих лица в этом деле. Где же указание на то, что между ними существовали такие отношения, которые давали бы

возможность предполагать, что одно из этих лиц могло подарить другому 35 тыс. руб.? Таких отношений между ними, очевидно, не могло существовать и не существовало. Но посмотрим затем, не было ли каких-нибудь побочных, посторонних причин, которые могли бы сами по себе вызвать подобную сделку между княгиней и подсудимым. В сделке значится, что 35 тыс. княгиня дает за почтительность к ней Торчаловского в качестве ее посаженного сына и за хорошее управление ее делами. Но почтительность в качестве посаженного сына есть качество очень неопределенного свойства. Надо полагать, что князь Щербатов был гораздо почтительнее к своей престарелой, богатой законной жене, но она и его не пускала к себе и оставляла без гроша сидеть в знаменитом доме Тарасова; притом почтительность Торчаловского ни в чем особенно не выразилась, а если в письмах его содержится изрядная доля льстивых выражений относительно княгини Щербатовой, то вместе с этим целым рядом свидетелей объяснено, что ее выражения о Торчаловском далеко не были ласковы и не обличали, чтобы его почтительность ее особенно трогала. Если эти 3? тыс. даны Торчаловскому за его хорошее управление имением княгини, то ничем не доказано, что он управлял таким образом, а напротив, ничем не может быть опровергнуто, что, по ее настойчивым и неоднократным отзывам, он управлял очень дурно имением в Черниговской губернии и домом в Петербурге. При этом за управление домом в течение нескольких месяцев он получал жалованье, на что указывают две расписки в деле. Они выданы за время с 4 августа по 4 ноября. Может быть, скажут, что за дальнейшее время нет расписок. Это правда. Но вот что по этому поводу можно сказать: если нет за дальнейшее время расписок, то за первое время есть две расписки на одну и ту же сумму, которая ему следовала с 4 августа по 4 сентября. Нам скажут, что это явилось вследствие безалаберности княгини, которая, утратив одну расписку, потребовала написания другой, а затем утраченная записка нашлась. Пусть будет так, но в таком случае нам дано объяснение и того, почему нет дальнейших расписок. Итак, Торчаловский далеко не блестящим

образом управлял у княгини Щербатовой, вызывая постоянно ее неудовольствие, получал жалованье, следовательно, служил не безвозмездно, да и служил-то всего-навсего у княгини в течение двадцати лет только один год: полгода в Черниговской губернии и полгода в Петербурге. Возможно ли, чтобы за это княгиня Щербатова дала ему 35 тыс. руб.?! Так ли она вознаграждала услуги? Известно, например, из дела, что за княгиню Щербатову, бывшую в то время вдовою генерала Барышникова, сватался, поддерживаемый сильным покровительством, барон Энгельгардт, к которому - княгиня была весьма подвижна и дочь которого очень любила, постоянно держала при себе и считала своим другом. Между тем, госпожа Энгельгардт, после всех сделанных ею княгине дружеских услуг, после долгих годов «дружбы» с тяжелой и требовательной старой женщиной, получила лишь по завещанию 25 тыс. руб. Это был самый большой дар княгини и притом дар, который госпожа Энгельгардт могла получить только после смерти дарительницы. Все другие приближенные лица, приживалки и компаньонки, которым, конечно, немало пришлось поработать на княгиню и по испытать ее капризов, получили сущие пустяки. А они, конечно, послужили побольше Торчаловского...

Обратимся к другой стороне дела: *к форме самой расписки и к действиям подсудимого Торчаловского относительно этой расписки*. Расписка эта в 35 тыс. руб., а между тем написана на простой бумаге, следовательно, является домашним документом, т. е. таким документом, что когда Торчаловский приносит его присяжному поверенному Полетаеву, то последний тотчас же заявляет ему, что по этому документу будет спор о подлоге, потому что условие домашнее и на большую сумму. Этого, конечно, не мог не знать Торчаловский, который сам принадлежит к числу мелких ходатаев. Между тем, он придал документу форму чрезвычайно неопределенную, шаткую, некрепкую. Отчего же Торчаловский, зная нрав княгини, зная, что она часто ссорилась с людьми ей близкими из-за ничтожных денег, подлежавших уплате, отчего он не составил себе более твердого

документа, почему не взял, например, заемное письмо или сохранную расписку, а ограничился таким простым документом? Зачем не оградил он себя по возможности от будущих споров и пререканий самую твердостью и формальностью документа? Перейдем к способу составления расписки. Торчаловский объясняет, что все дело сначала шло хорошо, что, выдавши ему расписку на 35 тыс. руб., княгиня хотя и могла ожидать каждый день требования уплаты, но тем не менее оставалась совершенно спокойною и держала Торчаловского у себя. Но это продолжалось лишь до тех пор, покуда Бартошевич, Миних и Энгельгардт, его исконные враги, не соединились вместе и не выжили его из дому посредством разных оскорблений. Но если для Торчаловского, который, по его словам, сумел приобрести наибольшее количество доверия и расположения княгини, эти люди были заклятыми врагами, то не гораздо ли лучше было их же и заставить быть свидетелями и расписаться на документе. Таким образом он заставил бы этих людей не опровергать расписку, а явиться в суд свидетелями, утверждающими правильность расписки. Заставив своих врагов приложить руку к документу, он зажал бы им в то же время рот и совершенно себя обезопасил. Это так соответствовало бы и требованиям осторожности и естественному желанию выказать врагу свое над ним превосходство и торжество! Но он ничего этого не сделал; он оставил своих врагов в стороне и выбрал свидетелем другое лицо — дворника. Мы слышали, *как* дворник Аверьянов объяснял свое участие в этом деле. Свидетельница Константинова говорит, что когда она была перевезена из больницы в дом Торчаловского, то ее больше всего поразило, даже испугало и оскорбило, то, что дворник этот держит себя с Торчаловским запанибрата, даже сидит рядом с ним и с нею, а Торчаловский по его уходе говорит: «Умный мужик Павел, ему не в дворниках бы быть». Эти слова служат лучшей характеристикой Аверьянова. Из всех его действий, из той роли, которую он играл на следствии, из того положения, которое он занял в этом деле, несомненно, следует, что он действительно человек умный. Он строго обдумал свой образ действий и дает здесь такие объяснения,

которые, нисколько не объясняя обстоятельств дела относительно Торчаловского и даже нисколько его не оправдывая, самого Аверьянова совершенно ставят в тени, в стороне. Он говорит, что подписание расписки происходило следующим образом: Торчаловский принес расписку к княгине, но читал ли он ей эту расписку, Аверьянов не знает, потому что был в другой комнате и не слышал, а затем был позван в комнату княгини, и там Торчаловский просил княгиню позволить дворнику подписать расписку,— княгиня сказала: «Подпиши, Павел». После этого Торчаловский вышел в следующую комнату и прочел ему из числа нескольких бумаг, бывших у него в руках, одну, которая и была той распиской, о которой идет речь в настоящем деле, и затем, послав его снова к княгине, Торчаловский ушел в столовую, и когда через четверть часа туда пришел Аверьянов, тогда-то и совершилось подписание им расписки. Из «того объяснения выходит, что собственно Аверьянов не может удостоверить, ту ли действительно расписку он подписал, относительно которой ему говорила княгиня, так как он не знает, что именно читал ей Торчаловский. Она была в числе других документов, следовательно, княгине могли быть прочитаны и другие расписки, например в получении денег от жильцов. Таким образом, в показании Аверьянова есть указание, что Торчаловский мог воспользоваться его простотою и дать ему подписать расписку, которая не была прочитана княгине, а прочитана лишь ему, Аверьянову. С объяснениями Аверьянова, этого «умного Павла, которому бы не дворником быть», поневоле согласен и Торчаловский. Но такое объяснение несправедливо. Если принять это толкование способа выдачи расписки, то оказывается, что Торчаловский приводит и заставляет расписаться на расписке такого свидетеля, который, вполне подтверждая фактическую сторону дела в том виде, как он рассказал о ней пред нами, вместе с тем дает возможность к разным предположениям и неприятным для Торчаловского толкованиям, нисколько не объясняя самой сущности дела. Но разве можно довольствоваться таким свидетелем, разве можно действовать так неосторожно? Ведь Торчаловский — юрист, ходатай, отчего же он не прочел

расписку княгине при Аверьянове, с ударением на цифру денег, которые давала ему княгиня; неужели можно допустить, чтобы княгиня так просто, без всякой торжественности, с ее стороны весьма естественной в этом случае, подписала документ и даже удержалась от того, чтобы не похвастаться перед Павлом и не сказать ему: «Вот смотри, Павел, как я награждаю людей, мне преданных!» Ничего этого нет, и расписка выдается как бы на ничтожную сумму, на несколько рублей. Свидетель ставится в такое положение, что может в сущности удостоверить, что подписал бумагу, которую ему подсунил Торчаловский. А княгиня, подымающая шум из-за грошей, неустанно стерегущая молоко, спокойно и лаконично говорит: «Подпиши, Павел»,— даже не объяснив, что нужно подписать! Разве это все в порядке вещей? Затем начинаются дальнейшие похождения Торчаловского с распискою. У него враги в доме княгини, они сживают его со свету, и что же? Получив расписку, он обратился именно к одному из этих своих врагов — к Поверенному княгини Бартошевичу — и предложил ему 20%, или 7 тыс. руб., за то, чтобы он помог ему в этом деле, просил даже и не *взыскать*, а просто *помочь*. Разве так стал бы делать человек, совершенно уверенный в своей правоте? Зачем он обратился к своему врагу Бартошевичу, за что он предлагал такое огромное вознаграждение? Мне кажется, что это можно объяснить единственно тем, что он нуждался в обезоружении своего главного и опасного противника. Он знал, что княгине случилось недолго жить, что около нее стоял один знающий дело и верный ей человек. Это был Бартошевич. Торчаловскому нужно было его обезоружить, сделать участником своих интересов, склонить на свою сторону. А этого можно достичь, только сделав Бартошевича своим поверенным. Вот почему он и обратился прежде всего к нему. Таковы были действия подсудимого. Я полагаю, что на все вопросы, вытекающие из житейской обстановки дела и поставленные мною в начале речи, получается ответ отрицательный. Отношений, допускающих такой значительный дар со стороны княгини, между нею и Торчаловским не существовало; форма расписки не соответствует

значительности поставленной в ней суммы; способ ее составления, а также и остальные действия Торчаловского не соответствуют тому, что следовало бы ожидать при существовании действительного документа на 35 тыс. руб. Ввиду этого, мне кажется, невозможно и признать существование тех фактов, тех обстоятельств, на которые указывает подсудимый; следовательно, то, что противоречит этим фактам, что отрицает их, является правильным и справедливым. Поэтому есть основание утверждать, что расписка подложна и составлена преступною рукою.

Но обязанность обвинителя не ограничивается одною отрицательною стороною дела, необходимо указать, как было совершено преступление, проследить тот путь, каким совершилось оно, и к отрицательной стороне дела, к разбору объяснений подсудимого прибавить положительную, состоящую в ряде улик и доказательств преступности его действий. К этой стороне дела я и приступаю.

Если сравнить действия человека, поступающего законно и правильно с уверенностью в своей правоте, с действиями человека преступного, то в них всегда можно подметить резкие отличительные черты, яркие особенности. Человек, сознающий правоту своих действий, не будет говорить о них украдкою, не станет действовать, по возможности, без свидетелей, не будет стараться затем подговорить их «на всякий случай», не станет скрывать следов того, что совершил, и запасаться такими данными, которые должны лишить веры всех, кто может усомниться в правильности его действий.

Совершенно в обратном направлении будет действовать тот, кто сознает, что поступает нечисто и дурно. У него явятся и подставные свидетели, и сокрытие следов. Иногда на помощь правосудию придет и другое, довольно нередко встречающееся в преступлениях свойство: виновный проболтается, проговорится и сам поможет таким образом разъяснить дело. Желание похвастать, неумение вовремя промолчать — слишком общие и частые явления в жизни человека. Иногда виновный дает против себя оружие, проговаривается

под влиянием отягощенной совести, которая настойчиво требует хоть косвенного признания. Но чаще это бывает, когда он совершит какое-нибудь ловкое действие и видит в том силу и торжество своего ума. Он знает, что в известной среде, при известном нравственном уровне, его ловкие дела встретят сочувствие — и ему трудно удержаться от желания похвастаться новым «дельцем», показать, как он умел обойти, провести всех. С подобного обстоятельства приходится начинать исследование улик и по настоящему делу. Оно случилось в камере мирового судьи Майкова. Подсудимый Торчаловский опровергает это обстоятельство, и некоторая сбивчивость показаний свидетелей Залеского и Пупырева дает, по-видимому, возможность защите подозревать правдивость этих показаний. Но я думаю, что это подозрение не будет основательно. Свидетель Залеский показал здесь, что подсудимый Торчаловский приходил к нему,— когда, не помнит - получить исполнительный лист и на вопрос о том, не обманула ли его княгиня Щербатова, подсудимый вполголоса объяснил, что нет, не она, а он ее обманул, и при этом рассказал, как удалось ему взять расписку, как он приобрел подставного свидетеля. Он рассказал, что вошел в кабинет княгини и, пользуясь тем, что княгиня не умела читать, под видом доверенности поднес расписку в 35 тыс. руб., которую княгиня и подписала. Таким образом подсудимый сам помог разъяснить способ совершения расписки.

Во время судебного следствия возбуждался вопрос о дне, когда происходил у Торчаловского с письмоводителем разговор в камере мирового судьи. По-видимому, защиту затрудняло то, что мировой судья говорит, что написал письмо свое чрез день или два после рассказа Залеского о «штуках» Торчаловского. По пометке на письме видно, что оно написано 4 марта. Между тем, из того же рассказа Залеского оказывается, что Торчаловский показывал ему доверенность на имя Полетаева. Доверенность эта выдана 28 февраля, после того как 24 февраля Торчаловский сделал у нотариуса Левестама заявление княгине Щербатовой об окончательном с ним расчете к 1 марта, Под условием недействительности всех его

дальнейших Претензий. 3 марта уже был предъявлен Полетаевым иск об расписке. Таким образом, оказывается, что Торчалов мог показывать доверенность и говорить Залескому о своей проделке с княгиней только до 28 февраля, что отчасти противоречит рассказу Залеского о том, что он немедленно сообщил о слышанном мировому судье, который и написал товарищу прокурора. Но это противоречие неважное. Сам Залеский говорит, что хорошенько не помнит числа, но знает, что это было в феврале. Мы не можем требовать ни от писмоводителя Залеского, ни от мирового судьи совершенной точности в их показаниях о числах: среди массы дел, которые у них бывают, весьма естественно забыть некоторые мелкие обстоятельства, и лучшим доказательством этого служит то, что мировой судья совершенно забыл даже такой сравнительно крупный факт, как признание им обвинения княгиню Щербатовой Бондырева недобросовестным и наложением за это штрафа на жалобщицу. Притом для дела важно не то, чтобы числа сходились одно с другим с математической точностью, а важно то, что дело началось с письма мирового судьи, а письмо он мог послать, конечно, не иначе как вследствие рассказа Залеского, потому что судья мог узнать о действиях Торчаловского только от Залеского, который, в свою очередь, также не мог узнать об этом ниоткуда больше, как из рассказа самого Торчаловского. Это было, вероятно, после того, как сделано было нотариальное заявление Левестаму и подсудимый с готовою доверенностью в кармане явился к Залескому. Это было, очевидно, между 24 и 28 февраля, быть может, утром, 28. 1 или 2 марта Залеский рассказал обо всем мировому судье, который и написал товарищу прокурора. Приход Торчаловского к Залескому вполне понятен. Обеспечив себя нотариальным заявлением, готовясь в начале марта предъявить совершенно неожиданно княгине Щербатовой иск, он мог возыметь желание зайти к приятелю, с которым обделывал разные дела по своим «хождениям у мирового судьи» и покровительством которого относительно сроков и очередей в делах пользовался. Этот покровитель мелких ходатаев, их советник и

помощник считался Торчаловским за доброго приятеля и пользовался, как видно из дела, его полнейшим доверием. Дельце обделано ловко — отчего не прихвастнуть другу, отчего не похвалиться своею ловкостью; дельце тонкое и рискованное — рассказав о нем вполголоса, можно, пожалуй, и совет добрый услышать, тем более, что, хотя оно и «на чеку», как говорится, но еще в ход не пущено — доверенность на имя Полетаева еще в кармане. Вот как может, вот как должен быть объяснен разговор Торчаловского с Залеским — разговор, подслушанный Пупыревым.

Обращаясь к тому, что хотел сделать Торчаловский с распискою, полученною им от княгини Щербатовой, я допускаю следующее предположение, которое, как мне кажется, единственно и возможное в настоящем деле. Торчаловский кончал свои занятия у Щербатовой, княгиня удаляла его, и он должен был предвидеть, что рано или поздно дело неминуемо кончится этим. Поэтому надо было извлечь наибольшую выгоду из служения при полуграмотной старухе. Еще с декабря 1869 года, с каждым днем, здоровье княгини делается хуже и хуже, происходит несколько консилиумов, и, наконец, доктора предполагают, что больная проживет только до вскрытия Невы, т. е. до половины апреля. Почему же не воспользоваться выгодами своего положения, чтобы потом иметь возможность из имущества княгини получить львиную часть? И вот составляется расписка, подсовывается к подписи княгине и является свидетелем дворник. Приближается март месяц, Нева скоро вскроется, здоровье княгини делается с каждым днем все хуже и хуже, она слабеет и с первыми льдинами уплывает в другой мир. Между тем, порядок производства гражданских дел в окружном суде подсудимому известен: он знает, что как бы быстро ни производилось дело в суде, все-таки пройдет около трех недель, как было и в настоящем случае, прежде чем вопрос о возбуждении спора о подлоге возникнет у того лица, которое может заявить этот спор. Поэтому княгиня узнает об иске, предъявленном в начале марта, лишь в конце

месяца, когда она одною ногою уже будет стоять в гробу и когда ни ей, ни окружающим ее будет не до споров о подлоге. Ввиду этого Торчаловский 3 марта предъявляет иск; лишь 26 был предъявлен спор о подлоге. Иск, таким образом, был предъявлен при жизни княгини, и наследники ее лишились права заподозреть действительность документа, потому что при жизни княгини о нем не было «ни слуху, ни духу». Торчаловскому хотелось прежде всего обеспечить себя со стороны Бартошевича, но это не удалось; между тем, о расписке уже стало известно, и тогда, делать нечего, он предъявил расписку ко взысканию. Это было в начале марта, а перед тем он делал заявление нотариусу о том, что просит княгиню покончить с ним к 1 марта все сделки и затем всякие претензии считать с его стороны недействительными. Это заявление доставляется княгине, которая отвечает, что никаких претензий на нее у Торчаловского нет. Этим Торчаловский обеспечил себя против дальнейших споров княгини или ее наследников. Он мог всегда сказать, что просил княгиню заблаговременно окончить счета, и только благодаря ее упорству вынужден был обратиться к суду. Ему надо было выждать время, пока княгиня доживает свои последние дни. Он знал, что лишь только ее старческое тело будет трупом, со всех сторон, как стая воронов, слетится толпа наследников, прихлебателей и всякого рода близких друзей покойницы; каждый будет стараться получить какой-нибудь кусочек из имущества княгини, и тогда среди этого всеобщего спора, в разгар всей этой суматохи у смертного одра княгини некому будет заняться предъявленной ко взысканию распиской, предъявлять спор о подлоге, вести тяжбу и пр. Притом, если бы кто-нибудь и захотел возражать против того иска, то есть свидетель, который всегда отличался честностью и который удостоверит действительность расписки, а затем есть еще весьма возможная свидетельница, на случай надобности, которую также можно прибрать к рукам; эта женщина бедная, болезненная, за которой можно поухаживать, которую можно приголубить; известно, что при болезненном состоянии, в беспомощном старческом возрасте, всякая ласка ценится высоко, да

притом она не хорошо и поймет, пожалуй, что от нее потребуется, следовательно, не решится отказать своему благодетелю. С этими двумя свидетельствами, имея в запасе заявление нотариусу, Торчаловский может с успехом рассчитывать, что он выиграет дело, тем более, чем сами «касперты», как выразилась Константинова, называя так экспертов, скажут, что подпись на расписке подлинная.

Обращаясь к участию в деле Аверьянова, я думаю,— насколько мог познакомиться с личностью подсудимого из того что он не без борьбы согласился участвовать в подписании расписки. Недаром же и, конечно, не сразу ему, простому дворнику, было предложено 500 руб., а затем явилась расписка в 700 руб. В показаниях Бондырева существует маленькое разочарование: сначала говорит он о расписке в 500 руб., а когда затем была взята эта расписка, то она оказалась в 700 руб. Бондырев добросовестно удостоверил это обстоятельство, но не мог объяснить его. Я думаю, что обстоятельство это объясняется очень просто. По ходу дела, условие с Аверьяновым должно быть совершено до предъявления иска, т. е. до 3 марта, потому что надо было заранее приобрести это свидетельство. Эта расписка была на 500 руб. серебром и ее-то видел Бондырев, которому тоже не совсем осторожно проболтался Аверьянов. Когда об этом узнал Торчаловский, то он увидел, что необходимость свидетеля этого поставить в противоречие с самим собою. Отсюда желание выдать другую расписку Аверьянову, отличную от той, которую видел Бондырев. Кроме того, и сам Аверьянов, видя, что дело затягивается, что его начинают «таскать» к судебному следователю по делу о расписке княгини, что он проживается,— видя все это, мог потребовать большего вознаграждения, мог пригрозить... Ему выдается расписка в 700 руб. от 20 мая, которая поражает громадною цифрою вознаграждения дворнику «за проезд из деревни».

Какие бы убытки ни понес Аверьянов в своем деревенском хозяйстве от вызова к судебному следователю, во всяком случае, они не могли достигнуть до такой суммы, тем более, что когда он жил в городе, то его

годовой заработок равнялся, как известно, 108 руб. Да и странно, что Торчаловский взялся вознаграждать от себя лицо, которое, по требованию судебного следователя, *обязано* было явиться к допросу. Да и могло это быть иначе. Если Торчаловский предполагал, что Аверьянов будет вызван как обвиняемый в соучастии в подлоге, то он не мог не знать, что расписка в руках Аверьянова, и притом на большую сумму, еще увеличит подозрение. Если же он думал, что Аверьянов явится просто как свидетель в деле, то допрос его мог быть произведен следователем даже и на месте его жительства. Вообще, и самый образ действий Аверьянова с распискою подтверждает мое мнение о том, что этому человеку трудно было решиться до конца исполнить роль, возложенную на него Торчаловским; побывав у Бондырева и увидев, что дело неладно, он уехал в деревню, а явившись оттуда, постоянно оставался на заднем плане и, очевидно, не дорожил распискою, приобретенною несправедливым образом. Недаром же она валялась в грязном белье, на дне незапертого сундука, в доме Цукато. Затем здесь говорилось еще о письме Аверьянова. Я не стою на том, чтобы слово «пишите» не было в действительном своем смысле словом «отпишите»; во всяком случае разница здесь будет весьма тонкая, грамматическая, но не изменяющая смысла письма. Аверьянов обещал исполнить свою обязанность, явиться, в случае надобности, к следователю, и показать будто бы всю правду. Но зачем же Аверьянову писать об этом Торчаловскому и даже получить за это большие деньги? Ведь и без того судебный следователь мог вызвать его по повестке, когда будет нужно, и он обязан был явиться; об этом знал Аверьянов, потому что, как старший дворник большого дома, он не мог не знать безусловной обязанности являться по повесткам следователей и мировых судей, которые, конечно, не раз бывали в его руках. Поэтому и расписка, и письмо Аверьянова — это улики против них.

Перехожу к свидетельнице Константиновой. Думаю, что вы, господа присяжные заседатели, разделяете мое доверие к показаниям этой

свидетельницы; вы, как и я, признаете, что в наивном, несколько комичном рассказе ее содержится много душевной теплоты и правдивости. Повторять это показание излишне: оно слишком памятно по своей оригинальности. Можно только указать на некоторые части этого показания. Свидетельница говорит, что она была больна и затем была взята из больницы Торчаловским к нему в дом и что, когда она была еще слаба, он заставил ее подписать известное письмо, с выражением удивления, что он, Торчаловский, подвергается незаслуженным подозрениям. Письмо помечено 17 марта. Что она была в это время очень слаба, так что не могла писать длинное письмо, это видно из официального документа, а именно из скорбного листа, в котором говорится, что она доставлена в больницу в половине февраля, «вынесена на руках», как она говорит сама, в состоянии сильной чахотки. Только после 11 марта замечено в ее состоянии некоторое улучшение, и лишь 5 мая выписана она из больницы по собственному желанию. Затем, больная и слабая, она привезена к Торчаловскому, который за ней ухаживает и дом которого был единственным ее пристанищем в это время, так как на вопрос, к кому бы она пошла, выйдя из больницы, если бы ее не взял Торчаловский, она отвечала стереотипною фразою, что «спет не без добрых людей». Облагодетельствованная таким образом, завернутая в шубу госпожи Торчаловской, окруженная попечениями подсудимого, больная старушка могла считать себя настолько обязанной Торчаловскому и притом настолько неясно понимала, чего от нее требуют, что весьма естественно могла исполнить его просьбу. Ее словам о способе писания письма можно вполне верить, и они подтверждаются двумя обстоятельствами: во-первых, письмо написано на таком же листе бумаги, такого же формата, с таким же гербом на углу листа, на котором написана и расписка княгини Щербатовой, и расписка, выданная Торчаловским Аверьянову. Это дает возможность предполагать, что бумаги происходили из одного источника. Затем, во-вторых, Торчаловский просил обратить внимание на безгра-

мотность письма Константиновой и отсутствие в нем соблюдения правил орфографии, чем, по его мнению, вполне опровергается ее объяснение. Но это письмо вовсе не безграмотно; оно написано со смыслом и толком. Притом никто и не думает утверждать, что Торчаловский сам писал его. Нет! Константинова определительно говорит, что Торчаловский диктовал ей это письмо... Поэтому *орфография* в нем принадлежит Константиновой, а *содержание* — Торчаловскому. Это последнее обстоятельство видно уже из того, что письмо начинается деловым юридическим языком. Я думаю, что, посмотревши на Константинову, всякий признает, что такого рода обороты речи подобная женщина не станет употреблять. Письмо начинается словами: «Я слышала, что против вас предъявлен иск по документу» и т. д. Эта фраза так и отзывается тем языком, которым пишутся исковые прошения. Затем здесь старались поколебать заявления Константиновой тем, что она несвоевременно заявила о всех обстоятельствах дела на предварительном следствии. Но она заявила об этом немедленно опекунам над именем княгини Щербатовой, заявила князю Сергею Щербатову и господину Мысловскому. У следователя же ее заявление явилось запоздавшим потому, что судебный следователь мог вызвать ее только через четыре месяца, после ее разыскания. Надо заметить, что письмо, будто бы писанное ею, вызывает еще следующие соображения: 17 марта княгиня была еще жива; из ее дома была вынесена Константинова, и к ней одной, после восьми лет совместного житья, должна она была вернуться. Почему же эта Константинова, которая теперь, забытая и оставленная княгиней, так настойчиво защищает на суде интересы и память покойной, почему же она тогда, когда княгиня была для нее «всё», вдруг так ополчилась за интересы чуждого ей Торчаловского, зная, что этим отрезывает себе возможность возврата в дом княгини Щербатовой? Все это не в порядке вещей, потому, что не было в действительности, а измышлено Торчаловским. Затем остается еще третья ссылка подсудимого Торчаловского, который, видя, что свидетельница Константинова не

оправдывает его ожиданий, ссылается еще на свидетельницу Коханееву, которая упорно стояла на своем показании, утверждая, что, приходя к княгине с просьбою о помощи, она слышала, что княгиня называла Торчаловского негодяем и мерзавцем за то, что он расписку предъявил при ее жизни, а не после смерти, как она того хотела. Я полагаю, что этот рассказ Коханеевой представляется крайне неправдоподобным. Ее никто из близких княгини не видал в доме, никогда и нигде с нею не встречался. Кроме того, если бы княгиня действительно говорила приписываемые ей слова, то выдача Торчаловскому расписки, по которой уплата должна быть совершена немедленно по предъявлении, представляется крайнюю нелепостью, и, имея это в виду, княгиня, конечно, Скорей всего отказала бы Торчаловскому 35 тыс. руб. по завещанию, не отдавая себя, таким образом, в руки человека, которого она характеризовала, по словам Коханеевой, в таких кратких, но сильных выражениях. Таким образом, Коханеева является свидетельницею далеко не достоверною, хотя нельзя не признать, что ввиду сделанного ею заявления об отзыве княгини Щербатовой указание со стороны Торчаловского на подобную свидетельницу требует немалого самоотвержения. Наконец, для полноты характеристики следует упомянуть еще о сокрытии следов преступления. Когда подсудимый был арестован и когда ему нужно было спеться, согласиться с Аверьяновым, когда он находил необходимым напомнить ему о том, что он должен показывать, он написал записку, которая была здесь предъявлена. Содержание этой записки достаточно ясно и не нуждается ни в каких объяснениях. Это обстоятельное наставление Аверьянову о том, что говорить при следствии, чтобы спастись самому и вместе о том спасти и Торчаловского. Вот те данные, которые представляются к обвинению подсудимых.

Делая общий свод этих данных, я нахожу, что подсудимый Торчаловский, задумав воспользоваться своим пребыванием у княгини Щербатовой и ее доверием и зная, что она не умеет грамоте, подсунул ей расписку в 35 тыс. под видом доверенности, а затем, обставив себя

заявлением "у нотариуса и одним из свидетелей, предъявил эту расписку ко взысканию. Неумеренная болтливость его в камере мирового судьи сделала то, что одновременно с начатием гражданского дела обвинительная власть привлекла Торчаловского к уголовному суду; тогда он решился обезопасить себя и заручился свидетельницей Константиновой и, на всякий случай, еще одною свидетельницей — Коханеевой. Главным подспорьем для Торчаловского явились, конечно, показание и подпись Аверьянова.

Остается сказать несколько слов о распределении ролей между подсудимыми. Нет сомнения, Аверьянов играет в этом деле роль второстепенную; он является орудием другого, более сильного и хитрого лица, потому что в таком упорном деле, как подлог, очень часто необходимо разделение труда, необходимо, кроме лица, управляющего всем, *так* сказать, одухотворяющего преступление, и лицо пассивное, которое помогает, которое действует по указаниям главного распорядителя преступного дела. Совершив свое дело — подложное засвидетельствование документа — Аверьянов сам, по-видимому, вполне сознавал, что дело эта нечистое, дурное, и все его действия по этому предмету, представляются крайне осторожными, так сказать, недеятельными. Даже здесь не старается он оправдаться и не отрицает обстоятельств, благодаря которым он сидит на скамье подсудимых. Он только старается дать иное объяснение своим действиям, и хотя объяснения его участия в подписке документа представляются не лишенными "некоторой правдоподобности, но объяснения эти, тем на менее, противоречат тому, что обнаружено по делу относительный расписок, полученных им от Торчаловского, и всех дальнейших между ними сношений. Нельзя, однако, отрицать, что его прежняя деятельность представляется честною и безупречною, и это предыдущее честное поведение представляется настолько смягчающим обстоятельством, особенно ввиду долговременного содержания его под стражею, что если вы признаете его виновным, то, вероятно, не откажете ему в снисхождении. Я обвиняю Аверьянова в том, что он

засвидетельствовал подложный документ; Торчаловского обвиняю в том, что он совершил подлог, т. е. такое действие, которое закон относит к одним из самых опасных и злонамеренных обманов, совершил один из видов того обмана, который с некоторыми видоизменениями предусмотрен в 1693 статье Уложения о наказаниях, говорящей о поднесении к подписанию слепому другой, а не той, которую он желал подписать, бумаги. Я применяю эту статью потому, что княгиня Щербатова, не умеющая читать писаного, безграмотная, конечно, ничем не отличалась от слепой, так как не отличается в глазах безграмотного человека своим содержанием лист белой бумаги от листа бумаги, исписанной неведомыми ему знаками. Обвинение мое кончено; оно было несколько длинно, но и обстоятельства дела слишком сложны. Заклячая его, я не могу не припомнить, что перед нами читалось письмо Торчаловского к княгине Щербатовой, в котором он говорит, что может «гордиться в своей сфере и может быть полезен в сфере высшей». Я полагаю, что ваш приговор, г. присяжные заседатели, покажет, что такое высокое мнение подсудимого о самом себе было, по меньшей мере, преждевременно и неосновательно.

Краткие биографические сведения о Ф.Н. Плевако.

20 ноября 1864 г. изданы Судебные Уставы императора Александра II. В том же, 1864, году двумя месяцами раньше юридический факультет Московского университета окончил выходец из небогатой чиновничьей семьи Федор Плевако.

Через много лет прославленный русский адвокат Федор Никифорович Плевако в одну из годовщин издания Судебных Уставов скажет: «Уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, не для довольства и роскоши адвокатов; они — для водворения правды на Руси».

Судебная реформа 1864 года коренным образом преобразила всю систему правосудия Российской империи. Уставы ввели принцип независимости и несменяемости судей; установили подсудность всего населения без каких-либо изъятий; отделили предварительное следствие как от полицейского сыска, так и от прокуратуры; обеспечили состязательность судебного процесса, полностью уравнив в правах стороны обвинения и защиты. Сердцевину реформы составили учреждение суда присяжных и создание свободной, отделенной от государства адвокатуры.

Россия — полуфеодальная страна с глубоко вьевшимися во все поры общества крепостническими отношениями, с режимом неограниченной абсолютистской власти, страна, лишенная парламента и Конституции, — неожиданно получает самую демократическую, самую прогрессивную форму организации судебной власти. И в новом суде, перед самостоятельно решающими судьбу обвиняемых народными представителями, сразу же зазвучали голоса российских адвокатов.

Их судебные речи воспринимались как чудо: со времени закрытия псковского веча в XVI веке во всей России на три столетия утвердился безгласный, письменный процесс, обходившийся без публичного состязания сторон обвинения и защиты.

«Откуда явилось столько талантливых, знающих и честных людей, сразу сумевших освоиться с новыми, неизвестными формами судопроизводства, возвысить судебное дело и судейское звание»¹, — изумлялся историк русского права.

Спасович и Арсеньев, Александров и Андреевский, Урусов и Карабчевский, Герард и Боровиковский, Пассовер и Гаевский, — среди плеяды блистательных судебных ораторов, рожденных Великими реформами, Плевако занял особое место. Его имени еще при жизни суждено было стать нарицательным для обозначения судебного красноречия, он приобрел необычайную популярность во всех слоях русского общества, став в

Москве, по его собственному шутовскому сравнению, такой же достопримечательностью, как «Царь-пушка» или «Царь-колокол».

Популярность, известность, слава... Далеко не всегда венчают они самых достойных. Популярность оратору может принести заигрывание с массами, умелое разжигание страстей и предрассудков. Известность адвокату — участие в «громких» процессах. У славы может быть дурной, скандальный привкус.

Напоминаю о прихотливости успеха вот почему. С именем Плевако связано множество легенд, оно обросло разного рода невероятными историями и анекдотами, сводящимися к тому как умело одурачивал адвокат в судебных процессах тупых судей и доверчивых присяжных. В определенной мере формированию образа профессионального Насреддина способствовали некоторые коллеги-юристы и биографы Плевако.

Авторы ряда жизнеописаний и воспоминаний отмечали, что Плевако «не был выдающимся юристом», что он «мало читал», поверхностно готовился к выступлениям, был нередко поспешен в суждениях, приспособлялся к потребностям данного момента⁴. По утверждению известного русского адвоката В. Маклакова, Плевако так и не уда-

лось развить имевшиеся у него задатки несравненного стилиста. Приплюсуем к этим недостаткам упоминаемый А. Ф. Кони идущий вразрез с призыванием оратора «пришепетывающий голос».

Поневоле начнешь думать, что единодушно отмечаемое всеми завораживающее, магическое воздействие речей Плевако и на судей, и на адвокатов, и на публику, та власть, какую приобретал оратор над аудиторией, объясняется главным образом неким гипнотическим даром вызывать у слушателей приступы «доказательственного дальтонизма». «Он был мастером красивых образов, — вспоминает Б. С. Утевский, — каскадов громких фраз, ловких адвокатских трюков, остроумных выходок, неожиданно приходивших ему в голову и нередко спасавших клиентов от грозившей кары». И продолжает: «Примером этого была защита Плевако владелицы небольшой лавчонки, полуграмотной женщины, нарушившей правила о часах торговли и закрывшей торговлю на 20 минут позже, чем было положено, накануне какого-то религиозного праздника. Заседание суда по ее делу было назначено на 10 часов. Суд вышел с опозданием на 10 минут. Все были налицо, кроме защитника — Плевако. Председатель суда распорядился разыскать Плевако. Минут через 10 Плевако, не торопясь, вошел в зал, спокойно уселся на месте защиты и раскрыл портфель. Председатель суда сделал ему замечание за опоздание. Тогда Плевако вытащил часы, посмотрел на них и заявил, что на его часах только пять минут одиннадцатого. Председатель указал ему, что на стенных часах уже 20 минут одиннадцатого. Плевако спросил председателя:

— А сколько на ваших часах, Ваше превосходительство?

Председатель посмотрел и ответил:

— На моих 15 минут одиннадцатого.

Плевако обратился к прокурору:

— А на ваших часах, господин прокурор?

Прокурор, явно желая причинить защитнику неприятность, с ехидной улыбкой ответил:

— На моих часах уже 25 минут одиннадцатого.

Он не мог знать, какую ловушку подстроил ему Плевако и как сильно он, прокурор, помог защите.

Судебное следствие закончилось очень быстро. Свидетели подтвердили, что подсудимая закрыла лавочку с опозданием на 20 минут. Прокурор просил признать подсудимую виновной. Слово было предоставлено Плевако, Речь длилась две минуты. Он заявил:

— Подсудимая действительно опоздала на 20 минут. Но, господа присяжные заседатели, она женщина старая, малограмотная, в часах плохо разбирается. Мы с вами люди грамотные, интеллигентные. А как у нас обстоит дело с часами? Когда на стенных часах — 20 минут, у господина председателя — 15 минут, а на часах господина прокурора — 25. Конечно, самые верные часы у господина прокурора. Значит, мои часы отставали на 20 минут, и поэтому я на 20 минут опоздал. А я всегда считал свои часы очень точными, ведь они у меня золотые, мозеровские. Так если господин председатель, по часам прокурора, открыл заседание с опозданием на 15 минут, а защитник явился на 20 минут позже, то как можно требовать, чтобы малограмотная торговка имела лучшие часы и лучше разбиралась во времени, чем мы с прокурором?

Присяжные совещались одну минуту и оправдали подсудимую.

Такие трюки действовали не только на присяжных заседателей, но и на судей»¹.

Остроумному приему, примененному Плевако для опровержения обвинения, действительно стоит поаплодировать. Но это отнюдь не трюк, превративший черное в белое, истинное в ложное. Эффектная форма защиты ярко высветила недоказанность обвинительного тезиса: преступными уголовный закон признавал лишь умышленные, а не неосторожные нарушения правил торговли. Умысел подсудимой прокурором как раз не был доказан, что убедительно продемонстрировал в своей речи адвокат.

Точно так же следует расценить защитительную речь по другому уголовному делу, часто приводящуюся как пример воздействия Плевако на присяжных, оправдывающих людей, вина которых установлена.

Старушка украла жестяной чайник стоимостью менее 50 коп. Она как потомственная почетная гражданка была предана суду присяжных. Прокурор решил обезоружить адвоката и сам высказал все, что можно было сказать в защиту подсудимой: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но собственность священна, все гражданское благоустройство держится на собственности, и, если позволить людям посягать на нее, страна погибнет.

Поднялся защитник Плевако. Он сказал: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет, безвозвратно. И суд оправдал старушку».

Находчивость адвоката восхищает. Но за язвительной иронией Плевако нужно видеть правовую суть его полемики с обвинителем. Неотъемлемое свойство преступления — общественная опасность. Если деяние формально подпадает под норму уголовного закона, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, оно преступлением не является. Адвокат блестяще парировал попытку прокурора внушить присяжным, что кража старушкой старого чайника обладает общественной опасностью.

Остроумие, находчивость, способность мгновенно отреагировать на реплику противника, ошеломить аудиторию каскадом неожиданных образов и сравнений, к месту проявленный сарказм — все эти качества действительно с избытком и блеском демонстрировал Плевако. Безусловно,

они способствовали росту славы адвоката — на Руси всегда ценились красное словцо и сметливость.

Но главное в другом. И читатель, уверен, поймет в чем, прочитав речи Плевако, вошедшие в настоящий сборник. Это речи высочайшего класса юриста-профессионала, глубокого психолога, проникающего в сокровенные тайники человеческой души, знатока общественных нравов и быта разных социальных слоев. В них звучат преданность идеям свободы и права гражданина-демократа, гордость и боль истинного патриота России, любовь и страдание христианина и гуманиста.

И не только поймет, но, надеюсь, ощутит, как когда-то А. Ф. Кони, что лучшие из речей Плевако «блистают не фейерверком остроумия, а трещат и пылают, как разгоревшийся костер».

Разгадка славы Плевако проста: он был обыкновенный гений. Гений судебного красноречия, гений судебной защиты. Гениальность всегда несет в себе загадку, до конца проверить алгеброй ее гармонию нельзя.

Вот молодой адвокат Плевако выступает в качестве поверенного гражданского истца на нашумевшем процессе игуменьи Митрофании-святоши, посвятившей себя преступному промыслу — подделке ценных бумаг. Русский язык богат: можно выбрать сильные и точные слова, чтобы заклеить преступление. Но сказано было так: «...Путник, идущий мимо высоких стен Владычного монастыря, вверенного нравственному руководительству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома божьего, — а в этом доме утренний звон подымал настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела!

Вместо храма — биржа; вместо молящегося люда — аферисты и скупщики поддельных документов; вместо молитвы — упражнение в составлении вексельных текстов; вместо подвигов добра — приготовление к ложным показаниям, — вот что скрывалось за стенами...

Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители»².

А вот на скамье подсудимых состав правления Харьковского Общества Взаимного Кредита, обвиняемого в халатном исполнении служебных обязанностей. Вновь Плевако — поверенный гражданского истца. Нет в его словах благородного гнева и негодования, клопочущих в речи по делу Митрофании. Но сколь убийственна его мягкая, «понимающая» ирония.

«Что же делали члены правления?

Они дремали в часы бодрствования и труда. Кажется, они приходили в банк не для того, чтобы трудиться и трудом купить себе право на домашний отдых, а, уставши от домашнего труда, приходили отдыхать в уютные комнаты правления! Они ленились изучать дело...; они, наконец, не умели следить за делом! Лень, и сон, и простота — эти прекрасные качества, которыми наделяет судьба некоторых из своих избранных, — конечно, не проступок, и всякий может в своей личной жизни пользоваться сколько угодно своими дарами; но когда лень берется за общественный труд и портит его, когда сон берется стеречь стражу, когда простота хватается за решение серьезных общественных дел, — они делаются преступными».

По делу о массовых беспорядках на Коншинской ману-фактуре Плевако произносил заключительное слово солидарной защиты нескольких десятков привлеченных к суду рабочих. Шел 1897 год. Социальные психологи только приступили к научному изучению группового поведения. С тех пор проблема массовых движений — в центре неослабного внимания социальных последователей. Многие сотни работ посвящены осмыслению психологии революций, погромов и бунтов. Но вряд ли кому-либо удавалось всего в нескольких фразах с такой силой и образностью схватить суть феномена толпы, соотношения личности и массы.

«Толпа — стихия, ничего общего не имеющая с отдельными лицами, в нее вошедшими.

Толпа - здание, лица — кирпичи. Из одних и тех же кирпичей создается и храм Богу и тюрьма — жилище отверженных. Пред первым вы склоняете колени, от второй бежите с ужасом.

Но разрушьте тюрьму, и кирпичи, оставшиеся целыми от разрушения, могут пойти на храмоздательство, не отражая отталкивающих черт их прошлого назначения...

Как ни тяжело, но с толпой мыслимо одно правосудие — воздействие силой, пока она не рассеется...

Толпа сама чудовище. Она не говорит и не плачет, а галдит и мычит. Она страшна, даже когда одушевлена добром. Она задавит, не останавливаясь, идет ли разрушать, или спешит встретить святыню народного почитания.

Так живое страшилище, спасая, внушит страх, когда оно, по-своему нежничая, звуками и движениями сзывает к себе своих детенышей.

Быть в толпе еще не значит быть носителем ее инстинктов...

Толпа заражает, лица, в нее входящие, заражаются. Бить их — это все равно, что бороться с эпидемией, бичуя больных».

И тут же из этой поразительной по глубине и образности обобщающей характеристики следует неотразимый аргумент защиты — несправедливость затеянного властями судебного процесса становится пронзительно ясна всем:

— «Есть у настоящего дела громадный недочет, — люди жизни его понимают.

Совершенно деяние незаконное и нетерпимое, — преступником была толпа.

А судят не толпу, а несколько десятков лиц, замеченных в толпе.

Это тоже своего рода толпа, но уже другая, маленькая: ту образовали массовые инстинкты, эту — следователи и обвинители.

Заразительность толпы продолжает действовать. Помня, что проступки совершены толпою, мы и здесь мало говорим об отдельных

лицах, а все сказуемые, наиболее хлестко вырисовывающие буйство и движения массы,— приписываем толпе, скопищу, а не отдельным лицам.

А судим отдельных лиц: толпа, как толпа, — ушла.

Подумайте над этим явлением».

По делу севских крестьян, усаженных на скамью подсудимых также по обвинению в массовых беспорядках, прокурор В. И. Сокальский оказался на высоте тех требований, какие предъявляет к государственному обвинителю закон, стал в процессе настоящим говорящим судьей.

Севские беспорядки, в его глазах, «лишь отдельный эпизод картины, заставляющей страдать всякое сердце, любящее свою родину», и естественный результат той культурной и экономической беспомощности, на которую до последнего времени было осуждено крестьянство. Настаивая на необходимости снисходительного отношения к крестьянам, обвинитель просил вынести обвинительный приговор, так как «полная безнаказанность подорвала бы в крестьянах чувство порядка и явилась бы гибельною для них самих».

Участвующие в деле адвокаты не оставили неразобранными ни одного защитительного довода.

Плевако поступил в сложившейся ситуации настолько неожиданно, что буквально ошеломил всех присутствующих.

«Гуманное обвинение обезоружило меня, многосторонне рассмотревшие дело мои молодые товарищи — обобрали меня. Как адвокату, мне не остается ничего сказать.

И я хочу просить вас, г.г. судьи, позволить мне преобразиться в одного из подсудимых, стать между ними и говорить не за них, а от лица их, их словами, их думами и чувствами».

Проникновенные слова, произнесенные Плевако от лица «частью безучастных, не уразумевающих того, что происходит между ними, частью испуганных» крестьян, во многом повлияли на то, что одни подсудимые были оправданы, другим — дано снисхождение при назначении наказания.

Полторачасовая речь в защиту князя Грузинского, обвиняемого в убийстве, произнесена Плевако без подготовки, к чему он был вынужден неожиданной позицией государственного обвинителя.

Редкостное дарование Плевако было ясно для всех его коллег, в том числе и для тех юристов, кто высказывал в его адрес отдельные критические замечания. «Подражать Плевако было, по моему мнению, невозможно, как нельзя подражать вдохновению», — писал А. Ф. Кони.

Но восхищают не только речи Мастера. Нас поражают, буквально ошарашивают приговоры, за этими речами следовавшие. Приговоры, как правило, оправдательные. Выносились они судом присяжных.

Перед судом присяжных произносил свои речи великий русский адвокат Федор Плевако. К присяжным всегда относился с благоговением, подчас с умилением. Суд присяжных — кумир Плевако, а он — кумир суда присяжных.

Еще вчера мы считали, что и Плевако, и суд присяжных в нашей стране всецело принадлежат истории. Всех нас учили, что коллегия присяжных — обветшалый институт системы буржуазного правосудия. Оговорку, правда, делали: относительно менее реакционный институт. Но только относительно капиталистического общества. Да и для «них» — очень и очень относительно. Потому что присяжные (как, кстати, профессиональные судьи, прокуроры, адвокаты) — сплошь «наймиты и прислужники капитала». И значит — всегда оправдают буржуя и засудят трудящегося, тем более революционера. Иногда, впрочем, они взбрыкивают: в России, вот, Веру Засулич оправдали, в США — Анджелу Дэвис. Но это не в счет. Так, редчайшие исключения. Только подтверждают правило (о том, что оправдания в суде присяжных — норма, разумеется, умалчивалось). Мужественные защиты русскими адвокатами революционеров отрицать, конечно, было нельзя. Но и это, объясняли нам, нетипично — либо барская дурь, либо недомыслие.

«Если бы эти политические защитники, — писал Б. С. Утевский, — были дальновиднее и могли предвидеть Октябрьскую революцию, никто из них, я убежден, и слова бы не пикнул в защиту не только большевиков, но и эсеров и меньшевиков».

Нам внушали, что самая прогрессивная форма суда — это наши «тройки»: один судья — профессионал и два народных заседателя. Нас убеждали, что наш суд — самый гуманный и демократичный в мире... Оправдательные приговоры он, конечно, выносил редко, а в 70-е годы вообще перестал их выносить. Снисхождения подсудимым тоже оказывать не любил. Из наказаний предпочитал лишение свободы и не меньше, чем на 4—5 лет.

Почему? А потому, что не решает, как буржуазный суд, спор между обвинением и защитой, а борется с преступностью. Борется! В одном строю с прокуратурой и милицией. «Проклятое наследие прошлого» должно было исчезнуть к 1980 г. Не получилось. Преступность даже возросла. Поэтому тем более нельзя либеральничать.

В нашем суде Плевако и его товарищи выглядели бы, разумеется, странно. И поначалу о них стремились вообще забыть. В 1929 году — году «великого перелома» — А. Я. Вышинский заявил, что русская присяжная адвокатура — «насквозь буржуазное учреждение», «отъявленное контрреволюционное сословие» и что «адвокатуры в прежнем, дореволюционном понимании этого слова у нас нет и быть не может».

После такого «авторитетного разъяснения» упоминания о дооктябрьской адвокатуре надолго исчезли из всех источников. Первый сборник речей выдающихся русских адвокатов был издан только в 1957 г., вызвал большой интерес, но лишь как исторический памятник. Да и это издание вызвало беспокойство; для «троек» нужна была иная школа профессиональной защиты.

В предисловии к сборнику речей адвокатов (1981 г.) с тревогой отмечалось: «представление о речи адвоката иногда еще базируется на чтении

речей дореволюционных присяжных поверенных, стремившихся при помощи эмоционального воздействия на присяжных заседателей добиться желаемого результата»¹.

Что верно, то верно. Попытка эмоционально воздействовать на судей, борющихся с преступностью, в лучшем случае бесполезна, в худшем — может только раздражать.

И вот многократно обруганный суд присяжных, спустя семь десятилетий, вновь вводится в нашей стране. Он возвращается как испытанная многовековым опытом наиболее прогрессивная, наиболее демократическая, без всяких оговорок, форма организации правосудия. Он значительно прогрессивнее наших «троек», которые, конечно, никакое не открытие новейшей юридической мысли, а просто ухудшенный вариант так называемого шеффенского суда, где все вопросы решаются совместно судьями-профессионалами и народными заседателями (шеффенами). Шеффенский суд имеет столь же древнюю историю, как и суд присяжных; и - если не ставить перед ним не свойственные ему задачи типа борьбы с преступностью, искоренения правонарушений и т. п. — способен вполне удовлетворительно осуществлять правосудие.

Плевако не совсем справедлив к шеффенам, считая их лишними людьми, «которые приглашались заваривать чай для действительных судей». Но момент истины в этой нелестной характеристике есть. В совместной коллегии ведущая роль принадлежит судье-профессионалу. У него достаточно средств — авторитет, знание законов, судейский опыт, — чтобы повлиять на шеффенов. Изначальное неравенство членов шеффенского суда таит угрозу сделать его управляемым: через судью-чиновника власти получают возможность добиваться угодных им судебных решений.

Что касается нашего суда, то он изначально замышлялся как орган управляемый, призванный проводить карательную политику государства. Отсюда и «всего трое»...

В отличие от шеффенов, присяжные решают вопрос о виновности подсудимого самостоятельно, без участия профессионального судьи, и вердикт свой не мотивируют.

Каков будет наш суд присяжных? С надеждой, но и с тревогой, ждем его вердиктов. Я лично — с надеждой, что он будет похож на своего предшественника.

Каков был тот, дореволюционный суд присяжных?

Читатель сможет составить о нем достаточно полное представление из настоящего сборника. Надеюсь, оно будет сильно отличаться от суждений и оценок, прочно обосновавшихся на страницах нашей политической и юридической литературы.

Адвокат Плевако своими речами, а суд своими приговорами легко разрушат расхожий предрассудок, будто присяжные — судьи впечатлений и чувств. Мало что уцелеет и от ложного стереотипа дореволюционного судебного оратора, щедро тиражировавшегося нашей печатью.

«Расположить к себе слушателей, настроить их так, чтобы они больше подчинялись влиянию речи и порывам чувства, чем требованиям рассудка — вот в чем заключалась в дореволюционной адвокатуре основная задача судебного оратора», — такое можно прочесть не только в уже упоминавшемся предисловии к сборнику речей адвокатов.

Читая речь Плевако в защиту Кострубо-Карицкого, можно подумать, что он предвидел появление процитированного и подобного ему текстов и специально задался целью их опровергнуть.

«Я буду ждать вашего приговора с полным убеждением, что совесть, управляемая разумом и опытом жизни, познает истину.

Не поддавайтесь влиянию первых впечатлений: суд по инстинкту не может быть справедливым.

Лучший в мире, английский институт присяжных, перед которым склоняются все авторитеты науки, всегда руководствовался правилом — произносить обвинительный приговор над человеком только на основании

строгих, точных, доказанных следствием улик, таких, которые заключали бы в себе неотразимую силу факта и убеждения...

Страстности было много в этом деле.

Но где — страсти, увлечения, — там истина скрыта...

Будьте судьями разума и совести!»

Редкостную возможность поиграть на расовых предрассудках и националистических инстинктах получил Плевако по делу Ильяшенко — русского, обвинявшегося в убийстве еврея, тем более, что яд шовинистической отравы в души людей уже начали вливать идеологи черносотенства. Саму мысль о таких приемах защиты Плевако с негодованием отвергает.

«...Боязнь моего соперника, чтобы настоящее дело не выступило на шаблонную и соблазнительную тропу расовой борьбы, чтобы здесь не было превращения печальной драмы в «погром еврейства» выведенной из терпения толпой коренного населения страны, — ...эта боязнь напрасна.

Защита в лице моем не забудет своих гражданских и общечеловеческих обязанностей и кровавую сцену не будет возводить в правовую норму жизни. Пусть кто хочет, но я-то не решусь, подняв руку, направлять страсти моих братьев по Христу на несчастных братьев моих по Адаму и Адонай-Саваофу. Я ищу суда, а не карикатуры на правосудие...

Здесь не Русь и еврейство, повторяю вам. На целую нацию клеветать — богохульство. Еврей не хуже нас может возвыситься до мудрости Натана, а своекорыстие и пороки Шейлока расцветают и на всякой иной почве, кроме еврейской».

Не на «голосе крови» и не на минутном чувстве основали присяжные оправдательный приговор Ильяшенко. Оправдали потому, что разделили позицию защитника, доказавшего: убийство совершено в состоянии аффекта, до которого довел подсудимого своими преследованиями Энкелес. И еще потому, что проявили предоставленное им законом право милости. Могли не проявить. И не оправдать.

Милость... Это исчезнувшее из юридического языка, да и вообще из современного лексикона слово многое объясняет в природе того правосудия, какое осуществлял в России суд присяжных.

Судебные Уставы учредили суд «скорый, правый, милостивый». Суд «милостивый» — это о суде присяжных. Как писал в свое время С. А. Зарудный, член Особого комитета по подготовке Судебных Уставов, юрист, которому более других обязаны своим рождением на Руси и суд присяжных, и независимая адвокатура: «Правосудие в широком смысле требует не только твердости и непреклонности в решениях, но и глубокого знания всех мелочей обыденной жизни и снисходительности к неизбежным слабостям человека.

У подобного взгляда на правосудие всегда были противники, считавшие, что «милостивый» суд подрывает единую законность в государстве. Среди них — немало видных и в целом прогрессивно мыслящих юристов. Так, с недоверием к суду присяжных относился перед судебной реформой В. Д. Спасович — будущий «король» российской адвокатуры, опасавшийся, что присущая русскому человеку склонность видеть в преступнике «несчастливого» может вредно отразиться на правильном отправлении правосудия. Впоследствии, как отмечал А. Ф. Кони, жизнь и здравый смысл народа не подтвердили этих опасений и Спасович, испытав русских присяжных заседателей на практике, твердо стал на их сторону.

Различные точки зрения на существо правосудия покоятся на разных концепциях преступной вины и в конечном счете на разном понимании природы человека.

Согласно одной из этих концепций, практически безраздельно утвердившейся в нашей уголовно-правовой науке и законодательстве, вина выражается только в умышленном или неосторожном отношении вменяемого человека к своему деянию. Умышленном — когда человек сознает это деяние, желает или допускает наступление его общественно опасных последствий. Неосторожном - когда не осознает, но мог и должен был предвидеть.

Другая концепция, на которой и основывается «милостивый» суд, считает, что, помимо умысла или неосторожности, вина включает в себя еще и нравственную оценку, т. е. признание проявления в содеянном злой, порочной воли преступника.

Назвать виновным, признать преступником — значит нравственно заклеить личность. Бывают случаи, когда противоправный поступок совершается не по злой воле человека, когда гнет внешних обстоятельств столь велик, что человек не может ему противостоять и не в силах побороть. В подобных случаях присяжным дано право милости: они могут не признать виновным, не назвать преступником человека, который, по их убеждению, не был носителем злой воли и несмотря на совершение противоправного поступка не заслуживает нравственного упрека.

Отчетливо сознаю: читать такое непривычно. Давно уже дискуссии о человеческом измерении уголовно-правового понятия вины у нас не ведутся. Нравственная концепция вины предана многократной анафеме, как сеющая правовой нигилизм. Дореволюционные адвокаты, взывавшие к милости присяжных, традиционно клеймятся в нашей литературе как проповедники порочной идеи, что преступление является естественным, а во многих случаях единственным выходом из сложившейся ситуации.

Все, между тем, не так просто. Уголовное законодательство стремится к тому, чтобы не допускать разрыва между законом и нравственностью. С этой целью в уголовные кодексы введены специальные нормы, исключаящие привлечение к ответственности и осуждение человека в тех случаях, когда закон нарушен, но общественная опасность деяния отсутствует. Это — невменяемость, необходимая оборона: человек причиняет вред, обороняясь от нападения; крайняя необходимость: совершением противозаконного действия предотвращается опасность, угрожавшая более важным общественным и личным интересам; уже упоминавшаяся малозначительность.

Выход суда за рамки этих содержащихся в уголовном кодексе норм есть беззаконие, говорят одни правоведы. Нет, возражают им другие: жизнь исключительно сложна и разнообразна, в ней складываются подчас драматические ситуации, которые закон учесть не в состоянии, но могут оценить судьи, рассматривающие конкретное дело. Если они придут к выводу, что подсудимый оказался во власти тяжелейших, экстраординарных обстоятельств и в его действиях не было злой воли, у них должно быть право признать отсутствие вины и вынести оправдательный вердикт.

Суть одной позиции: закон должен быть соблюден при любых условиях.

Нельзя предъявлять человеку непомерных требований — существо другой.

Обе эти позиции столкнулись в деле Ильяшенко.

Государственный обвинитель сказал присяжным, что дело разрешается применением закона к бесспорно совершившемуся факту; что закон запрещает проливать кровь ближнего и что обходить требования закона никто, кому дорог общественный мир, кто призван служить ему, не имеет права.

Слова и мысли — безусловно истинные, — возражает прокурору Плевако, — но не вмещающие всей истины.

Обвинитель забыл, что закон наш, подобно законам всех, даже далеко опередивших нас в развитии стран, все важнейшие преступления, где человеку грозит неисправимая казнь, отдал на суд присяжных; что, несмотря на мастерство составителей закона, на многоопытность судей короны, он предпочитает суд людей жизни и опыта.

В чем причина подобного приема власти? Законодатель хочет судить волю, обуздывать волю, но отрекается от всякой солидарности с идеями тех времен, в которые думали, что для правды и мира в мире полезно, чтобы среди шума и суеты общественной жизни раздавались из подземелий тюрем и застенков приказов стоны жертв правосудия и наводили ужас на граждан,

не напоминая им ничего другого, кроме того, что у власти есть и сила и средства давать знать о себе. Законодатель наших времен карает волю только тогда, когда совершенное ею зло могло быть преодолено или когда она, вместо попытки на борьбу с ним, с радостью, с охотой, по крайней мере без отвращения, бросилась на его соблазнительные призывы».

Защитник убеждает присяжных, что «усчитать вес давящих волю обстоятельств, смирить рост и силу духовную каждого отдельного человека закон сам не может: каждый из нас имеет свою особую духовную физиономию, как каждый из нас внешним обликом не похож на другого. И вот это-то живое созерцание он передает вам, живым людям. Только вы в силах в каждом отдельном случае, взвесив все данные, умея себя представить в обстановке подсудимого, — решить человечески безошибочно, что причиной падения вашего ближнего...

Не бойтесь быть милостивыми и не верьте тем, кто осуждает вас за это, говоря, что вы не имеете права милости».

Серьезны аргументы прокурора, но весомы и доводы защитника. Спор между двумя воззрениями, которые представляли процессуальные противники, думаю, исторически не завершен. Ему суждено возобновиться на новой основе, с учетом данных о человеческой психике, накопленных наукой. Но не только. Убежден: также с привлечением религиозного опыта.

Милостивый суд может существовать в обществе, где господствует христианская культура с ее, как говорил Плевако, «милующим воззрением на человеческую природу, любвеобильным пониманием прирожденной слабости души», отделяющая падение подавленного злом от творящего зло.

Разные эпохи — разные культуры, разные системы ценностей.

Да, русские присяжные выносили оправдательные вердикты, которые не могли быть приняты с позиции «социалистической законности». Там, где присяжные оправдывали, наш суд лишь смягчал бы ответственность (да и то не всегда) — например, когда муж убивает в состоянии аффекта любимую

жену, неожиданно застав ее в «пикантной» ситуации; или человек крадет деньги, чтобы купить дорогое лекарство и спасти тем самым близкого.

Но если бы суд присяжных не осознавал себя как милостивый суд, не была бы оправдана Вера Засулич. И если бы наше общество имело суд присяжных, не осуждались бы «антисоветчики», «шабашники», «церковники», «бескорыстные преступники», «парикмахеры» (крестьяне, состригавшие в голодные годы колоски колхозной пшеницы), самовольные застройщики. Впрочем, тогда общество просто было бы иным. Тоталитарный режим и суд присяжных — две несовместимые вещи.

Право милости — право учитывать при решении вопроса о вине специфические обстоятельства конкретного дела и соотносить это решение не только с нормами закона, но и с нравственностью. Отстаивая такое право, адвокат Плевако приглашает нас к дискуссии. Чего, однако, нет в его речах, так это оправдания преступления как «естественного выхода из сложившихся обстоятельств». Авторы, бросающие такой упрек дореволюционным адвокатам, либо не замечают, либо, скорее всего, замалчивают то обстоятельство, что вопросы о доказанности факта преступления и о вине подсудимого ставятся перед присяжными и решаются ими отдельно. Отвечая положительно на первый вопрос, присяжные могут отрицательно решить второй. В настоящем сборнике есть тому примеры: дело Ильяшенко, дело супругов Замятниных, дело Саввы Мамонтова, дело Максименко, дело Роскошенко.

По речам Плевако читатель может составить представление о многих сторонах деятельности адвоката, о нормах профессиональной адвокатской этики — по ряду из них не было и нет до сего времени единства ни среди ученых-юристов, ни у практиков.

Плевако предстает в настоящем сборнике в двух качествах: защитником — представителем обвиняемого и обвинителем - поверенным потерпевшего или гражданского истца. Как защитник, Плевако выигрывал большинство дел, но не все: по делам Маруева, Гаврилова, Московского ссудного банка, о

беспорядках на Коншинской мануфактуре суд не разделил позицию адвоката и вынес подсудимым обвинительные приговоры. Были в практике Плевако и другие дела, по которым доводы защиты не убеждали суд. Но Плевако-обвинитель торжествовал на всех процессах.

Отмеченная закономерность не случайна, она объясняется различием в критериях выбора адвокатом дел. Право на защиту от предъявленного обвинения имеет каждый человек. Сколь тяжело это обвинение ни было бы, как бы неприглядно ни выглядела личность обвиняемого, адвокат не вправе отказаться его защищать, если только не занят в другом процессе, не болен, не находится в отпуске и т. п. Конечно, на всякого известного адвоката спрос превышает предложение: Плевако обычно имел широкую возможность выбора дел и, разумеется, предпочитал дела с позицией. Но, если был свободен, не отказывал в приеме поручений на защиту обвиняемым, чья виновность подтверждалась, вескими доказательствами. Проводил Плевако защиту и по назначению суда.

Со стороны же потерпевших и гражданских истцов выступал лишь тогда, когда был абсолютно убежден в справедливости их притязаний.

«Заявляют иск разного рода люди, — говорит Плевако, отстаивая интересы гражданского истца Курбатова, — иные хлопчут о том только, чтобы выиграть свой иск, иногда даже несправедливый. Защита, готовая клеветать, явиться пособником такого человека, — позорна и нечестна».

Из речи в защиту Роскошенко можно увидеть, что не все присяжные поверенные руководствовались в своей профессиональной деятельности такими нравственными критериями. Иные были весьма неразборчивы в выборе дел и соглашались поддерживать недобросовестные исковые требования. С возмущением и болью говорит Плевако в своей речи о таких адвокатах. В числе других лучших представителей русской присяжной адвокатуры Плевако внес вклад в формирование нормы профессиональной морали, утвердившейся впоследствии в адвокатской среде: вести граж-

данские дела либо поддерживать гражданский иск в уголовном деле адвокат вправе лишь тогда, когда убежден в правоте обратившегося к нему гражданина.

Выступая поверенным гражданского истца, Плевако очень четко очерчивал границы интересов своих доверителей - добиться возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Ему, как никому другому, ведомо: суд присяжных может проявить милость и признать невиновным. Поэтому крайне важно разъяснить присяжным, что, оправдывая подсудимых ввиду отсутствия вины, нельзя отрицать сам факт преступления.

«Задача поверенного гражданского истца, — говорит Плевако в речи по делу супругов Замятниных, — заключается в удовлетворении его гражданского иска, и только в этих пределах я буду разъяснять перед вами настоящее дело».

«Для меня безразлично, останется ли обвиняемый в этом городе или будет сослан.

...Вся наша просьба заключается в том, чтобы вы рассудили, законны ли те документы, которые находились в руках Замятнина, — выданы ли они добровольно, как всякий честный акт, или же взяты силой из рук того, кому имущество принадлежало.

...К великому моему счастью я имел право не касаться Уложения о наказаниях; я шел дальше - я указывал вам факты, значительно смягчающие вину подсудимого.

...Никто не может лишать вас принадлежащего вам права помиловать его.

..,Вам легко быть справедливыми, не позволив только человеку взять то, что ему не принадлежит.

...Милуя грешника, не давайте ему пользоваться плодами греха».

Ту же позицию отстаивает Плевако — поверенный гражданского истца по делу Харьковского Общества Взаимного кредита: «...Можно прощать подсудимым их вину, но никогда не следует оставлять в их руках того, что

они виною приобрели; можно пощадить подсудимых, но никогда не следует щадить их больше тех, кому они причинили вред».

Весьма полезно будет прочитать речи Плевако—поверенного гражданского истца иным нынешним адвокатам, которые вместо обоснования ущерба, нанесенного преступлением, обрушиваются на подсудимого, порой превосходя в обвиняющем усердии прокурора.

Уголовная защита и нравственность... С момента появления на земле первого адвоката — в древнем Риме, свыше двух тысячелетий тому назад — не прекращались, то затихая, то разгораясь, споры о моральности адвокатской профессии, о нравственной допустимости защиты любого

каждого обвиняемого. За такую работу может, конечно, взяться только неразборчивый, нечистоплотный, не испытывающий естественного отвращения к преступлениям человек — вот стойкий, неистребимый покуда предрассудок обыденного сознания. Как только в уголовном процессе возникла фигура профессионального защитника, в прессе замелькали уничижительные определения: «прелюбодеи слова», «софисты нового времени», «пособники преступников» и т. п. Сравните с расхожим выражением нашего времени — «выгораживание преступников»...

Профессия адвоката действительно требует вполне определенной жизненной позиции. И об этом говорит Плевако в одной из своих речей: «Профессия дает нам известные привычки, которые идут от нашего труда. Как у кузнеца от работы остаются следы на его мозолистых руках, так и у нас, защитников, защитительная жилка остается нашим свойством не потому, что мы хотим отрицать всякую правду и строгость, но потому, что мы видим в подсудимых по преимуществу людей, которым мы сострадаем, прощаем и о которых мы сожалеем».

Другое распространенное обвинение в адрес адвокатов было связано с их будто бы «гигантскими» гонорарами. Адвокат не состоит на службе у государства, его труд оплачивается клиентом по договору или таксе. Заработок начинающего присяжного поверенного был весьма скромным, если

не сказать скуден; с приобретением опыта и расширения практики оплата, разумеется, возрастала; известные, тем более такие выдающиеся адвокаты, как Плевако, получали значительное вознаграждение.

Упреки любителей считать деньги в чужих карманах имели бы под собой почву, если бы размером гонорара определялось качество работы адвоката по делу. Но действительность свидетельствовала как раз об обратном. Многолетний председатель Петербургского совета присяжных поверенных К. К. Арсеньев писал: «Нельзя отрицать, что надежда на вознаграждение служит одним из стимулов адвокатского труда, как, впрочем, и всякого другого: но никто не замечал еще, чтобы делами малоценными присяжные поверенные занимались кое-как, обращая все свое внимание на дела более крупные.

Не говоря уже о сознании долга, самолюбие, желание успеха, опасение повредить своей репутации или подвергнуться ответственности перед советом — побуждения достаточно сильные, чтобы внушить присяжному поверенному одинаковую заботливость о всех делах, ему вверенных»!.

Лучшей иллюстрацией сознания русскими присяжными поверенными своего профессионального долга служит бесплатная защита стремительно набиравшим известность Плевако обвиняемого Оскара Бострема, завершившаяся оправданием подсудимого. Потерпевшим по данному делу являлся коллега Плевако — присяжный поверенный Гольдсмит, попытавшийся подмочить репутацию защитника в глазах присяжных. Плевако принимает вызов: «... подозрение могло явиться у вас, г. г. присяжные, против меня, защитника, потому, что Гольдсмит в начале заседания заявил, что я собирался быть поверенным его, как гражданского истца.

Но я очень счастлив, что не искал, где глубже, где лучше, где больше дают: это видно из того, что я, слава Богу, защищаю по назначению от суда

и, следовательно, никакого личного интереса, кроме душевного, сердечного расположения, в переходе из одного лагеря в другой не имел».

По знаменитому делу крестьян села Люторичи, защиту которых Кони охарактеризовал с учетом условий и настроений того времени как гражданский подвиг, Плевако сам вызвался выступить на процессе. Более того, он не только не взял гонорара, но в течение всего процесса, длившегося три недели, нес расходы по содержанию всех 34 подсудимых.

После публикации сборника речей Плевако, по всей видимости, придется расстаться с представлением о нем как о турнирном бойце, отличавшемся бурным натиском на противника, набрасывавшемся на него и буквально уничтожавшем страстью и темпераментностью.

Плевако свойственна чрезвычайная опрятность всех приемов защиты, великодушие и благородство, исключительная тактичность в характеристике потерпевших, пусть даже недобросовестных.

«Суд — не война, — прямо излагает Плевако свое кредо в речи по делу Мордвина-Щодро и Оболенского.

Процесс принимает вид не истребления, а поединка между охраной закона и охраной личной чести.

Допускаемые в бою мины и засады, вылазки и диверсии здесь не у места: здесь они нарушают чувство меры».

«Следует спорить с доказательствами, а не с прокурором».

«Не следует касаться личности противника, даже если он сам нарушает это правило».

«Нет худшего приема защиты, как несправедливые придирки и нападки на потерпевших».

Кажется, что эти золотые правила уголовной защиты выведены П. Сергеичем из речей Плевако¹.

Рыцарь правосудия, «невольник чести», Плевако ждет благородства и объективности также от своего процессуального противника. Но сталкиваясь с тенденциозностью прокурора, с попытками подменить обвинительные

доказательства общими рассуждениями об общественном вреде, негативными оценками личности подсудимого и свидетелей защиты, он не уподобляется государственному обвинителю и негодующим и обличительным выражениям предпочитает «сочувствующую» иронию.

Так поступает Плевако, например, в речи по делу об убийстве егорьевского купца Лебедева, отвечая прокурору, назвавшему свидетелей защиты — жителей г. Егорьевска, «целой фалангой людей, для которых ложь есть обыкновенное правило жизни». Обратив внимание суда на то, что все свидетели из г. Егорьевска — старообрядцы, придающие особое значение религиозной присяге, Плевако заметил: «С этой точки зрения упрек прокурора — в высшей степени нежизненный, который должен пролететь мимо г. Егорьевска, как гроза, которая хотя по какому-то велению и налетела на город, но улетела в пустыню, не причинив городу вреда».

«Высшим пилотажем» в профессии адвоката признавалось и признается умение вести так называемую коллизионную защиту, когда между обвиняемыми существуют непримиримые противоречия — они изобличают друг друга в преступлениях, возлагают всю или большую часть вины на соседа по скамье подсудимых.

Долгими годами выковывалась норма профессиональной этики: защищая одного подсудимого, не обвинять, не уличать другого. Не всеми адвокатами она разделяется. Одни стремятся не превращаться в обвинителей даже когда между обвиняемыми разгорается настоящая война «на уничтожение». Другие отбрасывают заповедь «не обвиняй, защищая» как ложно-сентиментальную и не церемонятся в выражениях, доказывая, что преступление совершено не подзащитным, а другим подсудимым. Любая форма защиты допустима, если она полезна для клиента — вот смысл противоположной заповеди.

В январе 1871 г. внимание общественности было приковано к Рязанскому Окружному Суду. На скамье подсудимых находились губернский воинский начальник, полковник Кострубо-Карицкий и его

любовница Дмитриева. Им было предъявлено обвинение в краже ценных бумаг на крупную сумму и производстве незаконного аборта. Дмитриева заявляла, что организатором этих преступлений был Кострубо-Карицкий, она же вынужденно стала его пособницей. Кострубо-Карицкий виновным себя не признал, обличая Дмитриеву в клевете. Кострубо-Карицкого защищал Плевако, Дмитриеву — другой прославленный адвокат, Князь Урусов.

«Знакомство с этим процессом, — писал А. Ф. Кони, — следовало бы рекомендовать всем начинающим судебным ораторам: из речей обоих противников они могут увидеть, как в стремлении к тому, что кажется правдой, глубочайшая мысль должна сливаться с простейшим словом, как на суде надо говорить *все*, что нужно, и только то, *что* нужно, и научиться, что лучше *ничего* не сказать, чем сказать *ничего*».

По мнению Кони, «трудно отдать преимущество в этом состязании кому-либо из двух бойцов». Как судебным ораторам — возможно. Но как адвокат по всем статьям бесспорный победитель — Плевако.

Дело не только в том, что суд присяжных разделил его позицию: все пять подсудимых были оправданы (к уголовной ответственности привлекались еще три врача).

Урусов выступил на процессе не как защитник Дмитриевой, а как еще один обвинитель Карицкого. Причем в этом качестве даже превзошел прокурора.

Не случайно защитительная речь Плевако — ответ не столько государственному обвинителю, сколько Урусову. Ответ блестящий — парирующий все доводы обвинения. Но правовая суть полемики открывается в совершенно неожиданном свете; полагаю, она не укроется от читателя. Защищая Карицкого, Плевако защищает тем самым и Дмитриеву, ведет процесс и к ее оправданию.

Парадоксально? Ничуть. А. Ф. Кони неточен, характеризуя рязанский процесс: «защита одной противоречила защите другого, так как обвиняемые складывали не только тяжесть своего поступка, но и

побуждения к нему друг на друга». Дмитриева оговаривала Карицкого, но Карицкий не оговаривал Дмитриеву и ничего на "нее не «складывал»—он категорически и последовательно отрицал свое участие и в краже, и в изгнании плода. Поэтому коллизия между подсудимыми была ложной. Обвинение держалось только на показаниях самой Дмитриевой, а они не только не подтверждались, но и опровергались другими доказательствами.

Строя защиту на показаниях Дмитриевой, Урусов исходил из признания доказанными фактов преступления. Изобличая в виновности Карицкого, он тем самым «ковал» обвинительный приговор — пусть, со снисхождением — и Дмитриевой.

Была у Урусова и другая возможность: вступить в спор со своей подзащитной, разоблачать ее самооговор, или, во всяком случае, указать на невозможность основывать обвинительный приговор на ничем не подтвержденных самообвиняющих показаниях подсудимого.

Адвокат — представитель обвиняемого. Он ни при каких обстоятельствах не может действовать ему во вред. Если обвиняемый отрицает свою вину, адвокат обязан строить защиту, исходя из этой позиции. Положение меняется, когда обвиняемый свою вину признает, а адвокат убежден, что он себя оговаривает. Тогда адвокат не только вправе, но и обязан разойтись в позициях с подзащитным и защитить подсудимого от себя самого. Но только, когда убежден!

Был ли убежден Урусов в невинности Дмитриевой, в ее самооговоре? Кто знает? Поэтому мои рассуждения об имевшейся у него альтернативе носят в значительной мере гипотетический характер... Как бы то ни было, защита, превратившаяся в обвинение, потерпела неудачу. Победу праздновала защита, неуклонно следовавшая нормам адвокатской этики.

Профессиональная мораль регулирует и другие вопросы взаимоотношений адвоката и клиента. Процессуальная солидарность вовсе не означает, что адвокат становится «рупором» своего клиента. Прежде

всего адвокату воспрещается фальсифицировать доказательства: подговаривать свидетелей дать ложные показания, запугивать их, подделывать документы и т. п. Этот вопрос сомнений не вызывает. Более сложен другой вопрос: вправе ли адвокат строить защиту на доказательства, ложность которых ему известна, называть достоверными сомнительные данные? Плевако и тут показывает пример: негоже защитнику говорить заведомую ложь, незачем выдавать сомнительные данные за достоверные, хоть этого и требует подзащитный. «Едва настоящее дело, в силу закона, перешло в мои руки, — говорит Плевако в речи по делу Лукашевича, — как подсудимый слишком хорошо понял и узнал, что на такие сомнительные данные представитель его на суде ссылаться не будет; что представитель его на суде не возьмет на свою совесть, не будучи внутренне убежден, клеветать на покойную женщину».

Сомнительные данные и должны быть названы сомнительными. Такая правда вовсе не ослабляет защиту, как иногда ошибочно считают. Сомнение в оправдательном доказательстве означает и сомнение в противостоящем ему доказательстве обвинительном. А сомнения, как известно, толкуются в пользу обвиняемого.

Нет, не во вред, а на пользу подсудимым идет нравственность защиты, благородство адвоката, его уважительное отношение ко всем участникам процесса, такт и порядочность в оценке личности и показаний потерпевших и свидетелей обвинения.

Плевако отличает чувство величайшей ответственности перед человеком, вверившим ему свою судьбу. Он познал себя, сознает свой бурный темперамент и вполне отдает себе отчет в том, что в пылу судебного состязания способен не сдержаться, сказать неосторожное, обидное слово, оказаться несправедливым к прокурору или свидетелю обвинения и тем самым вызвать негативную реакцию у присяжных. Не за себя переживает адвокат — за подзащитного. Такая тревога звучит в его реплике

государственному обвинителю по делу С. И. Мамонтова: «Между положением прокурора и защитника — громадная разница.

За прокурором стоит молчаливый, холодный, незыблемый закон, а за спиной защитника — живые люди.

Они полагаются на своих защитников, взбираются к ним на плечи, и ... страшно поскользнуться с такой ношей! Если я сказал лишнее слово, я сам должен держать и ответ: на меня негодование, но ни одной стрелы — туда!»

Плевако — адвокат-универсал. С равным успехом ведет он защиты по делам разных категорий: убийствам и растратам, оскорблениям и подлогам, клевете и кражам, ограблениям и злоупотреблениям по службе, халатности и массовым беспорядкам. В одних делах на первом плане спор о фактах, опровержение представленных противной стороной доказательств; в других — оспаривание правовой оценки деяния; в третьих — анализ обстоятельств, влияющих на степень вины и меру ответственности подсудимого.

Речь Плевако в защиту купца Лебедева, обвиняемого в убийстве отца, может быть отнесена к числу образцовых по так называемым «уликовым» делам. Каждое косвенное доказательство в отдельности допускает самые разные толкования. Соединенные в совокупность, они способны приобретать колоссальную силу и превосходить убедительностью прямые доказательства. Разбивая цепь улик, показывая, что обвинитель представил суду, как говорил Робеспьер, «призрак доказательств», Плевако вводит в опровержение личностный, нравственный элемент.

Согласуются ли с личностью подсудимого приписываемые ему деяния, какой смысл заключается для него в преступлении, каким мотивом он руководствовался, к какой цели стремился? Пока не даны удовлетворительные ответы на эти вопросы, о доказанности обвинения говорить нельзя, утверждает в своих речах Плевако.

В теории судебных доказательств утвердилась точка зрения о том, что сами по себе нравственно-психологические свойства личности не могут служить ни доказательствами вины, ни доказательствами невинности.

Думается, такое обобщение все же слишком абстрактно. Вряд ли можно возвести в общее правило и суждение, высказанное Плевако в речи по делу Лебедева: «Нравственным уликам нужно давать предпочтение перед вещественными. Нравственная улика при изучении характера человека ближе разрешает вопрос».

Все решает специфика конкретных случаев. Есть дела, в которых качества личности приобретают большое, подчас решающее доказательственное значение. Лучшим тому подтверждением служат и дело Лебедева, и дело Санко-Лешевича, обвиняемого в подстрекательстве к убийству, и дело Гаврилова, которого Плевако защищал от обвинения в подделке денежных знаков.

«Внутренний мир человека - это такой же факт, как и внешние деяния...

20—30 лет честной, безукоризненной жизни человека должны заставить задуматься, быть осторожнее к показаниям, которыми приписывается обвиняемому дело, настолько темное, что решиться на него можно было бы лишь при испорченности нрава».

С этим нельзя не согласиться.

Самый, пожалуй, страшный враг правосудия — оговор. Разнообразны его мотивы. Со стороны соседей по скамье подсудимых чаще всего — стремление уменьшить свою вину, поделить ее с другими. Со стороны свидетелей — желание отвести подозрение от близкого человека, корысть, месть, зависть, стремление избавиться от соперника или конкурента.

Плевако, как и любому адвокату, приходилось бороться с оговором по многим делам — и как защитнику, и как представителю гражданского истца. Обращает на себя внимание прием, к которому он прибегает. Обычно адвокаты, разоблачая оговор, клеймят свидетеля как лжеца, так сказать, пригвождают его к позорному столбу. Плевако в ряде процессов также обнажает низменные мотивы, которыми движим оговорщик. Но по другим делам он, напротив, поднимает свидетелей в глазах судебной аудитории и в их

собственных глазах, убедительно показывая: ложь в их устах случайна, вызвана исключительной ситуацией, по-человечески понятна, вымышленные факты противоречат нравственному облику свидетеля. Разоблачительный эффект от такого приема намного увеличивается.

«Таким образом Марья Алексеевна своим рассказом только прикрывает грех своего мужа, — объясняет Плевако ложные показания свидетеля Замятниной. — Ста тысяч рублей Курбатов ей дать не мог.

Прежде всего не мог он сделать этого потому, что она лучше тех женщин, которым платят деньги... Замятнина стоит на такой высоте, которая не позволяет женщине падать до продажи своей любви и ласки».

Своими речами Плевако дает адвокатам совет, позже вошедший в книгу П. Сергеича: «Старайтесь сделать каждого свидетеля противника своим свидетелем».

Отстаивая невиновность подсудимого, Плевако не оставляет неразобраным ни один довод процессуального противника, тщательному анализу подвергается каждое обвинительное доказательство. По делам о преступлениях против личности это, главным образом, свидетельские показания. По делам об экономических преступлениях на вооружении у обвинения показания специалистов, сведущих лиц, заключения экспертов.

Плевако противопоставляет им свои глубокие познания в области банковского дела, финансового права, проникновение в существо той сферы экономических отношений, с которой связано обвинение.

По делу С. И. Мамонтова Плевако обосновывает право; предпринимателя на коммерческий риск, успешно доказывает, что неудавшийся замысел, неоправдавшийся расчет не могут составить уголовно-правовой вины. По делу Московского Судного банка разъясняет некомпетентность бухгалтеров как экспертов по банковским вопросам. В деле Франческо и др. принимает вызов обвинения и опровергает его тем же

статистическим анализом, на котором основывалась обвинительная конструкция.

Защита не сводится к произнесению речи. Успех адвоката в судебных прениях подготавливается тщательным изучением материалов предварительного расследования и участием в судебном следствии. Умение вести перекрестные допросы потерпевших, свидетелей и экспертов, заявлять ходатайства о дополнении следствия всегда считалось важнейшей, но и труднейшей стороной профессии адвоката.

По выступлениям в прениях трудно в полном объеме составить представление об участии адвоката в судебном следствии, но отдельные фрагменты речей позволяют считать, что Мастер и здесь был на высоте.

Из перекрестных допросов потерпевших, свидетелей и экспертов адвокат стремится извлечь нужные защите обстоятельства. В то же время допрос необходимо строить так, чтобы не получить неблагоприятные для себя ответы. Это большое искусство.

Привлекает внимание следующий момент из речи Плевако по делу С. И. Мамонтова: «Вы помните этого свидетеля, властно, крикливо отвечавшего на законный перекрестный допрос моих товарищей. Когда же ряд вопросов или, может быть, некоторая страстность их ему не понравилась, то он заявил, что и два миллиона за семь давать не следовало...»

Товарищи Плевако на этом процессе — выдающиеся адвокаты Карабчевский и Маклаков. Есть основания упрекнуть их в выборе неверной тактики допроса и той «страстности», которая не рекомендуется при допросе свидетелей обвинения. Плевако уклоняется от участия в допросе, своевременно усмотрев риск получения невыгодного для защиты показания. Зато он заявляет ходатайство об истребовании документа, который, опровергнув эксперта, сыграл важнейшую, если не решающую роль в конечном торжестве защиты.

Об искусстве Плевако вести психологическую защиту, о чарующем, завораживающем воздействии на слушателей его речей по делам об убийствах написано много. В сборнике отсутствует шедевр Мастера — речь в защиту корнета Бартенева, обвиняемого в убийстве артистки Висковской. Ни фразы, ни слова нельзя изъять из этого вдохновенного, законченного произведения без ущерба для его целостности.

Психологический анализ в речи адвоката может решать разные задачи. Вскрывая психологию убийства Бартеневым Висковской, Плевако показывает вину в преступлении самой жертвы, обосновывает, почему нельзя нравственно осуждать подсудимого за то, что он не выполнил клятву, данную своей подруге, — уйти из жизни вслед за нею.

Защищая Лукашевича, обвиняемого в убийстве мачехи, и Качку, обвиняемую в убийстве своего возлюбленного, Плевако доказывает, что преступления совершены в состоянии невменяемости; при защите Ильяшенко и князя Грузинского — что имел место аффект, вызванный противоправным и безнравственным поведением потерпевших.

В настоящее время оба эти вопроса относятся к сфере специальных познаний (а вменяемость — и при Плевако) и разрешаются заключениями судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз. Однако заключения экспертов, несмотря на их научный авторитет, необязательны для суда. Как и другие доказательства, они оцениваются по внутреннему убеждению судей и никакой предустановленной силой не обладают. Для адвоката, участвующего в уголовных делах о преступлениях против личности, знание вопросов судебной психиатрии и психологии абсолютно необходимо. Плевако владеет ими в совершенстве.

Психиатрия и в ее современном состоянии содержит немало дискуссионных вопросов, различные научные школы и направления неодинаково, иногда прямо противоположно, объясняют феномены психической жизни человека. Во времена Плевако судебно-психиатрическая наука только формировалась, поле для дискуссий было еще шире — и в

науке, и в суде. Таким «полем» стали судебные процессы Лукашевича и Качки. Плевако отстаивает в своих речах взгляд на психическую жизнь человека как результат сложнейшего взаимодействия прирожденных свойств с условиями среды и воспитания.

С привлечением широчайшего исторического опыта, житейской мудрости и накапливающихся научных разработок он убеждает: нельзя игнорировать влияние наследственности. Прочитывает присяжным страницы из научных работ Каскара, Шульца, Гольцендорфа и других ученых. Особое впечатление, как отмечает очевидец процесса, производят страницы из книги доктора Шюля из Илленау «Курс психиатрии» о детях-наследственниках. Казалось, что это — не из книги. автора, ничего не знавшего про Прасковью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства.

Но суд — не ученый совет, присяжные — не психиатры. И защитник переводит сухие строки научных фолиантов на сжимающие душу слова из языка жизни: «Само возникновение ее на свет было омерзительно. Это не благословенная чета предавалась естественным наслаждениям супругов. В период запоя, в чаду вина и вызванной им плотской сладострастной похоти, ей дана была жизнь. Ее носила мать, постоянно волнуемая сценами домашнего буйства и страхом за своего груборазгульного мужа. Вместо колыбельных песен до ее младенческого слуха долетали лишь крики ужаса и брани да сцены кутежа и попоек».

И дальше столь же ярко о последующем психотравмирующем воздействии социальной среды.

Идет 1880 год. Только разгорается дискуссия между антропологическим и социологическим направлениями в криминологии. Чезаре Ломброзо и его сторонники объясняют преступное поведение исключительно влиянием прирожденного, наследственного начала. Оппоненты — только воздействием социальных условий. А московский адвокат Федор Плевако на процессе Прасковьи Качки уже предостерегает от односторонности этих позиций.

Идет 1883 год. В уголовном законе достаточно долго существует норма, предписывающая смягчать ответственность, если преступление совершается в состоянии аффекта, вызванном неправомерными действиями потерпевшего. Но сама аффектогенная ситуация сужена в судебной практике до обстоятельств, непосредственно предшествовавших преступлению. Только в них прокуроры и судьи ищут причины внезапно наступающего сильного душевного волнения.

«Неверно!» — утверждает в своих речах по делам Ильяшенко и князя Грузинского Плевако. Психотравмирующая ситуация может длиться неделями, месяцами, даже годами. Событие, на которое отреагировал аффективной вспышкой подсудимый, само по себе выглядит поводом ничтожным. Необходимо видеть, что оно лишь последняя капля, переполнившая чашу терпения, и проследить, как и чем наполнялась эта чаша.

Идея кумулятивного (накапливающегося) аффекта нашла признание в современной судебной психологии, сформировавшейся у нас как самостоятельная наука в начале 70-х годов. Но пока с трудом пробивает себе дорогу в судебной практике.

Адвокату Плевако приходится вести спор в судебных процессах не только о фактах, но и об их юридической квалификации, толкуя и разъясняя нормы действующего законодательства.

Судьба подсудимого Маруева зависела от истолкования правового понятия «присутственное место»; подсудимых братьев Бодстром — от решения вопроса: образуют ли их действия состав уголовно наказуемого вымогательства; а братьев Новохацких — от наличия в их деянии признаков такого преступления, как незаконное лишение свободы. Осуществляя защиту по этим делам, Плевако демонстрирует глубокие познания в различных областях права — уголовного, гражданского, административного.

Блестящий правовой анализ законодательства о забастовках проводит Плевако, защищая рабочих Морозовской фабрики. Наказуема не всякая стачка, а лишь нарушающая трудовой договор; протестовать путем массового

прекращения работ против произвола администрации — неотъемлемое право рабочих. Для обоснования этих положений Плевако тщательно разбирает нормы не только отечественного закона, но и зарубежного законодательства. Это не демонстрация эрудиции — обращение к правовому опыту европейских государств, раньше России вступивших на путь промышленного развития, позволяет Плевако выявить смысл закона о стачках, который он, как обычно, просто и доходчиво доносит до присяжных: «...если эти люди отказывались от должного и добивались недолжного путем стачки, они нарушили закон; если они отказывались от недолжного и добивались должного — их забастовка вне сферы наказуемости».

Обращается Плевако к зарубежному опыту и выступая поверенным гражданского истца по делу братьев Поповых.

Анализ практики судов Франции оказывается к месту при разъяснении противоправной сущности и общественной опасности торгового мошенничества.

А как быть с утверждением, что Плевако «не выдающийся юрист»?

Высока была планка требований в русской присяжной адвокатуре. Так, Спасович — автор первого русского учебника уголовного права, широкое признание получили также его работы по международному, государственному, гражданскому, авторскому, семейному праву; Арсеньев — почетный академик, глубокий исследователь суда и адвокатуры; Винавер — крупный историк права.

«К чему бесплодно спорить с веком, обычай — деспот меж людей». Был недолгий период в жизни Плевако (1873—1875), когда он занимался научными исследованиями, даже перевел пухлый учебник немецкого профессора Пухты «Курс римского гражданского права». Но этот всплеск прошел незамеченным. Ученых лавров Плевако не снискал. Владение двумя-тремя иностранными языками для русского интеллигента было само собой разумеющимся. Удивить кого-то переводом трудов зарубежных ученых было

трудно. А что до научного признания — если уж Спасовича упрекали в том, что он не создал в науке чего-то фундаментального, цельного...

Без особого риска можно утверждать, что научными изысканиями Плевако занялся, чтобы «соответствовать». Не был расположен его темперамент к архивным раскопкам и писанию фолиантов.

Плевако — юрист-практик. В горниле непрерывной адвокатской деятельности, в судебных ристалищах совершенствуются и обновляются его обширные правовые знания. И нет таких теоретических глубин, которых не мог бы достичь адвокат Плевако, если бы это было необходимо для защиты человека, вверившего ему свою судьбу.

Каждое серьезное дело (а есть ли несерьезные?) требует тщательной подготовки. Вновь и вновь обращается адвокат к законодательству, которое, казалось бы, знает вдоль и поперек, к руководящим разъяснениям судебной практики, к правовой теории. Но именно применительно к конкретному делу, а оно всегда своеобразно, в чем-то неповторимо.

Отличительная черта творчества Плевако — постановка общих вопросов, имеющих значение для разрешения конкретного случая. В его речах часто звучат проблемы права, справедливости правосудия, нравственности. Пореформенная Россия расставалась с произволом, делала первые, робкие шаги к правовому государству. Идея права для страны, веками управлявшейся неограниченным административным насилием, была нова, отпугивала неизвестностью. Крепостники, бюрократы, разросшийся чиновничий аппарат приняли в штыки судебную реформу, стремились дискредитировать суд присяжных, приручить, посадить на цепь адвокатуру, затоптать начавшие пробиваться ростки демократии. Слева законность атаковали революционеры-экстремисты.

Сейчас нам довелось познать старую истину: история повторяется — и не обязательно, как фарс, может, как еще большая трагедия. Ввергнутое на семьдесят лет в пучину беззаконий общество вновь делает попытку сменить диктатуру силы на диктатуру права. И для нас также актуальны, как 100 лет

назад для наших прадедов, вдохновенное и убежденное слово Плевако о преимуществах гуманного законодательства перед жестокими карами, суда присяжных перед шеффенским судом, открытого состязания обвинения и защиты перед односторонними властными полномочиями государства к обвиняемому. Оказалось, что не только современникам, но и нам — далеким потомкам нужны отточенные аргументы Плевако в пользу допуска адвоката на предварительное следствие: его критика попыток ввести в процесс данные оперативных наблюдений, придать показаниям сыскных чинов полиции предустановленную силу.

Принято выделять два периода в деятельности Плевако как судебного оратора, относя лучшие его речи к молодости и среднему возрасту. «Во втором периоде, — пишет, например, В. И. Смолярчук, — он был оратором уже менее сильным: к 1900 году улетучивается бывшее увлечение, падает энергия и внутренняя сила слова, а речи становятся бледнее. Если в первом периоде его речи отличались бурной горячностью, колоритностью языка, в них чувствовался пульс жизни и они часто давали толчок к размышлениям, то во втором периоде все более заметной становится усталость и даже некоторая апатия оратора, уже не все его речи захватывают душу. Сам Плевако чувствует это и все чаще отказывается от выступлений даже в крупных процессах».

Да, годы стали брать свое, накопилась усталость — без малого 40 лет напряженнейшей правозащитной работы! — подкралась болезнь. Но речи не стали бледнее. Пришла мудрость. Наступила пора подводить итоги.

Не известно, много ли читал Плевако, но вот что много думал — так это несомненно. Не из книг черпал материал для размышлений — из самой жизни. Вся Россия прошла перед адвокатом Плевако в судебных процессах. Рабочие, крестьяне, промышленники, финансисты, поместное дворянство, студенты, князья, духовники, военные, профессиональные революционеры — представители всех социальных слоев.

Каждому гению свойствен дар провидца. Последние речи Плевако — завещание потомкам. Все подмечает его зоркий глаз: незавершенность, половинчатость экономической и политической реформ 60-х годов; всеислие бюрократии, тормозящей промышленное и демократическое развитие страны; нужду и темноту народных масс; искаженное, во многом уродливое, развитие частного предпринимательства.

С тревогой наблюдает Плевако превращение фабричных рабочих в «обессиленный физическим трудом, с обмершими от бездействия духовными силами» придаток к машине, в «легко заменимые в случае порчи винтики»; негодуяюще осуждает близорукую экономию на социальных и духовных нуждах трудящихся, политику спаивания народа; пристально вглядывается в стремительное увеличение приверженцев революционного насилия за счет необразованных и нравственно неразвитых людей.

Плевако страшится «бессмысленного и беспощадного» русского бунта. «Русская национальная черта...: тишь, молчаливое страданье и взрыв на мгновенье... на час-другой, не в смысле природного дефекта, а набегом, мутью, заразой.

Русский человек дает порой Минина, порой Пугачева, порой Пожарского, порой Разина.

А между этими именами — десятилетия и столетия молчания и мертвой зыби».

Всей мощью гражданского негодования восстает Плевако против грязной клеветы лидера черносотенцев князя Мещерского, возведенной на истинного русского патриота Михаила Стаховича. Вот она «гремучая смесь», способная взорвать общественный организм: бедственное материальное положение населения, непросвещенность народа, пра воевое убожество, подогреваемая реакционными силами ненависть к инородцам. И в такое время, говорит в своей речи Плевако, «когда в стране не все благополучно», вместо того чтобы «сплотиться и добыть славы и чести земле своей», а со словом публичным «обращаться трепетно и честно»

процветают «взаимное недоверие, опорочивание и опозоривание, литературный донос и искажение фактов».

История, увы, повторяется, но ужель и вправду она ничему не способна научить людей?!

«Общество же — что организм, — развивает мысль Плевако, — оно бывает в горячках и лихорадках, в параличе и с увечьями, возбужденное или подавленное». Как лечить больное общество?

Незадолго до кончины Плевако включился в политическую жизнь и стал депутатом III Государственной думы от партии октябристов. Решение Плевако заняться политической деятельностью расценивается в нашей литературе как темное пятно в его биографии и преподносится в качестве досадного, случайного эпизода, вызванного, главным образом, нежеланием мириться с заметным спадом адвокатской славы¹.

Судить о помыслах человека вообще, исторического деятеля, в особенности, — дело рискованное. Слишком крупная личность Плевако, чтобы на склоне лет «тешиться обманом» своей громкой славы. Нет никаких оснований подозревать в неискренности твердого в убеждениях либерала, когда он говорит: «Мы думаем, что Дума должна быть истинной выразительницей воли народа, и прежде всего людей окраины»². Необходимость конституции и парламента для страны осознавалась всеми просвещенными людьми России.

Вполне последовательным было и то, что политические симпатии Плевако отдал партии «Союз 17 октября», провозгласившей своей задачей «оказать содействие правительству, идущему по пути спасительных реформ, направленных к полному и всестороннему обновлению государственного и общественного строя России». Как и многие либералы-демократы, Плевако считал, что наиболее безболезненно буржуазно-демократические реформы могут быть проведены сверху: слишком слабым было в стране «третье сословие», вдохновлял пример Великих реформ.

Авторитет партии октябристов был подмочен тем, что к ним попытались примкнуть черносотенцы. Но поддержки не получили, а свое неприятие шовинизма Плевако имел возможность выразить в речах на процессах Ильяшенко, Горнштейна, князя Мещерского.

Начинать обновление общества следует, по мысли Плевако, с утверждения правды, справедливости, свободы личности. «Вспомните, — обращался он к суду, защищая севрских крестьян, — что подсудимым негде было научиться правде. Наоборот, чувство правды убивалось у них всеми средствами и заменялось чувством тупого молчания...

Учить правде следует правдою же! Учить уважению к закону — примерами!»

Сейчас, когда наша заблудившаяся современность продирается к правде, все острее осознается, что фундамент прогресса общества — свобода, честь и достоинство личности. Мы пристально вглядываемся в историю страны, открываем новые для себя имена, вслушиваемся в голоса русских интеллигентов-либералов: философов, ученых, юристов.

Все яснее слышим голос великого русского адвоката Федора Плевако, пытающегося донести до нас простую истину: «Честь — это весь человек. Отнеситесь к вопросам чести легко, снизойдите к мирозерцанию тех, кто обтирается после удара и смеется, слушая обиды, — и общество, приученное этим пониманием к бесчувственности, превратится в толпу рабов, забывших достоинство человеческой личности».

Человек чести, гордый тем, что способствовал, как он выразился на своем юбилее, «насаждению на родной ниве чудес общечеловеческой культуры», — таким был адвокат Плевако.

ДЕЛО П. П. КАЧКИ,

обвиняемой в убийстве дворянина Байрашевского

Заседание Московского Окружного Суда с участием присяжных заседателей 22 и 23 марта 1880 г., под председательством Товарища Председателя Т. Е. Рынкевича.

Обвинял Прокурор Окружного Суда П. Н. Обнинский. Защищал Ф. Н. Плевако.

15 марта 1879 г., коло семи часов вечера, в меблированных комнатах Шмоль, у студента Гортынского собралось несколько человек гостей, по большей части, как и хозяин, студентов Технического училища. Среди этого общества находились недавно приехавшие из Петербурга – бывший слушатель Петербургской Медицинской Академии дворянин Бронислав Байрашевский и восемнадцатилетняя девушка, дворянка Праскофья Петровна Качка.

Молодежь пела песни: сначала хором, потом, по просьбе присутствовавших, Качка стала петь одна. Это было уже в сумерках. Поместившись против сидевшего за столом Байрашевского, девушка пробовала петь то ту, то другую песню, но голос ее дрожал и прерывался. В середине романса она внезапно оборвала пение, вынула из кармана револьвер и выстрелила прямо в висок Байрашевскому. Тот мертвым упал со стула.

На допросе у судебного следователя Качка отказалась выяснить причины преступления, но скрыла, однако, что она и убитый любили друг друга, что любви этой помешало какое – то постороннее обстоятельство, в силу которого совершилось убийство. По словам ее, покончить с Байрашевским она решила еще за месяц до самого преступления, револьвер купила за неделю, а зарядила накануне. Убив Байрашевского, она хотела застрелить и себя, но оружие выпало у нее из рук.

Следствие выяснило, что с августа 1878 г. Качка жила в Петербурге, где слушала университетские курсы, и близко сошлась с Байрашевским, которого полюбила еще раньше, в Москве, живя с ним на одной квартире. Байрашевский увлекся девушкой и дал обещание жениться на ней, но

обещания не исполнил, полюбив другую женщину, близкую подругу Качки, Ольгу Пресецкую. Заметив охлаждение любимого человека, его явное стремление избежать ее общества, Качка епременила свои дружеские отношения к Пресецкой, и сделалась беспокойной, раздражительной и странной.

Так длилось дело почти всю зиму. 26 февраля 1879 г. Байрашевский выехал в Москву, думая пробыть здесь несколько дней, а потом ехать вместе с невестой, Пресецкой, к родным в Вильно. В тот же день, только с другим поездом, отправилась в Москву и Качка, узнавшая об отъезде молодого человека.

В Москве она поселилась в номерах, откуда, дней за десять до совершения убийства, послала в Московское Жандармское Управление письмо с просьбой арестовать молоденькую, но очень опасную пропагандистку, праскофью Качку, поместив в конце письма адрес своей квартиры. 15 марта утром приехала в Москву и Пресецкая. Байрашевский встретил ее на вокзале, пробыв с ней в квартире ее сестры, М. Пресецкой, до пяти часов вечера, а затем отправился в гости к Гортынскому. Там он встретил Качку и сообщил ей о презде «Ольги Николаевны». Через непродолжительное время последовало убийство.

Подсудимая рассказала, что родилась в помещичьей семье и рано, пяти или шести лет, лишилась отца, после мать ее вскоре вторично вышла замуж за гувернера своих детей. Образование Качка получила в гимназии, но курса не кончила. В 1878 г., весной, приехав с отчимом из деревни в Москву, она очень с О. Пресецкой и осталась жить в столице, где вскоре познакомилась с Байрашевским. Осенью все трое, сдружившиеся между собою молодые люди, - Байрашевский, Пресецкая и Качка, переехали в Петербург и поселились, как и в Москве, все трое вместе. После этого Качка жила некоторое время на одной квартире с Байрашевским и своим отчмом, Битмидом. Перед поездкой в Москву она жила одна в гостинице.

На вопрос об отношениях Байрашевского к Пресецкой и о своих собственных чувствах к нему взволнованная подсудимая отвечать отказалась. Вообще, почти всякий раз, как вопросы затрагивали личность убитого, Качка приходила в волнение и отзывалась, что ей тяжело говорить о нем. Подсудимая не могла также ни рассказать о событиях, предшествовавших убийству, ни описать свое внутреннее состояние во время него, говоря, что была тогда в сильном волнении, действовала бессознательно, знает лишь одно, что убила, а как, при каких обстоятельствах, - не помнит. Постановление суда произвести в отдельной комнате через докторов медицинское освидетельствование подсудимой вызвало у нее истерику.

Присяжные заседатели признали факт преступления доказанным, а подсудимую – действовавшую в состоянии умоисступления.

Суд определил отдать П. П. качку для лечения в больницу.

Речь Ф. Н. Плевако в защиту Качки

Гг. присяжные!

Накануне, при допросе экспертов, председатель обратился к одному из них с вопросом: «По-вашему выходит, что вся душевная жизнь обуславливается состоянием мозга?»

Вопросом этим брошено было подозрение, что психиатрия в ее последних словах есть наука материалистическая и что, склонившись к выводам психиатров, мы дадим на суде место материалистическому мирообъяснению.

Нельзя не признать уместность вопроса, ибо правосудие не имело бы места там, где царило бы подобное учение. Но вместе с тем надеюсь, что вы не разделите того обвинения против науки, какое сделано во вчерашнем вопросе г. председателя.

В области мысли, действительно, существуют, то последовательно, то рядом, два диаметральных объяснения человеческой жизни –

материалистическое и спиритуалистическое. Первое хочет всю нашу духовную жизнь свести к животному, плотскому процессу. По нему наши пороки и добродетели – результат умственного здоровья или расстройства органов. По второму воззрению, душа, воплощаясь в тело, могуча и независима от состояния своего носителя. Ссылаясь на пример мучеников, героев и т. п., защитники этой последней теории совершенно разрывают связь души и тела.

Но если против первой теории возмущается совесть и ее отвергает наше нравственное чувство, то и второе не устоит перед голосом вашего богатого опытом здравого смысла. Допуская взаимодействие двух начал, но не уничтожая одно в другом, вы не впадете в противоречие с самым высшим из нравственных учений, христианским. Это возвысившее дух человеческий на подобающую высоту учение само дает основания для третьего, среднего между крайностями, воззрения. Психиатрия, заподозренная в материалистическом методе, главным образом стояла за наследственность душевных болезней и за слабость душевных сил при расстройстве организма природными и приобретенными болезнями...

На библейских примерах (Ханаан, Вавилон и т. п.) защитник доказывает. Далее, что наследственность признавалась уже тогда широким учением о милосердии, о филантропии путем материальной помощи, проповедуемой Евангелием. Защитник утверждает то положение, что заботою о материальном довольстве страждующих и немощных признается, что лишения и недостатки мешают росту человеческого духа: ведь это учение с последовательностью, достойною всеведения Учителя, всю жизнь человеческую регулировало с точки зрения единственно ценной цели – цели духа и вечности.

Те же воззрения о наследственности сил души и ее достатков и недостатков признавались и историческим опытом народа. Защитник припоминает наше древнерусское предубеждение к Ольговичам и расположение к Мономаховичам, оправдавшееся фактами: рачитель и

оберегатель мира, Мономах воскрешался в роде его потомков, а беспокойные Ольговичи отаржали хищнический инстинкт своего прародича. Защитник опытами жизни доказывает, что вся наша практическая мудрость, наши вероятные предположения созданы под влиянием двух аксиом житейской философии: влияния наследственности и, в значительной дозе материальных, плотских условий на физиономию и характер души и ее деятельности.

Установив точку зрения на вопрос, защитник прочитывает присяжным страницы из Каспара, Шульца, Гольцендорфа и других ученых, доказывающих то положение, которое утверждалось и вызванным судом психиатрами. Особенное впечатление производят страницы из книги доктора Шюле из Илленау («Курс психиатрии») о детях-наследственниках. Казалось, что это – не из книги автора, не знавшего про Праскофью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства.

Далее шло изложение фактов судебного следствия, доказывающих, что Праскофья Качка именно такова, какую ее представляли эксперты в период от зачатия до оставления ею домашнего очага.

Само возникновение ее на свет было омерзительно. Это неблагословенная чета предавалась естественным наслаждениям супругов. В период запоя, в чаду вина и вызванной им плотской сладострастной похоти ей дана была жизнь. Ее носила мать, постоянно волнуемая сценами домашнего буйства и страхом за своего груборазгульного мужа. Вместо колыбельных песен до ее младенческого слуха долетали лишь крики ужаса и брани да сцены кутежа и попоек.

Она потеряла отца, будучи шести лет. Но жизнь оттого не исправилась. Мать ее, может быть надломленная прежней жизнью, захотела прожить, подышать на воле, но она очень скоро вся отдалась погоне за своим личным счастьем, а детей бросила на произвол судьбы. Ее замужество за бывшего гувернера ее детей, ныне высланного из России, г. Битмида, который был моложе ее чуть не на десять лет; ее дальнейшее поглощение своими новыми

чувствами и предоставление детей воле судеб; брошенное, неряшливое воспитание; полный разрыв чувственной женщины и иностранца-мужа с русской жизнью, с русской верой, с различными поверьями, дающими столько светлых, чарующих детство радостей; словом, - семья жизни Праскофьи Качки было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву.

Каким-то чудом оно дало – и зачем дало? – росток; но к этому ростку не было приложено забот и любви: его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые вьюги и беспорядочные смены стихий.

В этом семействе, которое, собственно говоря, не было семейством, а механическим соединением нескольких отдельных лиц, полагали, что сходить в церковь, заставить пропеть над собой брачные молитвы, значит совершить брак.

Нет, от первого поцелуя до той минуты, когда наши дети, окрепшие духом и телом, нас оставляют для новых, самостоятельных союзов, брак не перестает быть священной тайной, высокой обязанностью мужа и жены, отца и матери, нравственно ответственных за рост души и тела, за направление и чистоту ума и воли тех, кого вызвала к жизни супружеская любовь.

Воспитание было, действительно, странное. Фундамента не было, а между тем в присутствии детей, и особенно в присутствии Паши, любимицы отчима, не стесняясь, говорили о вещах выше ее понимания, осмеивали и осуждали существующие явления, а взамен ничего не давали.

Таким образом, воспитание доразрушило то, чего не могло разрушить физическое нездоровье. О влиянии воспитания нечего и говорить. Не все ли мы теперь плачемся, видя, как много бед у нас от нерадения семейств к этой величайшей обязанности отцов?..

В дальнейшем ходе речи были изложены, по фактам следствия, события от 13 до 16 лет жизни Качки.

Стареющая мать, чувствуя охлаждение мужа, вступила в борьбу с этим обстоятельством. При постоянных переездах с места на место, из деревни то в Петербург, то в Москву, то в Тулу, ребенок нигде не может остаться,

освоиться. А супруги, между тем, поминутно в перебранках из-за чувства. Сцены ревности начинают наполнять жизнь гг. Битмидов. Мать доходит до подозрений к дочери и, бросив мужа, а с ним и всех детей первого брака, сама уезжает в Варшаву. Проходят дни и годы, а она даже и не думает о судьбе детей, не интересуется ими.

В одиночестве, около выросшей в девушку Паши, Битмид-отчим, действительно, стал мечтать о других отношениях. Но когда он стал высказывать их, в девушке заговорил нравственный инстинкт. Ей страшно стало от предложения и невозможно далее оставаться у отчима. Ласки, которые она считала за отцовские, оказались ласками мужчины-искателя; дом, который она принимала за родной, стал чужим. Нить порвалась. Мать далеко... Бездомная сирота ушла из дома. Но куда? К кому?.. Вот вопрос.

В Москве была подруга по школе. Она – к ней. Там ее приютили и ввели в кружок, доселе ею неведанной. Целая кучка молодежи живут, не ссорясь, читают, учатся. Ни сцен ее бывшего очага, ни плотоядных инстинктов она не видит. Ее потянуло сюда.

Здесь на нее ласково взглянул Байрашевский, выдававшийся над прочими знанием, обаятельностью. Бездомное существо, зверек, у которого нет пристанища, дорого ценит привет. Она привязалась к нему со всем жаром первого увлечения.

Но он выше ее: другие его понимают, а она нет. Начинается догонка, бег, как и всякий бег, - скачками. На фундаменте недоделанного и превратного воспитания увлекающаяся юность, увидевшая в ней умную и развитую девушку, начинает строить беспорядочное здание: плохо владеющая, может быть, первыми началами арифметики садится за сложные формулы новейших социологов; девушка, не работавшая ни разу в жизни за вознаграждение, обсуждает по Марксу отношения труда и капитала; не умеющая перечислить городов родного края, не знающая порядком белого очерка судеб прошлого человечества, читает мыслителей, мечтающих о новых межах для будущего.

Понятно, что звуки доносились до уха, но мысль убегала. Да и читалось это не для цели знания: читать то, что он читает, понимать то, что его интересует, жить им – стало девизом девушки. Он едет в Питер. Она – туда. Здесь роман пошел к развязке. Юноша приласкал девушку, может быть сам увлекаясь, сам себе веря, что она ему по душе пришлась. Началось счастье. Но оно было кратковременно. Легко загоревшаяся страсть легко и потухла у Байрашевского. Другая женщина приглянулась; другую стало жаль, другое состояние он смешивал с любовью, и легко и без борьбы он пошел за новым наслаждением.

Она почувствовала горе. Она узнала его. В словах, которые воспроизвести мы теперь не можем, изложено, каким ударом было для покинутой горе. Кратковременное счастье только больнее, жгуче сделало для нее ее пустую, бесприютную, одинокую долю. Будущее с того шага, как захлопнется навсегда дверь в покой ее друга, представлялось темным, далеким, не озаренным ни на одну минуту, неизвестным.

И она услышала первые приступы мысли об уничтожении. Кого? Себя или его – она сама не знала. Жить и не видеть его, знать, что он есть, и не мочь подойти к нему – это какой-то неестественный факт, невозможность.

И вот, любя его и ненавидя, она борется с этими чувствами и не может дать преобладания одному над другим.

Он поехал в Москву, она, как ягненок за маткой, - за ним, не размышляя, не соображая.

Здесь ее не узнали. Все в ней было перерождено: привычки, характер. Она вела себя странно; непривычные к психиатрическим наблюдениям лица, - и те узнали в ней ненормальность, увидели в душе гнетущую ее против воли, свыше воли тоску.

Она собирается убить себя. Ее берегут, остаются с ней, убирают у нее револьвер. Порыв убить себя сменяется порывом убить милого. В одной и той же душе идет трагическая борьба: одна и та же рука заряжает пистолет и пишет на самое себя донос в жандармское управление, прося арестовать

опасную пропагандистку, Праскофью Качку, очевидно, желая, чтобы посторонняя сила связала ее больную волю и помешала идее перейти в дело.

Но доносу, как и следовало, не поверили.

Наступил последний день. К чему-то страшному она готовилась. Она отдала первой встречной свои вещи. Видимо, мысль самоубийства охватило ее.

Но ей еще раз захотелось взглянуть на Байрашевского.

Она пошла. Точно злой дух шепнул ему новым ударом поразить грудь полурбенка-страдальцы: он сказал ей, что приехала та, которую он любит, что он встретил ее, был с ней. Может быть, огнем горели ее глаза, когда он передавал, не щадя чужой муки, о часах своей радости. И представилось ей вразрез с ее горем, ее покинутой и осмеянной любовью молодое чужое счастье. Как в вине и разгуле пытается иной забыть горе, пыталась она в песнях размыкать свое. Но песни или не давались ей, или будили в ней воспоминания прошлого, утраченного счастья и надрывали душу.

Она пела как никогда.

Голос ее был, по выражению юноши Малышева, страшен. В нем звучали такие ноты, что он, мужчина молодой, крепкий, волновался и плакал.

На беду попросили ее спеть ее любимую песню из Некрасова: «Еду ли ночью по улице темной».

Кто не знает могучих сил этого певца страданий; кто не находил в его звучных аккордах отражения своего собственного горя, своих собственных невзгод...

И она запела...

И каждая строка поднимала перед ней ее прошлое со всем его безобразием и со всем гнетом, надломившим молодую жизнь.

«Друг беззащитный, больной и бездомный, вдруг предо мной промелькнёт твоя тень» - пелось в песне, - а перед воображением бедняжки рисовалось сжимающая сердце картина одиночества .

«С детства тебя не взлюбила судьба; суров был отец твой угрюмый» - лепетал язык, а память подымала из прошлого образы страшнее, чем говорилось в песне.

«Да не на радость сошлась и со мной»... попевала песня за новой волной представлений, воспроизводивших её московскую жизнь, минутное счастье и безграничное горе, сменившее короткие минуты света.

Душа её надрывалась. А песня не щадила, рисуя и гроб, и падения, и проклятие толпы.

И под финальные слова: «или пошла ты дорогой обычной, и роковая свершилась судьба», - преступление было совершено.

Сцена за убийством, поцелуй мёртвого, плач и хохот, констатированное всеми свидетелями истерическое состояние, видение Байрашевского, - всё это свидетельствует, что здесь не было расчёта, умысла, а было то, что на душу, одаренную силою в один талант, настало горе, какого выдержит и птиталантная сила, и она задавлена им, задавлена не легко. не без борьбы.

Больная боролась, сама с собой боролась. В решительную минуту, судя по записке, переданной Малышеву для передачи будто бы Зине, она ещё хотела покончить. Но по какой-то неведомой для нас причине, одна волна, что несла убийство, перегнала другую, несшую самоубийство, и разрешилась злом, унесшим сразу две жизни, - ибо и в ней убито всё, всё надломлено, всё сожжено упрёками неумирающей совести и сознание греха...

Я знаю, что преступление должно быть наказано и что злой должен быть уничтожен в своём зле силою карающего суда.

Но присмотритесь к этой, тогда 18-летней женщине, и скажите мне, что она: зараза, которую нужно уничтожить, или заражённая, которую надо пощадить?

Не вся ли жизнь её отвечает, что она - последняя?

Нравственно гнили были те, кто дал ей жизнь. Росла она, как будто между своими, но у неё были родственники, а не было родных, были

производители, но не было родителей. Всё, что её дало бытие и форму, заразило то, что дано.

На взгляд практических людей – труп смердящий.

Но правда людей, коли она хочет быть отражением правды Божией, не должна так легко делать дело суда. Правда должна в душу ей войти прислушаться, как велики были дары унаследованные, и не переборола ли их демоническая сила среды, болезни и страданий?

Не с ненавистью, а с любовью судите, если хотите правды. Пусть по счастливому выражению псалмопевца, «правда и милость встретятся в вашем решении, истина и любовь облобызаются».

И если эти светлые свойства правды подскажут вам, что её «я» не заражено злом, а отвёртывается от него и содрогается и мучится, не бойтесь этому кажущемуся мертвецу сказать тоже, что, вопреки холодного расчёта и юдольной правды книжников и фарисеев, сказано было Великой и Любвеобильной Правдой четверодневному Лазарю: «Гряди вон»!

Пусть воскреснет она, пусть зло, навеянное на неё извне, как пелена гробовая спадёт с неё, пусть правда и ныне, как прежде, живет и чудодействует.

И она оживёт.

Сегодня для неё великий день. Бездомная скиталица, безродная – ибо разве родная – её мать, не подумавшая, живя целые годы где-то, спросить: а что-то поделявает моя бедная девочка, - безродная скиталица впервые нашла свою мать и родину, Русь, сидящую перед ней в образе представителей общественной совести.

Раскройте ваши объятия, я отдаю её вам. Делайте, что совесть вам укажет.

Если ваше отеческое чувство возмущено грехом детища, сожмите гневно объятия, пусть с криком отчаяния сокрушится это слабое создание и исчезнет.

Но если ваше сердце подскажет вам, что в ней, изломанной другими, искалеченной без собственной вины, нет места тому злу, орудием которого

она была; если ваше сердце поверит ей, что она, веруя в Бога и совесть, мучениями и слезами омыла грех бессилия и помраченной болезнью воли, - воскресите её, и пусть ваш приговор будет новым рождением её на лучшую, страданиями умудренную жизнь!...

Ф.Н. Плевако. Дело светлейшего князя Григория Ильича Грузинского.

Речь в защиту князя Грузинского

Как это обыкновенно делают защитники, я по настоящему делу прочитал бумаги, беседовал с подсудимым и вызвал его на искреннюю исповедь души, прислушался к доказательствам и составил себе программу, заметки, о чем, как, что и зачем говорить пред вами. Думалось и догадывалось, о чем будет говорить прокурор, на что будет особенно ударять, где в нашем деле будет место горячему спору, — и свои мысли держал я про запас, чтобы на его слово был ответ, на его удар — отраженье.

Но вот теперь, когда г. прокурор свое дело сделал, вижу я, что мне мои заметки надо бросить, программу изорвать. Я такого содержания речи не ожидал.

Много можно было прокурору спорить, что поступок князя не может быть ему отпущен, что князь задумал, а не вдруг решился на дело, что никакого беспамятства не было, что думать о том, что Шмидт со своей стороны готовит кровавую встречу и под этой думой стрелять в Шмидта — князю не приходилось. Все это спорные места, сразу убедиться в них трудно, о них можно потягаться.

Но подымать вопрос, что князь жены не любил, оскорбления не чувствовал, говорить, что дети тут ни при чем, что дело тут другое, воля ваша, — смело и вряд ли основательно. И уже совсем не хорошо, совсем непонятно объяснять историю со Шмидтом письмами к Фене, строгостью князя с крестьянами и его презрением к меньшей братии — к крестьянам и людям, вроде немца Шмидта, потому что он светлейший потомок царственного грузинского дома.

Все это ново, неожиданно, и я, бросив задуманное слово, попытаюсь ответить прокурору так, как меня наталкивает сердце, возбужденное слышанным и боязнью за будущее моего детища — подсудимого.

Я очень рад, что судьбу князя решаете вы, по виду вашему, — пахари и промышленники, что судьбу человека из важного рода отдали в руки ваши.

Равенство всех перед законом и вера в правосудие людей, не несущих с собой в суд ничего, кроме простоты и чистоты сердца, — сегодня явны в настоящем деле. Сегодня, в стороне от большого света, в уездном городке, где нет крупных интересов, где все вы заняты своим делом, не мечтая о великих делах и бессмертии имени, на скамью обвинением посажен человек, которого упрекают в презрении к вам, упрекают в том, что он из стародавней, некогда властвовавшей над Грузией фамилии... и вам же предают его на суд!

Но мы этого не боимся и, не краснея за свое происхождение, не страшась за вашу власть, лучшего суда, чем ваш, не желаем, вполне надеюсь, что вы нас рассудите в правду и в милость, рассудите по-человечески, себя на его место поставите, а не по фарисейской правде, видящей у ближнего в глазу спицу, у себя не видящей и бревна, на людей возлагающей бремя закона, а себе оставляющей легкие ноши.

В старину приходящего гостя спрашивали про имя, про род, про племя. По имени тебе честь, по роду жалование. Подсудимому не страшно назвать себя, и краснеть за своих предков ему не приходится. Он из рода князей Грузинских, прямой внук последнего грузинского царя, Григория, из древней династии Багратидов, занесенной в летописи с IV века после Рождества Христова. При деде его Грузия слилась воедино с нашим отечеством, его дед принял подданство, и фамилия Грузинских верой и правдой служит своему Царю и новому отечеству.

Несчастье привело одного из членов этого дома на суд ваш, и он пришел ждать вашего решения, не прибегая к тем попыткам, какие в ходу у сильных мира, к попыткам избежать суда преждевременными ходатайствами об исключении из общего правила, о беспримерной милости и т. п.

Дело его — страшное, тяжелое. Но вы, более чем какое-либо другое, можете рассудить его разумно и справедливо, по-божески. То, что с ним случилось, беда, которая над ним стряслась, — понятны всем нам; он был богат — его ограбили; он был честен — его обесчестили; он любил и был любим, — его разлучили с женой и на склоне лет заставили искать ласки случайной знакомой, какой-то Фени; он был мужем — его ложе осквернили; он был отцом — у него силой отнимали детей и в глазах их порочили его, чтобы приучить их презирать того, кто дал им жизнь.

Ну, разве то, что чувствовал князь, вам непонятно, адские терзания души его — вам неизвестны?

Нет, я думаю, что вы — простые люди, лучше всех понимаете, что значит отцовская или мужнина честь, и грозно охраняете от врагов свое хозяйство, свой очаг, которым вы отдаете всю жизнь, не оставляя их для суеты мира и для барских затей богатых и знатных.

Посмотрим, как было дело и из-за чего все вышло.

Чтобы решить: дороги ли были князю жена и дети, припомним, как он обзавелся семьей и жил с ней.

20 лет тому назад, молодой человек, встречает он в Москве, на Кузнецком мосту у Трамблэ, кондитера, торговца сладостями, красавицу-продавщицу, Ольгу Николаевну Фролову. Пришлась она ему по душе, полюбил он ее. В кондитерской, где товар не то, что хлеб или дрова, без которых не обойдешься, а купить пойдешь хоть на грязный, постоялый двор, — в кондитерской нужна приманка. Вот и стоят там в залитых огнями и золотом палатах красавицы-продавщицы; и кому довольно бы фунта на неделю, глядишь — заходит каждый день, полюбоваться, перекинуться словцом, полюбезничать.

Конечно, не все девушки там не строги: больше хороших, строгих. Но, уж дело их такое, что на всякое лишнее слово, на лишний взгляд обижаться не приходится: им больно, да хозяину барыш, — ну и терпи!

А если девушка и хороша и не строга, отбоя нет: баричи и сыновья богачей начнут охотиться за добычей. Удача — пошальят, до нового лакомого куска; шальят наперебой; но, шая и играя, они смотрят на ту, с кем играют, легко. Они отдают ей излишки своего кошелька, дарят цветы и камни, но, если поддавшаяся им добыча заговорит о семье и браке, они расхохочутся и уйдут. Если добыча становится матерью, им какое дело: заботу о ребенке возьмет на себя воспитательный дом, бабка, есть рвы, куда подкидывают, есть зелья, которые выгоняют из утробы... Им какое дело!

Князь иначе отнесся к делу.

Полюбилась, и ему стало тяжело от мысли, что она будет стоять на торгу, на бойком месте, где всякий, кто захочет, будет пялить на нее глаза, будет говорить малопрстойные речи. Он уводит ее к себе в дом, как подругу. Он бы сейчас же и женился на ней, да у него жива мать, еще более, чем он, близкая к старой своей славе: она и слышать не хочет о браке сына с приказчицей из магазина. Сын, горячо преданный матери, уступает. Между тем Ольга Николаевна понесла от него, родила сына-первенца. Князь не так отнесся к этому, как те гуляки, о которых я говорил. Для него это был его сын, его кровь. Он позвал лучших друзей: князь Имеретинский крестил его.

Ольга Николаевна забеременела вновь. Ожидая второго, привязавшись всей душой к первому сыну, князь теперь уже сам знал, что значит быть отцом любимого детища от любимой женщины, а не от случайной встречи с легкодоступной продавщицей своих ласк. Отец в нем пересилил сына. Он вступил в брак. Мало того, он бросился с просьбой о милости, просил Государя усыновить первенца. Вы слышали про это из той бумаги, которую я подал суду. Само собой разумеется, что на полную любви просьбу последовал ответ ее достойный.

Что ни год, то по ребенку приносила ему жена. Жили они счастливо. Муж берег добро для семьи, подарил жене 30 000 руб., а потом, чтобы родные не говорили, что жена не имеет ничего своего, купил имение на общее имя, заплатил за него все, что у него было.

Бывали у них вспышки. Но разве без вспышек проживешь? Может быть, жена его, нет, нет, да и вспомнит привычки бывшей жизни... А мужу хотелось, чтобы она вела себя с достоинством, приличнее... Вот и ссора.

С честью ли, с уважением ли к себе и к мужу несла свое имя и свое звание жены и матери княгиня Грузинская до встречи со Шмидтом — я не знаю; у нас про это ничего сегодня не говорили. Значит, перейдем прямо к этому случаю.

Дети подрастали. Князь жил в деревне. Нужен был учитель. На место приехал Шмидт. Что это доктору, немецкому уроженцу, Шмидту, вздумалось ограничиться учительским местом, — не знаю. Студент, семинарист мог бы заменить его. Не с злой ли думой он прямо и пришел к ним, почуяв возможность обделать дело? В самом деле, за все хватался он: и практиковал, как лекарь, и каменный уголь копал, как горный промышленник... Что ему в учительстве?

Подрастал старший сын — Александр. Князь повез его в Питер, в школу. Там оставался с ним до весны. Весной заболел возвратной горячкой. Три раза возвращалась болезнь. Между двумя приступами он успел вернуться в Москву. Тут вновь заболевает. Доктора отчаиваются за жизнь. Нежно любящему отцу, мужу хочется видеть семью, и вот княгиня, дети и гувернер Шмидт — едут. Князь видится, душа его приободрилась и приобрела энергию: болезнь пошла на исход, князь выздоравливал.

Тут-то князю, еще не покидавшему кровати, пришлось испытать страшное горе. Раз он слышит — больные так чутки—в соседней комнате разговор Шмидта и жены: они, по-видимому, перекоряются; но их ссора так странна: точно свои бранятся, а не чужие, то опять речи мирные... неудобные... Князь встает, собирает силы... идет, когда никто его не ожидал, когда думали, что он прикован к кровати... И что же? Милые бранятся — только тешатся: Шмидт и княгиня вместе, нехорошо вместе...

Князь упал в обморок и всю ночь пролежал на полу. Застигнутые разбежались, даже не догадавшись послать помощь больному. Убить врага,

уничтожить его князь не мог, он был слаб... Он только принял в открытое сердце несчастье, чтобы никогда с ним не знать разлуки.

С этого дня князь не знал больше жены своей. Жить втроем, знать, что ласки жены делятся с соперником, он не мог. Немедленно услать жену он тоже был не в силах: она мать детей. Силой удалить от княгини Шмидта было уже поздно: княгиня теперь носила имя, дававшее ей силу, владела половиной состояния и могла отстоять своего друга.

Так и случилось.

Князь отказал Шмидту, а княгиня сделала его управляющим своей половины. В дом к князю при нем он не ходил, но жил в той же слободе, к которой прилегают земли Грузинских.

А когда князь уезжал, Шмидт не расставался с княгиней от 8 час. утра и до поздней ночи.

В это-то время он внушил княгине те мысли, которые обусловили раздел. Княгиня сумела заставить князя поспешить с разделом, причем все расходы на него были мужнины.

Чуя власть в руках, зная, что князь не прочь помириться с женой, лишь бы она бросила связь со своим управляющим, немцем Шмидтом, последний и княгиня не стеснялись: они гласно виделись в квартире Шмидта, гласно Шмидт позволял себе оскорблять князя; мало этого: княгиня в ожидании, когда кончится постройка приготавливаемого для нее в ее половине имения домика, съехала на квартиру в дом священника, из окон в окна с домом князя, от него сажень за 200, от Шмидта в двух шагах. Тут, на глазах всей дворни, всей слободы, всех соседей, на глазах детей, оставшихся у отца, они своим поведением не щадили ни чести князя, ни его терпения, ни его сердца.

Оттуда они переезжают в Овчарню, в тот домик, который выстроил Шмидт княгине. Там-то и случилось несчастье.

Но прежде чем голубки переберутся в свою Овчарню и заворкуют, вспоминая, как они ловко обманули князя, отняли у него его добро, надругались над его мягкостью и будут замышлять, как им захватить еще и

еще, — посмотрим, как следует отнестись к одному делу, на которое так сильно напирает прокурор: к письмам князя к солдатской дочке — Фене. Уж очень эти письма ему нравятся: он ни за что не хотел, чтобы их не читать, наизусть их повторял в своей речи. Займемся и мы с вами, рассудим: какую они важность имеют в этом деле?

Князь пишет ласково, как к своей. Князь признается, что у него с Феней было дело. Но письма эти писаны в июле и августе 1882 г., а князь разошелся с женой, как с женой, еще в 1881 г., весной, когда узнал об измене. Свидетель, князь Мещерский, был у князя Грузинского за пять месяцев до несчастья, — значит, в мае 1882 г.; княгиня тогда жила уже не с князем, а в слободе, рядом со Шмидтом, а при визите, сделанном Мещерским княгине, Шмидт держал себя как хозяин в доме ее; в то же время, по свидетельству старика управляющего, немца же Карлсона, Шмидт, у которого гостил свидетель, ночью, не одетый, ходил в спальню к княгине... Значит, во время отношений князя к Фене жена была ему чужой. Правда, она приходила в дом мужа, к детям, забирала вещи, но женой ему не была, потому что жила со Шмидтом. Что же? Как было быть князю? Он мужчина еще не старый, в поре, про которую сказано: «Не добро быть человеку едину...» Он имел и потребность и право на женскую ласку. Тот муж и та жена, которые, будучи любимы, изменяют, конечно, грешат пред Богом, но муж, брошенный женою, но жена, покинутая мужем, — они не заслуживают осуждения: на преступную связь их толкают те, кто оставляет семью и ложе.

Письма князя свидетельствуют лишь то, что он не так распутен и развратен, каким бы были многие из нас на его месте. Он не подражает тем, кто свое одиночество развлекает легкими знакомствами на час, сегодня с Машей, завтра с Дашей, а там с Настей или Феней... Он привязывается к женщине, уважает ее.

Мало подумал прокурор, когда упрекнул в кощунстве князя за то, что в день именин своей жены он был в церкви и молился за Феню. Что же тут дурного? Княгиня бросила его и обесчестила дом и семью... Он мог

отнестись к ней равнодушно... С Феней он близок, — он, женатый и неразведенный, под напором обычной страсти и ища ласки, губит жизнь доверившейся ему девушки... Это не добродетель, а слабость, порок... и с его и ее стороны. Князь верует в молитву и молится за ту, которая грешит. Ведь и молятся-то не за свои добродетели, а за грехи.

Князь ограничился легкой связью, а не женитьбой. Благодаря гласному нарушению супружеской верности со стороны княгини, он мог бы развестись. Но жениться — значит привести в дом мачеху к 7 детям. Уж коли родная мать оказалась плохой, меньше надежды на чужую. В тайнике души князя, может быть, живет мысль о прощении, когда пройдет страсть жены; может быть, живет вера в возможность возвращения детям их матери, хоть далеко, после, потом... Он невольный грешник, он не вправе для своего личного счастья, для ласки и тепла семейного очага играть судьбой детей. Так он думает и так ломает жизнь свою для тех, кого любит...

Вернемся к делу.

Поселились в Овчарне. Скандал шел на всю губернию. Ведь всего верста с чем-нибудь отделяла усадьбу князя от домика княгини. Живя там, Шмидт и его подруга то и дело напоминали о себе оскорбленному мужу. Князю было странно, неловко чужих и своих. Когда к нему заходили гости, он мучился, мучились и гости: надо было не упоминать о княгине и делать это так, чтобы не выдать преднамеренности молчания. Выйдет князь к прислуге, к рабочим, а в глазах их точно сквозит улыбка, насмешка. Он отмалчивается, ему неловко посвятить их в суть своего горя, а жена и Шмидт этим пользуются: жена приходит без него в дом, не пустить ее не смеют — приказа не было, и хозяйничает, берет вещи, белье, серебро.

Князь боится встретиться с детскими глазами, так вопросительно смотрящими на него.

О, кто не был отцом, тому непонятны эти говорящие глазки!

Они ясны, светлы, чисты, но от них бежишь, когда чувствуешь неправду или стыд. Они чисты, а ты читаешь в них: зачем мама не с тобой, а с ним, с

чужим? Зачем она спит не дома, обедает не с нами? Зачем при ней он бранит тебя, а мама не запретит ему? Он, должно быть, больше тебя, сильнее тебя?

От мысли, что дети подрастут, подрастут с ними и вопросы, которые они задают, кровь кидалась в мозг, сердце ныло, рука сжималась. Героическое терпение, смирение праведника нужно было, чтобы удержаться, взять свою волю.

Бывают несчастные истории: полюбит или привяжется человек к чужой жене, жена полюбит чужого человека, борятся со своей страстью, но под конец падают. Это — грех, но грех, который переживают многие. За это я бы еще не осмелился обвинять княгиню и Шмидта, обрекать их на жертву князя: это было бы лицемерием слова.

Но раз вы грешны, раз неправы перед мужем, зачем же кичиться этим, зачем на глазах мужа позволять себе оскорбляющие его поступки, зачем, отняв у него, как разбойник на большой дороге, его трудовую и от предков доставшуюся и им для детей убереженную копейку, тратить ее на цветы и венки своего гнезда? Зачем не уехали они далеко, чтобы не тревожить его каждый день своей встречей? Зачем не посоветовал Шмидт княгине, уходя из дома мужа, бросить все, на что она имела право, пока была женой, а грабительно присвоил себе отнятое, гордо заявляя князю, что это его дом? Зачем, наконец, он встал между отцом и детьми, оскорбляя первого в присутствии их, а их приучая к забвению отца? Не следовало ли бы, раз случился грех, остановиться перед святыней отцовского права на любовь детей, и, с мучением взирая на страшный поступок свой, не разбивать, а укреплять в детском сердце святое чувство любви к отцу и хоть этим платить процент за неоплатный долг?

Они, Шмидт и княгиня, не делали этого, и ошибка их вела роковым образом к развязке.

В октябре княгине удалось с поля захватить двух дочерей, Лизу и Тамару, и увести к себе; князь и тут человечно отнесся к поступку матери, щадя, может быть, ее естественное желание побыть с детьми.

Но не того добивались там. Сейчас же из этого делают торг: не угодно ли, мол, присылать на содержание их 100 руб. в месяц. Князь отвечает: у тебя состояние равное моему, а я содержу всех сыновей и дочерей; мне не к чему платить, когда дочери могут быть у меня.

Князь уезжает по делам в Питер. Без него можно взять и третью дочь, но раз князь в содержании отказал, то о Нине и не думают, а двух дочерей продолжают держать, намереваясь мучить князя, зная его безумную любовь к детям.

Князь возвращается домой и узнает, что княгиня уехала куда-то, но детей оставила у Шмидта. Это взорвало отца: как, он, отец, живет тут, рядом, у него все, что нужно детям, он — они знают — любит и хочет иметь детей у себя; он мог уступить их матери, а теперь мать, уезжая, оставляет их с чужим человеком, с разлучником.

Он шлет за детьми карету. Шмидт ломается, не пускает, но, вероятно, детская воля взяла перевес, — он разрешает повидаться им с отцом. Князь, само собой, оставляет детей, по крайней мере, до возврата матери.

Шмидт, раздосадованный переходом детей, вымещает свою злобу на пустой вещи, на белье; но это-то и стало каплей, переполнившей чашу скорби и терпения. В этой истории сила была не в белье, а в дерзости и злобной хитрости Шмидта.

Вы знаете, что вежливые просьбы и записки князя встретили отказ. Шмидт, пользуясь тем, что детское белье — в доме княгини, где живет он, с ругательством отвергает требование и шлет ответ, что без 300 руб. залогу не даст князю двух рубашек и двух штанишек для детей. Прихлебатель, наемный любовник становится между отцом и детьми и смеет обзывать его человеком, способным истратить детское белье, заботится о детях и требует с отца 300 руб, залогу? Не только у отца, которому это сказано, — у постороннего, который про это слышит, встают дыбом волосы!

Князь сдерживается; он пытается образумить Шмидта через посредника, станowego, пишет новые записки и получает ответ — «пусть приедет»!

А Шмидт в это время обращает, как нам показали все свидетели, свое жилище в укрепление: заряжает револьвер, переменяет пистоны на ружье, взводит курки. Один из свидетелей, Цыбулин, по торговым делам заезжает из усадьбы княгини к князю и рассказывает виденное его прислуге.

Получает князь записку Шмидта, вероятно, такого же содержания, каковы были словесные ответы: ругательную, требующую залога или унижения. Вспыхнул князь, хотел ехать к Шмидту на расправу, но смирил себя словами: «Не стоит!..»

Утром в воскресенье князь проснулся и пошел будить детей, чтобы ехать с ними к обеду.

Нина, беленькая, чистенькая, протянула к нему руки и приветливо улыбнулась. Потянулись и Тамара с Лизой; но, взглянув на их измятые, грязные рубашонки, князь побледнел, взволновался: они напомнили ему издевательство Шмидта, они дали детским глазкам иное выражение: отчего, папа, Нина опрятна, а мы — нет? Отчего ты не привезешь нам чистого? Разве ты боишься его?

Сжалось сердце у отца. Отвернулся он от этих говорящих глазок и — чего не сделает отцовская любовь — вышел в сени, сел в приготовленный ему для поездки экипаж и поехал, ... поехал просить у своего соперника, снося позор и унижение, рубашонок для детей своих.

При князе был пистолет. Но нам здесь доказано, что это было в обычае князя. Сам обвинитель напоминает вам, со слов молодого Карлсона, о привычке князя носить с собой револьвер.

Что ждет князя в усадьбе жены его, в укрепленной позиции Шмидта?

Я утверждаю, что его ждет там засада. Белье, отказ, залог, заряженные орудия большого и малого калибра — все говорит за мою мысль.

Если Шмидт заряжал ружье из трусости и боязни за свою целость, то вероятнее, что он не стал бы рисковать собою из-за пары детского белья, он бы выдал его. А Шмидт отказал и, зарядив ружье и пистолет, взведя даже курки, с лампой всю ночь поджидал князя.

Если Шмидт не хотел этой встречи, но не хотел также выдавать и белья по личным своим соображениям, то он, не выдавая белья, ограничился бы ссылкой на волю княгини, на свое служебное положение, словом, на законные основания, а не оскорблял бы князя словами и запиской, возбуждая тем его на объяснение, на встречу.

Если Шмидт охранял только свою персону от князя, а не задумал расправы, он бы рад был, чтобы встреча произошла при народе, а он, едва увидел едущего князя, как выслал Лойку, говорившего с ним о делах, из дому и остался один с лакеем, которому поручил запереть крыльцо, чтобы помешать князю добровольно и открыто войти в комнату и чтобы заставить князя, раз он решится войти, прибегать к стуку, ломанью дверей, насилию.

А раз князь прибегнет к насилию, к нападению на помещение, в него можно будет стрелять, опираясь на закон необходимости. Если и не удастся покончить, а, напротив, бранью и оскорблениями из-за засады довести его до бешенства, до стрельбы, то самый безвредный выстрел может оказать услугу: обвиняя князя в покушении на убийство, можно будет отделаться от него на законном основании.

Все делается по этому плану. Оказалась ошибка в одном: слишком рассчитывал Шмидт на счастье.

Князя видели в довольно сносном состоянии духа, когда он выехал из дому. Конечно, душа его не могла не возмутиться, когда он завидел гнездо своих врагов и стал к нему приближаться. Вот оно — место, где, в часы его горя и страданья, они — враги его — смеются и радуются его несчастью. Вот оно — логовище, где в жертву животного сластолюбия пройдохи принесены и честь семьи, и честь его, и все интересы его детей. Вот оно — место, где, мало того, что отняли у него настоящее, отняли и прошлое счастье, отравляя его подозрениями...

Не дай Бог переживать такие минуты!

В таком настроении он едет, подходит к дому, стучится в дверь.

Его не пускают. Лакей говорит о приказании не принимать.

Князь передает, что ему, кроме белья, ничего не нужно.

Но вместо исполнения его законного требования, вместо, наконец, вежливого отказа, он слышит брань, брань из уст полюбовника своей жены, направленную к нему, не делающему с своей стороны никакого оскорбления.

Вы слышали об этой ругани: «Пусть подлец уходит; не смей стучать, это мой дом! Убирайся, я стрелять буду».

Все существо князя возмутилось. Враг стоял близко и так нагло смеялся. О том, что он вооружен, князь мог знать от домашних, слышавших от Цыбулина. А тому, что он способен на все злое, — князь не мог не верить: когда наш враг нам сделал много нехорошего, мы невольно верим сказанному о нем всему дурному и, видя в его руке оружие, взятое, быть может, с самой миролюбивой целью, ожидаем всего того зла, какое возможно нанести им.

В этом состоянии он ломает стекло у окна и вслед за угрозой Шмидта стрелять стреляет с своей стороны и ранит Шмидта той раной, которую врач признает не смертельной.

Шмидт бежит: это видно в окно, сквозь стекло, — бежит к парадному крыльцу. Дым мешает рассмотреть — ранен он или нет, есть у него в руках оружие или нет. Князь бежит по двору к тому же крыльцу. Здесь дверь уже растворена испуганным Евченкой; князь - туда и у дверей встречается с Шмидтом. Тот от боли припадает к земле, но сейчас же вскакивает и бежит в комнаты.

В это-то едва уловимое мгновение, когда гнев, ужас, выстрел и кровь опьянили сознание князя, он в том скоропреходящем умоисступлении, которое в такие минуты естественно, еще не помня себя, под влиянием тех же ощущений, которые вызвали первый выстрел, конвульсивно нажимает револьвер и производит следующие два выстрела: положение трупа навзничь, а не ничком, ногами к выходу, головой к гостиной, показывали, что Шмидт не бежал от князя, и он стрелял не в спасающегося врага. При этом припомните, что ружье и пистолет оказались не там, где лежали утром, т. е.

не в спальне княгини, а уже на столе в гостиной, — тогда будет не невероятно объяснение князя, что Шмидт выронил пистолет из рук, и уже после перенесения Шмидта в комнату, во избежание несчастного выстрела, ружье было освобождено от пистонов, а револьвер поднят с полу.

Сомневаются в состоянии духа князя, могущем преувеличить опасность и злобные намерения врага; их оспаривают. Оспаривают и законность того гнева, что поднялся в душе его.

Но, послушайте, господа: было ли место живое в душе его в эту ужасную минуту?

Не говорю об ужасном прошлом. Еще тяжелей было настоящее. Он, на глазах любопытных, которые разнесут весть по всей окрестности, стоит посмешищем зазнавшегося приживалки и тщетно просит должного. На земле, его трудом приобретенной, у дома его жены и матери детей его, чужой человек, завладевший его добром и его честью, костит его. В затылок его устремлены насмешливые взоры собравшихся, и жгут его, и не дают голове его силы повернуться назад. Куда идти? Домой? А там его спросят эти ужасные, милые, насмешливо-ласковые детские голоса: а где же белье? Что, папа, бука-то, знать, сильнее тебя? не смеешь взять у него наших рубашек? Плох же ты, папа! Уж лучше отпусти нас к нему. Мы его любить будем. Он нас будет чисто одевать. Мы тебя забудем, от тебя отвыкнем...

И кто же и за что же его ставит в такое положение?

Шмидт — орудие, но он был бы бессилен, если бы не слился воедино с женой его. А она? Что он ей сделал? За что? Не за то ли, что так горячо и беззаветно полюбил ее и пренебрег для нее и просьбой матери и своим положением? Не за то ли, что дал ей имя и власть? Не за то ли, что готов был прощать ей вины, простить которые из ста мужей не решатся девяносто девять?

А чем мстят? Отняли у него добро, — он молча уступил. Отняли честь, — он страдал про себя. Он уступил человеку жену, когда она, изменив ему, предпочла ему другого... Но детей-то, которых Шмидту не надо, которых

мать, очевидно, не любит, ибо приносит в жертву своему другу, — зачем же их-то отрывать от него, зачем селить в них неуважение, может быть, презрение к своему бессильному отцу? Ведь он, по выражению Карлсона и Мещерского, — отец, каких мало, отец, давно заменивший детям своим мать их.

Справиться с этими чувствами князь не мог. Слишком уж они законны, эти им овладевшие чувства.

Часто извиняют преступления страсти, рассуждая, что душа, ею одержимая, не властна в себе.

Но если проступок был необходим, то самая страсть, когда она зарождалась в душе, вызывала осуждения нравственного чувства. Павший мог бы избежать зла, если бы своевременно обуздывал страсть. Отсюда — преступление страсти все-таки грех, все-таки нечто, обусловленное уступкой злу, пороку, слабости. Так, грех Каина — результат овладевшей им страсти — зависти. Он не неповинен, ибо совесть укоряла его, когда страсть, еще не решившаяся на братоубийство, изгоняла из души его любовь к брату.

Но есть иное состояние вещей: есть моменты, когда душа возмущается неправдой, чужими грехами, возмущается законно, возмущается во имя нравственных правил, в которые верует, которыми живет, — и, возмущенная, поражает того, кем возмущена... Так, Петр поражает раба, оскорбляющего его Учителя. Тут все-таки есть вина, — несдержанность, недостаток любви к падшему, но вина извинительнее первой, ибо поступок обусловлен не слабостью, не самолюбием, а ревнивой любовью к правде и справедливости.

Есть состояние еще более извинительное. Это — когда поступок ближнего оскорбляет и нарушает священнейшие права, охранить которые, кроме меня, некому, и святость которых мне яснее, чем всем другим.

Муж видит человека, готового осквернить чистоту брачного ложа; отец присутствует при сцене соблазна его дочери; первосвященник видит готовящееся кощунство, — и, кроме них, некому спасти право и святыню. В душе их поднимается не порочное чувство злобы, а праведное чувство

отмщения и защиты поругаемого права. Оно — законно, оно — свято; не подымись оно, они — презренные люди, сводники, святотатцы!

От поднявшегося чувства негодования до самовольной защиты поруганного права еще далеко. Но как поступить, когда нет сил и средств спасти поруганное, когда внешние, законные средства защиты недействительны? Тогда человек чувствует, что при бессилии закона и его органов идти к нему на действительную помощь, он — сам судья и мститель за поруганные права! Отсюда необходима оборона для прав, где спасение — в отражении удара; отсюда неодолимое влечение к самосуду, когда право незащитимо никакими внешними усилиями власти.

И вот такие-то интересы, как честь, как семья, как любовь детей, самые святейшие и самые дорогие, в то же время оказываются — раз они нарушены — самыми невознаградимыми. Опозорена дочь: что же, тюрьма обольстителя возвратит ли ей утраченную честь? Совращена с дороги долга жена: казнь соблазнителя возвратит ли ей семейную добродетель? Дети отучаются от отца: исполнительные листы и судебные пристава сумеют ли наложить арест на исчезающее чувство любви в сыновьем сердце? Самые священные — в то же время самые беззащитные интересы!

Вот и подымается, под давлением сознания цены и беззащитности поруганного права, рука, мстителя, подымается тем резче, чем резче, острее вызывающее оскорбление.

Если это оскорбление разнообразно, но постепенно, то оскорбленный еще может воздержаться от напора возмущающих душу впечатлений, побеждая каждое врозь от другого. Но если враг вызывает в душе своими поступками всю горечь вашей жизни, заставляет в одно мгновение все перечувствовать, все пережить, то от мгновенного взрыва Души, не выдержав его, лопнут все задерживающие его пружины.

Так, можно уберечь себя проходящему от постепенно падающих в течение века камней разрушающегося здания. Но если стена рухнет вдруг, она неминуемо задавит того, кто был около нее.

Вот что я хотел сказать вам.

Пораженный неожиданной постановкой обвинения, я растерялся. Вместо связного слова я отдал себя во власть впечатлениям, которые сами собой возникли в душе при перечувствовании всего, что видел, что выстрадал он...

Многое упущено, многое забыто мной. Но пусть не отразятся мои недостатки на судьбе его.

О, как бы я был счастлив, если бы, измерив и сравнив своим собственным разумением силу его терпения и борьбу с собой, и силу гнета над ним возмущающих душу картин его семейного несчастья, вы признали, что ему нельзя вменить в вину взводимое на него обвинение, а защитник его — кругом виноват в недостаточном умении выполнить принятую на себя задачу...

ДЕЛО А. Е. МАКСИМЕНКО.

обвиняемой в отравлении мужа

Дело это слушалось в заседании Таганрогского Окружного Суда с участием присяжных заседателей 15—20 февраля 1890 г. в г. Ростове-на-Дону, под председательством члена суда Е. Н. Хмельницкого.

Обвинял прокурор Е. Н. Хлодовский; поверенным гражданской истицы Ефросиний Максименко выступил присяжный поверенный Л. Я. Леве. Защищали Александру Максименко присяжные поверенные Н. И. Холева и Ф. Н. Плевако.

Суду были преданы Александра Егоровна Максименко и Аристарх Данилович Резников по обвинению в предумышленном отравлении мужа Александры Егоровны, Николая Максименко.

Обстоятельства этого дела представляются в следующем виде.

19 октября 1888 г. в Ростове-на-Дону, в доме своей тещи Варвары Дубровиной умер Николай Максименко.

Смерть его врачами не могла быть объяснена какими-либо естественными причинами. Врачи предположили отравление.

Первоначальное исследование внутренностей умершего не подтвердило предположения врачей и только тщательное вторичное химическое исследование не оставило сомнения в том, что Максименко был отравлен.

Вопрос о самоотравлении не мог иметь места, так как Николай Максименко, незадолго до смерти перенесший тиф, из дома в это время не выходил и все время был под надзором своей жены. На нее и пало подозрение.

Обстоятельства дела как будто бы изобличали ее. Частью свидетелей она характеризуется как женщина очень неуравновешенная, некультурная, грубая. Принадлежа к богатой семье, она выходит замуж за бедного Максименко и очень скоро, по словам свидетелей, начинает ему изменять. Во время, предшествующее смерти ее мужа, она близко сходится со служившим в конторе покойного Резниковым, с которым и остается одна у постели больного Николая Максименко.

Лечивший Максименко врач Португалов обратил внимание на то, что Резников постоянно находился в квартире Максименко, что он вел себя там как хозяин, что между Резниковым и Александрой Максименко несомненно существовали близкие отношения.

Последним обстоятельством, доказывавшим, по мнению обвинения, причастность Резникова к отравлению, явилось то, что он несколько раз приезжал к врачу Португалову и просил его выдать свидетельство о смерти Максименко, уверяя, что бояться нечего, так как священник — свой человек.

Все эти обстоятельства послужили основанием к тому, что Резников и Максименко были преданы суду.

Вердиктом присяжных заседателей факт отравления был признан доказанным, а Максименко и Резников оправданы.

Речь Ф. Н. Плевако в защиту Максименко

Завтра, к этому часу, вы, вероятно, дадите нам ваше мнение о свойстве настоящего дела и об отношении к нему предстоящих подсудимых.

Томительный вопрос: какое впечатление производит на судей совокупность проверенного здесь материала и кто вероятный виновник содеянного зла — получит удовлетворение.

Подсудимые — и та, которую я защищаю, и тот, за кого скажет слово третий защитник, — отрицают свою вину. Следовательно, нам нужно сосредоточиться на изучении Улик против них.

Но чтобы правильной разобратся и безошибочнее решить дело, я советую вам разделить ваше внимание поровну между подсудимыми, обдумывая доказательства виновности отдельно для каждого подсудимого так, как будто судьба другого сегодня не предстоит вашему вниманию.

Этот прием спасет вас от вредной для дела и особенно вредной для подсудимых перепутанности улик. Известна человеческая слабость к быстрым обобщениям: мы охотно спешим впечатление, полученное от одного ряда явлений перенести на соседние, сходные с ними. Мы незаметно объединяем в одно целое группу независимых предметов и думаем о них, как об одном.

То же повторяется и при решении дел уголовных. Совершилось преступление. Подозреваются несколько лиц. Мы начинаем смотреть на всех подсудимых, привлеченных по одному делу, на всю скамью, как на одного человека. Преступление вызывает в нас негодование против всех. Улики, обрисовывающие одного подсудимого, мы переносим на остальных. Он сделал то-то, а она сделала то-то, откуда заключается, что они оба сделали и то и другое вместе.

В примерах нет недостатка. Вы слышали здесь показания, которыми один из подсудимых изобличался в возведении клеветы на врача Португалова, а другая — в упреке, сделанном ею соседке Дмитриевой в неосторожном угощении больного мужа крепким чаем, что было на самом деле. И вот в речи г. обвинителя эти отдельные улики объединяются в двойную улику: оказывается, что Максименко и Резников клеветали на доктора, Максименко и Резников упрекали Дмитриеву.

Испросив у вас отдельного внимания каждому подсудимому, я обращаюсь к делу. При этом, памятуя, что мы призваны содействовать, а не мешать вашему правосудию, я откину из моей речи все то, что, имея полную возможность принять вид серьезного довода за подсудимую, на самом деле не представляется доводом перед моим внутренним зрением. Я буду вести не придуманную, а продуманную речь, не заботясь о том, что во многом, быть может, разойдусь с моими товарищами по защите.

Итак, во-первых, я не стану отрицать того, что насильственная смерть мне представляется фактом. Те неточности химической экспертизы, на которые указал вам мой молодой сотрудник, та шаткость вторичного медицинского мнения, констатировавшего смерть Максименко от отравы, которое опиралось на выводы химического анализа и падало вместе с неверностью последнего, — все это, может быть, и сильно, но я признаюсь, что мне лично не справиться с этими техническими выводами людей знания, что, сверх того, окончательный вывод экспертизы и по ослаблении его критикой остается довольно сильным, по крайней мере, в моих глазах, так что я думаю обойти его без возражений, успокаиваясь тем, что, в случае, если улики против того или другого подсудимого недостаточны, то и с признанием преступности у обвинителя не будет в запасе данных, связывающих преступление с намеченной им личностью.

Но прежде чем подойти к детальным уликам, собранным против Александры Максименко, я нуждаюсь в указании на одно положение, от верности или неверности которого зависит достоинство моих заключений по делу, и затем должен буду высказаться по вопросу о пределах исследования жизни подсудимой, ввиду далеко заходящих вдаль биографических изысканий г. обвинителя, рисующего нам жизнь подсудимой чуть не с самого детства.

Положение первое таково: здесь давали преобладающее место показаниям врача Португалова и полицейского чиновника Дмитриева, а равно и жены последнего. Со своей стороны, более меня принимавшие участие в судебном

следствии товарищи и некоторые свидетели говорили о возбужденном, по извету подсудимого Резникова, деле о вымогательстве Португаловым трехсот рублей за выдачу свидетельства о смерти покойного Максименко. Указано было и на то, что Дмитриев и его жена, — те лица, к которым относился упрек Александры Максименко, слишком страстно относились к делу и высказывали подозрительные предположения против подсудимой, не подтвержденные ссылкой на тех лиц, на которых они ссылались.

Я, подобно обвинителю, не доверяю клевете на Португалова и признаю, что ее ложь доказана бесспорно. Далее, я допускаю, что Максименко упрекала Дмитриевых в угощении больного мужа чаем.

Но что же отсюда следует? А то, что Португалов был глубоко оскорблен этой, бьющей в самую сердцевину человеческого достоинства, инсинуацией. В меньшей степени, но тоже недовольны были обвинением в неосторожности и Дмитриевы. Обе обиженные стороны, сознавшие полнейшую несостоятельность обвинения против них, естественно, с подозрением отнеслись к авторам выдумки. А когда оказалось, что смерть Максименко была неестественной, то подозрение перешло в предубеждение против клеветников, вероятно, имевших-де цель этими инсинуациями отводить глаза от виновников преступления.

Между тем, пущенная о Португалове, во всяком случае, не моею подсудимого, клевета — о чем свидетельствуют все обстоятельства дела — передается автором лжи в семью Дубровина. Там рассказу верят и громко передают о поступке Португалова, даже идут, в лице свидетеля Леонтьева жаловаться полиции на вымогательство врача.

Понятно негодование Португалова на дерзость лжи. В негодовании он уже не анализирует развитие клеветы, а объединяет всех, разносящих ее, в одну шайку, вероятно имеющую цель клеветать на него, чтобы подорвать веру в его сомнения о причине смерти Максименко и добиться похорон без вскрытия.

Происходит трагикомедия: Португалов, оскорбленный, подозрительно истолковывает все поступки в семье Дубровина, а семья Дубровина, с вдовой Максименко, доверяя пущенной клевете, в подозрениях Португалова видят только новые и новые придирки.

В меньшей мере, но та же история повторяется в отношениях к Дмитриевым.

Подозрение, высказанное вдовой покойного, раздражило их. Они недоверчиво относятся к ней; она, не зная истинной причины смерти мужа, их подозрительность объясняет иными мотивами.

Эти причины дали окраску отношениям этих свидетелей к делу. Они озлоблены и поэтому пристрастны; тем более опасно, что их подозрительность искренна. Но они — люди правдивые, особенно я это скажу о Португалове.

Поэтому, в их показаниях надо различать две стороны. Там, где они, а особенно Португалов, говорят о своих действиях, о своих поступках и действительном их значении, там он правдив, ибо порядочность его гарантирует нас от сочинительства того, что для него явно не существует. Но там, где он говорит о значении чужих поступков, где он характеризует чужую душу и оценивает чужие чувствования, — а самая опасная часть его показаний и составляет его мнение о недостаточности внимания вдовы к покойному супругу в предсмертные дни, о холодности ее при гробе и т. п., — там его мнения, как таковые, всего более страдают недостатком беспристрастия.

Тут уже нет гарантии в его личном достоинстве, потому что самые достойные люди отдают дань чувству и страсти и под углом их не безопасны от воображения, заменяющего действительность.

И вот моя просьба к вам: верьте Португалову и Дмитриевым, где они свидетельствуют о себе, не верьте им, где они судят и рядят о людях, им неприятных за причиненное ими воображаемое зло.

По вопросу о биографических подробностях относительно подсудимой я, пожалуй, готов признать долю правды в мнении моего сотоварища по защите, — что необходим предел таких исследований, дабы избежать излишнего влияния этих подробностей на силу настоящих улик; готов согласиться, что не обвинителю, а защите позволительно далеким прошлым, если оно безупречно, испрашивать снисхождения к виновному; согласен, что в устах обвинителя этот прием может переродиться в осуждение подсудимого не за обследованное деяние, а за необследованную прошлую жизнь, может быть, и непохожую на ту, какой ее рисуют случайные свидетели.

Но раз дело сделано, раз обвинение старается заглянуть в прошлое подсудимой и вызвало с этой целью несколько свидетелей, то нам уже надобно считаться с совершившимся фактом следственного производства. Одной просьбой о забвении этой страницы дела ничего не сделаешь: она уже прошла перед глазами присяжных. Просьбы о забвении остались бы неисполнимыми и даже возбуждали бы особое внимание к исключаемым фактам.

Так бесплодна просьба матери, которая, давая дочери своей какой-либо модный роман, предлагает ей не читать некоторых, отмеченных красным карандашом страниц: они будут прочитаны, прочитаны ранее других, и только сильнее запечатлятся в молодом мозгу.

Нет, я мирюсь с приемом прокурора, и, выслушав его обличительную речь о далеком прошлом подсудимой, принимаю вызов, ввожу в мои объяснения апологею ее молодой жизни до встречи с Резниковым и думаю, что обильный материал дела дает нам вывод совершенно противоположного свойства.

С него-то мы и начнем.

Дяди и родня, как ее, так и ее покойного мужа, здесь сказали нам, что она оставалась почти ребенком после отца. Особенно старательного воспитания ей не давали: мать, — женщина, вышедшая из низменных слоев, и не умела, и не желала дать дочери образования. Здесь отметили, что мать притом несвободна от порока неумеренности в вине. Затем, все мы знаем, что после

отца у Саши Дубровиной, — все так звали девушку, — осталось хорошее состояние в трети капитала в торговом доме парходства бр. Дубровиных.

Достигает Саша Дубровина 15 лет. Из девочки начинает формироваться девушка. Просыпаются девичьи грезы предвестники инстинктов будущей женщины. Засматриваются на нее молодые люди околотка. Стыдливо засматривается и она на них. К матери засылают сватов и свах. Обвинитель отмечает, что в течение года было до 30 женихов и что с одним было что-то вроде сговора, — это с каким-то греком, а с другим, судя по письму к ней от него, девушка сама объяснилась в любви, без участия матери. И вот это называют первыми признаками ее нравственной порчи.

Но разве это так? Женихи, в такой массе попытавшиеся просить ее руки, свидетельствуют как раз о противном. Значит, она была желанная невеста для многих и не спешила броситься на шею первому искателю. Сговор, не повлекший, однако, к браку, свидетельствует только о том, что она своей девичьей воли не позволила отдать без ее спроса. Обвинение не располагает никаким указанием, хотя бы от самого недостоверного свидетеля, что жених отказался от невесты по причине ее сомнительного поведения. Письмо моряка, памятное вам по вычурному титулу «многоуважаемая, позволившая назвать себя моей невестой», писанное из Афин в Ростов, к шестнадцатилетней девушке, свидетельствует только о том, что она честью дорожила, и нелегко было вырвать у ней полунамек на готовность вступить в брак, так что искателю ее руки приходится подчеркивать молодой девушке слово, слетевшее с ее языка.

И я вас спрошу: неужели это порок? Неужели это начало тех «злодеяний», каким эпитетом обозвал эти поступки мало продумавший свое слово гражданский истец. Кто из нас, имея в семье молодых девушек, сестер или дочерей, не знает, что серьезному чувству, которое ведет их к алтарю, предшествуют, как эскизы предшествуют картине, мимолетные вспышки нежности, скоропреходящие печали молодого сердца?..

Нет, гг. присяжные, грешно клеймить именем порока светлые грезы юности. Этими грезами наполнена любая начинающаяся девичья жизнь. Ссылаюсь на ваши собственные семьи: разве у вас нет того же? Разве вы отвернетесь за это от ваших детей, а не ограничитесь добрым советом, дабы не было ошибки в выборе?

Перехожу к истории брака с покойным мужем подсудимой. Этот момент важнее и дает место для размышлений.

Обвинителем выставлено положение, что девушка стала принадлежать мужу еще до брака. Но, не довольствуясь этим, обвинение прибавляет, что девушка сама бросилась на своего избранника и, так сказать, женила его на себе.

Проверим доказательства и построенные на них выводы-

Встречу подсудимой со своим мужем рисуют нам, главным образом, два свидетеля: брат и сестра покойного Максименко. Обвинитель останавливается преимущественно на показании сестры, как более мрачном. Брата-свидетеля, ценимого обвинителем весьма высоко, как и нами, — найдено нужным в данном вопросе обойти.

Вот что говорит сестра: я приехала к брату, служившему у Дубровиных в конторе. Стала рыться в его грязном белье и нашла подозрительные пятна крови. Спросила брата, и он мне объяснил, что дочь хозяйки, вопреки его воле, стала с ним в такие отношения, которые прикрываются браком. Тон показания не в пользу девушки: она-де сама взяла себе брата свидетельницы, не дорожа своей девичьей честью. Таков рассказ летописца в юбке. Прокурор верит ему и отмечает этот факт, как доказательство развращенности подсудимой.

Летописец - брат покойного говорит другое.

Прежде всего, он, как здесь установлено без возражений, был покойному вместо отца. Он воспитал его и содержал его до тех пор, пока тот не встал на свои ноги. Брат покойного, по свидетельству и по объяснению гражданского истца, действующего от имени матери покойного, человек совершенно

порядочный. Он содержал всю семью. Истица свидетельствует, в лице своего поверенного, что он прекращал содержание матери только на время брачной жизни покойного Максименко, на которого, как на более состоятельного, была перенесена повинность содержания матери, безропотно исполнявшаяся дотоле братом-свидетелем. Со смертью покойного Антонин Максименко опять заботится о матери.

Так вот этот свидетель-брат и воспитатель покойного говорит нечто другое: «Брат был со мной откровенен, как с отцом. Это была натура честная и прямая. Алчности в нем не было. Вступая в брак с Дубровиной, он тяготился неравностью состояния, — его, простого рабочего, и ее, наследницы богатого отца. Но брат мой говорил мне, что они друг друга любят, говорил еще нечто, что заставило сказать мне ему: какой тут может быть вопрос. Твой нравственный долг — жениться на ней».

Согласитесь со мной, гг. присяжные, что это не то, что говорила сестра. А верить ему приходится больше. Он здесь произвел впечатление лучшего свойства, чем все другие свидетели-родичи. Он имел право на откровенность брата, и брат в откровенности ему не отказывал. Неестественно, чтобы тайну отношений брат передал сестре с таким цинизмом, если даже что-либо подобное было.

Но главное: надо совершенно не знать человека и девушки, чтобы доверять показанию Елизаветы Максименко. И развратные девушки рождаются чистыми созданиями, и у них до поры потери чести богат запас того целомудрия, которое то стыдом, то страхом, то отвращением спасает их от бездны падения. Потеря стыда — состояние духа, приходящее много спустя после утраты целомудрия. В минуту же гибели чести девушка — всегда жертва, а не хищница. В минуту падения не она, а тот, кто убаюкивает ее страх, кто заговаривает ее стыд, кто искусными стопами возбуждает ее жалость к себе самой, — не она, а он преступен. И это не только по отношению к девушкам порядочного круга, нет, это, кажется, общее правило. Куда бы мы ни спустились, хотя бы в вертеп разврата, и там сумели бы вырвать горькое

признание, исповедь падения у несчастной жертвы греха, — мы услышали бы и в сотый раз убедились бы, что у порога гибели девушки стоит не ее, а чужая порочная и развращенная воля.

И сближение Максименко со своей будущей женой не нарушало господствующего правила. Полюбил он, полюбили его. Искренность обоюдных чувств была вне сомнения. Брат и шафера, — друзья жениха, даже сестра его, — все здесь это удостоверили. Жених не дождался брачных дней, и, может быть, боясь за отказ ему, бедняку, со стороны матери, подкараулил минуту, когда было легко усыпить страхи девушки, и овладел ею.

Она отдалась любимому человеку. А любимый человек оказался лучше тех, кому бы только победить да насмеяться над легковерной дурочкой. Он пал и уронил, но он умел встать и поднять свою жертву.

Они вступили в брак. Не люб он был теще, холодно встретили весть о браке богатые родные. Были помехи, так что пришлось играть свадьбу в другом городе и скромно отпраздновать ее в кругу друзей.

Все, кто был на свадьбе, все здесь показали, что жених и невеста любовно шли друг к другу, что ни она, ни он не казались идущими к венцу насильно, нехотя, по необходимости.

За вступлением в брак потянулась успокоенная, пришедшая в норму общая жизнь молодых супругов. Эту жизнь обвинение и гражданский истец также не оставили в покое, но также осветили ее односторонне, также явно несогласно с достовернейшими обстоятельствами дела.

Предполагалось в обвинительном акте, что супруги жили несогласно и что Максименко горько жаловался на свою долю. Но проверка этого предположения опровергла его. Вы здесь слышали, что свидетели, посещавшие дом молодой четы, никогда не встречали и тени несогласия между ними. Они жили, как все хорошие люди живут. «Дай Бог нам так жить», — вот какие отзывы даны здесь. Обвинителю пришлось опровергнуть это дружное единогласие в показаниях замечанием, что свидетели судят по обхождению супругов при чужих. Но он на чем строит свое

противоположное мнение? За нас— опровергаемые, но не опровергнутые данные, за него — ничего. Мы оказываемся сильнее.

Но за нас, кроме свидетелей, говорят и документы. А мало этого, то за нас свидетельствует и самый компетентный свидетель — сам покойный. У нас есть две серии писем — от жены к мужу и наоборот. Первые подвергались сомнению со стороны обвинения во время следствия, но во время прений эта точка зрения была оставлена.

Вы помните эти письма молодой женщины к своему мужу. Так может писать только любящая и привязанная жена к дорогому человеку. Легко и свободно, перебегая от предмета к предмету, болтает жена мужу о всех интересах дома. Серьезное денежное поручение, об исполнении которого жена отчитывается мужу, сменяется сообщением о скучающей собачонке. Поклоны чужих перерываются собственными ласками и зовом к свиданию. Нелюбящая и тяготящаяся постылым браком жена так не могла бы писать. Но обвинение и тут ищет опоры для мрачных предположений о нравственных недостатках подсудимой. Оно указывало на следствии на одну вам памятную фразу, повторенную в нескольких письмах. Эта фраза почти не цензурна. Мы все ее поняли, понял и обвинитель, но почему-то пожелал от подсудимой объяснения фразы. Она не дала этого объяснения, найдя спасение своей естественной стыдливости в законе молчания.

О чем свидетельствует эта вольность языка, допущенная молодой женщиной? Не о разврате и распущенности. Ведь она пишет не любовнику, не «альфонсу», не мимолетному знакомому. Она пишет мужу. Неужели же и с мужем нельзя позволить себе чересчур игривой фразы, нельзя и с ним увлечься чувственными ласками? Нет и нет.

Ни природа, ни закон не обрекают женщины на аскетизм. Целомудрие запрещает женщине расточать эти ласки пред чужим, требует скромности слова с чужими, но и увлечение и вольность в тайнике, доступном только супругам, не осуждается. Ведь письма эти не предназначались для света, они были такой же тайной, так же бежали от чужого уха и глаза, как бегут от них

забавы и нежности супружеского ложа. А эти ласки, а эти нежности настолько дозвольтельны, что даже великий проповедник учения Христова не запрещает супругам-христианам радостей их положения.

Живя дружно и привязываясь друг к другу, молодые не делили своих средств на мое и твое. Родные дяди показали нам, что в этом отношении не было никаких пререканий между супругами, которые бы затрудняли счета с ними в конторе. Муж управлял делом, имея доверенность жены, ни разу не уничтоженную женой, что имело бы место, если бы супруги ссорились, особенно на почве материальных вопросов. Брат покойного, Антонин, бывший попечителем подсудимой, свидетельствует то же самое. Мало того, он нам дал показание, восполняющее собой факт, удостоверенный представленным мною договором, по которому жена все свое состояние в торговом доме бесповоротно уступила своему мужу.

Вы знаете и помните это обстоятельство. Молодая Максименко почувствовала себя матерью. Первые роды страшны. Мысль о смерти носилась перед ней. Но она еще молода и не может распорядиться своим состоянием на случай смерти, в форме завещания. Если ее не будет, то имущество пойдет к матери и дядям. Если бы она не любила мужа, то ей это было бы все равно; да и не думала бы она о других, когда страх за свой тяжелый, для многих женщин смертный, час овладевал всем существом роженицы. Но она любила мужа, и мысль о нем стояла рядом с мыслями о себе. И вот она, не принуждаемая, сама, думая о муже, передает ему, не на случай смерти, а бесповоротно, свое право в торговле в его собственность.

Что это делается не под влиянием других, — это сказывается в ее последующем поведении: она не выдает этой сделки никому, знают про нее только муж, жена да его брат. Что это не была сделка принуждения, а акт сердечности, это видно из следующих отношений: получив эту сделку, покойный ни единым поступком не переменил своих отношений к жене и ее состоянию. Никто ни единым словом не указал на какую-либо меру, принятую мужем, чтобы лишить жену средств к жизни: на бескорыстие жены

муж вторил взаимным бескорытием. Слова Антонина Максименко о бескорыстии брата и о сердечных мотивах, побудивших супругов совершить нотариальное условие об уступке женой мужу своего состояния, подтверждаются силой самих событий после совершения условия.

Чувствуя, что на этом пункте обвинение не устоит, прокурор и гражданский истец высказывают соображение такого рода: нотариальное условие было скрыто после смерти Максименко — значит, жена не желала вовсе добровольно расстаться со своим добром.

Но брат покойного был попечителем подсудимой, когда она подписывала условие, значит, существование условия не могло быть скрыто. Условие это — не договор о займе, с потерей которого взыскатель лишается средств доказать долг, условие это — передача имущества в собственность, а подобные условия, раз они совершены, не теряют силы с утратой акта. Потеря купчей не ведет к потере права собственности, и копия, выданная нотариусом, пополняет пробел утраты.

Но я уклонился в сторону. Вернемся еще к периоду брачной жизни. Я забыл напомнить вам о факте, победоносно доказывающем, что для подсудимой ее муж был самым дорогим человеком.

Мать ее, женщина, как мы уже знаем, грубоватая и неразвитая, была сварлива. Те жалобы, которые иногда слышал от покойного его брат, касались все — помните его свидетельство — отношения к теще. Она любила попрекнуть зятя куском хлеба.

И вот, выведенный из терпения, Максименко уходит в гостиницу из дому.

Что же жена? Остается с матерью, отделавшись от бедняка- мужа? Нет, она уходит к нему в гостиницу делить с ним его судьбу. Это горячее, открытое предпочтение мужа матери смирило последнюю, и она сама пошла просить зятя вернуться в дом.

Но у обвинителя есть еще один факт, которому придается выдающееся значение в оценке нравственной стороны подсудимой. Выдвинуто показание Левитского, первого набросившего на подсудимую черную тень. Левитский

показывал здесь, что подсудимая обманывала мужа и вела на его глазах грязную интригу с полицейским офицером Панфиловым.

Свидетель этот необыкновенно счастлив в деле накопления опорочивающих подсудимую фактов. Знакомит, видите ли вы, Панфилова с Максименко он сам, желая добыть первому куму, крестную мать для имеющего родиться у Панфилова ребенка. Максименко крестит. Панфилов делается другом дома и, незамеченный пока еще никем в дурных намерениях по отношению к своей куме, в один из первых визитов, когда был дома и Максименко, в присутствии мужа и свидетеля, позволил себе выходку крайне неприличную, — поднял ногой подол платья подсудимой, но поднял так, что все это было видно свидетелю и ничего не видно мужу, так что тот ничего и не заметил.

Не замечает никто ничего особенного в отношениях Панфилова, а стоило раз свидетелю отворить дверь в свою квартиру, и он опять натывается на соблазнительную сцену: подсудимая в чужом доме, в доме свидетеля, сидит с обнаженной грудью, а рядом с ней злополучный любовник Панфилов.

Вслед за этим тот же Панфилов приходит к свидетелю и без всякой надобности предъявляет ему золотые кольца, в которых свидетель узнает кольца подсудимой, очевидно подаренные ею любовнику.

Никто не сказал здесь, чтобы покойный Максименко унижался до побоев жены своей. Брат Антонин не допускает этого. Он никогда от брата не слышал жалоб на неверность жены. Левитскому везет и в этом отношении: ему расточает жалобы покойный на жену, при нем идет потасовка — муж учит жену уму-разуму.

Правда, не все то, что рассказывал здесь Левитский, рассказано им и на предварительном следствии. Но никто, кроме него, не давал такого оригинального объяснения причин противоречия. Обыкновенно свидетель или забыл, что говорено прежде, если прежде, по напоминании, ему кажется вероятнее позднего показания; или свидетель настаивает на позднем показании, утверждая, что следователь его не понял, и он подписал неверно

воспроизведенное показание. Но у Левитского — все особенное: он писал показание собственноручно, и, видите ли, оно, по его словам, оттого и неверно, что он сам писал его.

Приняв во внимание, что он — свояк потерпевшему, а главное, что он уж очень счастлив в умении появляться на место свидетельствуемых событий, я не могу его признать столь же достоверным, сколь он счастлив. Уж эти счастливые свидетели! Отворят двери, — видят сцену неверности жены, уронят перчатку и нагнутся поднять ее, — и в то же время в щелку замка заметят повод к разводу со стороны мужа. В консисторских производствах эти счастливицы давно известны и составляют большое место бракоразводного процесса. Не думаю, чтобы они упрочились на суде состязательном.

Устранив это показание, мы о всей панфиловской истории имеем от Антонина Максименко только одно, конечно, верное сведение. Брат ему ничего подобного сказанному Левитским не передавал, а жаловался на Панфилова, что он ведет себя неприлично (Панфилов пил) и спрашивал Антонина: может ли он выгнать его из дома, если не хочет принимать.

Итак, до 1888 года, вопреки мнению обвинения, жизнь супругов Максименко не только не хуже жизни обычного, средней руки и среднего счастья семейства, но дает нам достаточный запас данных утверждать, что взаимная привязанность у них все крепла, что не было никаких причин для размолвки, что не было ни резких уклонений от супружеского долга у жены, не было никаких черт в характере мужа, обещавших в будущем строгого и деспотичного домовладыку.

А вы забыли, скажут мне, что в одном из писем подсудимой, вами здесь принятом как доказательство, есть указание на то, что супруг стеснял жену, не позволяя ей распорядиться покупкой башмаков и платья, так что она выпрашивает у него позволение купить себе то и другое, указывая, что иначе ей не в чем ходить.

Такое указание в письме есть. Оно писано перед праздником Пасхи, когда муж замешкался приездом домой. В связи с теми показаниями, какие давали

здесь родные подсудимой о том, что она ни в чем недостатка не терпела, что касса торгового дома не была замкнута для вдовы и ее дочери, что Максименко не запрещал выдавать доходы своей жене и не заявлял на них своего права, а равно в связи с показаниями родни покойного, что он не был ни тираном ни алчным, а скорее тяготился тещей и был уступчив, я считаю себя вправе истолковать это место в письме согласно с общим тоном жизни супругов.

Жена ждет мужа к празднику, а муж говорит ей, чтобы подождала его покупать праздничные обновы, — ведь так приятно вместе встречать праздник и готовиться к нему вместе, начиная с покупки обнов. И вот жена ждет. Но праздник близко, а обнов еще нет. Бойтся молодая женщина остаться без новенького платья и, быть может, без новых дорогих башмаков, которые так красят маленькую ножку, и просит мужа либо приезжать скорее, либо позволить ей уж самой заняться своими нарядами. Всякое иное толкование этого письма шло бы вразрез с прочими данными процесса. Тирания мужа, доходившая до того, что его богатая жена сидит разутая и раздетая, требовала бы проявления наружу его характера в более существенных фактах их экономических отношений. А мы уже знаем от свидетелей, даже вызванных обвинением, совсем другое. Остается этих свидетелей вычеркнуть. Но тогда что же у обвинения останется?..

Теперь мы переходим ближе к трагическому месту процесса. Появляется Резников. Краски сгущаются. Факты делаются уже чрезвычайно важными, потому что их приходится относить к призванным дать ответ обвинению подсудимым. Противоположные объяснения здесь уже имеют другой характер: ослабляя подозрение против одного, они усиливают его против другого. Но если где-либо мои соображения, высказанные в интересах подсудимой, будут вредны для другого и, вопреки моему желанию, будут неверны, заступник за второго подсудимого, да и вы сами исправите их.

Смею надеяться, однако, что, вступив в область самых опасных фактов и улик, я успел доказать вам, что до этого момента прошедшее Александры

Максименко не навлекает на себя подозрения, что в этом прошлом нет поводов к ненависти, к страданию, к страстному желанию, хотя бы ценой преступления, выйти на волю, что прошлое рисует нам ее мужа таким человеком, около которого живет легко, по крайней мере сносно.

Отсюда: обвинение обязано в этом периоде, к которому мы подходим, найти мотивы к убийству Максименко; эти мотивы, если оно хочет обвинять обоих, распределить между ними; здесь найти улики, подкрепляющие мотивы, и затем доказать, что мотивы эти общие, что цели — одни и что им соответствуют общие и согласные действия подсудимых.

Мне же представляется, что этих условий основательного, требуемого законом, обвинения в деле нет.

Появляется в доме молодой чety Резников. Вы его сами видите. Это человек, которому нет еще и 20 лет, шустрый и юркий. По-видимому, в нем течет та кровь, с которой у нас сложилось предположение о ловкости, услужливости, умении сделаться необходимым в доме, где ему отворили двери. Введен он в дом самим покойным. Благодарный по природе, чем-то обязанный в годы нужды отцу Резникова, Николай Максименко отплатил отцу тем, что пристроил сына в конторе своего пароходства, а затем познакомил его и со своей женой. Через сына Резникова с подсудимой подружилась вся семья, которая стала бывать у Максименко. В минуту смерти жертвы рассматриваемого преступления, в доме его, кроме родни, мы видим именно Резниковых.

Резников для дома средней руки — интересный знакомый. Он занимателен, он заметно культурнее той среды, какая обыкновенно бывала у Дубровиных. Это не образованный человек, не развитый в лучшем смысле слова, но он вкусил, по крайней мере, внешних благ цивилизации. Я называю этих людей людьми уличной культуры, т. е. нахватавшимися тех сведений и усвоившими те приемы и условия культуры, которые, как общеупотребительные слова иностранного модного языка, чаще других

раздавались в разговоре, делаются достоянием и тех, кто не знает вовсе этого языка.

Он, повторяю, принят в доме, он сумел понравиться и жене и даже ее неуживчивой матери...

Как далеко зашли его успехи относительно подсудимой, следствие не дало неопровержимых доказательств ни в пользу предположения прокурора, ни в пользу основательного опровержения его мнения.

Предположение, выходящее из показания Португалова о болезни Резникова и одновременной болезни подсудимой Максименко, набрасывает тень на последнюю; но оно находит себе противопоказание в истории с боченком, когда молодая женщина могла надорваться и получить здесь названную болезнь. Правда, эту болезнь Португалов назвал заразной; но ошибки вообще в диагнозе возможны, а в таких болях, как женские немочи известного сорта, ошибки далеко не редкость.

Но я готов допустить и здесь уступку прокурору. Я готов думать, что Резников увлек Максименко, увлек до падения. Но тогда, раз увлечение имело место, раз женщина пожертвовала долгом, не стесняясь именем жены, — тогда удовлетворенная страсть, резких проявлений которой следствие не констатировало, равно как не удостоверило, чтобы покойный муж серьезно тревожился этим увлечением и противопоставлял ему сильные препятствия, — тогда, говорю, не раздраженная препятствиями страсть не давала, сама по себе, достаточного повода для такой развязки, какую предполагает обвинение.

В руках обвинения есть довод, направленный против Резникова. Для него интересно было быть возлюбленным богатой хозяйки. Но положение слуги-друга опасно. Узнает и прогонит муж, да и сама хозяйка, охладев, не задумается расстаться с предметом своей слабости. Нет, уж если судьба помогла сделаться любовником, то отчего не попытаться упрочить место, сделавшись хозяином своей хозяйки, благо случай дает возможность скрыть следы преступления исходом болезни, начинающей, к несчастью, проходить.

Но этот довод, раз на него обращено внимание, разделяет, а не соединяет подсудимых. Что интересно одному, то прямо не входит в расчеты другого...

Не могу не отметить еще одного обстоятельства, — что к периоду предполагаемого романа относятся свидетельские показания, письма супругов, доказывающие, что никакой резкой размолвки между ними не было, что жизнь их не была невозможной и что к этому времени относятся показания врача Португалова о резких отзывах о покойном Максименко со стороны одного Резникова.

Для единства цели, для зарождения одной и той же преступной мысли, для союза двух злобно настроенных волей надо доказать наличие непреодолимых иным путем препятствий на дороге этих двух лиц, надо доказать, что страсть, неудовлетворенная страсть, или обоюдная разделяемая ненависть к покойному одушевляла обоих предполагаемых преступников и объединяла их в одно демоническое лицо, — но этого-то и не доказано.

Чтобы восполнить это требование, обвинению приходится жертвовать цельностью плана своих соображений, приходится, вместо задуманного характера «развращенной натуры», перегримировать подсудимую в строгую женщину, которая пала, но желает подняться до порядочной, для чего и задумано ею преступление: отравление первого мужа, чтобы открыть дорогу для второго.

Второе препятствие на обвинительном пути — условие, по которому жена уступила все свои права в торговом доме мужу, условие, в силу которого не перестает верить наследник покойного, Антонин Максименко, здесь отбрасывается таким образом: оно-де спорно, и, кроме того, его похитили в момент смерти, рассчитывая на то, что таким образом все права покойного утратились.

Но, как я уже говорил, условие о передаче прав собственности на вещь, раз оно совершено гласно, и время, место и содержание сделки известны заинтересованным лицам, не уничтожается с потерей акта: это не долговой

документ, где с потерей его уничтожается доказательство сделки и на ней основанного права.

Условие отрезало дорогу покойной от ее имущества. Если бы ее тяготило супружество и тяготило между прочим и материальной зависимостью от мужа, то она попыталась бы какими-нибудь средствами, лаской и просьбами, во время болезни уговорить мужа быть таким же заботливым о ней, как была заботлива она о нем, когда боялась смерти от родов. Но мы знаем, что никакой подобной просьбы не было, ибо, делая все, что от нее зависит, для здоровья мужа, она не ожидала не только ею намеченной, но даже и естественной смерти от болезни.

В ином положении к этой улике стоит Резников. Условие о передаче прав было заключено женой с мужем без особой огласки: ни мать, ни дядя не знали о нем — его не оглашали. Знали участники да то лицо, которому перейдет наследство после смерти покойного, — его брат. Значит, жена укрыть его не могла. Но существование его неизвестно было Резникову. Будь жена с ним в союзе преступления, совершай они вместе задуманное зло, расчетливые инстинкты Резникова оставили бы след в мерах к обеспечению утраченного имущества...

Отметив различие целей подсудимых до наступления злополучного дня смерти и начала последней болезни покойного, я перехожу к последнему моменту дела.

Максименко заболевает тифом в г. Калаче, где с ним его жена. Она там уже несколько месяцев и ни по ком не скучает, никуда из Калача не едет. В Калач она уехала вскоре после мужа, как это, кажется, бесповоротно установлено здесь, вопреки неясным показаниям сторожа и г-жи Дмитриевой разошедшихся с прислугой и родней, которым эти события домашней жизни лучше известны.

Если бы жена тяготилась мужем, если бы смерть была желанной мечтой ее, то к чему было ей тревожиться о состоянии его здоровья и везти его в

Ростов, где медицинский персонал надежен и многочислен и где каждая минута жизни больного будет проходить на глазах родни и его и ее?

Но она, едва заболел муж, как и следует жене, посылает за врачом в ближайший город Царицын, где медики опытнее медиков Калача, по совету врачебному везет больного в Ростов, везет, не боясь быть с заразным больным в одной каюте, спеша с ним, чтобы скорей воспользоваться надежной медицинской помощью не на своих тихоходах, а на первом пассажирском пароходе.

В Ростове она немедленно посылает за Португаловым и по совету близких проверяет его лечение консультацией врача Лешкевича.

В то время, как раздраженный Португалов, бросая взор назад, но взор, уже отуманенный обидой, осуждает ее холодность к больному и безучастность, врач Лешкевич, спокойный наблюдатель происходившего, говорит, что ничего бросающегося в глаза не было, и жена вела себя, как жена. А родные и посетители больного говорят, что она ухаживала за ним, как и следует.

Я допускаю, что и Португалов имел данные к своему слову. Но он забывает, что больной был болен тифом, болезнью заразной, по общему мнению. Отчего же не допустить, что боязнь иногда заставляла жену отходить от постели больного, чтобы подышать свежим воздухом?

Вопрос жены к врачу: «Умрет мой муж?», так не пришедшийся по душе Португалову, — вопрос естественный. Важен тон, которым он сказан. Простая, по стилистике не обработанная речь простой женщины в вопросе с подобной расстановкой могла включить самую тревожную тоску об исходе болезни.

Итак, предшествующие дню смерти обстоятельства не дают разгадки вопроса, кто убил покойного. Приходится обратиться ко дню преступления и к последующим дням, когда содеянное зло должно было вызывать известное поведение и образ действий виновников.

Во весь день смерти Максименко, когда мать подсудимой, не любившая зятя, своим счастливым «алиби» отклонила от себя подозрение, когда так

тщательно доказано членами семьи Резникова, что и он значительную часть дня пробыл дома, хотя не опровергнуто, что, однако, он несколько раз приходил к больному и был с ним во время припадков болезни, — жена не отходила от больного и не устраивала себе преднамеренных доказательств физической невозможности для нее быть виновницей смерти мужа. Она не отрицает, что она носила ему последний стакан, когда, вернувшись от Дмитриевых, он попросил дать себе чаю. Этот стакан для обвинителя — самая сильная улика.

Но не говоря уже о том, что по данным экспертизы количество мышьяку, обнаруженного в трупе, требовало большего количества выпитой жидкости, а по данным обвинения жена вынесла едва отпитый стакан сейчас же и назад, не говоря о том, что свидетели, сидевшие за самоваром, Марья Васильева и Большакова, утверждают, что стакан был вынесен совсем не отпитый или чуть отпитый, — я обращаю ваше внимание на то, что стакан был вынесен и поставлен на тот же стол, перед теми же людьми, при чем подсудимая сама вскоре ушла назад к больному, а стакан уже прислугой был вылит в полоскательную чашку.

Я прошу вас сообразить: стала бы отравительница, поднеся отраву мужу, ставить стакан с тем же отравленным чаем на стол, где его могли нечаянно выпить, благо чай был внакладку, и нечаянная отравка выдала бы преступницу?

Спокойствие, с которым жена носила чай и возвратилась, указывает, что в чае или посуде отравы не было, или подсудимая не знала о ней, а отравка была дана чьей-либо посторонней рукой, быть может побывавшей тут же в доме или и в эту минуту тут находившейся.

Вечером больной почувствовал боли. У постели был Резников. Чужих никого. Дмитриевы ничего не знают. Португалов, сочтя больного выздоровевшим, к ним не придет. Чего бы лучше, если жена знает, что ею дано мужу, а Резников — ее сообщник, молчать и не вызывать врача; но жена

требует врача, и Резников не может отклонить ее от желания, а должен ехать за Португаловым.

Лекарства прописаны. Но, по замечанию Португалова, касторовое масло не развязано, а микстура едва тронута. Обвинение говорит, что это — улика против жены, доказательство ее нежелания спасти мужа.

Но ведь если она отравила, а лекарство, как и доктор, ею выписано лишь для отвода подозрения, то что мешало ей давать лекарство, — ведь это было не противоядие, а бесполезное против яда средство?

Доктор Португалов ставит в вину жене, что она в эту ночь легла отдохнуть, когда муж умирал. Обвинение подчеркивает эту же улику.

Но они забывают, что, не зная об отраве, а зная, что утром врач считал больного уже выздоровевшим, жена могла временные боли считать за преходящий припадок и позволить себе отдохнуть после многонедельного ухода за больным, надорвавшего силы.

Наоборот, если бы подсудимая знала, что происходит с мужем, она, полная тревоги за исход своего зла и просто по закону потревоженной совести, не провела бы ночи спокойно.

Максименко скончался. Португалов требует вскрытия. Нежелание жены уродовать труп вообще естественно. Это нежелание стало бы подозрительно, если бы от нее исходили средства обойти вскрытие и приемы, подрывающие веру в достоинство врача, потребовавшего вскрытия. Но мы знаем, что это выдумка не ее сочинительства.

Покойного хоронят. Опять только Португалову и Дмитриевым кажется, что вдова слишком равнодушна к убитому. Но все родные, даже знакомые, этого не говорят, а свидетельствуют противное. Она плакала дома, и ее уводили в комнату; она была подавлена горем у гроба. А когда мы спросили жену одного из ее дядей, Дубровину, о том же, то она нам дала глубоко поучительный пример практической справедливости, который не лишне бы помнить свидетелям Португалову и Дмитриевым: «Вдова стояла у гроба, как прилично

всем в ее положении, а глубока ли или неглубока была ее печаль, свидетельствовать не берусь, — ведь не в моем это было сердце».

Из послепохоронных данных отмечено здесь, что вдова в первые же дни уходила ночевать к Резниковым. Но забыли одно, что в доме Резникова в пяти комнатах жило семь человек, и у предполагаемого сотрудника по преступлению не было особой комнаты, а подсудимая ночевала с сестрой его. Причина же ухода так проста: в доме Максименко не было ни одного мужчины, одни трусливые старухи. Бояться остаться в доме, где был покойник, так естественно. Обычное явление, что для успокоения оставшихся в живых их уводят к знакомым.

Впрочем, я не отрицаю, что семья Резникова, видимо, ухаживала за вдовой и при жизни, и по смерти ее мужа. Но это не улика против нее.

Подсудимую видели вскоре, около шести недель спустя по смерти мужа, в театре, вместе с Резниковыми и с ее матерью.

Это, конечно, очень скоро. Но не будем требовать от жизни лицемерия. Простая среда и не знает его. Тогда как в высших слоях общества приличие налагает оковы далее внутреннего побуждения, но зато и превращает эти оковы в простые символы скорби, вроде флера и крепа, да платьев установленного цвета, что не мешает слишком скоро и повеселиться, и потанцевать, пожалуй, с знаменитым ограничением: «танцуем мы, но только с фортепьяно», — простая жизнь делает иначе: она плачет, пока плачется, и, когда пройдут дни плача, живо входит в колею обычных забот и радостей. Едва ли это неприлично. В простой жизни так мало действительных радостей, так много невзгод, что прибавлять к последним еще искусственные, право, не следует.

Слухи о сговоре в сороковой день опровергнуты, а знаменитое объяснение Резникова с Антонином Максименко о намерении его вступить в брак с вдовой — факт многоговорящий, но не по адресу подсудимой.

Во время следствия, сидя в остроге, Максименко хлопотала, вопреки мнению следователя, о вторичном вскрытии, которое решительно установило

отравление. Если бы она отравила, то стала ли бы она добиваться доказательства против себя. Прокурор признал, что это факт.

Больше в деле нет ничего. Обвинителю приходится иметь счет с этими данными. Мне кажется, что они не дают ему логического и юридического основания привлекать обоих подсудимых вместе.

Обвинение ошиблось в пользовании одним бесспорно умным правилом практической юриспруденции. Оно гласит, что при исследовании какого-либо преступления самое вероятное направление для следователя — в сторону заинтересованных в преступлении.

Да, это так; но если предполагается несколько заинтересованных, то, прежде чем остановиться на всех, надо выяснить природу преступления: таково ли оно по данной форме совершения, что требует участия нескольких воле и сил. Если у меня в доме дурная прислуга и у меня в одну ночь пропало, «дверям затворенным», такая масса вещей, что одному или двоим не успеть сделать этого, я основательно за-подозреваю массу служащих; но если у меня пропал со стола бумажник, при доступности кабинета всей прислуге, то необходимость совместного участия в преступлении нескольких лиц не требуется. Только положительные данные могут заставить власть привлечь группу, без них же природа содеянного зла не оправдывает общего подозрения.

В нашем деле та же история. Отравка — действие, не требующее участия многих сил. Здесь всего нужнее момент и тайна. Поэтому для привлечения двух лиц нужна достаточная причина к подобному предположению.

Но вы знаете, что и здесь, и в обвинительном акте распределение ролей в преступлении не указано, даже названо это распределение безразличным или неважным. И здесь упоминалось, что яд дан либо в чае либо в сельтерской.

Но если первое, то к чему сюда позвали Резникова? Тогда надо обвинять только мою клиентку, а для Резникова, отсутствовавшего в момент отравления, искать иной формы пособничества.

Если в чае яда дать не могла подсудимая, если и вас, как и меня, открытый образ действий ее во время подачи чая мужу и отсутствие цели отделаться от мужа, человека не злого и не тирана, и, наоборот, невыгодность подобного действия, которое разоряет ее, передавая ее состояние в чужие руки, — если все это и вас располагает не доверять выводам, сделанным из недостаточных данных, то кет места ее содействию, и нет надобности иному лицу в сотоварище, далеко не представляющем из себя умного и надежного со-общника, каковой она была и по летам и по развитию.

Где же тогда виновник и кто он? Неужели же отпустить привлеченных, не указав достойную для правосудия жертву? Не разразятся ли тогда на вас и на нас люди, подрывающие способность вашу служить делу правосудия? Что скажут о вас?

Не дело защиты указывать виновника, — ее дело отстаивать того, чья вина не доказана или опровергнута. Принцип нашего образа действий всего лучше определится указанием на сходный, но слишком яркий пример.

Во времена давно прошедшие, когда столпы церкви громче заявляли свои мысли по делам общественным, жил в Египте святой Макарий, глубоко веровавший, что небесное правосудие не может быть равнодушно к ходу земного.

На его глазах осудили невинного.

Нося в душе ту веру, что двигает горы, он в присутствии судей спросил могилу убитого. И слышали, — говорит христианская повесть, — голос из могилы, свидетельствующий в пользу невинности обвиненного.

Когда же заинтересованные просили Макария спросить могилу о том, кто убийца, святой ответил просителям: «довлеет бо ми не повинного от напасти избавити, несть же мое повинного предавати суду»...

Правосудие — вовсе не путь, которым, как жребием, выделяется из общества жертва возмездия за совершившийся грех, очищение лежащего на обществе подозрения.

Правосудие наших дней есть всестороннее изыскание действительного виновника, как единственного лица, подлежащего заслуженной казни. Вы являетесь в этой работе лицами, содействующими от общества законной власти, поставленной на страх злодеям, на защиту неповинных. Являясь сюда, вы несете не беспринципную власть народную карать или миловать, — страшно было бы жить там, где суды по произволу убивали бы неповинных и провозглашали бы дозволенность и безнаказанность злодеяний, самих в себе.

Только в этом случае были бы правы ваши порицатели.

Но если вы принесли сюда здоровое понимание вашего положения, положения людей, исполняющих повинность государству, тогда не опасайтесь ничего, кроме неправды, в вашем приговоре.

Если вы будете требовательны к доказательствам обвинения, если трусливость перед тем, что скажут о вас, не заставит вас унизиться до устранения рассудительности в вашем решении, — вы только исполните вашу миссию.

Державному законодателю, как отцу, дороги интересы своих подданных и чтобы напрасно не погиб человек жертвой ограниченности всякого человеческого дела, Он, вручая органам своей воли суд и преследование, требует от них проверки своих взглядов, прежде чем дать им перейти в грозную действительность карающего правосудия.

И вот, в глубоко гуманной заботе о неприкосновенности человеческой личности, прежде чем слово обвинения перейдет в слово осуждения, перед вами предстательствуем мы, предстательствуем не напрасно и не вопреки интересам закона, а во имя его. Если обвинение есть дело высокой государственной важности, то защита есть исполнение божественного требования, предъявляемого к человеческим учреждениям.

Но и этим не ограничивается забота законодателя о чистоте и достоинстве судебного приговора.

Чтобы органы власти не впадали в невольные ошибки тяжело отражающиеся на участи личностей, привлеченных к суду, им предписано проверять их окончательные выводы путем, исключаяющим ошибки в сторону осуждения невинного почти до невозможности противного.

На суд призываетесь вы, люди жизни, не заинтересованные в деле иными интересами, кроме интересов общечеловеческой правды, и вас спрашивают о том, производит ли общая сумма судебного материала на вас то же впечатление, какое произвела на органы власти. Если да, то власть успокаивается на том, что ею сделано все, и выводы ее суть те же, какие сами напрашиваются на ум всякого честного человека; если нет, — то власть считает, что сомнение существует, и не решается дать ход карающему приговору.

Останьтесь верны этому призванию вашему: не умаляйте силы улик, но и не преувеличивайте их, — вот о чем я вас прошу. Не преувеличивайте силу человеческих способностей в изыскании разгадки, если таинственные условия дела не поддаются спокойной и ясной оценке, но оставляют сомнения, неустранимые никакими выкладками. Тогда, как бы ни не понравилось ваше решение тем больным умам, которые ищут всякого случая похулить вашу работу, вы скажете нам, что вина подсудимой не доказана.

Если вы спросите меня: убежден ли я в ее невиновности, я не скажу: да, убежден. Я лгать не хочу.

Но я не убежден и в ее виновности. Тайны своей она не поверила, ибо иначе, поверь она нам ее и будь эта тайна ужасна, как бы ни замалчивали мы ее, она прорвалась бы, вопреки нашей воле, если бы мы и подавили в себе основные требования природы и долга.

Я и не говорю о вине или невиновности; я говорю о неизвестности ответа на роковой вопрос дела.

Не наша и не обвинителя это вина. Не все доступно человеческим усилиям.

Но если нет средств успокоиться на каком-либо ответе, успокоиться так, чтобы никогда серьезное и основательное сомнение не тревожило вашей

судейской совести, то, и по началам закона, и по требованию высшей справедливости, вы не должны осуждать привлеченную или обоих, если все сказанное равно относится и к нему.

Когда надо выбирать между жизнью и смертью, то все сомнения должны решаться в пользу жизни.

Таково веление закона и такова моя просьба.

П.А. АЛЕКСАНДРОВ (1838-1893 гг.)

П.А. Александров родился в 1838 г. в семье небогатого священнослужителя Орловской губернии.

В 1860 г. Александров окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, после чего работал в различных должностях по Министерству юстиции, последней из которых была должность товарища оберпрокурора кассационного департамента Правительствующего Сената. В 1876 г. он был вынужден подать в отставку в связи с неодобрением начальством его заключения в суде по одному из дел, касающихся свободы печати.

После выхода в отставку Александров поступил в адвокатуру и сразу же проявил себя как юрист-оратор, как замечательный адвокат в политическом процессе "193"-х 1877-1878 гг. в Петербургском окружном суде. Но этот процесс был закрытым, зато дело Засулич прославило его не только в России, но и во всем мире. После его победы в этом деле все увидели рождение нового значительного юридического таланта, выступившего в защиту женщины, отстаивавшей, пусть и неверными методами с нашей современной точки зрения, права человека.

Следующее дело, предложенное вашему вниманию в этом сборнике, также связано с защитой прав человека в современном понимании.

В деле Сарры Модебадзе П.А. Александров не просто защитил четырех невиновных людей, а, практически, выступил против идей разжигания

национальной розни, что так созвучно жизни нашего общества конца XX века.

Дело же Нотовича, которого Александров защищал во вторичном слушании 10 февраля 1893 г., вообще можно считать образцом для многочисленных современных дел, связанных с публичным оскорблением и клеветой. Несомненно, речь Александрова в защиту Нотовича послужила огромным подспорьем современным российским адвокатам, выступающим по этим, таким новым для нас делам.

ДЕЛО В. И. ЗАСУЛИЧ

Дело В.И. Засулич, обвинявшейся в умышленном, с заранее обдуманном намерением покушении на убийство Петербургского градоначальника генерала Трепова, рассматривалось Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей 31 марта 1878 г.

24 января 1878 г. В.И. Засулич выстрелила из пистолета в генерала Трепова в знак протеста против применения телесных наказаний, а именно против распоряжения Трепова высечь розгами политического подследственного Боголюбова, находившегося в доме предварительного заключения.

Действия Засулич были восприняты прогрессивной общественностью того времени как протест против применения телесных наказаний, или, говоря современным языком, как действия в защиту прав человека.

К сожалению, только теперь, в XX веке, мы можем отдать себе отчет в том, что права человека нельзя защитить путем терроризма, то есть путем самого грубого и ужасного нарушения прав личности другого человека.

Господа присяжные заседатели! Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен, мы расходимся лишь в весьма немногом, но, тем не менее, задача моя после речи господина прокурора не оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только

событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, ч-го самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы?

Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связуется, так переплетается с фактом совершившегося в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В. Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в доме предварительного заключения. В самом сопоставлении, собственно говоря, не было бы ничего трудного; очень нередко разбирается не только такое преступление, но и тот факт, который дал мотив этому преступлению. Но в настоящем деле эта связь до некоторой степени усложняется, и разъяснение ее затрудняется. В самом деле, нет сомнения, что распоряжение генерал-адъютанта Трепова было должностное распоряжение. Но должностное лицо мы теперь не судим, и генерал-адъютант Трепов является здесь в настоящее время не в качестве подсудимого должностного лица, а в качестве свидетеля, лица, потерпевшего от преступления; кроме того, чувство приличия, которое мы не решились бы преступить в защите нашей и которое не может не внушить нам известной сдержанности относительно генерал-адъютанта Трепова как лица, потерпевшего от преступления, я очень хорошо понимаю, что не могу касаться действию должностного лица и обсуждать их так, как они обсуждаются, когда это должностное лицо предстоит в качестве подсудимого. Но из того затруднительного положения, в котором находится защита в этом деле, можно, мне кажется, выйти следующим образом.

Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме, на горе; одна сторона этого Януса

обращена к закону, к начальству, к суду, она ими освещается и обсуждается; обсуждение здесь полное, веское, правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, и она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с фонарем, с грошовой свечкой, с тусклой лампой, для нас темно, многое наводит нас на такие суждения которые не согласуются со взглядами начальства, суда на же действия должностного лица. Но мы живем в этих, может быть, иногда и ошибочных понятиях, на основании их мы питаем те или другие чувства к должностному лицу, порицаем его или славословим его, любим или остаемся к нему равнодушным, радуемся, если находим распоряжения мотивом для наших действий, за которые мы судимся и должны отвечать, тогда важно иметь в виду не только то, правильны или не правильны действия должностного лица с точки зрения закона, а как мы сами смотрели на них. Не суждения закона о должностном действии, а наши воззрения на него должны быть приняты как обстоятельства, обуславливающие степень нашей ответственности. Пусть эти воззрения будут и неправильны, - они ведь имеют значение не для суда над должностным лицом, а для суда над нашими поступками, соображенными с теми или другими руководившими нами понятиями.

Чтобы вполне судить о мотиве наших поступков, надо знать, как эти мотивы отразились в наших понятиях. Таким образом, в моем суждении о событии 13 июля не будет обсуждения действий должностного лица, а только разъяснение того, как отразилось это событие на уме и убеждениях Веры Засулич. Оставаясь в этих пределах, я, полагаю, не буду судьей действий должностного лица и затем надеюсь, что в этих пределах мне будет дана необходимая законная свобода слова и вместе с тем будет оказано снисхождение, если я с некоторой подробностью остановлюсь на таких обстоятельствах, которые с первого взгляда могут и не казаться прямо относящимися к делу. Являясь защитником В. Засулич, по ее собственному

избранию, выслушав от нее, в моих беседах с нею, многое, что она находила нужным передать мне, я невольно впадаю в опасение не быть полным выразителем ее мнения и упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, может иметь значение для ее дела.

Я мог бы теперь начать прямо со случая 13 июля, но нужно прежде исследовать почву, которая обусловила связь между 13 июля и 24 января. Эта связь лежит во всем прошедшем, во всей жизни В. Засулич. Рассмотреть эту жизнь весьма поучительно; поучительно рассмотреть ее не только для интересов настоящего дела, не только для того, чтобы определить, в какой степени виновна В. Засулич, но ее прошедшее поучительно и для извлечения из него других материалов, нужных и полезных для разрешения таких вопросов, которые выходят из пределов суда: для изучения той почвы, которая у нас нередко производит преступление и преступников. Вам сообщены уже о В. Засулич некоторые биографические данные: они не длинные, и мне придется остановиться только на некоторых из них.

Вы помните, что с семнадцати лет, по окончании образования в одном из московских пансионов, после того как она выдержала с отличием экзамен на звание домашней учительницы, Засулич вернулась в дом своей матери. Старуха-мать ее живет в Петербурге. В небольшой сравнительно промежутке времени семнадцатилетняя девушка имела случай познакомиться с Нечаевым и его сестрой. Познакомилась она с ней совершенно случайно, в учительской школе, куда она ходила изучать звуковой метод преподавания грамоты. Кто такой был Нечаев, какие его замыслы, она не знала, да тогда еще и никто не знал его в России; он считался простым студентом, который играл некоторую роль в студенческих волнениях, не представлявших ничего политического.

По просьбе Нечаева В. Засулич согласилась оказать ему некоторую, весьма обыкновенную услугу. Она раза три или четыре принимала от него письма и передавала их по адресу, ничего, конечно, не зная о содержании самих писем. Впоследствии оказалось, что Нечаев - государственный преступник, и ее совершенно случайные отношения к Нечаеву послужили основанием к

привлечению ее в качестве подозреваемой в государственном преступлении по известному нечаевскому делу. Вы помните из рассказа В. Засулич, что двух лет тюремного заключения стоило ей это подозрение. Год она просидела в Литовском замке и год в Петропавловской крепости. Это были восемнадцатый и девятнадцатый годы ее юности.

Годы юности по справедливости считаются лучшими годами в жизни человека; воспоминания о них, впечатления этих лет остаются на всю жизнь. Недавний ребенок готовится стать созревшим человеком. Жизнь представляется пока издали ясной, розовой, обольстительной стороной без мрачных теней, без темных пятен. Много переживает юноша в эти короткие годы, и пережитое кладет след на всю жизнь. Для мужчины это пора высшего образования; здесь пробуждаются первые прочные симпатии; здесь завязываются товарищеские связи; отсюда выносятся навсегда любовь к месту своего образования, к своей *alma mater*. Для девицы годы юности представляют пору расцвета, полного развития; перестав быть дитятею, свободная еще от обязанностей жены и матери, девица живет полною радостью, полным сердцем. То - пора первой любви, беззаботности, веселых надежд, незабываемых радостей, пора дружбы; то - пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетного, к чему потом любят обращаться воспоминаниями зрелая мать и старая бабушка.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях провела она это дорогое время, какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной. Два года она не видела ни матери, ни родных, ни знакомых. Изредка только через тюремное начальство доходила весть от них, что все, мол, слава богу, здоровы. Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру. Возможность сделать несколько шагов по комнате и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие, прогулки, дурной сон, плохое питание. Человеческий образ

видится только в тюремном стороже, приносящем обед, да в часовом, заглядывающем время от времени в дверное окно, чтобы узнать, что делает арестант. Звук отворяемых и затворяемых замков, бряцание ружей сменяющихся часовых, мерные шаги караула да уныло-музыкальный звон часов Петропавловского шпица. Вместо дружбы, любви, человеческого общения - одно сознание, что справа и слева, за стеной, такие же товарищи по несчастью, такие же жертвы несчастной доли.

В эти годы зарождающихся симпатий Засулич действительно создала и закрепила в душе своей навеки одну симпатию - беззаветную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужден влачить несчастную жизнь подозреваемого в политическом преступлении. Политический арестант, кто бы он ни был, стал ей дорогим другом, товарищем юности, товарищем по воспитанию. Тюрьма была для нее *alma mater* которая закрепила эту дружбу, это товарищество.

Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже какого основания предать ее суду. Ей сказали: "Иди" - и же не прибавили: "И более не согрешай", - потому что прегрешений не нашлось, и до того не находилось их, что в продолжение двух лет она всего только два раза была спрошена и одно время серьезно думала, в продолжение многих месяцев, что она совершенно забыта: "Иди". Куда же идти? По счастью, у нее есть куда идти - у нее здесь, в Петербурге старуха-мать, которая с радостью встретит дочь. Мать и дочь были обрадованы свиданием; казалось, два тяжких года исчезли из памяти. Засулич была еще молода - ей был всего двадцать первый год. Мать утешала ее, говорила: "Поправишься, Верочка, теперь все пройдет, все кончилось благополучно. Действительно, казалось, страдания излечатся, молодая жизнь одолеет, и не останется следов тяжелых лет заключения.

Была весна, пошли мечты о летней дачной жизни, которая могла казаться земным раем после тюремной жизни; прошло десять дней полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не друг ли запоздалый? Оказывается - не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет он Засулич, что

приказано ее отправить в пересыльную тюрьму. "Как в тюрьму? Вероятно, это недоразумение, я не привлечена к нечаевскому делу, не предана суду, обо мне дело прекращено судебной палатой и Правительствующим Сенатом". - "Не могу знать, - отвечает надзиратель, - пожалуйста, я от начальства имею предписание взять вас".

Мать принуждена отпустить дочь. Дала ей кое-что: легкое платье, бурнус, говорит: "Завтра мы тебя навестим, мы пойдем к прокурору, этот арест - очевидное недоразумение, дело объяснится и ты будешь освобождена».

Проходят пять дней, В. Засулич сидит в пересыльной тюрьме с полной уверенностью скорого освобождения.

Возможно ли, чтобы после того как дело было прекращено судебной властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана только что освобожденная, после двухлетнего тюремного заключения.

В пересыльной тюрьме навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки; никто не воображает, чтобы она быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке.

На пятый день задержания ей говорят: "Пожалуйста, вас отправляют в город Крестцы". - "Как отправляют? Да у меня нет ничего для дороги. Подождите, по крайней мере, дайте мне возможность дать знать родственникам, предупредить их. Я уверена, что тут какое-нибудь недоразумение. Окажите мне снисхождение, подождите, отложите мою отправку хоть на день, на два, я дам знать родным". - "Нельзя, - говорят, - не можем по закону, требуют вас немедленно отправить".

Рассуждать было нечего. Засулич понимала, что надо покориться закону, не знала только, о каком законе тут речь. Поехала она в одном платье, в легком бурнусе; пока ехала по железной дороге, было сносно, потом поехала на почтовых, в кибитке, между двух жандармов. Был апрель месяц, стало в легком бурнусе невыносимо холодно: жандарм снял свою шинель и одел

барышню. Привезли ее в Крестцы. В Крестцах сдали ее исправнику, исправник выдал квитанцию в принятии клади и говорит Засулич: "Идите, я вас не держу, вы не арестованы. Идите и по субботам являйтесь в полицейское управление, так как вы состоите у нас под надзором".

Рассматривает Засулич свои ресурсы, с которыми ей приходится начать новую жизнь в неизвестном городе. У нее оказывается рубль денег, французская книжка да коробочка шоколадных конфет.

Нашелся добрый человек, дьячок, который поместил ее в своем семействе. Найти занятие в Крестцах ей не представилось возможности, тем более, что нельзя было скрыть, что она - высланная административным порядком. Я не буду затем повторять другие подробности, которые рассказала сама В. Засулич.

Из Крестцов ей пришлось ехать в Тверь, в Солигалич, в Харьков. Таким образом началась ее бродячая жизнь, - жизнь женщины, находящейся под надзором полиции. У нее делали обыски, призывали для разных опросов, подвергали иногда задержкам не в виде арестов и, наконец, о ней совсем забыли.

Когда от нее перестали требовать, чтобы она еженедельно являлась на просмотр к местным полицейским властям, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поехать в Петербург и затем с детьми своей сестры отправиться в Пензенскую губернию. Здесь она летом 1877 года прочитывает первый раз в газете "Голос" известие о наказании Боголюбова.

Да позволено мне будет, прежде чем перейти к этому известию, сделать еще маленькую экскурсию в область розги.

Я не имею намерения, господа присяжные заседатели представлять вашему вниманию историю розги, - это завел бы меня в область слишком отдаленную, к весьма далеким страницам нашей истории, ибо история русской розги весьма продолжительна, Нет, не историю розги хочу я

повествовать перед вами, я хочу привести лишь несколько воспоминаний о последних днях ее жизни.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к молодому поколению. Она стала себя помнить тогда уже, когда наступили новые порядки, когда розги отошли в область преданий. Но мы, люди предшествовавшего поколения, мы еще помним то полное господство розг, которое существовало до 17 апреля 1863 г. Розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении... Существовало сказание - апокрифического, впрочем, свойства, - что где-то русская розга была приведена в союз с английским механизмом, и русское сечение совершалось по всем правилам самой утонченной европейской вежливости. Впрочем, достоверность этого сказания никто не подтверждал собственным опытом. В книгах наших уголовных, гражданских и военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий мелодический перезвон в общем громогласном гуле плети, кнута и шпицрутенов. Но наступил великий день, который чтит вся Россия, - 17 апреля 1863 г., - и розга перешла в область истории. Розга, правда, не совсем, но все другие телесные наказания миновали совершенно. Розга не была совершенно уничтожена, но крайне ограничена. В то время было много опасений за полное уничтожение розги, опасения, которых не разделяло правительство, но которые волновали некоторых представителей интеллигенции. Им казалось вдруг как-то неудобным и опасным оставить без розг Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, - Россию» которая, по их глубокому убеждению, сложилась в обширну*⁰ державу и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои? Как будто в утешение этих мыслителей розга осталась в очень ограниченных размерах и утратила

публичность. По каким соображениям решились сохранить ее, я не но думаю, что она осталась как бы в виде сувенира " умершего или

удалившегося навсегда лица. Такие сувениры обыкновенно приобретаются и сохраняются в малых. Тут не нужно целого шиньона, достаточно одного сувенир обыкновенно не выставляется наружу, а хранится в тайнике медальона, в дальнем ящике. Такие сувениры не переживают более одного поколения. Когда в исторической жизни народа нарождается какое-либо преобразование, которое способно поднять дух народа, возвысить его человеческое достоинство, тогда подобное преобразование прививается и приносит свои плоды. Таким образом, и отмена телесного наказания оказала громадное влияние на поднятие в русском народе чувства человеческого достоинства. Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами; теперь смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустит себя наказать розгами.

Вот в эту-то пору, через пятнадцать лет после отмены розг, которые, впрочем, давно уже были отменены для лиц привилегированного сословия, над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение. Обстоятельство это не могло укрыться от внимания общества: о нем заговорили в Петербурге, о нем вскоре появляются газетные известия. И вот эти-то газетные известия дали первый толчок мыслям В. Засулич. Короткое газетное известие о наказании Боголюбова розгами не могло не произвести на Засулич подавляющего впечатления. Оно производило такое впечатление на всякого, кому знакомо чувство чести и человеческого достоинства.

Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все её позорное и унижительное значение; человек, который своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение покорной экзекуции над другими, - этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания.

Какое думала Засулич, мучительное истязание, какое презрительное поругание над всем, что составляет самое существенное достояние развитого

человека, и не только развитого, но и всякого, кому не чуждо чувство чести и человеческого достоинства.

Не с точки зрения формальностей закона могла обсуждать В. Засулич наказание, произведенное над Боголюбовым, но и для нее не могло быть ясным из самых газетных известий что Боголюбов, хотя и был осужден в каторжные работы, но еще не поступил в разряд ссыльно-каторжных, что над ним не было еще исполнено все то, что, по фикции закона, отнимает от человека честь, разрывает всякую связь его с прошедшим и низводит его на положение лишенного всех прав. Боголюбов содержался еще в доме предварительного заключения, он жил среди прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положение.

Нет, не с формальной точки зрения обсуждала В. Засулич наказание Боголюбова; была другая точка зрения, менее специальная, более сердечная, более человеческая, которая никак не позволяла примириться с разумностью и справедливостью произведенного над Боголюбовым наказания.

Боголюбов был осужден за государственное преступление. Он принадлежал к группе молодых, очень молодых людей, судившихся за преступную манифестацию на площади Казанского собора. Весь Петербург знает об этой манифестации, и все с сожалением отнеслись тогда к этим молодым людям, так опрометчиво заявившим себя политическими преступниками, к этим так непроизводительно погубленным молодым силам. Суд строго отнесся к судимому деянию. Покушение явилось в глазах суда весьма опасным посягательством на государственный порядок, и закон был применен с подобающей строгостью. Но строгость приговора за преступление не исключала возможности видеть, что покушение: молодых людей было прискорбным заблуждением и не имело в своем основании таких расчетов, своекорыстных побуждений, преступных намерений, что, напротив, в основании его лежало доброе увлечение, с которым не совладал молодой разум, живой характер, и дало им направиться на ложный путь, приведший к прискорбным последствиям.

Характерные особенности нравственной стороны государственных преступлений не могут не обращать на себя внимания. Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко - только одновременно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время.

Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственного преступника, не позволяет видеть в нем презренного, отвергнутого члена общества, не позволяет заглушить симпатий ко всему тому высокому, честному, доброму разумному, что остается в нем вне сферы его преступного деяния.

Мы, в настоящее славное царствование, тогда еще с восторгом юности, приветствовали старцев, возвращенных монаршим милосердием из снегов Сибири, этих государственных преступников, явившихся энергическими деятелями по различным отраслям великих преобразований, тех преобразований, несвоевременная мечта о которых стоила им годов каторги.

Боголюбов судебным приговором был лишен всех прав состояния и присужден к каторге. Лишение всех прав и каторга - одно из самых тяжелых наказаний нашего законодательства. Лишение всех прав и каторга одинаково могут постигнуть самые разнообразные тяжкие преступления, несмотря на все различие их нравственной подкладки. В этом еще нет ничего несправедливого. Наказание, насколько оно касается сферы права, изменения общественного положения, лишения свободы, принудительных работ, может без особенно вопиющей, неравномерности постигать преступника самого разнообразного характера. Разбойник, поджигатель, распространитель ереси, наконец, государственный преступник могут быть без явной несправедливости уравнены постигающим их наказанием.

Но есть сфера, которая не поддается праву, куда бессилён проникнуть нивелирующий закон, где всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я понимаю сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, что составляет умственное и нравственное достояние человека.

Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнивать их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что, потому, для одного составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжелую нравственную пытку, невыносимое, бесчеловечное истязание.

Закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряженные, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишить его всего того, что составляет неотъемлемое достояние его развития, никакой закон не может. И если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая человеку, нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшею несправедливостью в применении к другому,

Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет возбуждающее, тяжелое чувство негодования, которое овладело всяким неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним.

С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова.

Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей? Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все: политический арестант не был для Засулич отвлеченное представление, вычитываемое из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам, - представление, возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии. Политический арестант был для Засулич - она сама, ее горькое прошедшее, ее собственная история - история безвозвратно погубленных лет, лучших и дорогих в жизни каждого человека, которого не постигает тяжкая доля, перенесенная Засулич. Политический арестант был для Засулич – горькое воспоминание ее собственных страданий, ее тяжкого нервного возбуждения, постоянной тревоги, томительной неизвестности, вечной думы над вопросами: Что я сделала? Что *будет со мной*? Когда же наступит конец? Политический арестант был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре.

В провинциальной глуши газетное известие действовало на Засулич еще сильнее, чем оно могло бы действовать здесь, в столице. Там она была одна. Ей не с кем было разделить свои сомнения, ей не от кого было услышать слово участия по занимавшему ее вопросу. Нет, думала Засулич, вероятно, известие неверно, по меньшей мере оно преувеличено. Неужели теперь, и именно теперь, думала она, возможно такое явление? Неужели 20 лет прогресса, смягчение нравов, человеколюбивое отношение к арестованному, улучшение судебных и

тюремных порядков, ограничение личного произвола, неужели 20 лет поднятия личности и достоинства человека вычеркнуты и забыты бесследно? Неужели к тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще более тяжкое презрение к его человеческой личности, забвение в нем всего прошлого, всего, что дали ему воспитание и развитие? Неужели нужно было еще наложить несмыслимый позор на эту, положим, преступную, но во всяком случае не презренную личность? Нет ничего удивительного, продолжала думать Засулич, что Боголюбов в состоянии нервного возбуждения, столь понятного в одиночно-заключенном арестанте, мог, не владея собой, позволить себе то или другое нарушение тюремных правил, но на случай таких нарушений, если и признавать их вменяемыми человеку в исключительном состоянии его духа, существуют у тюремного начальства другие меры, ничего общего не имеющие с наказанием розгами. Да и какой же поступок приписывает Боголюбову газетное известие? Неснятие шапки при вторичной встрече с почетным посетителем. Нет, это невероятно, успокаивалась Засулич; подождем, будет опровержение, будет разъяснение происшествия; по всей вероятности, оно окажется не таким, как представлено.

Но не было ни разъяснений, ни опровержений, ни гласа, Ни послушания. Тишина молчания не располагала к тишине взволнованных чувств. И снова возникал в женской экзальтированной голове образ Боголюбова, подвергнутого позорному наказанию, и распаленное воображение старалось угадать, почувствовать все то, что мог почувствовать несчастный. Рисовалась возмущающая душу картина, но то была еще только картина собственного воображения, не проверенная никакими данными, не пополненная слухами, рассказами очевидцев, свидетелей наказания; скоро явилось и то и другое.

В сентябре Засулич была в Петербурге; здесь уже она могла проверить занимавшее ее мысль происшествие по рассказам очевидцев или лиц,

слышавших непосредственно, от очевидцев. Рассказы по содержанию своему не способны были усмирить возмущенное чувство. Газетное известие оказывалось непреувеличенным; напротив, оно дополнялось такими подробностями, которые заставляли содрогаться, которые приводили в негодование. Рассказывалось и подтверждалось, что Боголюбов не имел намерения оказать неуважение, неповиновение, что естественное уклонение от внушения, которое ему угрожало, что попытка сбить с Боголюбова шапку вызвала крики со стороны смотревших на происшествие арестантов независимо от какого-либо возмущения их к тому Боголюбовым. Рассказывались дальше возмутительные подробности приготовления и исполнения наказания. Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, взволнованных происшествием с Боголюбовым, является смотритель тюрьмы и, чтобы "успокоить" волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но, несомненно, доказав, что он, смотритель, обладает и практическим тактом и пониманием человеческого сердца. Перед окнами женских арестантских камер, в виду испуганных чем-то необычайным происходящим в тюрьме женщин, вяжутся пуки розог, как будто бы драть предстояло целую роту; разминаются руки, делаются репетиции предстоящей экзекуции, и в конце концов нервное волнение арестантов возбуждается до такой степени, что ликторы считают нужным убраться в сарай и оттуда выносят пуки розог уже спрятанными под шинелями.

Теперь, по отрывочным рассказам, по догадкам, по намекам нетрудно было вообразить и настоящую картину экзекуции. Восставала эта бледная, испуганная фигура Боголюбова, не ведающая, что он сделал, что с ним хотят творить; восставал в мыслях болезненный его образ. Вот он, приведенный на место экзекуции и пораженный известием о том позоре, который ему готовится; вот он полный негодования и думающий, что эта сила негодования даст ему силы Самсона, чтоб

устоять в борьбе с массой ликторов, исполнителей наказания; вот он, падающий под массой пудов человеческих тел, севших ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный несколькими парами рук, как железом, прикованный лишенный всякой возможности сопротивляться, и над всей этой картиной мерный свист березовых прутьев, да так же мерное счисление ударов благородным распорядителем экзекуции. Все замерло в тревожном ожидании стога; этот стон раздался, - то не был стон физической боли - не на нее рассчитывали; то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человека. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!..

Сведения, полученные Засулич, были подробны, обстоятельны, достоверны. Теперь тяжелые сомнения сменились еще более тяжелой известностью. Роковой вопрос встал со всей его беспокойною настойчивостью. Кто же вступится за поруганную честь беспомощного каторжника? Кто смочет, кто и как искупит тот позор, который навсегда неутошимою болью будет напоминать о себе несчастному? С твердостью перенесет осужденный суровость каторги, но не примирится с этим возмездием за его преступление, быть может, сознает его справедливость, быть может, наступит минута, когда милосердие с высоты трона и для него откроется, когда скажут ему: "Ты искупил свою вину, войди опять в то общество, из которого ты удален, - войди и будь снова гражданином". Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о поруганном достоинстве; кто и как смочет то пятно, которое на всю жизнь останется неизгладимым в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая? Много товарищей по несчастью у Боголюбова, - неужели и они должны существовать под страхом всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову? Если юристы могли создать лишение прав, то отчего психологи, моралисты не явятся со средствами отнять у лишенного прав его нравственную

физиономию, его человеческую натуру, его душевное состояние; отчего же они не укажут средств низвести каторжника на степень скота, чувствующего физическую боль и чуждого душевным страданиям?

Так думала, так не столько думала, как инстинктивно чувствовала В. Засулич. Я говорю ее мыслями, я говорю почти ее словами. Быть может, найдется много экзальтированного болезненно-преувеличенного в ее думах, волновавших ее вопросах, в ее недоумении. Быть может, законник нашелся бы в этих недоумениях, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбовым: у нас ли не найти статьи закона, коли нужно ее найти? Быть может, опытный блюститель порядка доказал бы, что иначе поступить, как было поступлено с Боголюбовым, и невозможно, что иначе и порядка существовать не может. Быть может, не блюститель порядка, а просто практический человек сказал бы, с полной уверенностью в разумности своего совета: "Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпороли".

Но и законник, и блюститель порядка, и практический человек не разрешил бы волновавшего Засулич сомнения, не успокоил бы ее душевной тревоги. Не надо забывать, что Засулич - натура экзальтированная, нервная, болезненная, впечатлительная; не надо забывать, что павшее на нее, чуть не ребенка в то время, подозрение в политическом преступлении, подозрение не оправдавшееся, но стоившее ей двухлетнего одиночного заключения, и затем бесприютное скитание надломили ее натуру, навсегда оставив воспоминание о страданиях политического арестанта, толкнули ее жизнь на тот путь и в ту среду, где много поводов к страданию, душевному волнению, но где мало места для успокоения на соображениях практической пошлости.

В беседах с друзьями и знакомыми, наедине, днем и ночью, среди занятий и без дела Засулич не могла оторваться от мысли о Боголюбове, и ни откуда сочувственной помощи, ни откуда удовлетворения души, взволнованной вопросами: кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто

вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? Засулич ждала этого заступничества от печати, она ждала оттуда поднятия, возбуждения так волновавшего ее вопроса. Памятуя о пределах, молчала печать. Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. Из тиши кабинета, из интимного круга приятельских бесед не выползло общественное мнение. Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нем ничего не было слышно.

И ожидания оставались ожиданиями. А мысли тяжелые и тревоги душевные не унимались. И снова, и снова, и опять, и опять возникал образ Боголюбова и вся его обстановка. Не звуки цепей смущали душу, но мрачные своды мертвого дома леденили воображение; рубцы - позорные рубцы резали сердце, и замогильный голос заживо погребенного звучал:

Что ж молчит в вас, братья, злоба,

Что ж любовь молчит?

И вдруг внезапная мысль, как молния, сверкнувшая в уме "Засулич: "О, я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!" Решимость была ответом на эту мысль в ту же минуту. Теперь можно было рассуждать о времени, о способах исполнения, но само дело, выполненное 24 января, было бесповоротно решено.

Между блеснувшей и зародившейся мыслью и исполнением ее протекли дни и даже недели; это дало обвинению право признать вмененное Засулич намерение и действие заранее обдуманном.

Если эту обдуманность относить к приготовлению средств, к выбору способов и времени исполнения, то, конечно, взгляд обвинения нельзя не признать справедливым, но в существе своем, и своей основе, намерение Засулич не было и не могло быть намерением хладнокровно обдуманном, как ни велико по времени расстояние между решимостью и исполнением. Решимость была и осталась внезапной, вследствие внезапной мысли, павшей на благоприятную, для нее подготовленную, почву, овладевшей

всецело и всевластно экзальтированной натурой. Намерения, подобные намерению Засулич, возникающие в душе возбужденной, аффектированной, не могут быть обдумываемы, обсуждаемы. Мысль сразу овладевает человеком, не его обсуждению она подчиняется, а подчиняет его себе и влечет за собою. Как бы далеко ни отстояло исполнение мысли, овладевшей душой, аффект не переходит в холодное размышление и остается аффектом. Мысль не проверяется, не обсуждается, ей служат, ей рабски повинуются, за ней следуют. Нет критического отношения, имеет место только безусловное поклонение. Тут обсуждаются и обдумываются только подробности исполнения, но это не касается сущности решения. Следует ли или не следует выполнить мысль, - об этом не рассуждают, как бы долго ни думали над средствами и способами исполнения. Страстное состояние духа, в котором зарождается и воспринимается Мысль, не допускает подобного обсуждения; так вдохновенная мысль поэта остается вдохновенною, не выдуманною, хотя она и может задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения.

Мысль о преступлении, которое стало бы ярким и громким указанием на расправу с Боголюбковым, всецело завладела возбужденным умом Засулич. Иначе и быть не могло: эта мысль как нельзя более соответствовала тем потребностям отвечала на те задачи, которые волновали ее.

Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть. Местью и сама Засулич объяснила свой поступок, но для меня представляется невозможным объяснить вполне дело Засулич побуждением мести, по крайней мере мести, понимаемой в ограниченном смысле этого слова. Мне кажется, что слово "месть" употреблено в показании Засулич, а затем и в обвинительном акте, как термин наиболее простой, короткий и несколько подходящий к обозначению побуждения, импульса, руководившего Засулич.

Но месть, одна "месть" была бы неверным мерилom для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич. Месть обыкновенно руководится

личными счетами с отомщаемым за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее, интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбвым, но и сам Боголюбов не был ей близким, знакомым человеком.

Мечь стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны были те или другие последствия выстрела. Наконец, мечь старается достигнуть удовлетворения возможно дешевою ценой, мечь действует скрытно, с возможно меньшими пожертвованиями. В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести. Конечно, не чувство доброго расположения к генерал-адъютанту Трепову питала Засулич; конечно, у нее было известного рода недовольство против него, и это недовольство имело место в побуждениях Засулич, но ее мечь всего менее интересовалась лицом отомщаемым; ее мечь окрашивалась, видоизменялась, осложнялась другими побуждениями.

Вопрос справедливости и легальности наказания Боголюбова казался Засулич не разрешенным, а погребенным навсегда - надо было воскресить его и поставить твердо и громко.

Униженное и оскорбленное человеческое достоинство Боголюбова казалось невозстановленным, несмытым, неоправданным, чувство мести - неудовлетворенным. Возможность поения в будущем случаев позорного наказания над политическими преступниками и арестантами казалась не предупрежденной.

Всем этим необходимостям, казалось Засулич, должно было удовлетворить такое преступление, которое с полной достоверностью можно было бы поставить в связь со случаем наказания Боголюбова и показать, что это преступление явилось как последствие случая 13 июля, как протест против поругания над человеческим достоинством политического преступника.

Вступить за идею нравственной чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать к ее признанию и уверению, - вот те побуждения, которые руководили Засулич, и мысль о преступлении, которое было бы поставлено в связь с наказанием Боголюбова, казалось, может дать удовлетворение всем этим побуждениям; Засулич решила искать суда над ее собственным преступлением, чтоб поднять и вызвать обсуждение забытого случая о наказании Боголюбова.

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия, в лице своих представителей, будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут.

Этими обсуждениями и определились намерения Засулич. Совершенно достоверным поэтому представляется то объяснение Засулич, которое притом же дано было ею при самом первоначальном ее допросе и было затем неизменно поддерживаемо, что для нее было безразлично: будет ли последствием произведенного ею выстрела смерть или только нанесение раны. Прибавлю от себя, что для ее целей было бы одинаково безразлично и то, если б выстрел, очевидно, направленный ^в известное лицо, и совсем не произвел никакого вредного Действия, если б последовала осечка или промах. Не жизнь, Не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых, вместе с нею появление вопроса о случае с Боголюбовым.

Было безразлично, совместно существовало намерение убить или ранить; намерению убить не отдавала Засулич никакого особенного преимущества. В этом направлении она и действовала. Ею не было предпринято ничего для того, чтобы выстрел имел неизбежным следствием смерть. О более опасном направлении выстрела она не

заботилась. А, конечно находясь в том расстоянии от генерал-адъютанта Трепова, в каком она находилась, она, действительно, могла бы выстрелить совершенно в упор и выбрать самое опасное направление. Вынув из кармана револьвер, она направила его так, как пришлось: не выбирая, не рассчитывая, не поднимая даже руки. Она стреляла, правда, в очень близком расстоянии, но иначе она и не могла действовать. Генерал-адъютант Трепов был окружен своею свитою, и выстрел на более далеком расстоянии мог грозить другим, которым Засулич не желала вредить. Стрелять совсем в сторону было совсем дело не подходящее: это сводило бы драму, которая нужна была Засулич, на степень комедии.

На вопросе о том, имела ли Засулич намерение причинить смерть или имела намерение причинить только рану, прокурор остановился с особенной подробностью. Я внимательно выслушал те доводы, которые он высказал, но я согласиться с ними не могу, и они все падают перед соображением о той цели, которую имела В. Засулич. Ведь не отвергают же того, что именно оглашение дела с Боголюбовым было для В. Засулич побудительною причиною преступления. При такой точке зрения мы можем довольно безразлично относиться к тем обстоятельствам, которые обратили внимание господина прокурора, например, что револьвер был выбран из самых опасных. Я не думаю, чтобы тут имелась в виду наибольшая опасность; выбирался такой револьвер, какой мог удобнее войти в карман: большой нельзя было бы взять, потому что он высовывался бы из кармана, - необходимо было взять револьвер меньшей величины. Как он действовал - более опасно или менее опасно, какие последствия от выстрела могли произойти, - это для Засулич было совершенно **безразлично**. Мена револьвера произведена была без ведения Засулич. Но если даже и предполагать, как признает возможным предполагать прокурор, что первый револьвер принадлежит В, Засулич, то опять-таки перемена

револьвера объясняется очень просто: прежний револьвер был таких размеров, что не мог поместиться в кармане.

Я не могу согласиться и с тем весьма остроумным предложением, что Засулич не стреляла в грудь и в голову гене-адъютанта Трепова, находясь к нему enface, потому только, что чувствовала некоторое смущение, и что только после того как несколько оправилась, она нашла в себе достаточно силы, чтобы произвести выстрел. Я думаю, что она просто не стреляла в грудь генерал-адъютанта Трепова потому, что она не заботилась о более опасном выстреле: она стреляет тогда, когда ей уже приходится уходить, когда ждать более нельзя.

Раздался выстрел... Не продолжая более дела, которое совершала, довольствуясь вполне тем, что достигнуто, Засулич сама бросила револьвер, прежде чем успели схватить ее, и, отойдя в сторону, без борьбы и сопротивления отдалась во власть набросившегося на нее майора Курнеева и осталась не задушенной им только благодаря помощи других окружающих. Ее песня была теперь спета, ее мысль исполнена, ее дело совершено.

Я должен остановиться на прочтенном здесь показании генерал-адъютанта Трепова. В этом показании сказано, что после первого выстрела Засулич, как заметил генерал Трепов, хотела произвести второй выстрел, и что началась борьба: у нее отнимали револьвер. Это совершенно ошибочное показание генерал-адъютанта Трепова объясняется тем весьма понятным взволнованным состоянием, в котором он находился. Все свидетели, хотя также взволнованные происшествием, но не до такой степени, как генерал-адъютант Трепов, показали, что Засулич совершенно добровольно, без всякой борьбы, бросила сама револьвер и не показывала намерения продолжать выстрелы. Если же и представилось генерал-адъютанту Трепову что-либо похожее на борьбу, то это была та борьба, которую вел с Засулич Курнеев и вели прочие

свидетели, которые должны были отрывать Курнеева, вцепившегося в Засулич.

Я думаю, что ввиду двойственности намерения Засулич, ввиду того, что для ее намерений было безразлично последствие большей или меньшей важности, что ею ничего не было предпринято для достижения именно большего результата, что смерть только допускалась, а не была исключительным стремлением В. Засулич, - нет оснований произведенный ею выстрел определять покушением на убийство. Ее поступок должен быть определен по тому последствию, которое произведено в связи с тем особым намерением, которое имело виду это последствие.

Намерение было: или причинить смерть, или нанести рану не последовало смерти, но нанесена рана. Нет основания в этой нанесенной ране видеть осуществление намерения причинить смерть, уравнивать это нанесение раны с покушением на убийство, а вполне было бы справедливо считать не более как действительным нанесением раны и осуществлением намерения нанести такую рану. Таким образом, отбрасывая покушение на убийство как не осуществившееся, следовало бы остановиться на действительно доказанном результате, соответствовавшем особому условному намерению - нанесению раны.

Если Засулич должна понести ответственность за свой поступок, то эта ответственность была бы справедливее за зло, действительно последовавшее, а не такое, которое не было предположено как необходимый и исключительный результат, как прямое и безусловное стремление, а только допускалось.

Впрочем, все это - только мое желание представить вам соображения и посильную помощь к разрешению предстоящих вам вопросов; для личных же чувств и желаний Засулич безразлично, как бы ни разрешился вопрос о юридическом характере ее действий, для нее безразлично быть похороненной по той или другой статье закона. Когда она переступила порог дома градоначальника с решительным намерением разрешить

мучившую ее мысль, она знала и понимала, что она несет в жертву все - свою свободу, остатки своей разбитой жизни, все то небольшое, что дала ей на долю мачеха-судьба.

И не торговаться с представителями общественной совести за то или другое уменьшение своей вины явилась она сегодня перед вами, господа присяжные заседатели.

Она была и осталась беззаветною рабой той идеи, во имя которой подняла она кровавое оружие.

Она пришла сложить перед нами все бремя наболевшей души, открыть скорбный лист своей жизни, честно и откровенно изложить все то, что она пережила, передумала, перечувствовала, что двинуло ее на преступление, чего ждала она от него.

Господа присяжные заседатели! Не в первый раз на этой скамье преступлений и тяжелых душевных страданий является перед судом общественной совести женщина по обвинению кровавом преступлении. Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнителям; были женщины, обагрившие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц, Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, - женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для обществуности нужно призвать кару законную, тогда — да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь!

Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрёка, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самих мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва.

Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников.

Судом присяжных была оправдана.

Речи Амурских государственных обвинителей.

**Речь государственного обвинителя
заместителя прокурора области,
советника юстиции Кучера С. А.
по уголовному делу по обвинению
Кузьменко С.А. по ст.ст. 144 ч. 3,
146 ч. 2 п.п. «а», «б», «в», 102
п.п. «а», «г», «е» и Димовой Ж.В.
по ст.ст. 144 ч. 3, 146 ч. 2 п.п.
«а», «б», «в», 189 ч 1 УК РСФСР.**

УВАЖАЕМЫЕ СУДЬИ!

Жители областного центра содрогнулись от ужаса, узнав о чудовищном преступлении:

27 мая 1992 г. Среди бела дня в своей квартире №35 по пер. Релочному, 9 в г. Благовещенске был зверски убит 8-летний мальчик, ученик 1 класса Белько Игорь.

Был убит невинный ребёнок, никому не причинивший зла, доверчивый, добрый и по малолетству беззащитный и слабый перед грубой силой, наглостью и цинизмом.

Была отнята жизнь у единственного сына Лидии Григорьевны Белько. В тот роковой день в эту маленькую семью вторглись жестокость и бессердечие: в

квартире учинён разбой, убит малолетний ребёнок; совершено столь гнусное деяние, что даже среди преступного мира подобное вызывает сильнейшее отвращение и презрение.

Велико горе Лидии Григорьевны. Горечь утраты разделяют её родные и близкие, дедушка Игоря, сослуживцы, соседи и убеждён, все жители города.

С момента возбуждения уголовного дела и осмотра места происшествия – 27 мая 1992 г. – было ясно, что совершено умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, сопряжённое с разбоем, т.к. кроме убийства мальчика было совершено хищение имущества на сумму 99.140 руб.

И кто знал, что преступные деяния, казалось бы не связанные с трагедией по пер. Релочному, были звеньями одной цепи и деятельности преступной группы.

А звенья эти таковы:

Здесь, в Благовещенск, 9 апреля была совершена кража со взломом двери из кв. 38 по ул. 50 лет Октября, 154 на сумму 32.560 руб. у гр. Марченко А.Ю.

В ночь на 21 мая 1992 года была совершена еще более дерзкая и более крупномасштабная кража со взломом из квартиры Зверевой А.Г. – по ул. 50 лет Октября, 150 кв. 68. В квартире было произведено настоящее опустошение: похищена дорогая импортная мебель и множество вещей на сумму 123695 руб.

20 июля 1992 г. В том же доме, что и 9 апреля, была взломана дверь квартиры № 22 и похищены вещи гр-ки Ермаковой Н.И. на сумму 1880 руб. и её дочери Моргач Е.В. – на сумму 28850 руб., а затем днём, в этом же доме, была взломана квартира №19 и похищено имущество гр-ки Игнатенко Л.В на сумму 4715 руб.

Все эти преступления оставались определённое время нераскрытыми.

Ключом к раскрытию убийства мальчика и квартирных краж послужила находка гр-ки Костенко Г.Т.: 1 июля 1992 г. В контейнере для мусора недалеко от своего дома по ул. Шимановского, 161 она обнаружила мешок с

вещами, среди которых были медицинские документы Белько Игоря; об этом она сообщила в милицию.

Было установлено, что в мешке находились вещи Белько Л.Г. и Зверевой А.Г. Этими вещами связались воедино кража в ночь на 21 мая и убийство 27 мая. Розыскная работа пошла более целенаправленно, тем более что среди краденного числилась дорогая мебель. И вот результат работы следственно-оперативной группы перед вами, уважаемые судьи:

Уголовное дело и двое подсудимых, посмотреть на которых пришло так много граждан.

На скамье подсудимых: несовершеннолетняя Димова Жанна и Кузьменко Светлана.

Товарищи судьи, считаю, что в судебном заседании вина подсудимых полностью подтвердилась.

К доказательствам вины Димовой и Кузьменко в кражах личного имущества граждан относятся, прежде всего, их собственные показания о месте, времени, способе их совершения, наименовании и количестве похищенного; протоколы осмотров обворованных квартир; протоколы обысков по месту жительства подсудимых, во время которых была изъята часть похищенных вещей, которые впоследствии были осмотрены, а затем опознаны потерпевшими; показания потерпевших Марченко, Зверевой, Ермаковой, Моргач, Игнатенко, а также свидетелей Медведева, Васильевых, Вячиной, которые рассказали суду об известных им событиях.

Таким образом, вина Димовой и Кузьменко по ч.3 ст. 144 УК РСФСР полностью доказана исследованными доказательствами в суде.

Анализ доказательств по эпизоду разбойного нападения и убийства Белько следует начать с показаний Кузьменко.

Допрошенная в судебном заседании она полностью подтвердила свои показания, данные на предварительном следствии.

Эти показания убедительны, последовательны и объективны.

Они подтверждаются другими доказательствами и в своей совокупности изобличают Димову в совершении умышленного убийства, сопряжённого с разбойным нападением.

Кузьменко показала суду, что Димова рассказала ей про свою знакомую Белько, говорила, что у неё много дорогих вещей. В конце мая Димова предложила совершить кражу у Белько. 27 мая 1992 г. Утром они вдвоём приехали к дому по пер. Релочному. С собой у них были 2 сумки, гвоздодёр и перчатки. На 4-м этаже Димова показала квартиру, она, Кузьменко, стала с помощью гвоздодёра взламывать дверь, но тут по лестнице поднялся мальчик. Поскольку он поздоровался с Димовой, стал разговаривать с ней, а затем открыл ключом дверь и впустил в квартиру, она поняла, что это был Белько Игорь. Димова попросила Игоря принести воды. Тот пошёл на кухню, открыл кран. Димова взяла из стаканчиков на полочке два золотых кольца. Она спросила Димову, зачем та взяла кольца, ведь мальчик обо всём расскажет. Но Димова ответила: «Мальчика надо прикончить», и пошла на кухню. Кузьменко услышала, как упала кружка, раздался хриплый крик мальчика: «Отпустите, берите всё, только отпустите...», крик был негромкий, его душили. Затем Димова вывела мальчика из кухни, голова его была обмотана полотенцем, он шёл, не сопротивляясь. Димова молча подала знак «действуй», завела Игоря в ванную, заперла дверь. Кузьменко стала собирать вещи и складывать в сумки. Из ванной раздался шум воды, удары. Вышла Димова, взяла из сумки гвоздодёр и снова зашла в ванную. Кузьменко продолжала собирать вещи. Из ванной вышла Димова. Юбка у неё была в крови, она попросила переодеться и Кузьменко подала ей со стула новые джинсовые брюки.

Взяв сумки, они ушли из этой квартиры к себе во времянку, где проживали.

И в тот же день (вечером) уехали в п. Сиваки.

Следует подчеркнуть, что с момента задержания и допроса в качестве подозреваемой и на протяжении всего следствия Кузьменко давала стабильные показания. Подробно о содеянном 27 мая 1992 г. она рассказала

при выходе на место происшествия, при этом применялась видеозапись, которая просмотрена в судебном заседании.

А что же Димова?

Сразу после задержания 9 августа 1992 г. она отрицает не только убийство мальчика либо похищение имущества, но и сам факт пребывания в указанной квартире.

Она показала, что 27 мая 1992 г. с утра ездила на вокзал, купила 2 билета в Сиваки, приехала домой к матери, а вечером пришла к Кузьменко во времяянку. У Светы появились к тому времени новые вещи, Света зачем-то постирала её жёлтую юбку. В 17-15 они уехали с вещами в Сиваки, где продали часть вещей. Когда вернулись, мать рассказала, что убит Белько Игорь. Она догадалась, что Света причастна к убийству.

На следующем допросе 12 августа Димова отказалась от ранее данных показаний, заявив, что Кузьменко предложила совершить кражу из квартиры Белько. У подъезда дома они встретились с Игорем, с ним зашли в квартиру, побыли некоторое время и ушли. Потом Кузьменко показала ей 2 золотых кольца, взятые из этой квартиры. Она, Димова, сказала, что их надо вернуть. Они вернулись в квартиру, мальчика там не было.

После поездки в Сиваки, узнав от мамы, что убит Белько Игорь, она поняла, что это сделала Кузьменко.

На допросе 17 августа 1992 г. Димова смяла протокол допроса и набросилась с кулаками на следователя и на защитника.

В суде Димова вновь повторяла свою версию посещения квартиры Белько, отводя себе роль второстепенной воровки.

Анализ показаний Димовой Ж. явно не в её пользу:

Кроме того, что они непоследовательны и противоречивы, т.к. Димова меняет их, эти показания весьма сомнительны, неубедительны и недостоверны.

Так, вопреки фактическим обстоятельствам, достоверно подтверждающим, что не Кузьменко, а Димова была знакома с семьёй Белько. Димова

утверждает, что предложила совершить кражу Кузьменко. Однако, именно Димова знала и адрес Белько, и состав её семьи, знала, что Лидия Григорьевна должна быть на работе, а Игорь – в школе, именно Димова разузнала и разведала про ценные вещи Белько Л.Г. и буквально охотилась за ними, особенно за золотыми кольцами.

С целью опорочить Кузьменко, Димова заявляет, что Кузьменко хотела добыть деньги, чтобы лечиться от вензаболевания, при этом уверяет, что была справка о наличии у Светы такового. Вот уж поистине: чтобы ложь была убедительной, она должна быть чудовищной. Кузьменко опровергла это заявление; кроме того, к делу приобщены документы из медчасти следственного изолятора и облкожвендиспансера о том, что Кузьменко никакими вензаболеваниями не страдала и не страдает, на учёте не стояла, и что справки о наличии и либо отсутствии вензаболеваний на руки частным лицам не выдаются.

Димова уверяет, что они встретили Игоря у подъезда, а Кузьменко настаивает на том, что встретили его у дверей квартиры, причём перед этим она пыталась гвоздодёром открыть дверь.

Показания Кузьменко подтверждаются осмотром двери, на которой обнаружены следы гвоздодёра, и показаниями потерпевшей Белько Л.Г., заметившей повреждения на дверном косяке. Димова пытается убедить суд, что не она, а Кузьменко похитила золотые кольца. Но потерпевшая Белько Л.Г. окончательно развеяла даже малейшие сомнения насчёт этого, пояснив, как Димова выведала о месте хранения золотых изделий.

Кузьменко показала, что Димова вела Игоря из кухни, обмотав его голову полотенцем. Потерпевшая пояснила, что в тот страшный день она в ванной обнаружила кухонное полотенце, ранее висевшее на кухне.

На допросах Димова не могла назвать, где были конкретно взяты вещи при похищении, она назвала лишь магнитофон, находившийся на видном месте – на столике. Кузьменко подробно поясняет, в каком месте и что взято из ниши, из шифоньера и т.д., что ещё находилось в шкафу и других местах.

При ограничении во времени каждая из них выполняла свою роль: Кузьменко собирала вещи, а Димова убивала мальчика. Именно Димова переделалась после совершения убийства в джинсы, которые так и остались у нее и были впоследствии изъяты.

По инициативе Димовой после обнаружения среди краденных вещей меддокументов убитого мальчика они выбрасывают часть этих вещей и меддокументы в мусорный контейнер.

Наконец, именно Димова прячет оружие убийства – гвоздодёр.

О том, кто был организатором совершения разбойного нападения на квартиру, убедительно свидетельствуют показания потерпевшей Белько Л.Г.

Она пояснила суду, что Димову Жанну знает очень хорошо. Димова неоднократно бывала у нее в квартире, расспрашивала, какие новые вещи она купила, есть ли у неё золотые изделия. Не придав этому значения, Белько показала ей два золотых кольца.

Однажды Димова приходила вечером, просилась ночевать, но Белько Л.Г. её непустила. Через некоторое время Димова приходила днём, когда дома был один сын Игорь, но дверь была заперта на замок. Игорь рассказал, что Димова просила открыть дверь, но без ключа он это сделать не смог.

Вне всякого сомнения, товарищи судьи, что Димова давно замышляла похитить вещи, в т.ч. золотые изделия. Именно ей, а не Кузьменко, было известно, что утром Лидия Григорьевна уходит на работу, а Игорь – в школу.

Как пояснила потерпевшая, когда она в тот трагический день обнаружила убитым своего сына, а затем в ходе осмотра места происшествия называла похищенные вещи, она увидела, что на трюмо отсутствуют предметы косметики – тени, бывшие в употреблении. Ещё тогда она предположила, что это дело рук молодых девушек, позарившихся даже на использованные тени.

Потерпевшая опознала все вещи, похищенные у неё и изъятые у подсудимых. Димову она характеризует крайне отрицательно и это – не

результат возникших неприязненных отношений, т.к. такие отрицательные характеристики дают Димовой и другие свидетели.

Везде, во всех преступлениях, Димова занимает лидирующее положение.

Димова первая ушла из дому, первая начала так называемую «самостоятельную жизнь» и добычу средств к существованию, первая самостоятельно совершила кражу. Затем к ней присоединилась Кузьменко. Вторую кражу также организовала Димова. Свидетель Медведев пояснил, что Димова командовала, руководила, покрикивала на него и Кузьменко при выносе мебели.

Хозяйка времянки Красуля также показала, что главной среди её двух квартиранток была Жанна, которая делила вещи, распоряжалась ими, она же нанимала квартиру и вносила плату за неё.

Свидетель Браженова, к которой приехали Кузьменко и Димова с похищенным, также отметила, что Жанна верховодила, командовала Светой и в гостях вела себя как хозяйка.

Согласно заключению судебно-психологической экспертизы Димова в этой группе является лидером, а Кузьменко – ведомой. Главные черты характера Димовой: активность, демонстративность, стремление к лидерству; у Кузьменко – невысокий уровень активности, высокая зависимость от лидера.

Свидетель Яненко Л.Р. показала, что знает Димову по месту жительства только с отрицательной стороны: Жанна наглая, дерзкая. Опасаясь, что Димова окажет отрицательное влияние на сына, она не пускала Жанну домой, предлагала уйти, но Димова всегда упорно настаивала на своём.

Из показаний сына Яненко следует, что в начале августа к нему подошла Жанна и попросила взять на хранение сумку, в которой была выдерга, топор и перчатка. Гвоздадёр изъят и приобщён к уголовному делу.

Согласно заключению судебно-биологической экспертизы на выдергегвоздодёре обнаружена кровь Белько Игоря. Вывод физико-технической экспертизы однозначен: дырчатый перелом черепа Игоря Белько возник от удара левой лапкой лапчатого конца гвоздодёра.

Всё это свидетельствует о том, что орудием убийства был гвоздодёр. И это орудие преступления прятала Димова.

У отчима Димовой Васильева Н.В. изъяты джинсовые брюки. Он пояснил суду, что брюки принадлежат Жанне, полагал, что она их купила, а потерпевшая Белько опознала эти джинсы как похищенные в день убийства Игоря 27 мая 1992 года.

Эти доказательства ещё раз подтверждают показания Кузьменко о том, что Димова переделалась после убийства мальчика в джинсовые брюки. Кроме того, в пос. Сиваки у гр-ки Браженовой изъято китайское одеяло, оставленное там на хранение Димовой и Кузьменко, а у гр-на Павелицина – магнитофон «Интернациональ», проданный ему подсудимыми.

В квартире родителей Кузьменко изъят детский костюмчик, проданный Светланой Кузьменко своей матери.

Во времянке, где жили Кузьменко и Димова, обнаружена и изъята белая блузка. Все вышеперечисленные вещи опознаны потерпевшей Белько Л.Г.

При осмотре места происшествия в ванной было обнаружено кухонное полотенце, а также старые колготки – орудия удушения мальчика. Там же, в ванной, обнаружены волосы погибшего – 2 вырваны, 2 отделены твёрдым предметом с заострёнными краями – гвоздодёрами.

Согласно заключению судмедэкспертизы смерть Белько Игоря наступила от механической асфиксии в результате сдавливания шеи петлей при удавлении.

Смерть наступила в период с 10 до 11 часов 27 мая 1992 года. Кроме того, в области мягких тканей головы имеется 11 ран, рана на безымянном пальце правой руки, 19 кровоподтёков на различных частях тела: на лице,

руках, ногах, перелом костей свода основания черепа, кровоизлияние в правую височную область, ушиб ткани головного мозга в правой височной области, множество мелких ссадин на различных участках тела.

Эти повреждения возникли от ударов тупым твёрдым предметом с гранями со значительной силой, через очень короткий промежуток времени, сверху вниз, при положении потерпевшего лицом к нападающему.

Товарищи судьи, способ убийства, который осуществила Димова для лишения жизни Игоря Белько, вне всякого сомнения свидетельствует об особой жестокости содеянного: вначале – придушение полотенцем, затем нанесение ударов по различным частям тела, удушение колготками, удары гвоздодёром с переломом костей черепа, утопление в воде – мальчик трижды был убит. Множественные телесные повреждения носят пожизненный характер. Димова осознавала, что причиняет особые страдания, мучения мальчику и желала этого.

Поэтому считаю, что содеянное Димовой правильно квалифицировать по ст. 102 п.п. «а», «г», «е» УК РСФСР – умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах из корыстных побуждений, выразившихся в желании завладеть имуществом, обогатиться; совершённое с особой жестокостью; с целью скрыть другое преступление – разбой.

Правильно квалифицировано по ст. 146 ч.2 п. «а», «б», «в» УК РФ деяние Димовой и Кузьменко – разбой, совершённый по предварительному сговору группой лиц, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением телесных повреждений.

При этом роли соучастников были неодинаковы: Димова – организатор разбоя и активный исполнитель; Кузьменко – соисполнитель разбойного нападения: она, заведомо зная, что Димова устраняет препятствие – мальчика, не отказалась от похищения имущества, не предотвратила это деяние, не ушла, а воспользовалась данной ситуацией и похищала вещи из квартиры, но это была не кража и не грабёж, т.к. Кузьменко понимала, что

над мальчиком учинено насилие, опасное для жизни, она знала, что Димова убивает его.

Кроме того, Кузьменко обвинялась по ч. 1 ст. 189 УК РСФСР в заранее не обещанном укрывательстве убийства, выразившемся в том, что, увидев Димову в окровавленной юбке и, понимая, что она лишила жизни Белько Игоря, дала ей джинсовые брюки, чтобы переодеться.

Принимая во внимание, что Димова и Кузьменко образовали устойчивую группу для совершения преступлений, продолжали свои преступные действия и после убийства Белько Игоря, Кузьменко также причастна к преступлению, совершённом в отношении мальчика, считаю, что в её действиях отсутствует состав недонесения. Исходя из этого, Кузьменко по ч. 1 ст. 189 УК должна быть оправдана.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Столь тяжкие и жестокие преступления совершены вовсе не гангстерами и бандитами, а совсем юными девушками.

Что можно ещё сказать о них?

Кузьменко Светлана Анатольевна, 6 января 1974 года рождения, характеризуется в школе и в СПТУ положительно, все свидетели характеризуют её только с положительной стороны. Несомненно, что отрицательное влияние на неё оказала Димова, несмотря на то, что Димова моложе её.

Димова Жанна Викторовна, 15 июля 1975 года рождения, в школе характеризуется удовлетворительно, после школы училась в СПТУ, но бросила его и дальше не училась и не работала, свидетели характеризуют Димову только с отрицательной стороны.

Обстоятельством, смягчающим ответственность Кузьменко, является активное содействие раскрытию преступления, отягчающим обстоятельством следует признать совершение ряда преступлений в состоянии алкогольного опьянения.

Обстоятельств, смягчающих ответственность Димовой, кроме несовершеннолетия, не нахожу.

Обстоятельствами, отягчающими её ответственность, должны быть признаны: совершение преступления в отношении малолетнего и совершение ряда преступлений в состоянии алкогольного опьянения.

Подлежат ли наказанию Димова и Кузьменко? Безусловно! Они достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность за все совершённые ими деяния.

Согласно заключениям судебно-психиатрических экспертиз подсудимые признаны вменяемыми.

Ваше решение, уважаемые товарищи судьи, ожидают потерпевшие, их близкие и знакомые, все они ждут, когда же меч правосудия опустится на виновных, они надеются, что наказание будет достаточно суровой карой за содеянное. Ваш приговор ждут жители города, потрясённые совершённым. Ваш приговор нужен государству и обществу в целях предупреждения новых преступлений, как грозная профилактическая мера.

Вероятно, с ещё большим нетерпением ожидают Вашего решения подсудимые.

С учётом тяжести содеянного, активной роли в совершении преступлений против личности, считаю, что Димова подлежит наказанию с максимально предусмотренным для несовершеннолетних сроком лишения свободы.

Кузьменко также считаю подлежит наказанию, связанному с лишением свободы.

На основании изложенного предлагаю: признать Димову виновной в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 144 ч. 3, 140 ч. 2 п.п. «а», «б», «в», 102 п.п. «а», «г», «е», а Кузьменко по ст.ст. 144 ч. 3 и 146 ч. 2 п.п. «а», «б», «в» и назначить:

Димовой Ж.В. по ст. 144 ч 3 – 6 лет лишения свободы с конфискацией имущества, по ст. 146 ч.2 п.п. «а», «б», «в» - 9 лет лишения свободы, по ст. 102 п.п. «а», «г», «е» - 10 лет лишения свободы без ссылки.

В соответствии со ст. 40 УК РСФСР путем поглощения менее строгих наказаний более строгим окончательно определить ей наказание – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества без ссылки, с отбыванием в ИТК общего режима.

Кузьменко С.А. – по ст. 144 ч. 3 – 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества, по ст. 140 ч. 2 п.п. «а», «б», «в» - 7 лет лишения свободы с конфискацией имущества. В соответствии со ст. 40 УК РСФСР путем поглощения менее строгого наказания более строгим определить наказание 7 лет лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием в ИТК общего режима.

Кузьменко по ст 189 ч. 1 УК РСФСР оправдать.

Взыскать с Димовой и Кузьменко в солидарном порядке:

В пользу Белько Л.Г. – 329500 руб.

В пользу Зверевой А.Г. – 38900 руб.

Игнатенко Л.В. – 3715 руб.

Моргач Е.В. – 77000 руб.

Кроме того, взыскать с Димовой в пользу Марченко А.Ю. 8500 руб., а также в пользу страховой фирмы «Приамурье» 17000 руб.

Справка: Учитывая, что наиболее сложные по доказыванию преступления были связаны с нападением на Белько Игоря и его убийством, в речи сохранена доказательственная часть, связанная с этими преступлениями. Доказательства краж опущены при подготовке речи к изданию.

Приговоры судебной коллегии Амурского областного суда от 21.03.93 Димова осуждена по ст.ст. 144 ч. 3, 146 ч. 2 п.п. «а», «б», «в», 102 п.п. «а», «г», «е» УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТК общего режима с конфискацией имущества.

Кузьменко С.А. осуждена по ст.ст. 144 ч. 3, 146 ч.2 п.п. «а», «б», «в» к 7 годам лишения свободы с конфискацией имущества без ссылки с отбыванием в ИТК общего режима.

**Речь государственного обвинителя
помощника прокурора Амурского области
по надзору за исполнением законов
о несовершеннолетних младшего
советника юстиции Горжея В.Я. по
уголовному делу по обвинению
Коростелева Анатолия. Владимировича
по ст.ст. 117 ч.4, 120 и 210 УК РСФСР.**

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Среди преступлений против личности половые преступления носят особо опасный характер, и в первую очередь наиболее тяжкое из них - изнасилование.

В этом преступлении проявляется грубое, пренебрежительное, циничное отношение к женщине, особенно нетерпимое в обществе.

Еще большую опасность представляет это преступление в случаях, когда его жертвой оказываются малолетние, так как при изнасиловании - нарушается неприкосновенность будущей женщины-матери, нарушается их физическое развитие, отрицательное воздействие оказывается на их нравственное, формирование, моральное и психическое состояние. То есть при изнасиловании малолетних им причиняется ничем неизмеримый вред.

Учитывая опасность данного вида преступления, закон устанавливает повышенную уголовную ответственность за совершение его при отягчающих обстоятельствах, к которым, наряду с другими, относится изнасилование малолетней.

К глубочайшему сожалению, все чаще в оперативных сводках о совершенных на территории области преступлениях сообщается о фактах изнасилования малолетних, о чем нельзя читать без содрогания.

И вот сегодня суд рассматривает уголовное дело именно о таком преступлении. Однако это дело отличается своей необычностью, поскольку на скамье подсудимых находится отец, совершивший циничные преступления в отношении своих малолетних детей.

В судебном заседании были подробно рассмотрены все обстоятельства совершенных Коростелевым преступлений.

20 ноября 1992 года четверо малолетних детей остались дома вместе со своим родным отцом, поскольку мать уехала в г. Свердловск (Екатеринбург) по семейным делам. Не могла она, конечно, предположить, что ее, отсутствие обернется для всей семьи трагедией. Не могли и дети предполагать этого. А вот глава семьи, отец своих детей, использовал отсутствие жены для своих черных дел. После ее отъезда, вместо того, чтобы заботиться о малолетних детях, он беспробудно пьянствовал.

Всем известно, что от рюмки к преступлению всего один шаг» •и этот, роковой шаг подсудимый сделал.

Все дети пояснили, что, сразу же после отъезда матери отец пил водку, практически постоянно был пьян. Как отметила, при допросе потерпевшая Коростелева Алена: "Напьется, спит, пока протрезвеет, потом снова напьется".

И вот буквально через несколько дней подсудимый вместе с Козинцевым.Е.В., мужем сестры, дома употребляет большое количество спиртного.- Это видят его малолетние дети. После ухода Козинцева подсудимый; несмотря на категорический отказ детей, заставляет их выпить

спиртное, пользуясь 'своим отцовским влиянием на детей» которые, боясь отца, не смогли ему отказать. С большим трудом детям удалось пойти спать. Однако не всем им суждено было спокойно спать в эту роковую ночь 23 ноября 1992 года. Примерно в 24 часа подсудимый с целью удовлетворения своей похоти будит 12-летнюю дочь Алену, которая в этот вечер по его настоянию употребила" спиртное, и уводит ее в другую комнату, где в нецензурной форме предлагает ей вступить с ним в половую связь. Заставляет дочь снять трусики, а т.к. она отказалась, сам снял с нее трусики, полностью разделся сам и, воспользовавшись состоянием малолетней дочери, зная, что она не окажет ему, никакого сопротивления, совершил с ней насильственный половой акт.

Совершив насилие над дочерью, подсудимый спокойно покурил и продолжил свои насильственные действия, изощряясь в изобретательности. Заставил дочь принести табурет и, стать возле табурета в соответствующую указанную им позу, после чего совершил с ней насильственные половые акты в естественной и извращенной форме.

Издевательства (другими словами это не назовешь) подсудимого над дочерью продолжались несколько часов. На неоднократные просьбы дочери отпустить ее, что, ей больно, подсудимый не реагировал, а заставлял молчать, иначе "даст ей в ухо". Только под утро он отпустил, дочь спать.

Через день все повторилось. Опять пьянка, опять заставлял детей употребить спиртное, ну а 'далее - снова циничные издевательства над малолетней дочерью, на этот раз до самого утра он не отпускал дочь от себя.

Таковы обстоятельства дела, такие преступления совершены, Коростелевым.

Подсудимый Коростелев вину свою ни на предварительном следствии, ни в суде не признал, поясняя, что был пьян и ничего не помнит. И в то же время, он неоднократно пояснял, что верит своим детям, то есть практически согласился с тем, что то, о чем они говорят, в действительности имело место.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Несмотря на такую позицию подсудимого, полагаю, что его вина нашла полное подтверждение.

Потерпевшая Коростелева Алена на следствии и в судебном заседании пояснила, что когда мама уехала в Свердловск, они остались с: отцом, который стал пить водку с дядьками. Напьется, спит пока протрезвится, потом снова напьется. Где-то на третий день после отъезда мамы он пил вечером с дядьками, а когда те ушли, стал заставлять их пить спирт. Они не хотели, но он заставил. Потом отец заснул за столом. Она легла спать с сестрой Леной. Ночью отец разбудил ее и позвал спать с собой. Она не хотела, но он отвел ее к себе на диван, стянул с нее трусики и сказал нецензурно, что будет с ней кое-чем заниматься. Затем снял с себя трусы и лег на нее, стал вводить половой член в ее половые органы. Она говорила, что ей больно, но он ответил, чтобы она молчала, а то "даст в ухо". Потом он встал, пошел, покурил и вернулся. Сказал, чтобы она вставала, наклонившись к табуретке. Ока попросила отпустить ее, но он сказал, что ничего, потерпит. Он поставил ее к табуретке, наклонил и ввел свой половой член ей сзади. Ей было больно, она сказала ему об этом, и тогда он ее отпустил. В комнате у отца она была долго. Взял он ее в 12 часов или в 1 час ночи, а отпустил часа в 4 или позже, т.к. уже светало.

В этот же день о случившемся она рассказала Лене. Отец весь день спал, а вечером снова пил с дядей Женей. Когда тот ушел, отец опять заставил их выпить водку. Потом все пошли спать, а ее он позвал "усыпить его". Она пошла с ним, и опять все повторилось, отец ложился на нее сверху и "дергался", ей говорил, чтобы она тоже "дергалась". В эту ночь отец ее не отпустил, и она до утра спала с ним.

Свидетели Коростелева Лена, Коростелев Олег, Коростелев Вадик подтвердили показания потерпевшей о том» что отец их после отъезда мамы пьянствовал и заставлял их пить спиртное два раза, а Олега 3 раза. Кроме

того, Коростелева Лена показала, что она видела один раз, как отец снимал с сестры Алены трусики. О том, что случилось дальше, ей рассказала Алена, а она потом рассказала маме, когда та приехала. Коростелев Вадик также пояснил, что один раз ночью он пошел в туалет и видел, что Алена и отец были полностью раздетые и отец лежал сверху на Алене, а та плакала.

Законный представитель малолетней потерпевшей Коростелева Любовь Романовна показала, что примерно 17-18 ноября, (точно она не помнит) 1992 года она уехала в Свердловск. Когда вернулась 2 декабря, обратила внимание, что дети какие-то замкнутые, муж раздраженный. Дочь Алена постоянно уединялась. Дня через два после приезда пошла с дочерью Леной в магазин, и Лена рассказала ей о том, что отец их спаивал и совершил насилие в отношении Алены, Алена в школе ей это подтвердила.

Дети рассказали ей, что он напоил их, Алену даже на руках занес в кухню, заставил пить спирт. Олег вообще был пьян. Потом понес Алену на кровать, целовал как женщину. Ложился на нее сверху, ей было больно. Она спросила у Алены, как она терпела. Алена ответила: "А что было делать?". Алена говорила, что отец ставил ее к табуретке и насиловал сзади, заставлял ее брать в рот половой член, но она плюнула на него. Лена говорила ей, что она видела один раз, как отец, лежал на Алене.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Полагаю, что доказательств, и исследованных в судебном заседании, достаточно, чтобы подтвердить виновность подсудимого в совершении инкриминируемых ему преступлений.

Проведенной судебно-психиатрической экспертизой установлено, что Коростелев психическими заболеваниями не страдает. В период времени, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, у него не было какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности. Он

находился в состоянии простого алкогольного опьянения, мог отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Поэтому он признан вменяемым

Его ссылка на то, что ничего не помнит о происшедшем по причине алкогольного опьянения - это просто избранный способ защиты. Ему просто стыдно признаться в содеянном. Он недоумевает в судебном заседании: почему после первого случая дочь Алена ничего не рассказала ни ему, ни его сестре, тогда бы не было второго случая?! По-моему, этим вопросом подсудимый сам доказывает, что факты имели место.

Таким образом, подсудимый сознавал, что совершает изнасилование своей малолетней дочери. Знал он и то, что дочь в силу своего малолетнего возраста и специфики отношений между отцом и дочерью не окажет ему какого-либо активного сопротивления, т.е. он использовал беспомощное состояние потерпевшей. Беспомощное состояние потерпевшей означает отсутствие у нее физической возможности воспротивиться вступлению в половое сношение либо отсутствие возможности правильно понимать сущность и характер совершаемых с ней сексуальных действий или руководить в этой ситуации своими поступками.

Суд убедился при рассмотрении дела, что потерпевшая находилась именно в таком состоянии. Она в силу своего малолетнего возраста не понимала сущность и характер совершаемых с нею подсудимый действий. Кроме того, полная зависимость дочери от отца, боязнь его, боязнь, что возражения на его действия могут повлечь физическую расправу, не позволили ей оказать ему сопротивление. Даже ее просьбы к отцу отпустить ее, поскольку ей больно, вызвали с его стороны угрозы: "Молчи, а то в ухо дам".

Действия подсудимого образуют состав преступления, предусмотренный ч.4 ст.- 117 УК РСФСР - изнасилование малолетней с применением физического насилия, использованием беспомощного состояния потерпевшей, совершенное лицом, ранее совершившим изнасилование.

Несмотря на то, что при проведении судебно-медицинской экспертизы потерпевшей у нее никаких телесных повреждений не обнаружено, целостность девственной плевы не нарушена, считаю, что изнасилование было окончено.

Потерпевшая пояснила, что когда отец совершал свои действия, ей было больно, о чем она ему говорила, кричала. То есть подсудимый в моменты изнасилования глубоко в половые органы дочери и в анальное отверстие половой член не вводил. И его остальные действия ("дергался", заставлял ее "дрыгаться") свидетельствуют именно о совершении половых актов.

Отсутствие у потерпевшей каких-либо повреждений, характерных для изнасилования, объясняется тем, что факты изнасилования имели место 23 и 25 ноября 1992г., а судебно-медицинская экспертиза проводилась только 09 12 92г. Мать же потерпевшей в суде пояснила, что видела у дочери покраснение в области половых органов сразу после того, как ей сказали, о случившемся, а на экспертизу пошли через несколько дней.

Таким образом, насильственные действия подсудимого, совершенные в отношении дочери, следует квалифицировать именно как оконченный состав преступления, предусмотренного ч.4 ст. 117 УК РСФСР.

В Постановлении Пленума Верховного Суда от 22 04 92г. № 4 "О судебной практике по делам об изнасиловании" сказано, что изнасилование следует считать оконченным преступлением с момента начала полового акта, независимо от его последствий.

В то же время, следствием излишне оба эпизода изнасилования (23 и 25 ноября 1992г.) квалифицированы самостоятельно. Такое решение о квалификации было бы правильным, если бы имели место факты изнасилования, предусмотренные разными частями ст. 117 УК РФ. Поэтому оба факта изнасилования по данному делу следует квалифицировать только один раз по ст. 117 ч. 4 УК РФ с отражением перечисленных квалифицирующих признаков. Действия подсудимого также

квалифицированы по ст. 120 УК РСФСР, т.е. развратные действия в отношении своей второй малолетней дочери Елены, выразившиеся в том, что он совершал изнасилование Алены в ее присутствии.

Однако, ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании совершение данного преступления подтверждения не нашло, т.к. доказательств, что Коростелев осознавал, что насилует Алену в присутствии Елены не добыто. В связи с этим в этой части обвинения Коростелев должен быть оправдан.

Вина Коростелева в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РСФСР - вовлечение несовершеннолетних детей Алены и Олега в пьянство - полностью подтвердилась в судебном заседании. Все дети Коростелева, допрошенные в суде, подтвердили эти факты, о чем мною ранее подробно уже было сказано. Таким образом, действия подсудимого по ст. 210 УК РСФСР квалифицированы правильно.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

На скамье подсудимых - мужчина 32-летнего возраста, психически полноценный, отец четверых малолетних детей, совершивший циничные преступления в отношении своих же кровных детей.

Чем объяснить животное, низменное влечение к совершению таких преступлений? Аморальное поведение, злоупотребление спиртным, половая распущенность вот что отличает Коростелева. Ему было все равно, кто перед ним, лишь бы это было лицо противоположного пола, а то, что это его родная дочь - ему было безразлично. Половые инстинкты оказались для него превыше всего. Убедившись, что о случившемся первый раз дочь никому не рассказала, он повторно совершает ее изнасилование. Он умело использует свое отцовское влияние на дочь и остальных детей, знает, что они, боясь его, никому ничего не расскажут.

И что было бы дальше, если бы дочери не рассказали о случившемся приехавшей матери? Трудно представить дальнейшие события. Отца-изверга вовремя остановили.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

В период судебного заседания Вы видели реакцию детей, особенно девочек Лены и Алены, когда они увидели своего отца. Слезы градом катились по их щекам, они не могли говорить спокойно о случившемся. Только очень черствый, безжалостный человек не поймет то горе, которое принес в семью родной отец. Это были не слезы жалости об отце, которого они не видели 9 месяцев, а остатки невыплаканных слез по поводу его издевательств над ними. Вы помните, что сказал в суде самый маленький 9-летний Вадик?

Он сказал честно и прямо: "Я не люблю, папку!" Это приговор сына отцу.

Сидящий на скамье подсудимых - простой рабочий человек. И Соседи, и его родственники говорят, что он трудолюбивый. Из производственной характеристики также видно, что он к работе относился добросовестно. В то же время, пристрастие к спиртному, как это видно из бытовой характеристики, из показаний допрошенных в Суде свидетелей, привело его на скамью подсудимых. Именно алкогольное опьянение способствовало совершению преступления, поэтому это обстоятельство прошу признать как отягчающее. Вместе с тем, отягчающее обстоятельство – «совершение преступления в отношении малолетнего», необходимо исключить, поскольку, вменяется подсудимому как квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного ч.4 ст.117 УК РФ.

Обстоятельств, смягчающих ответственность Коростелёва, я не нахожу.

УВАЖАЕМЫЙ СУД!

Я предлагаю признать Коростелева Анатолия Владимировича виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.210, 117 ч.4 УК РФ. С учетом обстоятельств дела и личности подсудимого определить ему наказание: по ст.210 УК РФ - 4 года лишения свободы, по ч.4 ст. 117 УК РФ - 10 лет лишения свободы. На основании ст. 40 УК РФ, руководствуясь принципом поглощения менее строгого наказания более строгим, окончательную меру наказания подсудимому Коростелеву определить 10 лет лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК общего режима. •

По ст. 120 УК РФ подсудимого Коростелева прощу оправдать.

Срок наказания исчислять с 7 декабря 1992 года.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 08 09 93г. Коростелев А.В. осужден по ст.210 УК РСФСР к 4 годам лишения свободы, по ст. 15-117 ч.4 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы; на основании ст. 40 Ж РСФСР менее строгое наказание поглощено более строгим и окончательно определено наказание 8 лет лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК общего режима.

Речь государственного
обвинителя
прокурора амурской области
государственного советника
юстиции 3 класса Тёркина
В.Е.
по делу Латыпова Урала
Георгиевича,
обвиняемый в хищении золота.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Амурская область богата полезными ископаемыми, в том числе и золотом, по запасам которого она занимает одно из ведущих мест в

России. Добыча золота в последнее время в Амурской области резко возросла, одновременно возросло и число лиц, желающих обогатиться за счёт государства, которые ищут различные способы, с помощью которых можно похитить золото. Один из таких расхитителей – сторож старательской артели «Северная» Латыпов - сегодня на скамье подсудимых.

Латыпов У.Г. работал в течении 11 лет работал старателем в различных старательских артелях и хорошо знал способы добычи и переработки золота. 1 ноября 1991г. Латыпов был принят на работу сторожем центральной базы Майского старательской артели «Северная», расположенной в Мазановском районе. К этому времени закончился производственный сезон, и все старатели уехали в отпуска. Вместе с Латыповым сторожем был назначен Кузнецов А.В. в их обязанности входило охрана жилых домов, оборудования и техники. Контейнеры с золото содержащим металлом им не передавались Кузнецов в апреле 1992 г. Заболел и уехал с участка. Оставшись один без контроля, Латыпов имел доступ на участки месторождения золота «Северная», «Будаки», «Татарка» и из корыстных побуждений с целью хищения золота неоднократно похищал из контейнеров у золото приёмных касс и из-под колоды промывочного промпребора золото содержащие шлихи, которые которые промывал кустарным способом при помощи чашки и щётки, добывая таким способом шлиховое золото.

20 апреля 1992 г. Латыпов впервые намыл из контейнера на участки «Будаки» около 40 гр. Шлихового золота. В июне Латыпов дважды похищал из контейнеров этого участка золото содержащие шлихи и намыл из них в общей сложности 115 гр. шлихового золота. В мае-июне 1992 г. Латыпов похитил из контейнера на участке «Северный» 7 тазов золотосодержащих шлихов и , промыл 5 тазов тазов намыл около 50 гр. шлихового золота. Два других таза со шлихами он спрятал, впоследствии

Латыпов выдал из их добровольно работникам милиции. Из них было намыто 43 гр. 690 млгр. Шлихового золота.

На участке «Татарка» Латыпов примерно 6 раз брал из-под колоды промывочного центра золото содержащие шлихи и аналогичным способом намыл из них около 100 гр. шлихового золота.

Всего Латыпов похитил 380 гр. 900 млгр. шлихового золота, которое он надёжно спрятал в различных местах в лесу. 3 сентября 1992 г. При задержании Латыпов добровольно отдал работникам милиции всё похищенное им шлиховое золото. Средняя проба похищенного золота - 885,5.

С учётом стоимости 1420 руб. за 1 гр. химически чистого золота, Латыпов причинил материальный ущерб государству в особо крупном размере на сумму 426907 руб.38 коп.

Подсудимый Латыпов У.Г. как на предварительном следствии, так и на судебном заседании, виновным себя в предъявленном ему обвинении себя не признал. Однако, данные им показания фактически подтверждают вину Латыпова в хищении золота.

Он пояснил, что около 11 лет работал старателем. С 1 ноября 1992 г. Он был переведён сторожем на участок «Северный». С апреля 1992 г. Вторым сторожем был Кузнецов, который заболел и уехал с участка. В его обязанности входило охрана оборудования жилых домов и других материальных ценностей. Контейнеры, где хранились золото содержащие шлихи, ему на хранение не передавались. В ноябре 1991 г. После выступления по радио одного из депутатов Верховного совета о том, что разрешается старательская работа для граждан, у него возник умысел намыть золото, потом сдать его в артель чтобы получить первоначальный капитал. Начиная с 20 апреля 1992 г., он начал мыть золотые шлихи, которые брал из контейнеров. В начале мыл на участке «Будаки», где в первый же день намыл 40 гр. шлихового золота. Неоднократно он промывал золото на участке «Северный» и «Татарка». Он понимал, что

нельзя без лицензии мыть золото. Намытое золото прятал в пузырьке, в стакане, хотел задать в конце старательского сезона.

В сентябре 1992 г. На участок приехали работники милиции, которые предложили сдать золото, если оно есть. Он добровольно сдал всё намытое золото. Всего намыл как оказалось 380 гр. 900 млгр.

Он признаёт себя виновным в нарушении правил разработки недр и сдачи государству золота, но не в хищении золота.

ТОВАРИЩИ СУЬИ!

Утверждение Латыпова У. Г. О том, что его действия являются нарушением правил разработки недр и сдачи государству золота и не образуют состава хищения, несостоятельно.

Свидетель Ким, работающим председателем артели старателей «Северная», подтвердил, что участок «Татарка», «Будаки», «Северная», переданы согласно договору артели «Северная». Участки были не списаны, действующие, и разработка на них была разрешена до января 1994 г. Латыпов был принят в качестве сторожа, и мыть золото он не имел права, т.к у него не было лицензии.

Свидетель Недодозов К. Г., работающим главным обогатителем в ассоциации «Амурзолото», пояснил, что по действующей технологии отработанные шлихи, в котором находится золотосодержащие концентрат, собирают в контейнеры и отправляют для дальнейшей переработки на завод с целью дальнейшего извлечения золота.

В п.40 действующей инструкции по обеспечению сохранности золота на горнодобывающих предприятиях цветной металлургии говорится, что золото содержащие шлихи сдаются по акту строгой отчётности для последующей переработки на шлиха обрабатывающих установках (ШОУ) для получения золота.

Это позволяет сделать вывод, что золото содержащие шлихи, находятся в контейнерах, является продуктом незавершенного цикла производства и принадлежит государству и, следовательно, любое изъятие

золото содержащих шлихов, их переработка и получения золота является хищением государственного имущества.

Кроме показания подсудимого, свидетелей, вина Латыпова в хищении золота подтверждается и другими доказательствами имеющимися в материалах уголовного дела исследованными в судебном заседании.

В соответствии с протоколом от 30.09.92 г. , у Латыпова изъяты стакан, баночка из-под горчицы и бутылка из-под лекарства ёмкостью 50 гр., в которых находится металл жёлтого цвета в виде песка. Общий вес составил 380 гр.900млгр.

Из заключения экспертиз следует однозначный ответ, что, металл изъятый у Латыпова, представляет собой самородное золото с месторождений «Будаки», «Татарка», «Северный» Средняя валютная проба золота 861,5, получено оно из шлиховых концентратов не ранее 1992г.

При проведении следственного эксперимента и проверки показаний на месте, записанной на видеокамеру просмотренной судом, Латыпов добровольно показал контейнер, откуда он брал золото содержащие шлихи процесс обработки шлихов и места, где он в течении 5 месяцев прятал намытое золото.

Приведённые доказательства дают мне основания утверждать, что вина Латыпова в хищении золота доказана.

Действия Латыпова следственные органы квалифицировали по ст.95 УК РСФСР. Как хищение, совершённое в форме кражи в особо крупном размере.

Считаю, что квалификация правильная. Действия Латыпова не подпадают под признаки преступления, предусмотренной ст. 167 УК РСФСР устанавливающий ответственность за нарушение правил разработки и сдачи государству золота по следующим основаниям:

1)Предметом преступления по ст.167 УК являющиеся находящиеся в естественном состоянии драгоценные металлы (золото, платина и др.)

Здесь же Латыпов разрабатывал не недра, а шлихи, в который был вложен человеческий труд, и Латыпов разрабатывал шлихи на золотоносных площадях уже разведённых, куда были затрачены материальные средства, в частности, проведены изыскательские работы, была проведена разведка и проведена добыча шлихов. Если бы Латыпов разрабатывал недра на неразработанных золотоносных территориях, то можно было квалифицировать его действия по ст. 167 УК РСФСР.

2) Как пояснил на суде Латыпов, лицензию на разработку и добычу золота он не получил, он понимал, что мыть золото из шлихов нельзя, у него был умысел на тайное хищение - он мыл тайно когда второго сторожа не было.

3) Умысел у Латыпова был присвоить золото, это подтверждено тем, что намывное золото он спрятал и спрятал надёжно. В течении 4 месяцев Латыпов не пытался сдать золото, хотя и были возможности сделать это, в том числе, сдать работникам милиции, которые были в августе 1992 г.

4) Латыпов пытался убедить суд, что мыл бесхозные шлихи из контейнеров, которые в следствие халатного отношения были не заварены и не вывезены для дальнейшей обработки на шлихообогащательной установке.

Свидетель Ким пояснил, что из песка, добытого из отвалов и из-под промприбора, нельзя намывать такое количество золота которое было изъято у Латыпова.

Из заключения экспертизы видно что основная масса золота намыва из шлихов, взятых в контейнерах.

Учитывая обстоятельства данного уголовного дела, может возникнуть вопрос: окончено ли хищение, совершённое Латыповым? Согласно п.10 Постановления Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по делам о хищениях», хищение следует считать окончанным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность распорядится им.

Латыпов в данной ситуации имел реальную возможность им распорядится, пользоваться похищенным золотом по своему усмотрению, т.е. мог продать, подарить его с целью последующей сдачи золота государству, когда разрешат добыть золото.

Золото хранилось с конца апреля 1992г. До 3 сентября. За 4 месяца Латыпов имел реальную возможность распорядится им.

УВАЖАЕМЫЕ СУДЬИ!

При решении вопроса о мере назначения необходимо учитывать не только обстоятельства дела, но и данные о личности виновного. Латыпов, можно сказать «перекати поле». Это видно из трудовой книжки. Более одного года на одном предприятия он не работал. Иногда увольнялся за прогулы, но, в основном, по собственному желанию. Из характеристик оглашённых в судебном заседании, видно, что он допускал факты не дисциплинированности, но к работе относился удовлетворительно, ранее не судим.

При определении меры наказания я прошу учесть, что ущерб возмещён полностью, подсудимый оказал помощь органам расследования раскрытию преступления. Всё это позволяет принять к Латыпову У.Г.ст. 43 УК РСФСР, т.е. назначать наказание ниже низшего предела, предусмотренного ст. 93 УК РСФСР.

Таким образом, прошу признать Латыпова виновным пот ст. 93 УК РСФСР и определить ему наказание с применением ст. 43 УК РСФСР 4 года лишения свободы с отбыванием в ИТК усиленного режима.

Срок наказания исчислять с 05.09.92г.

Речь государственного обвинителя
помощника прокурора Благовещенского
района юриста 3 класса Африной О.Е.,

по уголовному делу по обвинению Щеголева А.А. по ст.ст. 188' и
206 ч.2 УК РСФСР.

УВАЖАЕМЫЙ СУД!

Любые преступные проявления в нашем обществе не могут не вызывать справедливого возмущения всех честных людей. Преступление, в чем бы оно не проявлялось, выражает неуважение к обществу, очевидное пренебрежение к законам, общепризнанным нормам морали.

Эти же по существу признаки, более конкретно выраженные, составляют сущность состава хулиганства.

Хулиганство – одно из самых распространенных правонарушений, которое вторгается в нашу жизнь отвратительными проявлениями. Оно предстает перед нами то в личине пьяного наглеца, оскорбляющего своим поведением окружающих, то грубым кулаком, который по малейшему поводу, а чаще всего, вообще без повода, дебошир пускает в ход против всякого, кто встретится на его пути.

Хулиганы попирают правила приличия, омрачают людям жизнь, мешают спокойно работать и отдыхать, нередко наносят вред их здоровью.

Хулиганские действия совершаются, как правило, лицами, находящимися в состоянии опьянения. Пьянство является одним из основных, если не самым главным звеном в цепи причин преступления.

С этим уродливым, ненормальным явлением, сколь часто ни приходилось бы сталкиваться, мириться невозможно, как нельзя привыкнуть к проявлению зла, насилия, наглости.

Позвольте мне, товарищи судьи, изложить обстоятельства, приведшие на скамью Щеголева Андрея Александровича. Ему предъявлено обвинение по ст. 188' и по ст. 206 ч.2 УК РФ в том, что он, отбывая наказание в ИТК-поселении учреждения КИ-450/2 в пос. Гарбич Иркутской области, 30 декабря 1991 года скрылся из расположения колонии, тем самым уклонился от отбывания наказания в колонии-поселении.

Кроме того, Щеголев, ранее судимый за злостное хулиганство, 14 мая 1993 года, около 18 часов в с. Марково Благовещенского района Амурской области, находясь в состоянии алкогольного опьянения, подъехал к дому

директора товарищества «Марковское» Момот А.М., вызвал последнего на улицу, где, грубо нарушая общественный порядок, проявляя явное неуважение к обществу, беспричинно, из хулиганских побуждений, стал выражаться в адрес потерпевшего нецензурной бранью, а затем, войдя во двор дома, нанес последнему удар кулаком в плечо и один удар, поднятой на месте происшествия палкой по левой руке, причинив потерпевшему ссадину на левой кисти руки, относящуюся к категории легких телесных повреждений, не повлекших кратковременное расстройство здоровья.

После того, как я изложила обстоятельства этого преступления, позвольте мне проанализировать имеющиеся по делу доказательства. Хотелось бы начать с оценки данных преступлений самим подсудимым.

Щеголев А.А., допрошенный в судебном заседании, виновным себя в уклонении от отбывания наказания признал полностью, а в совершении злостного хулиганства – частично и показал, что по определению Облученского районсуда от 13 апреля 1990 года он был переведен из ИТК-10 в колонию-поселение ИТК учреждения КИ-450/2. во время отбывания наказания у него возникли сложные отношения с начальником колонии, т.к. он неоднократно подавал заявления о переводе обратно в ИТК, но начальник при нем рвал заявление, при этом оскорбляя его. Вместе с ним в гараже работал осужденный Архипов, который, зная о его состоянии, посоветовал покинуть эту колонию. 30 декабря 1992 года в гараже он занимался ремонтом автомобиля, на котором возил начальника колонии. В эту ночь он и Архипов решили уйти. Они вдвоем на лесовозе доехали до п. Окунайский, а потом пешком пришли на станцию и уехали на поезде в г.Хабаровск. Он понимал, что побег из колонии-поселения уголовно-наказуемое деяние. После побега из колонии-поселения он жил в Хабаровске, а временами приезжал в с. Марково Благовещенского района к своему Сорокину А.Н., которому говорил, что убежал с поселения.

14 мая 1993 года, находясь в селе Марково, он вместе с братом был на рыбалке, там употребили спиртное. От выпитого он сильно опьянел. От

жителей села он узнал, что директор ТОО «Марковское» Момот – плохой человек, увольняет рабочих за малозначительные проступки. Когда он ехал обратно с речки, под воздействием выпитого спирта решил высказать Момоту все, что думал о нем, его отношении к людям. Позднее, по рассказу участкового инспектора, узнал, что он подъехал на мокике к дому Момота, вызвал его на улицу и начал оскорблять нецензурной бранью, после чего тот кинул в него камнем, и они сцепились. Он этого не помнит, но помнит, что Момот свалил его на землю и схватил за горло, он увернулся из-под него и ударил его кулаком в область лица. После этого прибежал участковый инспектор, который задержал его и отвез на погранзаставу. Фактически вина Щеголевым признана, но со множеством оговорок, ставящих под сомнение искренность этого признания.

Конечно, право подсудимого избирать для защиты любую позицию: полностью отрицать вину, лгать, хитрить, и это не может считаться обстоятельством, отягчающим ответственность. А с другой стороны, стороны морали, такое поведение характеризует подсудимого как человека, не склонного к раскаянию.

Однако, вина Щеголева А.А. подтверждена совокупностью имеющихся в деле доказательств.

Так, потерпевший Момот А.М. показал, что 14 мая 1993 года, около 18 часов, к его дому на мотороллере подъехал и сигналами вызвал его на улицу ранее незнакомый ему Щеголев А.А.. Когда он вышел на улицу и попросил Щеголева не сигналить, последний в его адрес стал выражаться нецензурной бранью, видно было, что Щеголев не трезв. Когда он попытался уйти в дом, Щеголев стал догонять его, вошел во двор, попытался нанести удары в лицо, но промахнулся и один раз ударил его кулаком в плечо, а затем поднял с земли палку и ею один раз ударил по левой руке, причинив ссадины. После этого ему удалось повалить Щеголева на землю и удерживать до прихода участкового инспектора.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, у Момота А.М. имеются ссадины на лице и левой кисти руки, по степени тяжести относящиеся к категории легких телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья.

Помимо показаний потерпевшего и заключения судебно-медицинской экспертизы, есть и ряд других доказательств.

Жена потерпевшего Момот М.Г. пояснила, что 14 мая 1993 года, после работы, к их дому на мотороллере подъехал ранее незнакомый им подсудимый, стал сигналить. Ее муж вышел к Щеголеву и попытался урезонить его, но подсудимый стал выражаться нецензурной бранью, зашел вслед за мужем во двор, ударил мужа палкой, после этого удара у мужа были царапины. Затем их сын вызвал сотрудника милиции.

Также подтвердила факт хулиганства свидетель Тимофеева С.Ю., которая подвозила Щеголева А.А. к дому потерпевшего. Она видела, как подсудимый поднял палку и ударил потерпевшего.

Все вышеуказанное приводит меня к одному выводу – не было у Щеголева никаких оснований для подобного рода действий. В данном селе подсудимый не проживал, с потерпевшим сталкиваться ему не приходилось. Но, тем не менее, подогретый спиртным Щеголев посчитал возможным выступить в роли «народного защитника», и только физическое превосходство потерпевшего не позволило ему осуществить до конца свое «правосудие».

По эпизоду обвинения, связанного с уклонением Щеголева от отбывания наказания, в судебном заседании также исследовались имеющиеся доказательства.

Из показаний свидетеля Щеголевой Р.А. видно, что ее сын был осужден Хабаровским судом и отбывал оставшийся срок наказания в колонии-поселении Иркутской области. Примерно год назад сын самовольно оставил поселение и приехал домой, по прибытии рассказал об этом ей. В этот период сын жил и работал в Хабаровске, часто выезжал в с. Марково,

где живет его старший брат. Приехав 18 мая 1993 года в с. Марково, она узнала, что сын арестован за совершение нового преступления.

Из показаний свидетеля Широких Н.И., исследованных судом, следует, что утром 30 декабря 1991 он, как дежурный колонии, установил, что поселенец Щеголев покинул расположение учреждения, принятыми мерами розыска обнаружен не был.

Вина подсудимого подтверждается также рапортом сотрудника учреждения КИ-450/2 об оставлении подсудимым места отбывания наказания.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Вина Щеголева Андрея Александровича нашла в суде свое подтверждение. Органы предварительного расследования правильно квалифицировали его действия по ст. 188' - уклонение от отбывания наказания осужденного, отбывающего наказание в колонии-поселении, и по ч. 2 ст. 206 УК РФ – злостное хулиганство, т.е. умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, совершенное лицом, ранее судимым за хулиганство, с особой дерзостью, признаком которой является причинение потерпевшему телесных повреждений.

Решая вопрос о мере наказания в отношении Щеголева А.А., прошу учесть общественную опасность совершенных преступлений, данные о личности, характеризующие его как человека, ранее судимого, допускаявшего нарушения режима отбывания наказания в ИТК.

Прежняя судимость Щеголева не дает оснований для признания ее в качестве отягчающего ответственность обстоятельства, т.к. он судим за хулиганство, что является одним из квалифицирующих обстоятельств преступления, за которое он предан суду.

Щеголев совершил хулиганские действия в состоянии опьянения, что в соответствии со ст. 39 УК РФ должно быть признано отягчающим ответственность обстоятельством.

Исходя из изложенного,

предлагаю:

признать Щеголева виновным по ст.ст. 188' и 206 ч.2 УК РСФСР, и назначить ему наказание по ст. 188' - 6 месяцев лишения свободы, по ст. 206 ч.2 – 3,5 года лишения свободы.

В соответствии со ст. 40 УК РСФСР путем поглощения менее строгого наказания более строгим назначить Щеголеву 3 года 6 месяцев лишения свободы.

В соответствии со ст. 41 УК РФ присоединить частично неотбытое наказание по предыдущему приговору – 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима, исчисляя срок наказания с 14 мая 1993 года.

Приговором Благовещенского районного народного суда Щеголев А.А. осужден по ст.ст. 188' и 206 ч.2, ст. 40, 41 УК РСФСР к 4 годам лишения свобода с отбыванием наказания в ИТК строго режима.

**Речь государственного обвинителя
заместителя начальника отдела
по надзору за законностью судебных
постановлений по уголовным делам
юриста 1 класса Филипченко Н.Г.
по уголовному делу по обвинению
Несговорова Эдуарда Борисовича
по ст.ст. 173 ч.3 УК РСФСР.**

УВАЖАЕМЫЙ СУД!

Интерес присутствующих в судебном зале людей, а также многих других, проживающих в городе Благовещенске и за его пределами, к рассматриваемому делу вполне объясним и оправдан.

Это дело привлекло внимание не исключительным размахом совершенного, не необычностью сюжета, не леденящим душу эпизодами, не астрономическими суммами, а личностью человека, находящегося на скамье

подсудимых, ибо очень много людей ежедневно находились и работали рядом с ним, не зная до времени того, что он вступил в конфликт с законом. Фамилия подсудимого - Несговоров, зовут его Эдуард Борисович, лет ему - 53.

Стремительными, безупречным - был профессиональный взлет этого человека кочегар паровозного депо, политехнический институт, после которого престижная работа на ряде крупных Барнаульских заводов. С' 1967 г. по 1987 г. Несговоров находился на работе в советских к партийных органах, в том числе, на должности председателя Белогорского горисполкома и заместителя заведующего отделом обкома партии.

С 1987 г. Несговоров работает в системе Госстандарта России, а с 1988 г. назначен директором Амурского центра стандартизации и метрологии.

Блестящие характеристики, ответственное должностное положение, многочисленные внутрисоюзные и зарубежные командировки, авторитет, известность его личного имени и возглавляемого им учреждения, человеческое и семейное благополучие. Казалось бы, чего еще можно желать лучшего? Но насколько стремительным был взлет, настолько стремительным оказалось и падение, в одночасье рухнуло все. И вот на одной чаше весов правосудия - сам Несговоров, а на другой - совершенное им преступление.

Занимая должность директора центра стандартизации и метрологии и являясь в соответствии с п.п. 3.6, 8.1 и 8.2 его Устава Главным Государственным инспектором по надзору за стандартами и средствами измерений, признанны в соответствии со своим профессиональными обязанностями организовывать работу подведомственного ему учреждения по осуществлению контроля за качеством экспортных и импортных товаров предназначенных; для бартерного обмена с выдачей на них сертификатов соответствия, Несговоров путем вымогательства неоднократно получал взятки от заказчиков за ускоренное выполнение заявок на проведение экспертиз.

Так, в марте 1992г. к Несговорову с заявкой на проведение экспертизы качества экспортируемого в КНР лесоматериала (горбыля) обратился директор частного предприятия "Арго" Рукавишников Б.Н., который просил провести ее до закрытия ледовой переправы. Несговоров стал ссылаться на невозможность исполнения просьбы из-за отсутствия транспорта для поездки к месту осмотра товара, другие причины, подчеркивал невозможность быстрого проведения экспертизы. В ответ на согласие Рукавишникова предоставить свой транспорт, Несговоров поручил подчиненным ему работником Масленко В.К. и Пукач Л.А. провести экспертизу в течение двух дней, а когда Рукавишников пришел за актом, то Несговоров заявил ему, что акт готов, но он даст его при условии, что за оказанную услугу он достанет для него магнитофон «Фишер». Будучи поставленным в условия срыва экспортной поставки лесоматериалов, Рукавишников на свои личные средства купил на рынке магнитофон «Фишер» и передал его Несговорову в служебном кабинете.

В марте же 1992 г. к Несговорову с заявкой о проведении экспертиз качества минеральных удобрений и электродвигателей, бывших в употреблении, обратился работник объединения "СОППИТ" Светлицкий Ю.В.

Будучи обязанным, провести, такие экспертизы и имея возможность провести их в короткие сроки, Несговоров экспертизу двигателей провел, а за проведение экспертиз удобрений потребовал взятку, в виде телевизора японского производства. Видя безвыходность своего положения в связи с предстоящим закрытием ледовой переправы и возможностью понести большие убытки в случае срыва сроков поставки удобрений, Светлицкий вынужден был согласиться на условия Несговорова, и привез ему свой личный телевизор "Шарп", стоимостью 6 тыс. руб., который передал Несговорову возле его дома по ул. Шимановского, 36, после чего Несговоров выдал ему акт экспертизы удобрений.

Некоторое время спустя, также в марте 1992 г. с заявкой о проведении экспертизы, качества минеральных удобрений, экспортируемых в Китай, к Несговорову обратился директор торговой базы облпотребсоюза Самилкин А.М. и начальник экспортно-импортного отдела этой базы Солоникова Л.И. Когда в установленное время Солоникова приехала на акты экспертиз, Несговоров за их выдачу потребовал взятку в виде видеомэганитофона. Солоникова требование Несговорова передала директору базы Самилкину и тот, будучи поставленным, под угрозу срыва бартерной сделки, распорядился взять с базы видеомэганитон "Шарп", стоимостью 2650 руб., списав эту сумму по фиктивному выписанному наряду на невыполненные работы и через Солоникову и водителя Кугай К.В, передал видеомэганитон Несговорову, взамен, на что последний вручил Солониковой акты экспертиз.

Таковы фактические обстоятельства совершенного Несговоровым преступления.

В судебном заседании он признал себя виновным в предъявленном ему обвинении за исключением признака вымогательства взятки и показал, что работал директором Амурского центра стандартизации и петрологии, который обязан производить экспертизы качества экспортируемых товаров и выдавать сертификаты на них. В марте к нему обращались Рукавишников, Светлицкий, Самилкин и Солоникова с заявками на проведение экспертиз экспортируемых товаров. Все они просили о сокращении сроков экспертиз экспортируемых товаров, а за это обещали отблагодарить его. Из предложенных ими возможностей он выбрал, какие его устраивали, после чего Светлицкий привез ему телевизор "Шарп", Рукавишников - мэганитон "Фишер", а Солоникова видеомэганитон "Фишер". Разговора об оплате этих предметов у него ни с кем не было, они сами предложили взятки, он от них не отказался, этого не отрицает, категорически не согласен, что взятки вымогал.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Несмотря на то, что Несговоров признает не в полном объеме предъявленное ему обвинение, считаю, что вина его полностью подтверждается, собранными по делу.

Свидетели Светлицкий, Самилкин, Рукавишников показали, что каждый из них обращался к Несговорову за проведением экспертиз, но он ставил им такие условия, что они вынуждены, были соглашаться на них и исполнить его требования о передаче ему дефицитных товаров за исполнение той работы, которую и так обязан, был сделать. И во время следствия, и в судебном заседании все они категорично подтвердили, что сами взятки не предлагали, инициатива исходила от Несговорова, они вынуждены были подчиниться его требованиям.

Не доверять показаниям этих лиц у суда нет никаких оснований.

Такое преступление, как получение взятки, неразрывно связано с дачей взятки. Закон строго карает и взяткополучателей, и взяткодателей.

В данном уголовном деле суду предан только взяткополучатель, а лица, давшие ему взятку,- выступают здесь в качестве свидетелей. Следственные органы сочли возможным прекратить в отношении них дело в связи с добровольным заявлением этих лиц о даче ими взятки, что также подтверждает, что взятку у них Несговоров вымогал.

И если этих лиц нельзя сегодня судить в уголовном порядке, то их безнравственное поведение должно получить самое суровое осуждение окружающих.

Но не все так безоблачно на свидетельском небосклоне Самилкина. Такое преступление, как взятка, подобно ворсистой ткани, цепляет на себя всякий мусор, соринки,- шелуху, словом, все ненужное, лишнее. Так и взятка, требуемая Несговоровым у Самилкина, толкнула последнего на совершение должностного преступления, он отдал указание составить фиктивный наряд на невыполненные работы, оплатить их, а эти деньги внести как оплату за якобы, выкупленный видеоманитофон.

Уголовное дело в отношении Самилкина по факту совершенного, им злоупотребления служебным, положением и должностного подлога обоснованно выделено, в отдельное производство.

Каждый из свидетелей причину нравственного падения объяснил не личными, а производственными интересами, но как бы ни хотели эти лица приуменьшить свою вину, их действия прямо способствовали тому, что алчность и корысть в Несговорове взяли верх над честью и совестью.

Незачем взятку обволакивать туманом.

Взятка остается взяткой, хотя издавна это слово коробит слух взяточников и от того они всегда стараются его заменить более мягкими словами: благодарность, любезность, подарок и т.д.

Пытался это сделать и Несговоров, однако, показания вышеперечисленных свидетелей, а также исследованные в суде показания свидетеля Солониковой подтверждают наличие, в обвинении Несговорова признака вымогательства взятки.

Свидетель Парунов В.А. также, показал суду, что -ему, со слов Рукавишникова известно, что Несговоров. поставил -ему условие выдачи акта экспертизы, если он принесет ему импортный магнитофон. Рукавишников вынужден был купить таковой на рынке за 25 тыс. руб. и передать Несговорову. Он очень возмущался, т.к. понял, что Несговоров вымогал магнитофон.

Свидетели Масленко - и Пукач, подтвердили суду, что по указанию Несговорова они проводили экспертизы в укороченные сроки, т.к. закрывалась ледовая переправа.

Свидетель Кугай рассказал, как они вместе • с Солониковой, « отвезили видеомангнитофон к' Несговорову. Для списания видеомангнитофона с его подотчета 'был выписан фиктивный наряд, который• находится в материалах дела (л.д.90).

Кроме свидетельских показаний вина 'Несговорова подтверждается копией приказа о назначении его директором центра стандартизации и

метрологии, копией Устава центра, копией его трудовой книжки, из которых видно, что Несговоров является должностным лицом, занимающим ответственное положение.

Исследованы судом и должны быть положены в основу его обвинения и другие доказательства: заявки частного предприятия "Арго", объединения "СОППИТ" и базы облпотребсоюза на проведение экспертиз, из, которых следует, что они были официально оформлены, произведена предварительная оплата экспертиз, т.е., в обязанности Несговорова входило только четко организовать работу подчиненного ему центра; явка с повинной самого Несговорова; протокол обыска в его квартире, во время которого были обнаружены и изъяты: видеомаягнитофон "Фишер", маягнитофон "Фишер", телевизор "Шарп".

Приведенные доказательства позволяют утверждать что вина Несговорова полностью доказана и его действия правильно квалифицированы по ст. 173 ч.3 УК РС5СР - как получение взятки должностным лицом занимающим ответственное положение, совершенное неоднократно, сопряженное с вымогательством взятки и в крупном размере за выполнение в интересах дающих взятки действий, которое это должностное лицо должно было и могло совершить, используя свое служебное положение.

ТОВАРИЩИ СУДЬИ!

Уже неоднократно говорилось, о том, «что совершенное подсудимым преступление в уголовном законодательстве именуется коротко и емко - взятка.

Взятка! Не она ли противопоставляет ложь "правде? Не ей ли обязаны своей живучестью подлость, карьеризм, высокомерное честолюбие? Не она ли ставит, властные полномочия должностных лиц на службу, стяжательству и порочному обогащению?

Мы спорим о жизненном' успехе, мы придумали слово-"вещизм", мы пытаемся разобраться в своих отношениях с миром вещей, но в, тот момент, когда эти отношения заслоняют в нашем сознании отношения, человеческие, наступает предел, за которым уже не остановиться.

И тогда даже безобидное кожаное пальто может стать началом преступления, тогда очередное кольцо с заветной пробой заглушает и страх и совесть.

Власть имеет в себе много привлекательного. Она дает облеченному ею сознание" своей силы, она выделяет его из среды безвластных людей, она создает ему положение, с которым надо считаться. Для самолюбия заманчива возможность приказывать, решать, приводить в исполнение свою волю и, хотя бы в очень узкой сфере, карать и миловать.

Поэтому люди, относящиеся серьезно к идее о власти, получая . эту власть в свои руки, обращаются с нею осторожно, . призывая себе на память не только свои права, но также свои обязанности и нравственные задачи.

'Но бывают и другие люди. Обольщенные, прежде всего созерцанием себя во всеоружии имеющейся у них власти, они только 'о ней думают и заботятся - и возбуждаются от сознания своей относительной силы. Для них власть обращается в сладкий напиток, который быстро причиняет вредное для службы опьянение. Вино власти бросилось в голову и Несговорову. Однако, расплата неминуемо за всеми прелестями «сладкой жизни». Наступила, она и для подсудимого по делу.

Суд проделал работу по установлению фактических обстоятельств дела, по исследованию доказательств и личности подсудимого, а теперь предстоит не менее важная и ответственная работа по определению вида и меры 'наказания, которое должен понести Несговоров за содеянное.

Да, действительно, к уголовной ответственности он привлекается впервые, да, действительно, он положительно характеризуется, ко вместе с тем, преступление, предусмотренное ст. 173 УК РСФСР, • относится к категории тяжких, имеет исключительно высокую степень,' • общественной

опасности, т.к. подрывает авторитет и разъедает устои нормального и законопослушного функционирования госаппарата.

В связи с этим полагаю, что наказание, назначенное подсудимому должно быть' связано• только с изоляцией его от общества.

Прошу суд признать Несговорова виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 173 ч.3 УК РСФСР и определить ему 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества без ссылки с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 21-22 12 92г. Несговоров Э.Б. осужден по ст. 173 ч.3 УК РСФСР с, применением ст., 43 УК РЖР к 5 годам лишения свободы с конфискацией имущества - без ссылки с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима.

Приговор не обжалован.

Материалы для проведения деловых игр.

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

20 сентября 2006г. судебная коллегия по гражданским делам Амурского областного суда в составе:

председательствующего судьи: В..

судей коллегии: Н., П.

рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Благовещенске дело по частной жалобе Агипова С.В. на определение Благовещенского городского суда от 3 августа 2006г.

Заслушав дело по докладу судьи В, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Агипова В.М. обратилась в суд иском к Агипову С.В. о разделе имущества. Просила суд разделить общее имущество, выделив ей и дочери

2/3 доли от совместно нажитого имущества - 2/5 доли в праве собственности на жилой дом, расположенный по адресу г. Благовещенск, ул. Пионерская, 98/2.

Решением Благовещенского городского суда от 19 апреля 2006г. имущество, являющееся общей совместной собственностью Агиповой В.М. и Агипова С.В. разделено, определено Агиповой В.М. 1/5 доли в праве собственности на жилой дом, расположенный по адресу г. Благовещенск, ул. Пионерская, 98/2, Агипову С.В. - 1/5 доли в праве собственности на данный дом.

Агипова В.М. обратилась в суд с заявлением о разъяснении решения суда. В своем заявлении Агипова В.М. указала, что в настоящее время, при оформлении документов для регистрации доли в праве собственности на указанный жилой дом возникла неясность по адресу место расположения настоящего жилого дома. Также, из заявления Агипова С.В. судебному приставу-исполнителю МОСП по г. Благовещенску и Благовещенскому району следует, что жилого дома под № 98/2 по ул. Пионерская в г. Благовещенске не существует. На основании изложенного, Агипова В.М. просила суд разъяснить настоящее решение суда с указанием место расположения жилого дома, 1/5 доля в котором принадлежит ей на праве собственности.

Определением Благовещенского городского суда от 3 августа 2006г. решение Благовещенского городского суда от 19 апреля 2004 года по гражданскому делу по иску Агиповой В.М. к Агипову С.В. о разделе имущества разъяснено. Постановлено разъяснить, что Агиповой Виктории Михайловне определена 1/5 доли в праве собственности на жилой дом № 98 по ул. Пионерская в г. Благовещенске.

В частной жалобе Агипов С.В. просит отменить определение, указывает, что не был надлежащим образом извещен о времени и месте судебного заседания, так как повестку получил 3 августа 2006г. в 10-00

часов, судебное заседание, назначенное на 3 августа 2006г., произошло в его отсутствие.

Изучив материалы дела, судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Согласно ст. 202 ГПК РФ, в случае неясности решения суд, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания. Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено.

Вопрос о разъяснении решения суда рассматривается в судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к рассмотрению и разрешению вопроса о разъяснении решения суда.

В силу ч. 1, 3 ст. 113 ГПК РФ лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату.

Лицам, участвующим в деле, судебные извещения и вызовы должны быть вручены с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд.

Из материалов дела следует, что судебное заседание по заявлению Агиповой В.М. о разъяснении решения суда рассмотрено 3 августа 2006г., в 9-00 часов (л.д. 128). Судебное уведомление о назначенном судебном заседании Агипов С.В. получил в день рассмотрения заявления – 3 августа 2006г., о чем свидетельствует его подпись в судебном уведомлении (л.д. 126).

Таким образом, доказательства надлежащего извещения ответчика Агипова С.В. о времени и месте судебного разбирательства в материалах дела отсутствуют.

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

2 июня 2006г. судебная коллегия по гражданским делам Амурского областного суда в составе:

председательствующего судьи: С..

судей коллегии: М., Д..

рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Благовещенске дело по кассационной жалобе Бакай А.А. на решение Благовещенского городского суда от 3 мая 2006г.

Заслушав дело по докладу судьи С., пояснения представителя УВД Амурской области М., действующей на основании доверенности № 7 от 30.12.2005г., представителя Бакай А.А. – Щербина А.И., действующего на основании доверенности от 17.03.2006г., судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Бакай А.А. обратился в суд с иском к УВД Амурской области о восстановлении в списках личного состава УВД г. Благовещенска и в должности старшего инспектора ЛПП, возложении обязанности на начальника УВД Амурской области выполнить Постановление Правительства РФ от 07 октября 2004 года № 522 в части оформления документов на получение жилищного сертификата для приобретения жилья согласно нормы положенности и в соответствии с его выбором места для проживания в г. Москве. В обоснование указанных требований указал, что он проходил службу в УВД г. Благовещенска в должности старшего инспектора ЛПП, уволен приказом начальника УВД

Амурской области от 25 марта 2005 года № 140 л/с по болезни - на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел. Выслуга лет в Министерстве обороны, Министерстве внутренних дел составляет 16 лет 01 месяц 07 дней. В настоящее время нетрудоспособен, инвалид войны 2 группы. 16 ноября 2004 года им написан рапорт на имя исполняющего обязанности начальника УВД г. Благовещенска Быбина О.А. о признании его нуждающимся в улучшении жилищных условий и постановке его на очередь на жилье с последующим получением жилищного сертификата, который был оформлен в соответствии с требованиями Постановления Правительства РФ от 07 октября 2004 года № 522 и передан заместителю начальника кадров УВД г. Благовещенска Быковской Л.А.. С 05 ноября 2004 года он арендует жилую площадь. Согласно ст. 30 Федерального закона «О милиции», он как сотрудник милиции должен быть обеспечен жильем, так как своего жилья не имеет. В связи с тем, что он подлежал увольнению по состоянию здоровья, и его выслуга лет составила более 10 лет он также имеет право на получение жилищного сертификата. Согласно Постановлению Правительства РФ от 07 октября 2004 года № 522 УВД Амурской области было обязано на основании его рапорта провести работу по проверке представленных документов и включить его в список на получение государственного жилищного сертификата. Постановлением Правительства РФ от 07 октября 2004 года № 522 установлено, что социальная норма общей площади жилого помещения для расчета размера субсидий составляет для одиноких граждан 33 кв. метра. В связи с тем, что он является одиноким и проживает один, ему положен жилищный сертификат на приобретение благоустроенной квартиры согласно социальной нормы, то есть из расчета 33 кв. метра. 22 марта 2005 года им был написан рапорт на предоставление ему очередного отпуска с последующим увольнением из милиции. В рапорте он просил направить его личное дело в военкомат г. Благовещенска до избрания постоянного места жительства и предоставить жилищный сертификат для приобретения квартиры. Начальник УВД г. Благовещенска с его требованиями

согласился, о чем сделал отметку в его рапорте и заверил, что он без жилищного сертификата уволен не будет, так как он увольняется по состоянию здоровья и имеет полное законное право на жилье. С 02 марта 2005 года по 04 апреля 2005 года во время прохождения службы ему установлена 2 группа инвалидности, нетрудоспособен. 02 июня 2005 года он был уволен из УВД Амурской области. В связи с полной потерей слуха и зрения на правый глаз, он был вынужден обратиться в общественную организацию воинов-инвалидов «Память» для социальной помощи и поддержки. 06 августа 2005 года руководитель указанной организации Щербина А.И. был на приеме у начальника УВД Амурской области, где Фокин Ю.Д. его заверил, что он (истец) руководством УВД не забыт и его жилищный вопрос находится на личном контроле у него (Фокина Ю.Д.). По его жилищному вопросу Щербина А.И. был на приеме у начальника УВД Амурской области 03 сентября, 08 октября, 05 ноября 2005 года, 21 января 2006 года. Руководство УВД Амурской области заверяло, что решит его жилищный вопрос. 19 октября 2005 года в соответствии с п. 12 Постановления Правительства РФ от 07 октября 2004 года им повторно было подано заявление на начальника УВД Амурской области с документами на оформление жилищного сертификата, но решение принято не было. На его очередное заявление от 21 января 2006 года ему в жилье отказано, в связи с отсутствием рапорта на постановку на очередь и отсутствием рапорта на участие в Президентской программе «Жилищные сертификаты». С данным отказом он не согласен, так как документы были им оформлены соответствующим образом и неоднократно передавались к исполнителям, в том числе и в кадры УВД г. Благовещенска. По получению жилищного сертификата он ходатайствовал в рапорте на увольнение, где начальник УВД г. Благовещенска с его требованиями согласился и сделал соответствующую запись. Причины, по которым его рапорты остались без движения, ему неизвестны. Его требования о предоставлении жилищного сертификата связаны с трудовыми отношениями, так как он являлся специальным субъектом правовых отношений. Порядок оформления документов на получение жилищного

сертификата четко определен Постановлением Правительства РФ от 07 октября 2004 года № 522 и относится к компетенции учреждений федеральных органов государственной власти (подразделений), каковым является УВД Амурской области. Считает, что руководство УВД Амурской области в лице начальника Фокина Ю.Д. не выполнило требования нормативно-правовых актов РФ в полном объеме, уволив его без предоставления возможности когда-нибудь получить жилье, встать на законную очередь в орган местного самоуправления, тем самым, не обеспечило ему правовые гарантии, предусмотренные Конституцией РФ на жилье, как гражданину России, следовательно, его увольнение из УВД Амурской области произведено с нарушениями закона и он имеет право на восстановление на службе и возмещение причиненного ущерба. Просил суд восстановить его в списках личного состава УВД г. Благовещенска и в должности старшего инспектора ЛПП и обязать начальника УВД Амурской области выполнить Постановление Правительства РФ от 07 октября 2004 года № 522 в части оформления документов на получение жилищного сертификата для приобретения жилья согласно нормы положенности и в соответствии с его выбором места для проживания в г. Москва.

В предварительном судебном заседании 22 марта 2006 года представитель истца, имеющий в силу доверенности полномочия на изменение предмета иска, уточнил пункт первый исковых требований, просил восстановить Бакай А.А. на службе в органах внутренних дел в УВД г. Благовещенска.

Представитель ответчика по с исковыми требованиями не согласился. Пояснил суду, что УВД Амурской области формирует списки на получение сертификатов, сертификаты выдаются Министерством внутренних дел. Истец действительно является бывшим сотрудником УВД Амурской области. В УВД существует программа по выдаче сертификатов на жилье. Истец знает установленный порядок подачи заявления на получение жилищного сертификата. Предусмотрен только добровольный порядок подачи заявления, истец в указанном порядке заявления не подавал. УВД Амурской области

только формирует списки на получение жилищных сертификатов, а сертификаты выдаются Министерством внутренних дел. В рапорте об увольнении не решается вопрос о выдаче сертификата. Истец не состоит на учете в качестве нуждающегося на получение жилищных условий, что является составляющим условием для его участия в программе на получение жилищного сертификата. У них существует очередность на получение сертификата. В судебном заседании 17 апреля 2006 года представитель ответчика пояснила, что Бакай А.А. приказом от 25 марта 2005 года уволен из органов внутренних дел, постановлением Правительства РФ № 522 от 07 октября 2004 года утверждены Правила выпуска и погашения жилищных сертификатов. Согласно п. 11 данных Правил для участия в программе граждане подают заявления в соответствующие подразделения, в которых они состоят на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий на участие в программе. В УВД Амурской области приказом № 886 от 11 октября 2004 года создана рабочая группа по реализации федеральной целевой программы, которая рассматривает рапорты сотрудников. В соответствии с письмом заместителя начальника УВД - начальника тыла от 17 марта 2006 года № 11/478 истец с заявлением установленного образца о включении его в список участников программы не обращался. Сотрудник может подать соответствующий рапорт либо в отдел кадров, либо в жилищно-бытовую комиссию, либо в общий секретариат. Просила в удовлетворении исковых требований Бакай А.А. отказать.

Решением Благовещенского городского суда от 3 мая 2006г. постановлено Бакай А.А. в удовлетворении исковых требований к УВД Амурской области о возложении на начальника УВД Амурской области обязанности выполнить Постановление Правительства РФ от 7.10.2004г. № 522 в части оформления документов на получение жилищного сертификата для приобретения жилья согласно нормы положенности и в соответствии с выбором истца места для проживания в г. Москве, отказать.

В кассационной жалобе Бакай А.А. просит отменить постановленное решение, так как судом не правильно установлены обстоятельства, имеющие

значение для дела. Указывает, что в соответствии с п. 4 Постановления Правительства РФ от 7.10.2004г. № 522 он имеет право на получение жилья, поскольку он выполнил все условия, содержащиеся в указанном пункте. Вывод суда о том, что истец не может считаться нуждающимся в улучшении жилищных условий так как должен быть признан таковым комиссией УВД Амурской области несостоятелен, поскольку нахождение на очереди в муниципалитете г. Благовещенска и признание комиссией муниципального образования нуждающимся в жилье не противоречит указанному Постановлению Правительства. Так же ставит под сомнение вывод суда о том, что истец должен обеспечиваться жильем из фонда муниципального образования г. Благовещенска, так как данный вывод противоречит п. 1 Постановления Правительства от 29.09.1999г. № 1095.

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

29 марта 2006г. судебная коллегия по гражданским делам Амурского областного суда в составе:

председательствующего судьи: А.

судей коллегии: Г., И. .

рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Благовещенске дело по кассационной жалобе Министерства Финансов РФ в лице Управления Федерального казначейства по Амурской области на решение Свободненского городского суда от 1 февраля 2006г.

Заслушав дело по докладу судьи А. судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Винникова И.И. в интересах несовершеннолетнего сына Винникова О.О. обратилась в суд с иском к Свободненскому ГРОВД и Министерству Финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда в сумме 15000 рублей. В обоснование своих доводов указал, что ее сын Винников Олег обучается в школе № 5 г. Свободного. 24 мая 2005 года после уроков между

учениками его класса Хорошайловым Н.О. и Сезимовым С.И. произошел конфликт, который перерос в драку. Ее сын участия в драке не принимал, только пытался разнять дерущихся, а потом оказал Хорошайлову помощь - принес ему воды. В результате драки Хорошайлову были причинены телесные повреждения, и его родители обратились в милицию. 30 мая 2005 года начальник МОБ ОВД г. Свободного и Свободненского района вынес постановление, согласно которому в действиях Сезимова и ее сына усмотрел признаки преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, но в возбуждении уголовного дела было отказано, так как Сезимов и Олег не достигли возраста, с которого они могли быть привлечены к уголовной ответственности. На основании этого постановления сына поставили на учет в ПДН Свободненского ГРОВД, данные сведения поступили в школу. После этого начальник МОБ Свободненского ГРОВД также обратился в Свободненский городской суд с ходатайством о помещении Олега в ЦВСНП УВД Амурской области, указав, что он совершил правонарушение, что его семья злоупотребляет спиртными напитками, и отрицательно характеризуется. В удовлетворении ходатайства было отказано, но сын истицы очень переживал, что в ходатайстве дали такую характеристику ему и его семье. Истица затем обратилась в суд с жалобой на постановление от 30 мая 2005 года. В удовлетворении ее жалобы было отказано, поскольку к моменту рассмотрения ее судом данное постановление было отменено, а материалы были направлены на дополнительную проверку. 10 августа 2005 года и.о. начальника МОБ ОВД г. Свободного и Свободненского района было вынесено новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором указано, что вина Олега при проведении дополнительной проверки доказана не была. После этого сына сняли с учета в ПДН, но в школу об этом сведения не направили и он до настоящего времени значится там как стоящий на учете. Мальчик очень переживал произошедшее. Все ученики его класса знали о постановке на учет, некоторые перестали с ним общаться, к нему стали по другому относиться учителя. Все летние каникулы он переживал,

что его могут поместить в ЦВСНГТ. Причиненный ее сыну моральный вред она оценивает в 15000 рублей и данную сумму просит взыскать с ответчиков.

Представитель ответчика Свободненского ГРОВД искивые требования не признал, суду пояснил, что 26 мая 2005 года в ГУ ОВД г. Свободного и Свободненского района поступило заявление Хорошайловой Т.С. о том, что 24 мая 2005 года ее сын был избит несовершеннолетними Винниковым и Сиземовым. В ходе проверки были получены сведения о виновности несовершеннолетних Винникова Олега и Сизимова Сергея в избииении Хорошайлова Никиты. По результатам рассмотрения заявления 30 мая 2005 года инспектором ПДН было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении вышеуказанных лиц в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность за данное преступление, т.е. 16 лет. 30 мая 2005 года Винников Олег был поставлен на профилактический учет в ПДН ГУ ОВД г. Свободного и Свободненского района, как лицо, не подлежащее уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность. 14 июня 2005 года начальник МОБ ГУ ОВД г. Свободного и Свободненского района направил в суд ходатайство о помещении несовершеннолетнего Винникова О.О. в ЦВСНП, однако в удовлетворении данного ходатайства было отказано. 10 августа 2005 года было повторно вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в этот раз - только в отношении Сизимова Сергея, т.к. в ходе дополнительной проверки было установлено, что Винников Олег несовершеннолетнего Хорошайлова не избивал. 11 августа 2005 года Винников Олег был снят с профилактического учета в связи с неподтверждением материалов, послуживших основанием для постановки на учет. После постановки несовершеннолетнего на профилактический учет должностные лица ПДН в соответствии с приказом МВД РФ № 569 проводят индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетним с учетом особенностей его личности и окружения, характера совершенных правонарушений, условий семейного воспитания. Действия сотрудников ПДН, предписанные

вышеуказанным приказом, по осуществлению профилактического учета данной категории несовершеннолетних по месту жительства, не предполагают какого-либо ограничения прав несовершеннолетнего. По месту учебы Винникова О.О. также не сообщалось о его постановке на профилактический учет. Кроме того, полагал, что постановка несовершеннолетнего на учет положительно повлияла на его поведение и учебу.

Представитель ответчика Министерства финансов РФ просил рассмотреть дело без участия представителя Министерства финансов РФ. В письменном отзыве от 17.10.2005 года указал, что не признает искимые требования, поскольку истицей не представлено документов, обосновывающих степень перенесенных ею и несовершеннолетним Винниковым О.О. физических и нравственных страданий. Моральный вред истица обосновывает, постановкой несовершеннолетнего Винникова О.О. на учет в комиссию по делам несовершеннолетних, однако, причинно-следственная связь между этими фактами не подтверждена никакими доказательствами. Кроме того, учитывая, что по месту жительства и по месту учебы несовершеннолетний характеризуется отрицательно, у него слабая успеваемость, имеет пропуски занятий без уважительных причин, в общении груб, а также что родители Винникова О.О. употребляют спиртные напитки, воспитанием сына в полном объеме не занимаются, факт постановки на учет в комиссии по делам несовершеннолетних является лишь профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетнего и не может реально причинить какие либо физические и нравственные страдания.

Решением Свободненского городского суда от 1 февраля 2006г. постановлено: взыскать с казны РФ через Министерство Финансов РФ в пользу Винниковой И.И. в счет компенсации морального вреда 1000 рублей.

В кассационной жалобе Министерство Финансов РФ в лице УФК № 3 по Амурской области просит отменить постановленное решение как незаконное и необоснованное. Указывает, что истицей не доказан факт причинения ее сыну морального вреда, не доказана вина причинителя вреда. Суд не учел в решении,

что по месту жительства и по месту учебы несовершеннолетний характеризуется отрицательно, у него слабая успеваемость, имеет пропуски занятий без уважительных причин, в общении груб, а также что родители Винникова О.О. употребляют спиртные напитки, воспитанием сына в полном объеме не занимаются, факт постановки на учет в комиссии по делам несовершеннолетних является лишь профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетнего и не может реально причинить какие либо физические и нравственные страдания. Кроме того, ст. 1071 ГК РФ устанавливает, что причиненный вред подлежит возмещению из средств трех соответствующих бюджетов – казны РФ, казны субъекта РФ и казны муниципального образования, от их имени выступают соответствующие финансовые органы. Суд при принятии решения не учел положения постановления Правительства РФ от 7.12.2000г. № 926, согласно которым подразделение по делам несовершеннолетних входит в состав милиции общественной безопасности, которая содержится за счет средств областного бюджета. Таким образом, для решения вопроса о надлежащем ответчике суду было необходимо определить источник финансирования данного государственного органа, но судом безосновательно возложена обязанность по возмещению вреда на Министерство Финансов РФ.

Изучив материалы дела, в соответствии с ч. 1 ст. 347 ГПК РФ, в пределах доводов жалобы, судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Согласно ч. 1 ст. 195 ГПК РФ, решение должно быть законным и обоснованным.

В соответствии с п.п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003г. № 23 «О судебном решении», решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (ч.1 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ).

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст.ст. 55, 59 - 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

21 июня 2006г. судебная коллегия по гражданским делам Амурского областного суда в составе:

председательствующего судьи: А.

судей коллегии: Г., Б. .

рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Благовещенске дело по кассационной жалобе Сосновской А.В. на решение Райчихинского городского суда от 27 апреля 2006г.

Заслушав дело по докладу судьи А., пояснения Кудряшова В.В., судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Кудряшов В.В. обратился в суд с иском к Сосновской А.В. об устранении препятствий к общению с детьми. В обоснование своих требований указал, что 11 августа 1994г. он вступил в брак с ответчицей, 05 мая 1996г. у них родилась дочь Кудряшова Яна Владимировна, а 01 марта 1998г. родилась вторая дочь Кудряшова Надежда Владимировна. 10 января 2003 г. брак между ними расторгнут. С этого времени дочери проживают совместно с матерью Сосновской А.В., которая лишает его возможности встречаться с детьми, общаться с ними. В редких случаях она

позволяла встречаться с дочерьми в её квартире, но данные встречи были непродолжительными и проходили в её присутствии. Сосновская А.В. не допускает его к участию в воспитании детей, хотя он неоднократно обращался к ней с просьбой разрешить общение. У него есть все необходимые условия для встреч с дочерьми: комната в общежитии, стабильный заработок, он участвует в содержании детей. Просит суд устранить препятствия к общению с дочерьми со стороны матери Сосновской А.В. и разрешить ему общаться с детьми, определив порядок общения.

Сосновская А.В. иск не признала, суду пояснила, что состоит в браке с Сосновским А.А. Её дочери от первого брака Кудряшова Я.В., Кудряшова Н.В. проживают с ней. Сосновский А.А. к дочерям относится хорошо, участвует в их воспитании, заботится о них. Брак с Кудряшовым В.В. расторгнут давно, поэтому девочки родного отца почти не помнят, о нем не спрашивают, при встречах с ним ведут себя скованно, к общению с ним не стремятся. Ответчик приходил к ней домой для общения без подарков, поэтому не стремился расположить к себе их доверие. При общении с дочерьми Кудряшов В.В. вел себя строго, интересовался не только их жизнью, но и взаимоотношениями в её семье. После его ухода дочери находились в стрессовом состоянии. Препятствует его общению с детьми потому, что считает, что полноценное воспитание и образование они получают в новой семье.

Решением Райчихинского городского суда от 27 апреля 2006г. постановлено исковые требования Кудряшова В.В. удовлетворить полностью. Устранить препятствия к общению с детьми: Кудряшовой Я.В., 5.05.1996 года рождения, Кудряшовой Н.В., 1.03.1998 года рождения со стороны матери Сосновской А.В. Разрешить Кудряшову В.В. общаться с детьми Кудряшовой Я.В., Кудряшовой Н.В. еженедельно по воскресеньям с 15 часов до 17 часов по адресу: пгт. Прогресс Амурской области, ул. Матросова 6, кв. 12.

В кассационной жалобе Сосновская А.В. просит отменить постановленное решение и отправить дело на новое рассмотрение. Указывает, что во время их совместной жизни Кудряшов В.В. не проявлял родительской заботы о детях, не участвовал в их воспитании и содержании, запрещал им посещать школу и детский сад. Считает, что при общении с дочерьми он будет оказывать на них негативной воздействие, что опасно для психики детей.

Изучив материалы дела, в соответствии с ч. 1 ст. 347 ГПК РФ, в пределах доводов жалобы, судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Согласно ч. 1 ст. 61 СК РФ, родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права).

Материалами дела установлено, что Кудряшов В.В. по месту работы – ОАО Энергетики и электрификации Филиал ОАО «Амурэнерго» «Райчихинская ГРЭС» и по месту жительства характеризуется положительно, не злоупотребляет спиртными напитками, участвует в содержании детей – выплачивает алименты.

В силу ч.1, ч. 3 ст. 66 СК РФ, родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования.

Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

При невыполнении решения суда к виновному родителю применяются меры, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством. При злостном невыполнении решения суда суд по требованию родителя, проживающего отдельно от ребенка, может вынести решение о передаче ему ребенка исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

Пункт 8 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.05.1998г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» так же предусматривает обязанность родителя, с которым проживает ребенок, не препятствовать его общению с другим родителем. Лишь в исключительных случаях, когда общение ребенка с отдельно проживающим родителем может нанести вред ребенку, суд, исходя из п. 1 ст. 65 СК РФ, не допускающего осуществление родительских прав в ущерб физическому и психическому здоровью детей и их нравственному развитию, вправе отказать этому родителю в удовлетворении иска об определении порядка его участия в воспитании ребенка, изложив мотивы принятого решения.

Поскольку общение Кудряшова В.В. с его дочерьми не может нанести вред их физическому и психическому здоровью, их нравственному развитию, судом обоснованно постановлено решение об удовлетворении заявленных требований.

Доводы кассационной жалобы Сосновской А.В. о том, что во время их совместной жизни Кудряшов В.В. не проявлял родительской заботы о детях, не участвовал в их воспитании и содержании, запрещал им посещать школу и детский сад, опровергаются материалами дела и не могут быть приняты во внимание судом кассационной инстанции. В силу ст. 56 ГПК РФ, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Сосновская А.В. не представила в заседании суда первой инстанции доказательств того, что Кудряшов В.В. не проявлял родительской заботы о детях, запрещал им посещать школу и детский сад.

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

12 июля 2006г. судебная коллегия по гражданским делам Амурского областного суда в составе:

председательствующего судьи: А.,

судей коллегии: К, В.

рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Благовещенске дело по кассационной жалобе Хлебко А.А. на решение Благовещенского городского суда от 7 июня 2006г.

Заслушав дело по докладу судьи А., пояснения Хлебко А.А., представителей Дальневосточного Банка Сбербанка России Жарикова А.В., действующего на основании доверенности № 11-11/42 от 3.02.2006г. и Кундиковой Ю.В., действующей на основании доверенности № 11-11/309 от 28.04.2006г., судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Сберегательный банк обратился в суд с иском к Скачковой Т.С., Хлебко А.А. о взыскании долга, процентов. В обоснование своих требований указав, что 04 августа 2005 г. со Скачковой Т.С. был заключён кредитный договор № 19619/2005, по условиям которого истец предоставил ответчику кредит в сумме 150000 рублей под 19% годовых на срок до 04 августа 2010 г. В обеспечение исполнения обязательств по данному кредитному договору с Хлебко А.А. был заключён договор поручительства № 19619/1 от 04 августа 2005 г., согласно которому поручитель обязался нести солидарную ответственность по долгам Скачковой Т.С.

По состоянию на 28 апреля 2006 г. задолженность Скачковой Т.С. по кредитному договору составляет 153797 рублей 83 копейки, в том числе: задолженность по просроченному основному долгу - 12615 рублей 54 копейки, задолженность по основному долгу - 132203 рубля 41 копейка, задолженность по уплате просроченных процентов - 6586 рублей 69 копеек, задолженность по уплате процентов по договору - 1940 рублей 15 копеек, неустойка за просрочку уплаты основного долга - 431 рубль 47 копеек,

неустойка за просрочку уплаты процентов по основному долгу - 20 рублей 57 копеек.

Истец требует взыскать с ответчиков солидарно задолженность по кредитному договору - 153797 рублей 83 копейки, в том числе: задолженность по просроченному основному долгу - 12615 рублей 54 копейки, задолженность по основному долгу - 132203 рубля 41 копейка, задолженность по уплате просроченных процентов - 6586 рублей 69 копеек, задолженность по уплате процентов по договору - 1940 рублей 15 копеек, неустойка за просрочку уплаты основного долга - 431 рубль 47 копеек, неустойка за просрочку уплаты процентов по основному долгу - 20 рублей 57 копеек, а также расходы по уплате государственной пошлины - 3137 рублей 98 копеек.

Ответчик Скачкова Т.С. иск признала, а соответчик Хлебко А.А. в судебное заседание не явился, о времени и месте судебного заседания был извещен надлежащим образом.

Решением Благовещенского городского суда от 7 июня 2006г. постановлено взыскать со Скачковой Татьяны Сергеевны, Хлебко Александра Александровича в пользу Сберегательного банка солидарно: долг по кредитному договору от 04 августа 2005г. № 19619/2005 в общей сумме 153797 рублей 83 копейки, из которых: задолженность по просроченному основному долгу - 12615 рублей 54 копейки, задолженность по основному долгу - 132203 рубля 41 копейка, задолженность по уплате просроченных процентов - 6586 рублей 69 копеек, задолженность по уплате процентов по договору - 1940 рублей 15 копеек, неустойка за просрочку уплаты основного долга - 431 рубль 47 копеек, неустойка за просрочку уплаты процентов по основному долгу - 20 рублей 57 копеек; а также взыскать в солидарном порядке расходы по уплате государственной пошлины в сумме 3137 рублей 98 копеек, всего взыскать солидарно 156935 (сто пятьдесят шесть тысяч девятьсот тридцать пять) рублей 81 копейку.

В кассационной жалобе Хлебко А.А. просит отменить состоявшееся решение, поскольку оно вынесено с нарушением норм процессуального права. Указывает, что на момент рассмотрения судом первой инстанции дела по иску Сберегательного банка к Скачковой Т.С., Хлебко А.А. о взыскании долга, процентов, Благовещенским городским судом не было рассмотрено по существу дело по иску Хлебко А.А. к Сбербанку РФ, Скачковой Т.С. о признании договора поручительства № 19619/1 от 4.08.2005г. недействительным. Полагает, что при рассмотрении данного спора было нарушено его право на защиту, так как его ходатайство о приостановлении производства по делу не было рассмотрено по существу судом.

Изучив материалы дела, в соответствии с ч. 1 ст. 347 ГПК РФ, в пределах доводов жалобы, судебная коллегия находит решение суда первой инстанции законным и обоснованным.

Согласно ст. 215 ГПК РФ, суд обязан приостановить производство по делу в случае невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в гражданском, административном или уголовном производстве.

Из материалов дела следует, что 6 июня 2006г. в Благовещенский городской суд поступило исковое заявление Хлебко А.А. к Сберегательному банку России и Скачковой Т.С. о признании договора поручительства недействительным. Однако, на момент рассмотрения дела судом кассационной инстанции имелось вступившее в законную силу решение Благовещенского городского суда от 21 июня 2006г. принятое по делу по иску Хлебко А.А. к Сберегательному банку и о признании договора поручительства недействительным, которым постановлено Хлебко А.А. в иске к Сберегательному банку РФ о признании недействительным договора поручительства – отказать.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА

Тема 1 «Убедительные основания»

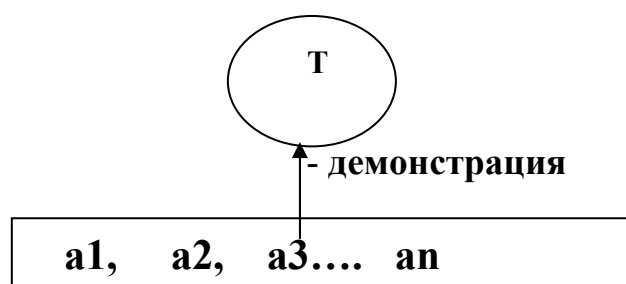
1. Что такое аргументация.
2. Принципы достаточного основания.
3. Абсолютное и сравнительное обоснование
4. Основные функции языка

1. Что такое аргументация.

Аргументация – это приведение доводов с целью изменения позиции или убеждений другой стороны.

Довод или аргумент представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначен для поддержки **тезиса аргументации** – утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить аудитории, сделать составной частью ее убеждений.

Классическая структура аргументации включает в себя: **тезис** – обосновываемое утверждение, **аргументы** – теоретические и (или) фактические данные, подтверждающие истинность тезиса и **демонстрацию** – логическую связь между аргументами и тезисом. Графически схему аргументации можно представить следующим образом:

Словом «аргументация» часто называют не только процедуру приведения аргументов в поддержку какого-то положения, но и саму совокупность таких аргументов. Теория аргументации исследует многообразные способы убеждения аудитории с помощью речевого воздействия. Теория аргументации анализирует и объясняет открытые механизмы «незаметного искусства» речевого воздействия в рамках самых разных коммуникативных систем от научных доказательств до политической пропаганды, художественного языка и торговой рекламы.

Влиять на убеждения слушателей или зрителей можно не только с помощью речи и словесно выраженных доводов, но и многими другими способами: жестом, мимикой, наглядными образами и т.п. Даже молчание в определенных случаях оказывается достаточно веским аргументом. Эти способы воздействия на убеждения изучаются психологией, теорией искусства и др., но не затрагиваются теорией аргументации.

Аргументация представляет собой речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-то мнения. Она обращается в первую очередь к разуму человека, который способен, рассудив, принять или отвергнуть это мнение.

Таким образом, для аргументации характерны следующие черты:

1. Аргументация всегда *выражена в языке*, имеет форму произнесенных или написанных утверждений; теория аргументации исследует взаимосвязь этих утверждений, а не те мысли, идеи, мотивы, которые стоят за ними;
2. Аргументация является *целенаправленной* деятельностью: она имеет своей задачей усиление или ослабление чьих-то убеждений;
3. Аргументация – это *социальная* деятельность, поскольку она направлена на другого человека или других людей, предполагает *диалог* и активную реакцию другой стороны на приводимые доводы;

4. Аргументация предполагает разумность тех, кто ее воспринимает, их способность рационально взвешивать аргументы, принимать их или оспаривать.

Поскольку аргументация является одним из видов человеческой деятельности необходимо различать понятие «субъекты аргументативного процесса.»

Субъектами аргументативного процесса называются его участники.

Обязательными участниками, или субъектами, аргументативного процесса являются: **пропонент (протагонист), оппонент и аудитория (реципиент).**

Пропонентом (S_1) называют участника, выдвигающего и отстаивающего определенное положение. Без пропонента нет аргументативного процесса, поскольку спорные вопросы не возникают сами по себе, они должны быть кем-то сформулированы и поставлены на обсуждение. Пропонент может выражать свою личную позицию либо представлять коллективное мнение – научной школы, партии, религиозного сообщества, трудового коллектива, обвинения.

Оппонентом (S_2) называют участника, выражающего несогласие с позицией пропонента. Оппонент может непосредственно присутствовать и лично участвовать в обсуждении, но может и не быть непосредственным участником аргументативного процесса. Оппонент – это не всегда явный и персонифицированный участник обсуждения. Бывают выступления, когда присутствующие не возражают пропоненту, однако в аудитории находится неявный оппонент, который в последствии может выступить с возражениями.

Аудитория (S_3) – коллективный субъект аргументативного процесса, поскольку как пропонент, так и оппонент видят главную цель обсуждения не только и не столько в переубеждении друг друга, сколько в завоевании на свою сторону аудитории. Поэтому аудиторию нельзя рассматривать как пассивную массу. Она имеет свое лицо, свои взгляды и свои коллективные

убеждения, это социум, выступающий **основным объектом аргументативного воздействия**. Аудитория не является пассивным объектом аргументативной обработки и потому, что она может и часто выражает свое согласие или несогласие с позицией ведущих участников – пропонента и оппонента.

2. Принципы достаточного основания.

Искусство аргументации включает многие компоненты. Но наиболее важным, соединяющим все другие компоненты, является умение рассуждать **обоснованно**, подкреплять свои выдвигаемые положения убедительными аргументами.

Обоснованность знания – одно из наиболее важных требований, предъявляемых к теоретическому мышлению. Понятие *обоснования* – центральное в теории познания вообще и в методологии научного познания в частности.

В каждой конкретной научной дисциплине исторически складываются свой уровень точности и доказанности. Но к какой бы области знания ни относилось то или иное положение – идет ли речь о математике или этике, - всегда предполагается, что имеются *достаточные основания*, в силу которых данные положения принимаются или считаются истинными.

Требование обоснованности предъявляются и к практическому мышлению, однако здесь эти требования имеют несколько ослабленную форму. Но и в практическом мышлении выдвигаемые идеи должны поддерживаться достаточно отчетливыми и убедительными аргументами, хотя сам характер аргументации в рамках практического мышления существенно меняется. Требование обоснованности относится и к повседневному знанию. При всей неточности и аморфности повседневное знание также должно опираться на определенные, относительно надежные основания.

Требование обоснованности знания иногда называют **принципом достаточного основания**. Впервые его в явном виде сформулировал Г. Лейбниц. Однако вопрос об обоснованности рассуждения был поставлен уже в период античности. Демокрит подчеркивал, что он физика ценит больше чем оратора, поскольку физик пытается найти и обосновать причину исследуемого явления, в то время, как оратор больше заботится о внешней красоте речи. (Здесь понятие «физик» употребляется в античном смысле, т.е. наблюдатель, исследователь). По мысли Лейбница, все существующее имеет достаточное обоснование для своего существования. В силу этого ни одно явление не может считаться действительным и ни одно утверждение истинным или справедливым без указания его основания. «Всякая истина, - писал Лейбниц, - или может быть доказана из абсолютно первых (можно доказать, что те сами недоказуемы), или же сама есть абсолютно первая. И, как обычно говорят, это означает, что ничто не должно утверждаться без основания и даже что ничто не делается без основания»¹ЛЕЙБНИЦ

Если в основе всех *необходимых истин* лежит логический закон противоречия, считал Лейбниц, предпосылкой *всех фактических и случайных истин* выступает принцип достаточного основания.

Однако характеристика последнего, данная Лейбницем, не отличалась ясностью, и уже вскоре были предприняты попытки свести требование достаточного основания к условию непротиворечивости. В дальнейшем идея Лейбница понималась по-разному. В частности немецкий философ А. Шопенгауэр истолковывал ее как положение о необходимой взаимосвязи каждого явления со всеми иными явлениями; время, пространство, причинность основания знания и поведение оказывались при этом многообразными формами проявления фундаментальной взаимосвязи явлений.

В традиционной логике требование обоснованности знания называется **законом достаточного основания**, он рассматривается в логике как один из основных формально логических законов (наряду с **законом противоречия**,

исключенного третьего и законом тождества). Требование достаточного основания обычно распространялось на все суждения, но иногда делалось исключение для суждений непосредственного опыта и выводные суждения, уже обоснованные посредством доказательств, сами могут выступать достаточным основанием. Вопрос о том, как обосновываются эти «конечные элементы» (аксиомы или определения), обычно оставался открытым.

3. Абсолютное и сравнительное обоснование.

Все многообразные способы обоснования, обеспечивающие в конечном счете достаточные основания для принятия утверждения, условно можно разделить на **абсолютные и сравнительные**.

Абсолютное обоснование – это приведение убедительных, или достаточных, оснований, в силу которых должно быть принято обосновываемое положение.

Сравнительное обоснование – это система убедительных доводов в поддержку того, что лучше принять обосновываемое положение, чем иное, противопоставляемое ему положение.

Абсолютное обоснование относится к отдельному утверждению и представляет собой совокупность доводов в его поддержку. Сравнительное обоснование касается пары связанных между собой утверждений и является системой доводов в поддержку того, что должно быть принято (лучше принять) одно из утверждений, а не другое. Совокупность доводов, приводимых в поддержку обосновываемого положения, называется **основанием** обоснования.

Пусть A – какое-то обосновываемое положение, B – другое положение, противопоставляемое в каком-то смысле положению A , и C – основание обоснования.

Общая схема, или структура, абсолютного обоснования такова: « A должно быть принято в силу C »; структура сравнительного обоснования такова: «Лучше принять A , чем принять B , в силу C ».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что абсолютное обоснование является абсолютной оценкой какого-то утверждения, взятого само по себе; сравнительное обоснование – это сравнительная оценка, связывающая между собой два утверждения.

Если мы говорим, что розы – хорошие цветы, мы однозначно приписываем розам позитивную ценность. Но если утверждается, что розы лучше гладиолусов, это не означает, что розы считаются хорошими; и розы и гладиолусы могут оцениваться нами негативно, и вместе с тем мы можем отдавать предпочтение розам. И ложь, и воровство являются предосудительными, негативно ценными. Но можно сказать, что лгать все-таки лучше, чем воровать, хотя и то, и другое плохо.

Если какое-то описательное утверждение оценивается как обоснованное, есть основания принять его в качестве истинного. Если же говорится, что одно описательное утверждение более обоснованно, чем другое, и что лучше – в силу приведенных оснований – принять первое, а не второе, это не означает, что первое утверждение истинно, а другое ложно. Оба они могут быть маловероятными, но одно из них при этом является более правдоподобным, чем другое.

Сравнительное обоснование обычно называется **рационализацией**. В условиях, когда абсолютное обоснование недостижимо, применяется сравнительное обоснование. Абсолютное обоснование при этом называется просто **обоснованием**. Установление абсолютной ценности какого-то предмета и установление его сравнительной ценности – это два разных, взаимодополняющих видения одного и того же объекта. Не редуцируемых друг к другу.

Вопрос о соотношении абсолютного и сравнительного обоснования остается пока неисследованным. Но, совершенно очевидно, что сравнительное обоснование несводимо к абсолютному. Но, сводимо ли абсолютное обоснование к сравнительному?

Иногда «хорошо» определяется через «лучше»; нечто является хорошим, когда его наличие лучше, чем его отсутствие. Например: Хорошо иметь синий цвет, если и только если быть синим лучше, чем не быть синим. Однако это и подобные ему определения носят частный характер и не позволяют получить «логику добра» в качестве следствия логики предпочтения («логики лучше»).

Исходя из общих соображений, касающихся определимости абсолютных оценок через сравнительные, можно сказать, что рассматриваемое определение абсолютного обоснования через сравнительное, если и применимо, то очень редко. Таким образом, естественно допустить, что абсолютное и сравнительное обоснование в общем случае несводимы друг к другу. Они представляют собой два разных, в широких пределах независимых друг от друга способа утверждения и упрочнения знания, нередко дополняющих друг друга.

Проблема абсолютного обоснования была центральной для эпистемологии Нового времени. Конкретные формы этой проблемы менялись, но в «классическом» мышлении того времени они всегда связаны с характерным для него представлением о существовании абсолютных, непоколебимых и не пересматриваемых оснований всякого подлинного знания, с идеей постепенного и последовательного накопления «чистого» знания, с противопоставлением истины, допускающей обоснование и субъективных, меняющихся от человека к человеку ценностей, с дихотомией эмпирического знания и другими «классическими предрассудками». Речь шла о способе или процедуре, которая обеспечила бы безусловно твердые, неоспоримые основания для знания. С разложением «классического» мышления смысл проблемы обоснования существенно изменился. Стали очевидными три момента:

1. Никаких абсолютно надежных и не пересматриваемых со временем оснований теоретического и тем более практического знания не существует, и можно говорить только об относительной их надежности.

2. В процессе обоснования используются многочисленные и разнородные приемы, удельный вес которых меняется от случая к случаю и которые несводимы к какому-то ограниченному, каноническому их набору, представляющему «научным методом» или «рациональным методом».

3. Само обоснование имеет ограниченную применимость, являясь прежде всего процедурой науки и связанной с нею техники (автоматическое перенесение образцов обоснования, сложившихся в одних областях, и прежде всего в науке, на любые другие области недопустимо).

Требования обоснования и рационализации (абсолютного и сравнительного обоснования) является конкретизацией принципа достаточного обоснования, сформулированного Г.Лейбницем. Эти требования представляют собой два фундаментальных, описательно-оценочных принципа:

1. Оценка с точки зрения абсолютной обоснованности относится прежде всего к знанию, взятому **в динамике**, еще не сложившемуся и требующему каких-либо надежных оснований. Оценка с точки зрения относительности обоснованности – это по преимуществу оценка знания, рассматриваемого **в статике**, как нечто уже сформировавшееся, устоявшееся и завершенное.

2. Первая оценка идет в русле **аристотелевской** традиции видеть мир, в том числе и реконструированный в рамках какой-то теории или концепции как становление. Вторая оценка – продолжение **платоновской** традиции рассматривать мир как бытие, как нечто уже ставшее. Полная же оценка знания должна складываться из этих двух исключających и дополняющих друг друга оценок.

Дуализм обоснования и рационализации является частным случаем общего дуализма, который проявляется в случае каждой из категорий мышления. Обоснование (абсолютное и сравнительное) соотносятся между собою как **средство и цель**: способы обоснования составляют в совокупности ядро всех многообразных приемов аргументации, но не

исчерпывают их. В аргументации используются не только корректные приемы, к которым относятся способы обоснования, но и некорректные приемы, подобные лжи и вероломству, не имеющие ничего общего с обоснованием. Кроме того, процедура аргументации как живая, непосредственная человеческая деятельность должна учитывать не только защищаемый или опровергаемый тезис, но и контекст аргументации, и в первую очередь ее аудиторию.

Приемы аргументации могут быть и почти всегда являются более острыми, чем приемы обоснования. Но все приемы аргументации, выходящие за сферу приемов обоснования, заведомо менее универсальны и в большинстве аудиторий менее убедительны, чем приемы обоснования.

4. Основные функции языка.

Наш обычный язык – полноправный соавтор всех наших мыслей и дел. В известном смысле, он классик, а мы только современники самих себя.

«Законы действительности запечатлелись в человеческом языке как только он начал возникать... Мудрость языка настолько же превосходит любой человеческий разум, насколько наше тело лучше ориентируется во всех деталях жизненного процесса, протекающего в нем, чем мы сами». (С. Лем.)

«Если бы не было речи, то не были бы известны ни зло, ни истина, ни ложь, ни удовлетворение и ни разочарование. Речь делает возможным понимание всего этого. Размышляйте над речью.» (Упанишады).

Язык – это знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания. Системность языка выражается в наличии в каждом языке помимо словаря также синтаксиса и семантики. *Синтаксис* – это совокупность правил образования выражений языка и их преобразования. *Семантика* – множество правил придания значений выражениям языка. Каждый язык имеет также *прагматику*, определяющую отношение между языком и теми, кто его использует для общения и познания.

Функции, или употребления языка – это те основные задачи, которые решаются с помощью языка в процессе коммуникации и познания.

Обычный язык, предназначенный, прежде всего, для повседневного общения, имеет целый ряд своеобразных черт. В определенном смысле их можно считать его недостатками. Этот язык является аморфным как со стороны своего словаря, так и в отношении правил построения выражений и придания им значений. В нем нет четких критериев осмысленности утверждений. Не выявляется строго логическая форма рассуждений: значения отдельных слов и выражений зависят не только от них самих, но и от их окружения. Многие соглашения относительно употребления слов не формулируются явно, а только предполагаются. Почти все слова имеют несколько значений. Одни и те же предметы порой могут называться по-разному. Эти и другие особенности обычного языка говорят, однако, не столько об определенном его несовершенстве, сколько о могуществе, гибкости и скрытой силе.

Одной из специфических особенностей языка является его многофункциональность. В теории аргументации описание функций языка осуществляет **теория речевых актов**. Эта теория приобрела известность в последние 30 лет, хотя в ее основе лежат идеи, высказанные английским философом Дж. Остиным еще в 1955г. В дальнейшем эти идеи были развиты и конкретизированы Дж. Сёрлем, П.Ф. Стросоном.

Объектом исследования речевых актов являются **акты речи** – произнесение говорящим предложений в ситуации непосредственного общения со слушающим. Теория развивает деятельностное представление о языке, что важно для теории аргументации, рассматривающей аргументацию как определенное рода взаимодействие говорящего и слушающих. Теория речевых актов дает детальное описание внутренней структуры речевого акта – элементарного звена речевого общения. В этой теории субъект речевой деятельности понимается не как абстрактный индивид, лишенный каких-либо качеств и целей, а как носитель ряда конкретных характеристик:

психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определенного социального института). Сточки зрения теории речевых актов можно выделить следующие функции языка:

1. Ассертивы. Ассертивные речевые акты (утверждающие) речевые акты, такие как утверждение, заключение и предположение, являются коммуникативными актами, с помощью которых говорящий выражает свое мнение о чем-то. Он определенным образом делает себя ответственным за принятие пропозиции, выраженной в речевом акте: он обязан дать доказательства ее приемлемости, если это оспаривается слушателем. Согласно условию ответственности. Считается, что говорящий полагает, что его пропозиция точна. Основой ассертива является утверждение. С помощью которого говорящий гарантирует верность выраженного содержания, но также существуют ассертивы, которые касаются приемлемости в более широком смысле. В критической дискуссии могут встречаться все типы ассертивных речевых актов. На стадии конфронтации они могут выразить рассматриваемую точку зрения (на стадии конфронтации устанавливается, что существует спор, выдвигается точка зрения и подвергается сомнению); на стадии аргументации – аргументы в защиту этой точки зрения (на стадии аргументации протагонист (пропонент) защищает свою точку зрения, а антагонист (оппонент) добивается от него дальнейшей аргументации, пока у него еще остаются сомнения); на заключительной стадии – исход дискуссии (на заключительной стадии устанавливается то, как разрешен спор, т.к. от точки зрения или сомнения, касающегося этой точки зрения, отказываются. Если опровергается точка зрения, спор разрешен в пользу антагониста, если опровергается сомнение в выдвигаемой точке зрения, спор разрешен в пользу протагониста. В первом случае, протагонист может принять точку зрения, противоположную его первоначальной точке зрения, но это не обязательно. Он может также принять нулевую точку зрения или изменить свою первоначальную точку зрения).

Хотя утверждение – это тип ассертивного акта, точка зрения или аргумент могут выражаться такими речевыми актами как требование, заверение, предположение и т. д. Вера в правильность пропозиции может быть очень сильной, как в случае уверенного утверждения или заключения, но она может быть очень слабой, как в предположении. Но. Чем более уверенно выдвигается положение, тем сильнее должна быть аргументирована защита.

2. Директивы. Директивные речевые акты, такие как просьба, вопрос, приказание и рекомендации, являются речевыми актами, с помощью которых говорящий пытается заставить слушающего сделать что-то, выраженное в утверждаемом содержании речевого акта, или удержать его от этого. Согласно условию ответственности, считается, что говорящий хочет, чтобы соответствующее действие произошло или не произошло. Только эти директивные речевые акты могут встречаться в критической дискуссии, которая требует, чтобы протагонист защищал свою точку зрения (стадия конфронтации) или привел аргументы в пользу своей точки зрения (стадия аргументации). Согласно идеальной модели, от протагониста может не требоваться ничего, кроме как давать аргументацию в защиту своей точки зрения. При этом его не понуждают отказаться от своей точки зрения ради мира и спокойствия или из-за неприятных последствий для его семьи.

3. Комиссивы. Комиссивные речевые акты, такие как обещание, одобрение и соглашение, являются коммуникативными актами, с помощью которых говорящий обязуется совершить то, что выражено в пропозиции речевого акта, или удержаться от этого. Согласно условию ответственности, считается, что говорящий естественное намерение сделать все то, что он обещает. Комиссивные речевые акты могут выполнять несколько ролей в критической дискуссии. На стадии конфронтации и заключения они могут быть использованы для принятия или непринятия точки зрения. На стадии аргументации – для принятия или непринятия аргументов, на стадии открытия – для принятия вызова защищать свою точку зрения. На стадии

открытия они также могут использоваться для принятия решения начать дискуссию, для соглашения по распределению ролей и правил ведения дискуссии и для соглашения по поводу того, как завершить дискуссию. (На стадии открытия принимается решение попытаться разрешить спор с помощью регулируемого аргументированного обсуждения. Одна сторона принимает роль протагониста, что означает готовность защищать свою точку зрения с помощью аргументации; другая сторона принимает роль антагониста, что означает стремление систематически критиковать точку зрения. При несмешанном споре сторона, действующая как протагонист не имеет иной задачи, кроме защиты своей точки зрения, а сторона, действующая как антагонист, не имеет иной задачи, кроме как критиковать точку зрения протагониста. Обе стороны должны договориться о правилах дискуссии). На стадии заключения они могут использоваться для принятия решения о начале новой дискуссии.

4. Экспрессивы – это речевые акты, которые выражаются через поздравление, соболезнование и выражение радости, разочарования, гнева или сожаления. Они являются речевыми актами, с помощью которых говорящий выставляет напоказ свои чувства, касающиеся определенного события или положения дел. Согласно подготовительному условию, то, что данное событие действительно произошло, принимается как должное. В соответствии с условием ответственности считается, что говорящий выразил свои эмоции в рамках речевого акта. Так как экспрессивные речевые акты выражают чувства говорящего и не ведут ни к каким особым обязательствам, которые относятся к разрешению спора, они, как правило, не участвуют в критической дискуссии. Конечно, это не означает, что они совершенно не могут повлиять на процесс разрешения спора. Вздох антагониста по поводу того, что он не доволен аргументами протагониста, является эмоциональным обстоятельством, которое может отвлечь внимание от аргументов и от того факта, что протагонист действительно соблюдает

все согласованные правила дискуссии. С другой стороны, экспессивы также могут стимулировать значительный обмен идеями.

5. Декларативы – речевые акты, такие как увольнение служащего, открытие собрания и провозглашение мужем и женой, являются коммуникативными актами, с помощью которых говорящий отражает определенное состояние дел, которое совпадает с содержанием утверждения. Декларативы обычно употребляются в более или менее закрепленных контекстах, таких как ведение судебных процессов, собраний и религиозных церемоний, в которых всегда понятно, кому поручено совершить определенный декларатив. Исключением из этого правила можно считать такие речевые акты, которые содержат дефиницию или добавления и разъяснение. Их назначение – способствовать пониманию слушающим других речевых актов, путем указания на то, как их надо интерпретировать. Употребление таких декларативов не требует специальных полномочий. Так как декларативы зависят только от авторитета и употребляются в строго закрепленном тексте, они прямо не содействуют разрешению спора. Следовательно, они не являются частью критической дискуссии. В лучшем случае, они могут привести к урегулированию спора, но не к его разрешению. Тем не менее речевые декларативы могут выполнять полезную роль на всех стадиях критической дискуссии. На стадии конфронтации они могут разъяснять словесную путаницу; на стадии открытия дискуссии они могут прояснить путаницу в правилах ведения дискуссии, на стадии аргументации они могут предотвращать поспешное принятие или непринятие положения; на заключительной стадии они могут предотвращать сомнительные решения. Следовательно, в критической дискуссии использование этих декларативов (разъяснения, уточнения, добавления) может выполнять также весьма полезную роль.

Данная классификация функционального употребления языка отражает классификацию теории речевых актов, разработанную Дж. Сёрлем и П.Ф. Стронсоном. Однако, это не единственная классификация функций речи. Так

А.А. Ивин дает несколько другую классификацию. Согласно его классификации выделяются следующие функции языка:

1. **Описание** – сообщение о реальном положении вещей. Сообщение, соответствующее действительности, является истинным. Сообщение, не отвечающее реальному положению дел – ложно. Иногда допускается, что описание может быть неопределенным, лежащем между истиной и ложью. К неопределенным можно отнести многие описания будущего (например, «Через год в этот день будет пасмурно»), описания движения, возникновения и исчезновения каких-то объектов и т.п.

2. **Норма** – с помощью этой функции осуществляется попытка заставить человека что-то сделать. Это выражения которые произносятся в форме команды, приказа, требования, предписания, закона, правил и т.п. Например, «Прекратите говорить!» или «Старайтесь приносить максимум пользы как можно большему числу людей» и др. Нормы, в отличие от описаний, не являются истинными или ложными, но они могут быть обоснованными или необоснованными, способствующими достижению каких-то целей или нет.

3. **Экспессивы** – выражения различных чувств: «Сожалею, что разбудил вас», «Искренне сочувствую вам» и т.п. Экспессивы передают определенные психологические состояния, в них идет речь о каком-то свойстве (не обязательно действии), приписываемом либо говорящему либо слушающему. Например, я вправе поздравить вас с победой на соревнованиях, если вы действительно победили и если я на самом деле радуюсь вашей победе. В этом случае поздравление будет искренним и его можно расценивать как истинное. В противном случае его нужно будет расценивать как ложное.

4. **Декларации** – используются для изменения мира словом. Именно эта задача решается, например, выражениями: «Назначаю вас председателем», или «Ухожу в отставку» и т.п. Декларации меняют существовавшее до их произнесения положение вещей. Декларации не

являются ни истинными, ни ложными, но они также как и нормы могут быть обоснованными или необоснованными.

5. Язык используется для **обещаний** – т.е. для того, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или придерживаться определенной линии поведения. «Обещаю вести себя примерно», «Клянусь говорить правду, только правду и ничего кроме правды». Обещания можно истолковать как просьбы к самому себе, т.е. как нормы, адресованные говорящим самому себе и в чем-то предопределяющие его поведение в будущем.

6. Язык может использоваться для **оценок**, т.е. для выражения положительного, отрицательного или нейтрального отношения к рассматриваемому объекту или если сопоставляются два объекта, для выражения предпочтения одного из них другому или утверждения равноценности друг другу. Оценками являются высказывания «Хорошо, что погас свет», «Плохо, когда кто-то опаздывает» и т.п. В отличие от описаний они не являются истинными или ложными, но они могут быть глубокими или поверхностными, общепринятыми или нет, эффективными или нет и т.п.

Тема 2. Эмпирическая аргументация

1. Прямое подтверждение
2. Подтверждение следствий
3. Факты как примеры
4. Факты как иллюстрации

1. Прямое подтверждение.

Все многообразные виды аргументации можно разделить на **эмпирические и теоретические.**

Эмпирическая аргументация – это аргументация, неотъемлемым элементом которой является ссылка на опыт, на эмпирические данные.

Теоретическая аргументация – это аргументация, опирающаяся на рассуждение и не пользующаяся непосредственно ссылками на опыт.

Различие между эмпирической и теоретической аргументацией является относительным, как относительна сама граница между эмпирическим и теоретическим знанием. Нередки случаи, когда в одном и том же процессе аргументации соединяются вместе и ссылки на опыт, и теоретические рассуждения.

Ядро приемов эмпирической аргументации составляют *способы эмпирического обоснования знания*, называемые также (эмпирическим) подтверждением или **верификацией**. Однако, эмпирическая аргументация не сводится только к подтверждению. В процессе аргументации эмпирические данные могут использоваться не только в качестве подтверждения. Так, примеры и иллюстрации, играющие обычно в аргументации заметную роль, не относятся к приемлемым способам эмпирического подтверждения. Кроме того, в аргументации ссылки на опыт могут быть и заведомо недобросовестными, что исключается самим смыслом понятия подтверждения. И эмпирическая аргументация, и ее частный случай эмпирическое подтверждение, строго применимы только для описательных утверждений. Декларации, клятвы, предостережения, решения, идеалы, нормы и иные выражения, тяготеющие к оценкам, не допускают эмпирического подтверждения и обосновываются иначе, чем ссылки на опыт. В случае таких выражений неуместна вообще эмпирическая аргументация. Ее использование с намерением убедить кого-то в приемлемости определенных решений, норм, идеалов и т.п. должно быть отнесено к **некорректным** приемам аргументации. Подтверждение может быть прямым, или непосредственным и косвенным.

Прямое подтверждение – это непосредственное наблюдение тех явлений, о которых говорится в обосновываемом утверждении.

При косвенном подтверждении речь идет о подтверждении логических следствий обосновываемого утверждения, а не о прямом подтверждении самого утверждения.

Хорошим примером прямого подтверждения служит доказательство гипотезы о существовании планеты Нептун: вскоре после выдвижения гипотезы эту планету удалось увидеть в телескоп. Французский астроном Ж. Леверье, изучая возмущения в орбите Урана, теоретически предсказал существование Нептуна и указал, куда надо направить телескопы, чтобы увидеть новую планету. Когда самому Леверье предложили посмотреть в телескоп, чтобы убедиться, что найденная на «кончике пера» планета существует, он отказался: «Это меня не интересует, я и так знаю, что Нептун находится именно там, где и должен находиться, судя по вычислениям». Можно сказать, что это была неоправданная самоуверенность. Как бы ни были точны вычисления Леверье, до момента непосредственного наблюдения утверждение о существовании Нептуна оставалось пусть высоковероятным, но только предположением, а не достоверным фактом. Могло оказаться, что возмущения в орбите Урана вызываются не неизвестной пока планетой, а какими-то иными факторами. Именно так и оказалось при исследовании возмущений в орбите другой планеты – Меркурия.

Но даже в самых простых констанциях нет «чистого» чувственного созерцания. У человека оно всегда пронизано мышлением, без понятий и без примеси рассуждения он не способен выразить даже самые простые свои наблюдения, зафиксировать самые очевидные факты.

«Даже наш опыт, получаемый из экспериментов и наблюдений,- пишет К. Поппер,- не состоит из «данных». Скорее он состоит из сцепления догадок – предположений, ожиданий, гипотез и т.п., с которыми связаны принятые нами традиционные научные и ненаучные знания и предрассудки. Такого явления как чистый опыт, полученный в результате эксперимента или наблюдения, просто не существует. Нет опыта, не содержащего

соответствующих ожиданий и теорий. Нет никаких чистых «данных» и эмпирически данных «источников знания», на которые мы могли бы опереться при проведении нашей критики».

Поппер приводит интересные примеры существенной предопределенности опыта задачей, стоящей перед исследователем, принятой им точкой зрения или теорией. «... Вера в то, что мы можем начать научное исследование с одних чистых наблюдений, не имея чего-то похожего на теорию, является абсурдной. Справедливость этого утверждения можно проиллюстрировать на примере человека, который всю свою жизнь посвятил науке, описывая каждую вещь, попадавшуюся ему на глаза, и завещал свое бесценное собрание наблюдений Королевскому обществу для использования в качестве индуктивных данных. Этот пример хорошо показывает, что, хотя вещи иногда копить полезно, наблюдения копить нельзя.

... Я пытался внушить эту мысль группе студентов – физиков в Вене, начав свою лекцию словами: «Возьмите карандаш и бумагу, внимательно наблюдайте и описывайте ваши наблюдения!» Они спросили, конечно, что именно они должны наблюдать. Ясно, что простая инструкция «наблюдайте!» является абсурдной»

Наблюдение всегда имеет избирательный характер. Из множества объектов должен быть выбран один или немногие, должна быть сформулирована проблема или задача, ради решения которой осуществляется наблюдение. Описание наблюдения предполагает использование языка, и значит, все те сходства и классификации, которые заложены в этом языке. Опыт, начиная с самого простого обыденного наблюдения и кончая сложным научным экспериментом, всегда имеет **теоретическую** составляющую и в этом смысле не «чистым».

«... Даже наблюдения и сообщения о наблюдениях,- пишет Поппер, - находится под властью теорий или, если предпочесть термин, под влиянием концептуального каркаса. Действительно, неинтерпретированных

наблюдений, наблюдений, не пропитанных теорией, вообще не существует. На самом деле даже наши глаза и уши являются результатом эволюционных приспособлений, т.е. метода проб и ошибок, соответствующего методу предположений и опровержений. Оба эти метода заключаются в приспособлении к закономерностям окружающей среды».

Идея «теоретической нагруженности» опыта, столь популярная современной методологии науки, стала складываться в начале XX века. Освальд Шпенглер писал, что «всякий научный опыт, каким бы он ни был, является, ко всему прочему еще и свидетельством способов символического представления. Все словесно зафиксированные законы суть живые, одушевленные распорядки, исполненные самого сокровенного содержания какой-то одной, и притом только этой, культуры». Шпенглер считал, что научный и повседневный опыт не только содержит в себе теоретическую составляющую, но всегда является выражением своеобразной и целостной культуры своего времени. «Всякий факт, даже простейший, - писал он, - уже содержит в себе теорию. Факт – это единственное в своем роде впечатление, испытываемое бодрствующим существом, и все зависит от того, для кого он существует или существовал: для античного ли человека или западного, для человека готики или барокко». К примеру, молния производит совершенно разное впечатление на воробья и на наблюдающего за ней естествоиспытателя, сходным образом она по-разному воспринималась людьми разных эпох.

«Теоретическая нагруженность» фактов особенно наглядно проявляется в современной физике, исследующей объекты, не наблюдаемые непосредственно и широко использующей для их описания математический аппарат. Истолкование фактов, относящихся к таким объектам, представляет собой самостоятельную и иногда весьма сложную проблему.

Интересный пример на эту тему приводит в своих воспоминаниях В. Гейзенберг. Обсуждая с Н. Бором эксперименты, относящиеся к квантовой механике, они остановились в недоумении перед вопросом, как можно было

бы привести в согласие с формулами квантовой и волновой механики такой простой феномен, как траектория электрона в камере Вильсона. Эта траектория существовала, ее можно было наблюдать. Однако в квантовой механике понятие траектории вообще не упоминалось, а в волновой механике траектория должна была выглядеть совершенно иначе. «... В один из вечеров случилось так,- пишет Гейзенберг,- что я внезапно подумал о моем разговоре с Эйнштейном и вспомнил его выражение: «Только теория решает, что можно наблюдать.» Мне тут же стало ясно, что ключ к столь долго не открывавшейся двери нужно искать в этой точке. ...В самом деле, мы всегда бездумно говорили, что траекторию электрона в камере Вильсона можно понаблюдать. Однако возможно, что наблюдалось нечто иное. Возможно, наблюдались лишь дискретные следы неточно определенных местоположений электрона. Ведь фактически мы видим лишь отдельные капельки воды в камере, которые заведомо намного протяженнее чем электрон. Правильно поставленный вопрос поэтому должен был гласить: можно ли в квантовой механике отразить ситуацию, при которой электрон приблизительно, т.е. с известной неточностью – находится в определенном месте и при этом приблизительно, т.е. опять таки с известной неточностью - обладает заранее данной скоростью, и можно ли сделать эту неточность настолько малой, чтобы не возникали расхождения с экспериментальными данными. Краткие вычисления подтвердили, что подобные ситуации можно представить математически и что неточности охватываются теми соотношениями, которые позднее были названы соотношениями неопределенности квантовой механики».

Обычно географические открытия представляются «чистыми» наблюдениями островов, морей, горных вершин и т.п. Но можно заметить, что и географическое имеет тенденцию направляться теорией. Колумб исходил из идеи шарообразности Земли, и держа постоянный курс на Запад приплыл к берегам Америки. Он не считал, однако, что им открыт новый, неизвестный европейцам материк. Руководствуясь своими теоретическими

представлениями, Колумб полагал, что им найден только более короткий и простой путь в уже известную Вест-Индию. Географические исследования Франклина, Вегенера, экспедиции Хейердала предпринимались с целью проверки определенных теорий, и результаты этих экспедиций истолковывались в соответствии с этими теориями.

Таким образом, непровержимость чувственного опыта, фактов является относительной. Нередки случаи, когда факты, представляющиеся поначалу достоверными, при их теоретическом переосмысливании пересматривались, уточнялись, а то и вовсе отбрасывались. «Гипотеза должна быть в состоянии обнаружить несостоятельность того, что неверно признается за факты и находится в противоречии с нею» (К.А. Тимирязев).

Чувственный опыт, являющийся конечным источником и критерием знания, сам не однозначен, содержит компоненты теоретического знания, и поэтому нуждается в правильном истолковании, а иногда и в собственном обосновании. Опыт не обладает **абсолютным** непровержимым статусом, он может по-разному интерпретироваться и даже переосмысливаться. Однако, позиция, когда опыт и опирающаяся на него теоретическая конструкция представляются одинаково сомнительным, не может обладать статусом достаточного обоснования. Эмпирические данные, факты обладают, как правило, гораздо большей устойчивостью, чем опирающиеся на них теории. Все теории, даже представляющиеся сейчас вполне надежными, гипотетичны: со временем они будут пересмотрены и на смену им придут другие, более современные теории. Иначе обстоит дело с фактами. Пересмотр обобщающей их теорий не означает автоматически ревизии фактов. Они могут истолковываться по-новому, но их основное содержание остается неизменным.

Широко распространено суждение, что в аргументации, обосновании и опровержении утверждений главную и решающую роль играют факты, непосредственное наблюдение исследуемых объектов. Это утверждение нуждается в существенном уточнении. Использование верных и

неоспоримых фактов – надежный и успешный способ обоснования. Противопоставление таких фактов ложным или сомнительным положениям – хороший метод опровержения. Действительное явление, событие, не согласующееся со следствиями какого-то универсального положения, опровергает не только эти следствия, но и само положение. Факты, как известно, упрямая вещь. При подтверждении утверждений, относящихся к ограниченному кругу объектов, и опровержении ошибочных, оторванных от реальности, спекулятивных конструкций, «упрямство фактов» проявляется особенно ярко. И тем не менее факты, даже в этом узком своем применении, не обладают абсолютной «твердостью». Они не составляют, даже взятые в совокупности, совершенно надежного, незыблемого фундамента для опирающегося на них знания. Факты значат много, но далеко не все.

2. Подтверждение следствий.

В науке, да и не только в ней, непосредственное наблюдение того, о чем говорится в проверяемом утверждении, редкость. Обычно эмпирическое подтверждение является индуктивным подтверждением, а эмпирическая аргументация имеет форму индуктивного умозаключения.

В зависимости от того, имеется ли в умозаключении связь логического следования между его посылками и заключением, различаются два вида умозаключений: дедуктивные и индуктивные. В дедуктивных умозаключениях связь между посылками и заключением опирается на закон логики, в силу чего заключение с логической необходимостью вытекает из посылок. Такое умозаключение всегда ведет от истинных посылок к истинному заключению. В индуктивных умозаключениях посылки и заключения не связаны между собой законом логики и заключение не следует логически из посылок. Достоверность посылок не гарантирует достоверности выводимого из них индуктивного заключения. Убедительность индуктивных обобщений зависит от числа приводимых случаев. Чем обширнее база индукции, тем более правдоподобным является

заклучение. Но иногда и при достаточно большом числе подтверждений индуктивное обобщение оказывается ошибочным.

Например:

Алюминий – твердое тело, железо, медь, цинк, серебро, платина, золото, никель, барий, калий, свинец - твердые тела, все они металлы, следовательно, все металлы – твердые тела.

Все посылки этого умозаключения истинны, но его общее заключение ложно, поскольку ртуть – единственный из металлов – жидкий.

Поспешное обобщение – т.е. обобщение без достаточных на то оснований. Эта ошибка является типичной в индуктивном умозаключении, и, соответственно, в эмпирической аргументации. Индуктивные обобщения всегда требуют известной осмотрительности и осторожности. Их убедительная сила невелика, особенно, если база индукции незначительна.

Например:

Софокл - драматург ; Шекспир – драматург; Софокл и Шекспир – люди; следовательно, каждый человек – драматург.

Наиболее важным, и вместе с тем можно сказать универсальным способом индуктивного подтверждения является **выведение из обосновываемого положения логических следствий и их последующая опытная проверка**. Подтверждение следствий оценивается при этом как свидетельство в пользу истинности самого положения.

1. Тот, кто ясно мыслит, ясно говорит. Одним из признаков ясного мышления, если не основным является умение передать свои знания кому-то другому, возможно, далекому от обсуждаемого вопроса. Если человек обладает таким умением и его речь ясна и убедительна, это можно считать подтверждением того, что его мышление является ясным.

2. Известно, что сильно охлажденный предмет в теплом помещении покрывается капельками росы. Если мы видим, что у человека, вошедшего в дом, запотели очки, мы можем с достаточной уверенностью заключить, что

на улице морозно. Истинность посылок не гарантирует здесь истинности заключения. Заключение вытекает только с некоторой вероятностью.

Выведение следствий и их подтверждение, взятое само по себе, никогда не в состоянии установить справедливость обосновываемого положения. Подтверждение следствия только повышает его вероятность. Чем больше число следствий нашло подтверждение, тем выше вероятность проверяемого утверждения. Отсюда рекомендация: **выводить из выдвигаемых и требующих надежного фундамента положений как можно больше логических следствий с целью их проверки.**

Значение имеет не только количество следствий, но и их характер. Чем более **неожиданные следствия** какого-то положения получают подтверждение, тем более сильный аргумент они дают в его поддержку. И наоборот, чем более ожидаемо в свете уже получивших подтверждение следствий новое следствие, тем меньше его вклад в обоснование проверяемого положения.

Как бы ни было велико число подтверждающихся следствий, и какими бы неожиданными, интересными или важными они не оказались, положение, из которого они выведены, все равно остается **только вероятным**. Никакие следствия не способны сделать его истинным. Даже самое простое утверждение в принципе не может быть доказано на основе одного подтверждения вытекающих из него следствий.

Это центральный пункт всех рассуждений об эмпирическом подтверждении. Непосредственное наблюдение того, о чем говорится в утверждении, дает уверенность в истинности последнего. Но область применения такого наблюдения является ограниченной. Подтверждение следствий – универсальный прием, применимый ко всем утверждениям, но прием, только повышающий правдоподобие утверждения, но не делающий его достоверным.

Людвиг Витгенштейн рассматривает такой пример. Считается, что вождь одного племени своими ритуальными танцами способен вызывать

дождь. На каком основании мы полагаем, что люди этого племени ошибочно связывают танец вождя с дождем? Если их система взглядов также согласованна, как и наша, то мы никак не можем судить о них с точки зрения наших представлений и нашей практики. Если, к примеру, мы ссылаемся на статистические данные в пользу того, что ритуальные танцы не имеют ни какого отношения к дождям, племенной вождь объяснит нам, что боги капризны. Окажется, таким образом, что, если танца дождь идет, то это подтверждает, что танец способен вызвать дождь; если после танца дождя все-таки нет, это подтверждает, что боги капризны и не обращают внимания на танец. Вывод Витгенштейна скептичен: обратить инакомыслящего разумными доводами невозможно. Пример Витгенштейна выразительно показывает, что подтверждение следствий лишь повышает правдоподобие обосновываемого утверждения, но в принципе не способно сделать его достоверным.

Важность эмпирического обоснования невозможно переоценить. Обусловлено это тем, что конечным источником и критерием наших знаний выступает опыт. Познание начинается с живого, чувственного созерцания, с того, что дано в непосредственном наблюдении. Чувственный опыт связывает человека с миром, теоретическое знание только надстройка над эмпирическим базисом.

Вместе с тем опыт не является абсолютным и бесспорным гарантом неопровержимости знания. Он тоже может критиковаться, проверяться и пересматриваться.

Таким образом, если ограничить круг способов обоснования утверждений их прямым или косвенным подтверждением в опыте, то окажется непонятным, каким образом все-таки удастся переходить от гипотез к теориям, от предположений к истинному знанию. Эмпирическое обоснование должно быть дополнено теоретическим обоснованием.

3. Факты как примеры

Эмпирические данные могут использоваться в ходе аргументации в качестве **примеров, иллюстраций и образцов**. Выступая в качестве примера, факт или частный случай делает возможным **обобщение**; в качестве образца он **побуждает к подражанию**. Использование частных случаев в качестве образцов не имеет отношения к аргументации в поддержку **описательных** утверждений. Образцы используются для обоснования **ценностей** и аргументации в их поддержку. Употребление фактов как примеров и иллюстраций может рассматриваться как один из вариантов обоснования какого-то положения путем подтверждения его следствий. Но в таком качестве они являются весьма слабым средством подтверждения: о правдоподобии общего положения невозможно сказать что-нибудь конкретное на основе одного единственного говорящего в его пользу факта. Скажем, Сократ прекрасно владел искусством вести спор и определять понятия; но, отправляясь только от этого частного случая нельзя правдоподобно заключить, что все люди умеют вести спор и определять или, по меньшей мере, все древние греки искусно спорили и удачно определяли понятия.

Факты, используемые как примеры и иллюстрации, обладают рядом особенностей, выделяющих их из числа всех тех фактов и частных случаев, которые привлекаются для подтверждения общих положений и гипотез. Примеры и иллюстрации **более доказательны**, или **более вески**, чем остальные факты. Факт или частный случай, избираемый в качестве примера, должен достаточно отчетливо выражать **тенденцию к обобщению**.

Если говорить строго, то факт-пример никогда не является чистым описанием какого-то реального состояния дел. Он говорит не только о том, что есть. Но и отчасти и непрямо о том, что должно быть. Он соединяет функцию описания с функцией оценки (предписания), хотя доминирует в

нем первая из них. Этим объясняется широкое распространение примеров и иллюстраций в процессах аргументации, а также в повседневном общении.

Пример – это факт или частный случай, используемый в качестве отправного пункта для последующего обобщения и для подкрепления сделанного обобщения.

Чаще всего рассуждение, использующее примеры, протекает по схеме:

«Если всякое S есть P , то S_1 есть P , S_2 есть P и т.д.; значит, всякое S есть P ». Это схема индуктивного (правдоподобного) рассуждения.

Аргументация с помощью примера пока исследована очень слабо. Это связано с тем, что современная методология науки ориентирована по преимуществу на естественнонаучное познание, в котором примеры не столь часты, как в гуманитарных науках. Проблемы практического мышления, включающего идеологию и утопию, вообще пока не нашли методологического и эпистемологического осмысления. Результатом является то, что примеры растворяются в числе других фактов, а рассуждение, использующее примеры, - в общей, с трудом допускающей расчленение массе индуктивных рассуждений. Остается пока в тени и **типизирующая функция** примера.

Европейская логика всегда была равнодушна к анализу роли примеров в аргументации, поскольку считалось, что доказательная или убедительная сила примеров столь же ничтожна, как и убедительность всех изолированных, приводимых по одиночке факторов.

Примеры могут использоваться только для описательных обобщений, поэтому пример представляет собой **описательное** утверждение, говорящее о некотором факте, в то время как образец – это **оценочное** утверждение, относящееся к какому-то частному случаю и устанавливающее частный стандарт, идеал и т.п. Излагая факты в качестве примеров чего-либо, оратор дает понять, что речь идет именно о примерах, за которыми должно последовать обобщение, или мораль. Однако нельзя говорить о том, что это правило работает на 100%. Прежде всего, перед тем как использовать

пример, необходимо четко себе представлять для чего необходим в процессе аргументации данный пример.

Цель примера – подвести к формулировке общего утверждения и в какой-то мере быть доводом в поддержку обобщения. С этой целью связаны **критерии выбора** примера.

1. Прежде всего, избираемый в качестве примера факт или частный случай должен выглядеть **достаточно ясным и неоспоримым**.

2. Пример должен подбираться и формулироваться таким образом, чтобы он побуждал перейти от единичного или частного к общему, а не от *частного к частному*. Аргументация от частного к частному характерна для сократических диалогов. В такой аргументации единичные явления не представляют собой примеров.

Рассуждение от частного к частному опирается на определенную **инерцию мышления**, на движении его по намечающейся прямой линии, которая ведет от одной ситуации к другой, в то время как задача примеров вести от индивидуальных или частных явлений к общему, резюмирующему их положению. Факт, используемый в качестве примера, должен восприниматься как логически и физически возможное явление. Если это не так, то пример приводит к обратному результату или к комическому эффекту.

4. Факты как иллюстрации

Иллюстрация – это факт или частный случай, призванный укрепить убежденность слушающего в правильности уже известного приятного общего пользования.

Пример подталкивает мысль к новому обобщению и подкрепляет это обобщение. Иллюстрация проясняет известное общее положение, демонстрирует его значение с помощью целого ряда возможных применений, усиливает эффект его присутствия в сознании слушающего.

С различием задач примера и иллюстрации связано различие критериев выбора примеров и выбора иллюстраций. Пример должен выглядеть

достаточно твердым, однозначно трактуемым фактом. Иллюстрация вправе *вызывать небольшие сомнения*, но она должна живо воздействовать на воображение слушателя, останавливая на себе внимание.

«... Иллюстрацию, целью которой является эффект присутствия, иногда бывает необходимо разрешить с помощью конкретных, задерживающих внимание деталей, тогда как пример, напротив, следует предусмотрительно «ощипать» во избежание рассеивания мысли или ее отклонения от цели, намеченной оратором. Иллюстрация в гораздо меньшей степени, чем пример, рискует быть неверно интерпретированной». (Перельман).

Обычная задача иллюстрации – *облегчить понимание общего положения*. Иллюстрация, конкретизируя общее положение с помощью частного случая *усиливает эффект присутствия*. На этом основании в ней иногда видят образ, живую картинку абстрактной мысли. Иллюстрация не ставит перед собой цель заменить абстрактное конкретным и тем самым перенести рассмотрение на другие объекты. Это делает **аналогия**, иллюстрация же – не более чем частный случай, подтверждающий уже известную общую истину или облегчающий более отчетливое ее понимание.

Неудачный пример ставит под сомнение то общее положение, которое, он призван подкрепить. Противоречащий пример способен даже опровергнуть это положение. Иначе обстоит дело с неудачной, неадекватной иллюстрацией. Общее положение, к которому она приводится, не ставится под сомнение, и неадекватная иллюстрация расценивается скорее как негативная характеристика того, кто ее применяет, свидетельствующая о непонимании им общего принципа или о его неумении подобрать удачную иллюстрацию. Неудачная иллюстрация может иметь даже комический эффект: «надо уважать своих родителей, когда один из них вас бранит, живо возражайте». При описании какого-то определенного лица особенно эффективно ироническое использование иллюстраций. Сначала этому лицу дается позитивная характеристика, а затем приводятся иллюстрации, прямо несовместимые с нею. Так, в «Юлии Цезаре» Шекспира Антоний, постоянно

напоминая, что Брут честный человек, приводит одно за другим свидетельства его неблагодарности и предательства.

Вывод: таким образом, иллюстрация показывает, что эмпирическое обоснование есть только частный случай эмпирической аргументации, Эмпирическая аргументация включает в себя все перечисленные и рассмотренные ранее компоненты.

Тема 3. Теоретическая аргументация.

1. Дедуктивное обоснование
2. Системная аргументация
3. Опровержимость и проверяемость
4. Условие совместимости
5. Методологическая аргументация

Общие утверждения, научные законы, принципы и т.д. не могут быть обоснованы чисто эмпирически, путем ссылки только на опыт. Они требуют также теоретического обоснования, опирающегося на рассуждение. Без этого нет ни абстрактного теоретического знания, ни хорошо обоснованных убеждений.

1. Дедуктивное обоснование

Одним из важных способов теоретической аргументации является дедуктивная аргументация.

Рассуждение, в котором некоторое утверждение вытекает (логически следует) из других утверждений, называется дедуктивным, или просто дедукцией.

Дедуктивная аргументация – это выведение обосновываемого положения из иных, ранее принятых утверждений. Если выдвинутое положение удастся логически (дедуктивно) вывести из уже установленных положений, это означает, что оно приемлемо в той же мере, что и сами эти положения.

В обычных процессах аргументации фрагменты дедуктивного обоснования обычно предстают в очень сокращенной форме. Нередко результат дедукции выглядит как наблюдение, а не как итог рассуждения. Хорошие примеры дедукций, в которых заключение предстает как наблюдение дает А. Конан-Дойль в рассказах о Шерлоке Холмсе:

«- Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс,- представил нас друг другу Стемфорд.

- Здравствуйте! – приветливо сказал Холмс. – Я вижу, вы жили в Афганистане.

- Как вы догадались? – изумился я ...

- ...Благодаря давней привычке цепь умозаключений возникает так быстро, что я пришел к выводу, даже не замечая промежуточных посылок. Однако они были, эти послышки. Ход мыслей был таков: «Этот человек по типу – врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков – лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо блее. Лицо изможденное, - очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку – держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач – англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же в Афганистане».

Иногда утверждается, что дедуктивное обоснование является лучшим из всех возможных способов обоснования. Однако такая оценка немного завышена.

Обоснование одних утверждений путем ссылки на истинность или приемлемость других утверждений – не единственная функция, выполняемая дедукцией в процессах аргументации. Дедуктивное рассуждение служит также для *верификации* (косвенного подтверждения) утверждений: из проверяемого положения дедуктивно выводятся его эмпирические следствия; подтверждение этих следствий оценивается как возможный довод в пользу исходного положения. Дедуктивное рассуждение может использоваться

также для фальсификации гипотез. В этом случае демонстрируется, что вытекающие из гипотез следствия являются ложными. Не достигшая успеха фальсификация данных представляет собой *ослабленный вариант верификации*: неудача в опровержении эмпирических следствий проверяемой гипотезы является аргументом в поддержку этой гипотезы. Дедукция используется для *систематизации* теории, прослеживания логических связей входящих в нее утверждений, построения объяснений, опирающихся на общие принципы, предлагаемые теорией. Дедуктивная аргументация применима во всех областях рассуждения и в любой аудитории.

Цель аргументации при обсуждении спорных вопросов – формирование рационально обоснованных *убеждений*. Такие убеждения наряду с позитивными включают и негативные аспекты. **Позитивная** сторона – это информация о принимаемых идеях, **негативная** – это отвергаемые идеи.

По способам обоснования тезиса аргументация делится на **прямую и косвенную**.

Прямым называют обоснование тезиса без обращения к конкурирующим с тезисом допущениям.

Дедуктивная аргументация, которая может применяться самостоятельно либо в различных сочетаниях (с индуктивной аргументацией и (или) аргументацией по аналогии) чаще всего представляет собой определенный вид дедуктивного умозаключения. Так, прямое обоснование тезиса может иметь форму простого категорического силлогизма, условно-категорического умозаключения, разделительно-категорического умозаключения, энтимемы и т. д.

Примером прямого дедуктивного обоснования может служить следующее рассуждение. В результате анализа обстоятельств конкретного дела следователь пришел к выводу, что выстрел в потерпевшего Н. был произведен с близкого расстояния, что существенно повлияло на решение вопроса о виновнике преступления. В обоснование тезиса приводилось два аргумента. Первый из них – суждение о факте: вокруг огнестрельной раны

на теле Н. обнаружено внедрение несгоревшего пороха. Второй аргумент – эмпирическое обобщение: следы несгоревшего пороха внедряются лишь тогда, когда выстрел произведен с близкого расстояния.

Аргументация приобретает следующий вид:

Тезис:

Выстрел в Н. произведен с близкого расстояния (Т)

Аргументы:

1. Если вокруг огнестрельной раны обнаруживают внедрение пороха (А), то выстрел был произведен с близкого расстояния (Т).
2. Вокруг огнестрельной раны на теле Н. обнаружены следы внедрения пороха (А).

Логическая реконструкция показывает, что демонстрация протекает в форме условно-категорического умозаключения.

$$\frac{A \rightarrow T, A}{T}$$

Косвенным называют обоснование тезиса путем установления ложности антитезиса или других конкурирующих допущений.

Конкурирующими с тезисом (Т) допущениями могут быть две их разновидности: (1) противоречащее тезису суждение, которое называется *антитезисом* ($\neg T$), (2) *члены дизъюнкции в разделительном суждении*, в котором тезис является одним из членов этой дизъюнкции: $T \vee A \vee B$.

Различие в структуре конкурирующих допущений определяет два вида косвенного обоснования: (1) *анагогическое* и (2) *разделительное*.

(1) *Анагогическим* (от греч. «отводящий», «уводящий») *называют обоснование тезиса путем установления ложности противоречащего ему допущения – антитезиса*. Аргументация в этом случае строится в три этапа.

Первый этап. При наличии тезиса Т выдвигают противоречащее ему положение – антитезис $\neg T$; условно признают его истинным (допущение

косвенного доказательства - ДКД) и выводят логически вытекающие из него следствия. Далее из условно принятого за истину антитезиса как из допущения ($\neg T$) выводят логически вытекающее следствие (С). На схеме это можно представить в следующем виде:

$$\neg T \rightarrow C.$$

Второй этап. Логически выведенные из антитезиса следствия сопоставляют с положениями, истинность которых ранее установлена (F). В случае же несовпадения отказываются от этих следствий. В качестве F могут быть достоверно выявленные факты, аксиоматические очевидности, научные данные. В случае несовместимости следствий с этими данными приоритет остается за истинными положениями, а логически выведенные из допущения следствия расцениваются как ложное:

$$\begin{array}{c} \vee \\ \underline{C \vee F, F} \\ \neg C \end{array}$$

Третий этап. Из ложности следствий логически заключают о ложности допущения. Рассуждение протекает в форме отрицающего модуса условно-категорического умозаключения:

$$\begin{array}{c} \underline{\neg T \rightarrow C, \neg C} \\ \neg \neg T \end{array}$$

В итоге из ложности допущения заключают на основе закона двойного отрицания об истинности тезиса T. Символически ход рассуждения на заключительном этапе можно представить в следующем виде:

$$\begin{array}{c} \underline{\neg \neg T} \\ T \end{array}$$

Апагогический вид косвенного обоснования применяется лишь в том случае, если тезис и антитезис находятся в отношении противоречия, когда по закону исключенного третьего действует принцип *tertium non datur*: либо одно – либо другое, а третьего не дано. При других видах несовместимости, включая противоположность, апагогическое обоснование становится несостоятельным.

(2) Разделительным называют косвенное обоснование тезиса, выступающего членом дизъюнкции, путем установления ложности и исключения всех других конкурирующих членов дизъюнкции.

В отличие от апагогического в разделительном обосновании фигурируют не два (**T** и $\neg T$), а несколько положений - **T, B, C**, каждое из которых претендует на роль тезиса и полностью или частично исключает все другое.

Обоснование тезиса строится в этом случае **методом исключения**. В процессе аргументации показывают несостоятельность всех членов дизъюнкции, кроме одного (**T**). Тем самым косвенно обосновывают истинность оставшегося тезиса. Рассуждение протекает в форме отрицающее-утверждающего модуса (*tollendo ponens*) разделительно-категорического умозаключения:

T V B V C, $\neg B, \neg C$

T

Разделительное обоснование состоятельно в том случае, если дизъюнктивное суждение является **полным**, или **закрытым**: **< T V B V C >**.

Если же рассматриваются не все варианты решения, то метод исключения не обеспечивает достоверность тезиса, а дает лишь проблематичное заключение.

Разделительная аргументация, включая и доказательство, часто применяется в судебной-следственной практике при проверке версий относительно лиц, виновных в совершении того или иного преступления, при

объяснении причин возникновения конкурирующих статей в процессе квалификации правонарушений и во многих других случаях.

2. Системная аргументация

Трудно указать утверждение, которое обосновывалось бы само по себе, в изоляции от других положений. Обоснование всегда носит системный характер. Включение нового положения в систему других положений, придающую устойчивость своим элементам, является одним из наиболее существенных шагов в его обосновании.

Системная аргументация – обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в кажущуюся хорошо обоснованной систему утверждений, или теорию.

Подтверждение следствий, вытекающих из теории, является одновременно и подкреплением самой теории. С другой стороны, теория сообщает выдвинутым на ее основе положениям определенную силу и тем самым содействует их обоснованию. Утверждение, ставшее элементом теории, опирается уже не только на отдельные факты, но во многом также на широкий круг явлений, объясняемых теорией, на предсказание ею новых, ранее неизвестных эффектов, на связи ее с другими теориями и т.д. Анализируемое положение, включенное в теорию, получает ту эмпирическую поддержку, какой обладает теория в целом. Системность распространяется не только на теоретические положения, но и данные опыта: «Можно сказать, что опыт учит нас каким-то утверждениям. Однако он учит нас не изолированным утверждениям, а целому множеству взаимозависимых предложений. Если бы они были разрознены, я, может быть, и сомневался бы в них, потому что у меня нет опыта, непосредственно связанного с каждым из них» (Витгенштейн стр. 66). Основания системы утверждений, замечает Витгенштейн, не поддерживает эту систему, но сами поддерживаются ею. Это значит, что надежность оснований определяется не ими самими по себе, а тем, что над ними может быть надстроена целостная

теоретическая система. Сомнение, по утверждению Витгенштейна, могут касаться не изолированного предложения, а всегда связаны с некоторой ситуацией, в которой человек ведет себя определенным образом. Например, когда человек достает из своего почтового ящика письма и смотрит кому они адресованы, и проверяет, все ли они адресованы именно ему, и при этом человек (кто-либо конкретный) твердо придерживается убеждения, что его зовут так-то и так-то (например, Иванов Иван Иванович). И поскольку человек проверяет таким образом для него ли все эти письма, он не может осмысленно сомневаться в своем имени.

Сомнение имеет смысл только в рамках некоторой, по выражению Витгенштейна, «языковой игры», или сложившейся практики деятельности, при условии принятия ее правил. Поэтому бессмысленно мне сомневаться, что у меня две руки или что Земля существовала за 150 лет до моего рождения, ибо нет такой практики, внутри которой при принятии ее предпосылок можно было бы сомневаться в этих вещах.

Согласно Витгенштейну *эмпирические предложения* могут быть в некоторых ситуациях проверены и подтверждены в опыте. Но есть ситуации, когда они будучи включенными в систему утверждений, в конкретную практику, не проверяются и сами используются как основание для проверки других предложений. Так обстояло дело в упомянутой ситуации у почтового ящика.

Помимо эмпирических, Витгенштейн выделяет *методологические предложения*. Они тоже случайны в том смысле, что их отрицание не является логическим противоречием. Особенность их в том, что они не являются проверяемыми ни в каком контексте. Витгенштейн предупреждает, что внешнее сходство может запутать нас и побудить относиться одинаково к эмпирическим предложениям типа: «Существуют рыжие собаки» и методологическим предложениям типа: «Существуют физические объекты». Но дело в том, что мы не можем вообразить ситуацию, в которой мы могли

бы убедиться в ложности методологического предложения. Это зависит уже не от контекста, а от совокупности всего воображаемого опыта.

Еще одной группой, выделяемой Витгенштейном, является группа предложений, в которых едва ли можно сомневаться и предложения, которые трудно классифицировать (например, утверждение, что (я) никогда не был в другой солнечной системе).

Свои идеи о различном статусе предложений Витгенштейн представляет в метафоре реки. Эмпирические предложения – это текущие и меняющие свой облик воды реки. Некоторые предложения, имеющие форму эмпирических, отвердели и образовали русло реки. Надо различать движение воды и сотрясение грунта, образующего дно и берега. Однако и ложе состоит не из одних твердых камней, но и из песка, движущегося так же легко, как и вода.

В свое время Декарт настаивал на необходимости возможно более полного и радикального сомнения. Согласно Декарту, вполне достоверно лишь его знаменитое *cogito* - положение «Я мыслю, следовательно, существую». Витгенштейн придерживается прямо противоположной позиции. Он считает, что для сомнений нужны веские основания, более того, есть категории утверждений, в приемлемости которых мы не должны сомневаться никогда. Выделение этих категорий утверждений непосредственно связано с системным характером человеческого знания, с его внутренней целостностью и единством.

Связь обосновываемого утверждения с той системой утверждений, в рамках которой оно выдвигается и функционирует, существенным образом влияет на эмпирическую проверяемость этого утверждения и, соответственно, на ту аргументацию, которая может быть выдвинута в ее поддержку. В контексте своей системы («языковой игры», «практики») утверждение может приниматься в качестве несомненного, не подлежащего критике и не требующего обоснования по меньшей мере в двух случаях:

Во-первых, если отбрасывание этого утверждения означает отказ от определенной практики, от той целостной системы утверждений, неотъемлемым составным элементом которой оно является. Таково, к примеру, утверждение «Небо голубое»: оно не требует проверки и не допускает сомнения, иначе будет разрушена вся практика визуального восприятия и различения цветов. Отбрасывая утверждение «Солнце взойдет завтра», мы подвергаем сомнению всю естественную науку. Сомнение в достоверности утверждения «Если человеку отрубят голову, то обратно она не прирастет» ставит под сомнение всю физиологию. Эти и подобные им утверждения обосновываются не эмпирически, а ссылкой на устоявшуюся и хорошо апробированную систему утверждений, составными элементами которой они являются.

Во-вторых, утверждение должно приниматься в качестве несомненного, если оно выдвигалось в рамках соответствующих утверждений стандартом оценки иных ее утверждений, которые перешли из разряда описаний в разряд ценностей. Среди таких утверждений, перешедших из разряда описаний в разряд в разряд ценностей, можно выделить два типа: (1) утверждения, не проверяемые в рамках определенной, достаточно узкой практики, и (2) утверждения, не проверяемые в рамках любой, сколь угодно широкой практики. Примером утверждений первого типа является утверждение об имени человека, просматривающего почту: пока он занят этой деятельностью, он не может сомневаться в своем имени. Ко второму типу относятся утверждения, которые Витгенштейн называет методологическими: «Существуют физические объекты», «Я не могу ошибаться в том, что у меня есть рука» и т.п. Связь этих утверждений с другими нашими убеждениями практически всеобъемлюща. Подобные утверждения зависят не от конкретного контекста, а от совокупности всего воображаемого опыта, в силу чего пересмотр их практически невозможен.

Таким образом, аргументация, приводимая в поддержку какого-то утверждения, существенным образом зависит от связей последнего с той

системой утверждений, или практикой, в рамках которой оно используется. Можно выделить пять типов утверждений, по-разному относящихся к практике их употребления:

- 1) утверждения, относительно которых не только возможно, но и разумно сомнение в рамках конкретной практики;
- 2) утверждения, в отношении которых сомнение возможно, но не является разумным в данном контексте (например, результаты надежных измерений; информация, полученная из надежного источника);
- 3) утверждения, не подлежащие сомнению и проверке в данном контексте под угрозой разрушения этого контекста;
- 4) утверждения, сделавшиеся стандартами оценки иных утверждений и потому не проверяемые в рамках данной практики, но допускающие проверку в других контекстах;
- 5) методологические утверждения, не проверяемые в рамках любой практики.

Иногда высказывается мнение, что системный характер нашего знания делает неоправданным вопрос об обосновании любого отдельно взятого утверждения. Всякое более или менее абстрактное предложение, лишь косвенно поддерживаемое непосредственным опытом, может считаться истинным только в рамках какой-то концепции или теории. За ее пределами оно просто бессмысленно, и значит, не может быть ни обоснованно, ни опровергнуто. «Мы можем говорить и говорим разумно о том или ином предложении как истинном, - пишет У. Куайн, - скорее тогда, когда мы обращаемся к положениям фактически существующей в данный момент теории, принятой хотя бы на уровне гипотезы. Осмысленно применять понятие «истинный» к такому предложению, которое сформулировано в терминах данной теории и понимается в рамках постулированной в ней реальности» (Куайн У.В.О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVIII. Логический анализ языка. – М., 1986. – С. 47)

Важным, но пока почти не исследованным способом обоснования теоретического утверждения является *внутренняя перестройка теории*, в рамках которой оно выдвинуто. Эта перестройка, или переформулировка, предполагает введение новых образцов, норм, правил, оценок, принципов, меняющих внутреннюю структуру как самой теории, так и постулируемого ею «теоретического мира». Новое научное, теоретическое положение складывается не в вакууме, а в определенном теоретическом контексте. Контекст теории определяет конкретную форму выдвигаемого положения и основные возможные способы его последующего обоснования. Если научное предположение берется в изоляции от той теоретической среды, в которой оно существенно проявляется и существует, то остается неясным, как удастся в конце концов этому предположению стать элементом достоверного знания.

Теория дает составляющим ее утверждениям дополнительную поддержку. Чем крепче сама теория, чем она яснее, тем большей является такая поддержка. В силу совершенствование теории, укрепление ее эмпирической базы и прояснение ее общих, в том числе философских и методологических, предпосылок является одновременно существенным вкладом в обоснование входящих в нее утверждений.

Среди способов прояснения теории особую роль играют выявление логических связей ее утверждений, минимизация ее исходных допущений, построение ее в форме **аксиоматической системы** и, если это возможно, ее **формализация**. «Если мы требуем от наших теорий все лучшей проверяемости, то оказывается неизбежным и требование их логической строгости и большего информативного содержания. Все множество следствий теории должно быть получено дедуктивно; теорию, как правило, можно проверить лишь путем непосредственной проверки отдаленных ее следствий – таких следствий, которые трудно усмотреть интуитивно». (Поппер К. Логика и рост научного знания. - С. 334.)

При аксиоматизации теории некоторые ее положения избираются в качестве исходных, а все остальные положения выводятся из них чисто

логическим путем. Исходные положения называются **аксиомами** (постулатами), положения, доказываемые на их основе, - **теоремами**.

Аксиоматический метод систематизации зародился еще в античности и приобрел большую известность благодаря «Началам» Евклида – первому аксиоматическому истолкованию геометрии. Сейчас аксиоматизация используется в математике, логике, а также в отдельных разделах физики, биологии и др. Аксиоматический метод требует высокого уровня развития аксиоматизируемой содержательной теории, ясных логических связей и утверждений. С этим связана довольно узкая его применимость и невозможность перестроить всякую науку по образцу геометрии Евклида. Кроме того, как показал австрийский логик и математик К. Гёдель, достаточно богатые научные теории (например, арифметика натуральных чисел) не допускают полной аксиоматизации. Это говорит об ограниченности аксиоматического метода и невозможности полной формализации научного знания.

3. Опровержимость и проверяемость

Еще одним способом теоретического обоснования является *анализ утверждения с точки зрения возможности эмпирического его подтверждения*.

От научных положений требуется, чтобы они допускали принципиальную возможность своего опровержения и предполагали определенные процедуры своего опровержения. Если этого нет, относительно выдвинутого положения нельзя сказать, какие ситуации и факты несовместимы с ним, а какие – подтверждают его. Положение, в принципе не допускающее опровержения и подтверждения, оказывается вне конструктивной критики, оно не намечает никаких реальных путей дальнейшего исследования. Такое утверждение нельзя признать обоснованным. К. Поппер, например, отстаивал идею, что принципиальная опровержимость (фальсифицируемость) теории является критерием ее

научности. Полное подтверждение теории невозможно, достижимо только частичное ее подтверждение. Но такое подтверждение имеют и явно не научные концепции. Например, учение астрологов о влиянии звезд на судьбы людей при желании можно подтвердить большим количеством эмпирическим материалом. Поэтому эмпирическая подтверждаемость не может рассматриваться в качестве отличительной особенности науки. То, что некоторые утверждения или система утверждений говорят о реальном мире, проявляется не в подтверждении их опытом, а в том, что опыт может их опровергнуть.

Свои идеи Поппер суммирует так:

«(1) Легко получить подтверждения, или верификации, почти для каждой теории, если мы ищем подтверждений.

(2) Подтверждения должны приниматься во внимание только в том случае, если они являются результатом *рискованных предсказаний*, то есть когда мы, не будучи осведомленными о некоторой теории, ожидали бы события, несовместимого с этой теорией, - события, опровергающего данную теорию.

(3) Каждая «хорошая» научная теория является некоторым запрещением: она запрещает появление определенных событий. Чем больше теория запрещает, тем она лучше.

(4) Теория, не опровержимая никаким мыслимым событием является ненаучной.

(5) Каждая настоящая *проверка* теории является попыткой ее фальсифицировать, то есть опровергнуть. Проверимость есть фальсифицируемость...» (Поппер К. Логика научного исследования// Логика и рост научного знания. – с. 244-245).

Все сказанное Поппер суммирует в следующем утверждении: «Критерием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, опровержимость, или проверяемость» (Там же).

Не допускающая фальсификации теория не налагает никаких ограничений на описываемую ею область явлений и обладает неограниченными объяснительными возможностями. «Я обнаружил, что те из моих друзей, которые были поклонниками Маркса, Фрейда и Адлера, находились под впечатлением некоторых моментов, общих для этих теорий, в частности под впечатлением их явной *объяснительной силы*. Казалось, эти теории способны объяснить практически все, что происходило в той области, которую они описывали. Изучение любой из них как будто бы приводило к полному духовному перерождению или к откровению, раскрывающему наши глаза на новые истины, скрытые от непосвященных. Раз ваши глаза однажды были раскрыты, вы будете видеть подтверждающие примеры всюду: мир полон верификациями теории. Все, что происходит, подтверждает ее. Поэтому истинность теории кажется очевидной и сомневающиеся в ней выглядят людьми, отказывающимися признать очевидную истину либо потому, что она несовместима с их классовыми интересами, либо в силу присущей им подавленности, непонятной до сих пор и нуждающейся в лечении» (там же с. 242).

Положения, в принципе не допускающие проверки, надо, конечно, отличать от утверждений, непроверяемых лишь сегодня, на нынешнем уровне развития науки. Сто с небольшим лет назад представлялось очевидным, что мы никогда не узнаем химического состава отдаленных небесных тел. Различные гипотезы на этот счет казались принципиально непроверяемыми. Но после создания спектроскопии они сделались не только проверяемыми, но и Перестали быть гипотезами, превратившись в экспериментально установленные факты.

Утверждения, не допускающие проверки сразу, не отбрасываются, если в принципе остается возможность проверки их в будущем. Но обычно такие утверждения не становятся предметом серьезных научных дискуссий. Например, так обстоит дело с предположением о существовании внеземных цивилизаций, практическая возможность проверки которого пока ничтожна.

Требование принципиальной фальсифицируемости является важным, но достаточно трудно приложимым. Оно предполагает, с одной стороны, изолированность теоретических утверждений, и, с другой, наличие абсолютно непроблематичных наблюдений. Но любое теоретическое утверждение связано с другими подобными утверждениями и зависят от них. А наблюдения теоретически нагружены и для установления их смысла необходимы некоторые теоретические допущения. Исследователь никогда не оказывается в ситуации, когда он может сравнивать изолированное теоретическое утверждение с ничем не опосредствованным миром. Требование фальсифицируемости предполагает, что утверждения, сопоставляемые с опытом, формулируется с помощью достаточно определенных терминов, чтобы исключить сомнения в том, противоречат ли данные утверждения каким-либо фактам. Этому предположению не удовлетворяют многие гипотезы, особенно в гуманитарных науках. Допустим, кто-то утверждает, что все поступки совершаются исключительно из эгоистических побуждений. До тех пор, пока понятие эгоизма не будет должным образом уточнено, выдвинутая гипотеза будет неуязвимой для критики. Каждый контрпример поведения, кажущегося альтруистическим, можно истолковывать, смещая смысл слова «эгоистический», как подтверждение глубинного эгоизма, находящегося, находящего в альтруизме свое парадоксальное выражение. Требование фальсифицируемости также трудно применить в таких науках, как математика и логика, поскольку принято считать, что их суждения необходимо истинны. Математика и логика опираются в конечном счете на опыт, но это совокупный опыт познания, не допускающий расчленения на отдельные факты.

4. Условия совместимости.

Обоснованное утверждение должно находиться в согласии с фактическим материалом, на базе которого и для объяснения которого оно выдвинуто. Оно должно также соответствовать имеющимся в

рассматриваемой области законам, принципам, теориям и т.п. Это – так называемое **условие совместимости**. Являясь принципиально важным, условие совместимости не означает, что для каждого нового положения следует требовать полного приспособления к тому, что на сегодняшний день принято считать законом. Может случиться, что новое знание заставит иначе посмотреть на то, что принималось раньше, уточнить или даже отбросить что-то из старого знания. *Согласование с принятыми теориями разумно до тех пор, пока оно направлено на отыскание истины, а не на сохранение авторитета старой теории.*

Если требование совместимости понимать абсолютно, возможность интенсивного развития науки исключается. Ее развитие ограничивается за счет распространения на новые явления уже открытых законов, но она лишается права пересматривать уже сформулированные положения. Фактически это и есть отрицание развития науки.

Новая теория может не противоречить предшествующим. Она может касаться исключительно тех явлений, которые ранее не были известны. Новая теория может быть теорией более высокого уровня, связывающей воедино теории более низкого уровня. Например, теория сохранения энергии обеспечивает как раз такую связь между динамикой, химией, электричеством, оптикой, теорией теплоты и др. Возможны и другие связи между старыми и новыми теориями, не ведущие к их несовместимости. Если бы все связи между теориями были таковы, то развитие науки было бы подлинно кумулятивным. Новые явления могли бы просто раскрывать упорядоченность в некоторой области природы, до этого времени никем не замеченную. В эволюции науки новое знание приходило бы на смену невежеству, а не другому знанию, не совместимому с прежним. Однако, заключает Кун, упрямые факты истории науки говорят о том, что «кумулятивное приобретение новшеств не только фактически случается редко, но в принципе невозможно» (Кун Т. Структура научных революций. – С. 126).

Ни одна гипотеза не способна охватить явлений, изучаемых в конкретной области. Круг их не определен однозначно и жестко, границы его в большей или меньшей мере размыты. Гипотеза ориентируется, как правило, не на все, а лишь на немногие, но ключевые в каком-то смысле факты. Сами факты не являются чем-то абсолютно твердым и неизменным. Они могут пересматриваться, уточняться и даже отбрасываться. Новая теория начинается с перепроверки и собственной интерпретации наиболее важных из ранее установленных фактов. Кроме того, полное значение факта и его конкретный смысл может быть понятен довольно часто только по контрасту, благодаря гипотезе, вступившей в конфликт с этим фактом.

Факт – не просто то, что непосредственно дано в опыте, что мы слышим и видим и т.п. Факт всегда существует в рамках определенной теоретической конструкции и является теоретически нагруженным: помимо чисто чувственного значения он имеет и определенное содержание. Гипотеза, не отвечающая факту, вырывает его из привычного теоретического контекста. Тем самым она повышает вероятность обнаружить в нем то, что раньше проходило незамеченным. Таким образом, в конкретном исследовании могут оказываться полезными даже гипотезы, прямо и недвусмысленно не согласующиеся с устоявшимися фактами. В большинстве случаев, эти гипотезы обречены на провал, но, даже будучи опровергнуты, они приносят свою пользу, поскольку представляют известное в новом, необычном свете. Все это относится и к согласованию гипотез с принятыми в науке законами и теориями.

Итак, выдвигаемая гипотеза должна учитывать весь относящийся к делу фактический и теоретический материал. Она должна соответствовать ему. Но если конфликт все же имеет место, гипотеза должна быть в состоянии доказать несостоятельность того, что раньше принималось за твердо установленный факт или за доказанное теоретическое положение. Во всяком случае, она должна позволять по-новому взглянуть на исследуемые явления, на факты и их теоретическое осмысление.

Новое положение должно находиться в согласии не только с хорошо зарекомендовавшими себя теориями. Но и с определенными *общими принципами*, сложившимися в практике научных исследований. Эти принципы разнородны, они обладают разной степенью общности и конкретности, соответствие им желательно, но не обязательно.

Наиболее известный из них – *принцип простоты*. Согласно этому принципу при объяснении изучаемых явлений не должно быть много независимых допущений, а те, что используются, должны быть возможно более простыми. Принцип простоты проходит через всю историю естественных наук. Многие известные естествоиспытатели указывали, что в своих исследованиях они руководствовались именно этим принципом. В частности, И. Ньютон выдвигал особое требование «не излишествовать» в причинах при объяснении явлений. Но понятие простоты не является однозначным. Можно говорить о простоте допущений, лежащих в основе теоретического обобщения, о независимости друг от друга таких допущений. Простота может пониматься и как удобство манипулирования, легкость изучения и т.д. Не очевидно также, что стремление обойтись меньшим числом посылок, взятое само по себе, повышает надежность выводимого из них заключения. Требование простоты меняет свое значение в зависимости от контекста. Даже чисто математическая оценка простоты зависит от уровня развития математики. Одно время в физике предпочитались законы, не требующие для своего выражения дифференциального исчисления. В этот период в противоборстве с корпускулярной и волновой теориями света использовался довод, что корпускулярная теория обладает большей математической простотой, в то время как волновая теория требует решения сложных дифференциальных уравнений. (Малкей М. Наука и социология знания).

Еще одним принципом, часто используемым при оценке выдвигаемых предположений, является *принцип привычности* (консерватизма). Он рекомендует избегать неоправданных новаций и стараться, насколько это

возможно, объяснять новые явления с помощью известных законов. «Привычность, - пишет У. Куайн, - это то же, чем мы пользуемся, когда ухитряемся «объяснить» новые сущности с помощью старых законов, например, когда мы придумываем молекулярную теорию, чтобы вернуть явление тепла, капиллярного притяжения и поверхностного натяжения в лоно привычных старых законов механики. Привычность имеет значение тогда, когда, когда, когда «неожиданные наблюдения» ...побуждают нас пересматривать старую теорию; действие привычности заключается в этом случае в предпочтении минимального изменения» (Куайн У.В. О. Слово объект.- С. 43).

Принципы простоты и первичности обладают разной ценностью: если простота и консерватизм дают противоположные рекомендации, предпочтение должно быть отдано простоте. По мысли У. Куайна, эти требования входят в «ядро» научного метода: научный метод в первом приближении может быть определен посредством обращения к чувственным данным, к понятию простоты и понятию привычности. (Там же С. 46).

Принцип универсальности предполагает проверку выдвинутого положения на приложимость его к классу явлений, более широкому, чем тот, на основе которого оно первоначально сформулировано. Если утверждение, верное для одной области, оказывается достаточно универсальным и ведет к новым заключениям не только в исходной, но и в смежных областях, его объективная значимость заметно возрастает. Расширение поля действия нового утверждения, его способность объяснять и предсказывать совершенно новые факты является несомненным и важным доводом в его поддержку. Подтверждение какого-то научного положения фактами и экспериментальными законами, о существовании которых до его выдвижения невозможно было даже предполагать, прямо говорит о том, что это положение отражает глубокое внутреннее родство изучаемых явлений. Например, К. Поппер сводит принцип универсальности к принципу простоты: «Новая теория должна исходить из *простой, новой плодотворной*

и объединяющей идеи относительно некоторой связи или отношения (такого, как гравитационное притяжение), существующего между до сих пор не связанными вещами (такими, как инерционная и гравитационная массы), или новыми «теоретическими сущностями» (такими, как поля и частицы). Это *требование простоты* несколько неопределенно, и, по-видимому, его трудно сформулировать достаточно ясно. Кажется, однако, что оно тесно связано с мыслью о том, что наши теории должны описывать структурные свойства мира, то есть с мыслью о том, которую трудно развить, не впадая в регресс в бесконечность» (Поппер К. Логика и рост научного знания. С. 365).

П. Дирак говорил, что красивая, внутренне согласованная теория не может быть неверной. В этой лаконичной формулировке соединяются два других общих принципа, играющих важную роль в оценке новой теории: *принцип (требование) красоты и принцип логичности*. Согласно принципу красоты, хорошая теория должна отличаться особым эстетическим впечатлением, элегантностью, ясностью, стройностью. Особую роль требование красоты играет в математике, меньшую – в естествознании и совсем малую – в гуманитарных науках. «Первые варианты новых большинства парадигм являются незрелыми, - пишет Т. Кун.- Когда со временем получает развитие полный эстетический образ парадигмы, оказывается, что большинство членов сообщества уже убеждены другими средствами. Тем не менее, значение эстетических оценок может иногда оказываться решающим. Хотя эти оценки привлекают к новой теории только немногих ученых, бывает так, что именно те ученые, от которых зависит ее окончательный триумф. Если бы они не приняли ее быстро в силу чисто индивидуальных причин, то могло бы случиться, что новый кандидат в парадигмы никогда не развился бы достаточно для того, чтобы привлечь благосклонность научного сообщества в целом» (Кун Т. Структура научных революций. – С. 197).

Споры вокруг новых теорий во многом касаются не столько их способности к решению уже стоящих проблем, сколько перспектив,

открываемых такими теориями в дальнейших исследованиях, в том числе и в разрешении будущих проблем. В силу этого выбор научной теории существенно опирается на **веру** в нее, на внутреннее убеждение в том, что у нее есть будущее.

Помимо указанных, имеются и другие общие принципы, используемые при оценке новых идей и теорий. Среди них есть не только неясные, но и просто ошибочные утверждения. Принципы простоты, привычности, универсальности, красоты и др. носят контекстуальный характер: их конкретизация зависит от области знания, так и от стадии развития этого знания. Например, простота в физике не сводится к математической простоте и отличается от простоты в биологии или истории; простота сформировавшейся, хорошо обоснованной теории отлична от простоты теории, только ищущей свои обоснования.

Можно выделить определенные общие классы стандартов, или критериев адекватности, однако отдельные стандарты, входящие в тот или иной класс, по-разному реализуются в каждой конкретной области исследований. Д. Равец выделяет два широких типа стандартов адекватности: относящиеся к процессам вывода и связанные с фактическими данными. Стандарты второго типа более разнообразны, «... ибо контролируют не только условия продуцирования данных и информации, но также силу и пригодность этих данных в конкретном контексте» (сноска 1 стр. 88). Сложность множества релевантных стандартов сравнима со сложностью самой решаемой проблемы. Это множество существенным образом зависит от области исследований. «Следовательно, - заключает Равец,- невозможно создать точный список критериев адекватности, использующихся в применении к некоторому широкому кругу проблем» (там же).

Теория, методы научного исследования и стандарты адекватности теснейшим образом переплетаются между собой. С изменением теории обычно происходят значительные изменения и в стандартах адекватности.

Таким образом, новые научные утверждения не оцениваются с помощью универсальных и неизменных критериев. Принимаемые в науке правила обоснования, требование совместимости, общие принципы и стандарты адекватности не являются жесткими. Границы «научного метода» расплывчаты и конвенциональны. Любое значительное изменение теории ведет к изменению совокупности тех методологических средств, которые в ней используются. Выводы даже естественной науки определяются не только физическим, но и социальным миром.

5. Методологическая аргументация.

Метод – это система предписаний, рекомендаций, предостережений, образцов и т.п., указывающих как сделать что-то. Метод охватывает прежде всего средства, необходимые для достижения определенной цели, но может содержать также характеристики, касающиеся самой цели. Метод регламентирует некоторую сферу деятельности, и является, как таковой, совокупностью предписаний. Вместе с тем метод обобщает и систематизирует опыт действий в этой сфере. Являясь итогом и выводом из предшествующей практики, он своеобразным образом описывает эту практику.

Методологическая аргументация – это обоснование отдельного утверждения или целостной концепции путем ссылки на тот несомненно надежный метод, с помощью которого получено обосновываемое утверждение или отстаиваемая концепция.

Например, для обоснования утверждения « $242+345=587$ » проще всего сослаться на однозначный, никогда не подводящий метод сложения двух чисел. Утверждая, что небо голубое, мы можем сослаться на то, что в обычных условиях оно всегда видится таким человеком с нормальным зрением. Если мы ошибаемся, говоря, что $12 \times 12 = 145$, то залог существования процедуры счета, приводящей правильным результатам. Если кто-то утверждает, что небо зеленое, мы в первую интересуемся той системой

требований, которой руководствовался наблюдатель, и в частности требований к его зрению.

Иногда методологической обоснованности придается столь большое значение, что в терминах метода определяется само понятие обоснования. «...Обосновать утверждение, - пишет, например К. Айдукевич, - значит оправдать его принятие с помощью метода, который обеспечивает достижение поставленной цели, например, обеспечивает получение истинного знания о действительности. Отнесение утверждения к обоснованному означает, что его принятие оправдано использованием процедуры, эффективной с точки зрения нашей цели, и, далее, сама процедура заслуживает позитивной оценки и что следование ей позитивно ценно в аспекте данной цели. На эту оценку может опираться норма, позволяющая применять данную процедуру всякий раз, когда нужно достичь данной цели» (К. Айдукевич. Путь в познание. Варшава, 1965. – т.2 – с. 334).

Возможности методологической аргументации очень различны в разных областях знания. Ссылки на метод, с помощью которого получено конкретное заключение, довольно обычны в естественных науках, крайне редки в гуманитарных науках и почти не встречаются в практическом и тем более в художественном мышлении.

За методологизмом всегда скрывается опасность «релятивизации» научного и иного знания. Если содержание нашего знания определяется не независимой от него реальностью, а тем, что мы можем или хотим увидеть в ней, а истинность знания определяется не соответствием реальности, а соблюдением методологических канонов, то из-под науки ускользает почва объективности. Если отказаться от истины как критерия объективности описательных утверждений, придется признать, что каждое коренное изменение научных методов и концептуальных каркасов ведет к изменению самой реальности, в которой пребывает и которую исследует ученый. Переворот в методологии окажется разрывом со старым видением мира и его истолкованием.

Методологизм сводит научное мышление к системе устоявшихся, по преимуществу технических способов нахождения нового знания. Одновременно он отрывает науку от других сфер человеческой деятельности. Результатом является то, что «научное мышление произвольно сводится к изобретаемой им совокупности технических приемов и процедур фиксации и улавливания. Мыслить – означает пробовать, примеривать, осуществлять операции, преобразовывать при единственном условии экспериментального контроля, в котором участвуют только в высокой степени «обработанные» феномены, скорее создаваемые, чем регистрируемые нашими приборами» (Мерло-Понти М. Око и дух. – М., 1992. – с. 9-10).

В своих крайних вариантах методологизм склоняет к *субъективной* теории истины: истинно утверждение, полученное по определенным правилам и удовлетворяющее определенным критериям. Эти правила и критерии могут относиться к происхождению или источнику знания, к его надежности или устойчивости, к его полезности, к силе убежденности или к неспособности мыслить иначе. Объективная теория истины как соответствия фактам, напротив, предполагает, что некоторая концепция может быть истинной, даже если никто не верит в нее и ее происхождение не безукоризненно; другая же концепция может быть ложной, даже если она отвечает всем методологическим требованиям и образцам и кажется имеющей хорошее основания для ее признания.

Согласно принципу *эмпиризма*, только наблюдения или эксперименты играют в науке решающую роль в признании или отбрасывании научных высказываний, включая законы и теории. В соответствии с этим принципом методологическая аргументация может иметь только второстепенное значение и никогда не способна поставить точку в споре о судьбе конкретного научного утверждения или теории. Е. Гедимин сформулировал общий *методологический* принцип эмпиризма, гласящий, что различные правила научного метода не должны допускать «диктаторской стратегии». Они должны исключать возможность того, что мы всегда будем выигрывать

игру, разыгрываемую в соответствии с этими правилами: природа должна быть способна хотя бы иногда наносить нам поражения.

Методологические правила расплывчаты и неустойчивы, они всегда имеют исключения. Особую роль в научном рассуждении играет *индукция*, связывающая наше знание с опытом. Но она вообще не имеет ясных правил. «Ни одно наблюдение, - пишет К. Поппер, - никогда не может гарантировать, что обобщение, выведенное из истинных – и даже часто повторяющихся наблюдений будет истинно... Успехи науки обусловлены не правилами индукции, а зависят от счастья, изобретательности и от чисто дедуктивных правил наблюдения» (Поппер К. Логика и рост научного знания. – с. 271). Когда речь идет о «правилах обоснованной индукции» или о «кодексе обоснованных индуктивных правил», имеется в виду не некий реально существующий перечень «правил индукции» (его нет и он в принципе невозможен), а вырабатываемое долгой практикой *мастерство обобщения*, относящееся только к той узкой области исследований, в рамках которой оно сложилось. Описать это мастерство в форме системы общеобязательных правил так же невозможно, как невозможно кодифицировать мастерство художника или мастерство политика.

Понимая методологизм предельно широко, можно выделить три его версии, различающиеся по своей силе:

а. старый методологизм (Декарт, Кант и др.): существуют универсальные, значимые всегда и везде правила и методы научного исследования;

б. контекстуальный методологизм: правила зависят от контекста исследования, никакие из них не являются универсальными, но, имеются однако универсальные условные суждения и соответствующие им *условные правила*, предписывающие в определенной ситуации определенное действие;

в. не только абсолютные, но и условные правила и образцы имеют свои пределы, так что даже контекстуально определенные правила могут иногда приводить к отрицательным результатам.

Методологизму противостоит *антиметодологизм*, согласно которому все методологические правила всегда бесполезны и должны быть отброшены.

Характерным примером третьей позиции является так называемый «методологический анархизм». П. Фейерабенда, выражаемый им принципом «Все дозволено». «Идея метода, содержащего жесткие, неизменные и абсолютно обязательные принципы научной деятельности сталкивается со значительными трудностями при сопоставлении с результатами исторического исследования. При этом выясняется, что не существует правила, сколь бы правдоподобным и эпистемологически обоснованным оно не казалось, которое в то или иное время не было бы нарушено. Становится очевидным, что такие нарушения не случайны и не являются результатом недостаточного знания или невнимательности, которых можно было бы избежать. Напротив, мы видим, что они необходимы для прогресса науки. ...Идея жесткого метода или жесткой теории рациональности покоится на слишком наивном представлении о человеке и его социальном окружении. Если иметь в виду обширный исторический материал и не стремиться «очистить» его в угоду своим низшим инстинктам или в силу стремления к интеллектуальной безопасности до степени ясности, точности, «объективности», «истинности», то выясняется, что существует лишь *один* принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на *всех* этапах человеческого развития, - *допустимо все*».(Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.. 1986. – с. 153).

Позиция Фейерабенда иногда истолковывается как призыв не следовать вообще никаким правилам и нормам, и значит, как некоторый новый методологический императив, призванный заместить прежние методологические нормы. Однако Фейерабенд утверждает нечто иное: поиски совершенно универсальных, не знающих исключений и не имеющих ограничений в своем применении методологических правил способны привести только к такому пустому и бесполезному правилу, как «Все

дозволено». Оно означает, что любой способ деятельности исследователя где-нибудь может оказаться дозволенным, оправданным контекстом исследования и ведущим к успеху.

Фейерабенд стремится показать, что всякое методологическое правило, даже самое очевидное для здравого смысла, имеет границы, за которыми его применение неразумно и мешает развитию науки. Методологические правила нужны и всегда помогают исследователю: ученый, преступивший некоторую норму, руководствуется при этом другой нормой, так что какие-то нормы есть всегда. Проблема не в том, какие нормы и стандарты методологии признавать, а какие – нет. Проблема в отношении к методологическим предписаниям и в их использовании. В некоторых ситуациях одни методологические нормы могут быть заменены другими, быть может, противоположными. Существуют, например, обстоятельства, когда вполне допустимо вводить, разрабатывать и защищать гипотезы, противоречащие обоснованным и общепринятым экспериментальным результатам, или же такие гипотезы, содержание которых меньше, чем содержание уже существующих и эмпирически адекватных альтернатив, или просто противоречащие гипотезы.

Все методологические правила рассматриваются Фейерабендом в одной плоскости, в результате чего исчезает различие между важными и второстепенными методологическими требованиями, между вынужденными и спонтанными отступлениями от стандартной научной методологии. Способы аргументации, реально применяемые в науке, также уравниваются в правилах так, что стандартное обоснование гипотезы путем подтверждения ее следствий и пропаганда оказываются почти одинаково приемлемыми.

Научное исследование – не диалог изолированного ученого с природой, как это представляло себе Новое время, а одна из форм социальной деятельности. Ученый – человек своего времени и своей среды, он использует те аргументы, которые характерны для этого времени и которые могут быть восприняты его средой. Научная аргументация, как и всякая иная,

должна учитывать свою *аудиторию*, и в частности то, что аудитория иногда более восприимчива к ссылкам на традицию, чем к ссылкам на эксперимент.

Однако ученый, проводящий исследование, руководствуется прежде всего правилами, входящими в **ядро** методологических требований. Лишь неудача в применении стандартных правил заставляет его обращаться к тому, что противоречит существующим образцам. Ученый начинает также со стандартных приемов корректной аргументации, и старается не отступать от них до тех пор, пока к этому его не вынудят обстоятельства, и в частности, аудитория. Обращение к таким приемам как пропаганда или угрозы принуждением не оцениваются как подлинно научные.

Научный метод не содержит правил, не имеющих или в принципе не допускающих исключений. Все его правила условны и могут нарушаться, даже при выполнении условия. Любое правило может оказаться полезным при проведении научного исследования, так же как любой прием аргументации может оказать воздействие на убеждение научного сообщества. Но из этого не вытекает, что все реально используемые в науке методы исследования и приемы аргументации равноценны, и безразлично, в какой последовательности они используются. В этом отношении «методологический кодекс» вполне аналогичен «моральному кодексу». Методологическая аргументация является вполне правомерной, а в науке, когда ядро методологических требований достаточно устойчиво, необходимой. Однако, методологические аргументы никогда не имеют решающей силы.

Каждое новое исследование является не только применением уже известных методологических правил, но и их проверкой. Исследователь может подчиниться старому методологическому правилу, но может и счесть его применение неприемлемым в каком-то конкретном новом случае. Ученые не только подчиняются методологическим требованиям, но и критикуют их и создают как новые теории, так и новые методологии.

Тема 4. Контекстуальная аргументация.

1. Традиция и авторитет

2. Интуиция и вера

3. Здравый смысл и вкус

В зависимости от того, на какую **аудиторию** распространяется воздействие аргументации, все способы аргументации можно разделить на *универсальные и контекстуальные*.

Универсальная аргументация применяется в любой аудитории.

К универсальным способам аргументации относятся рассмотренные ранее прямое подтверждение, косвенное эмпирическое подтверждение (в частности, подтверждение следствий), многообразные способы теоретической аргументации: дедуктивное обоснование, системная аргументация, методологическая и др.

Контекстуальная аргументация эффективна в определенной аудитории.

Контекстуальные способы аргументации охватывают аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и вкусу и др.

Граница между универсальной и контекстуальной аргументацией относительна. Универсальная аргументация иногда характеризуется как «рациональная», а контекстуальная – «нерациональная» или даже как «иррациональная». Такое различие, однако, не является оправданным. Оно резко сужает сферу «рационального», исключая из нее большую часть гуманитарных и практических рассуждений, невысказанных без использования «классики» (авторитетов), продолжения традиции, апелляции к здравому смыслу, вкусу и т.п.

1. Традиции и авторитет

Из всех контекстуальных аргументов наиболее употребимым и наиболее значимым является **аргумент к традиции**. В сущности все контекстуальные содержат в свернутом, имплицитном виде ссылку на традицию.

Признаваемые авторитеты, интуиция, здравый смысл, вера, вкус и т.п. формируются исторической традицией и не могут существовать независимо от нее.

Чуткость аудитории к приводимым аргументам в значительной мере определяется теми традициями, которые она разделяет. Это верно не только для аргументации в науках о духе, но во многом и для аргументации в науках о природе. Традиция закрепляет наиболее общие допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным, создает ту предварительную обстановку, без которой он утрачивает свою силу. «...Один и тот же аргумент, выражающий одно и то же отношение между понятиями и опирающийся на хорошо известные допущения, - отмечает Фейерабенд, - в одно время может быть признан и даже прославляться, в другое – не произвести ни какого впечатления» (Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986. – с. 469.) В качестве примера Фейерабенд приводит спор между сторонниками и противниками гипотезы Коперника. Стремление Коперника разработать такую систему мироздания, в которой каждая часть соответствовала бы всем другим частям и в которой ничего нельзя было бы изменить не разрушая целого, не могло найти отклика у тех, кто был убежден, что фундаментальные законы природы открываются нам в повседневном опыте, и кто, следовательно, рассматривал полемику между Аристотелем и Коперником как решающий аргумент против идей последнего. Из анализа индивидуальных реакций на учение Коперника следует, заключает Фейерабенд, что *«аргумент становится эффективным только в том случае, если он подкреплён соответствующей предварительной установкой, и лишается силы, если такая установка отсутствует... Чисто формальных аргументов не существует»* (там же).

Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образцов, норм, правил и т.п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей. Традиция может быть настолько широкой, чтобы охватывать все общество в

определенный период его развития. Наиболее популярные традиции, как правило, не осознаются таковыми. Особенно наглядно это проявляется в так называемом «традиционном» обществе, где традициями определяются все сколь-нибудь существенные стороны социальной жизни. «Одной из существенных черт магического сознания древнего – племенного или «закрытого» общества, - пишет К. Поппер, - является господствующее в таком обществе убеждение, будто оно существует в заколдованном круге неизменных табу, законов и обычаев, которые считаются столь же неизбежными, как восход солнца, смена времен года и тому подобные совершенно очевидные закономерности природы. И только после падения магического «закрытого общества» стало возможным теоретическое осмысление отличия «природы» от «общества». (Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.. 1992. Т.1. С. 91.)

Традиции имеют отчетливо выраженный двойственный, описательно-оценочный характер. В них аккумулируется предшествующий опыт успешной деятельности, и они оказываются своеобразным его выражением. С другой стороны, они представляют собой проект и предписание будущего поведения. Традиции являются тем, что делает человека звеном в цепи поколений, что выражает пребывание его в историческом времени, присутствие в «настоящем» как звене, соединяющем прошлое и будущее.

Традиционализм и антитрадиционализм – две крайних позиции в трактовке традиции. Традиционализм исходит из убеждения, что практическая мудрость по-настоящему в делах, а не в писанных правилах, и ставит традицию выше разума. Антитрадиционализм, напротив, считает традицию предрассудком, который должен быть преодолен с помощью разума.

Господство традиционализма не только в теории, но и в практической жизни характерно для коллективистических обществ с жесткой структурой. Таковыми являются средневековое общество, так называемые «восточные деспотии» (Древний Египет, Древний Китай и др.) и тоталитарные общества

XX в. Жесткая структура присуща также высокоинтегрированной массе, в частности армии, церкви, определенным политическим партиям. Во многом эта же структура реализуется в «нормальной», или парадигмальной»,

Науке, т.е. в научной дисциплине, имеющей ядро, добившейся успеха и устоявшейся.

Таким образом, история человечества – это главным образом история коллективистических обществ. Индивидуалистические общества существовали лишь в античных Греции и Риме, а начиная с XVII в., утвердились в Западной Европе. В XX в. В ряде стран Западной Европы индивидуалистические общества на довольно длительный период были заменены коллективистическими. Кроме того, в современном индивидуалистическом обществе имеются достаточно обширные и влиятельные сообщества, имеющие жесткую структуру: армия, церковь, некоторые политические партии, нормальная наука.

Жесткая структура предполагает непроницаемый водораздел между «верхом» и «низом», ее общая ориентация является подчеркнута спекулятивной: «верх» полностью детерминирует «низ», определяя стиль мышления, чувства и деятельность последнего. «Верх» включает три взаимосвязанные части: разумную, чувственную и деятельностьную. В тоталитарном обществе роль разумной части «верха» играет тоталитарная идеология; объектом особых чувств являются создатели тоталитарной доктрины; деятельностьная часть детально регламентирует все формы группового поведения. В средневековом обществе земному миру как «низу» противостоял небесный мир, разумная часть которого включала Откровение, чувственная – сыновнюю любовь к Богу и деятельностьная – бесприкословное исполнение того, что предписано богом. В «нормальной» науке ее парадигма и те, кто внес большой вклад в ее разработку, противопоставляются научному сообществу, разрабатывающему парадигму, которая чтит ее создателей. В различных жестких структурах части «верха» соотносятся по-разному: в средневековом обществе на первом плане стоит чувственная часть «верха», в

тоталитарном обществе и «нормальной» науке доминирует разумная часть. Отношение индивидов, составляющих «низ» общества, к трем частям его «верха» можно охарактеризовать как **веру** в то, что утверждается в разумной части «верха», **любовь** к чувственной его части и безусловное **повиновение** предписаниям деятельностной части. Отношение, связывающее индивидов «низа» - это отношение их **равенства** между собой относительно «верха».

Из всех обществ с жесткой структурой наиболее полно и всесторонне исследовано средневековое общество. Поэтому рассмотрим проблему традиционализма применительно к этому обществу.

В средние века все устоявшееся и завоевавшее в жизни прочное место считается правильным. Оно не обязательно закрепляется в нормах права, но охраняется традицией, обычаем и в большинстве случаев этого достаточно. Само право мыслится как старинное, авторитет его подкрепляется ссылкой на старину. «Нововведение не осознавалось как таковое, и вся законодательная деятельность проходила преимущественно в форме реставрации старинного права, нахождения и уточнения обычаев отцов и дедов. Право той эпохи было ориентировано на прошлое. Высокая оценка старины характерна для всех сфер средневековой жизни». (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984 - С. 154.)

Средневековье, несомненно, консервативно, но средневековый традиционализм не является просто консерватизмом, поскольку в установке на старину видится особая доблесть и старое считается обладающим особым моральным достоинством. Только от века существующее может иметь моральную силу и непререкаемый авторитет. «Не сдвигай с места камней, которые установил твой отец... - настаивает еще в V веке монах Винцент Лоренский. – Ибо если новшества надобно избегать, то древности следует держаться; если новое нечисто, то старое учение свято» (Цит. по Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – с. 154).

Традиционализму всегда сопутствует консерватизм. В средневековом сознании консерватизм проявляется многообразно. Прежде всего оно

озабочено сохранением ядра религиозной доктрины, лежащей в основе средневекового мировоззрения. Консерватизм распространяется и на обсуждаемые проблемы: их круг является ограниченным и устойчивым, все они представляют собой только переформулировку вопросов, поставленных еще в авторитетных источниках. Средневековый мыслитель консервативен и по своей психологии: его раздражает даже само намерение обсуждать проблемы, не затрагивавшиеся ранее и не освященные традицией. Средневековью, постоянно стремящемуся действовать только в русле традиции, несвойственна тяга к реформам, к введению новшеств. Как отмечает Ю.М. Лотман, следование правилу, освященному многовековой традицией для средневекового человека является делом чести и доблести.

Таким образом, *отказ от новаторства* не является осознанным выбором для средневекового человека. Этот отказ органически вытекает из общего характера средневековой культуры. *Аргумент к традиции был одним из основных в средневековой жизни, а в вопросах практических он оказывался обычно решающим.*

Просвещение истолковывало традицию как одну из форм авторитета. На этом основании был выдвинут лозунг преодоления всех предрассудков и прежде всего **предрассудков авторитета и предрассудков поспешности**. Поспешность – источник ошибок, возникающих при пользовании собственным разумом. Она может быть устранена или скорректирована путем методически дисциплинированного разума. Предрассудки авторитета проистекают из того, что люди вообще не пользуются собственным разумом, передоверяя способность рассуждать авторитету. И эти предрассудки самые опасные. К традиции как относится все, что касается авторитета вообще.

Романтизм, возвеличивая и противопоставляя ее разумность свободе, рассматривает ее как историческую данность, подобную данностям природы. В результате традиция оказывается противоположностью свободному самоопределению, поскольку выступает как некая самоочевидность и не нуждается в разумных основаниях.

Противоположность традиции и разума носит относительный характер: традиции складываются при участии разума, а сам разум в каждый конкретный период является продолжением и развитием имманентно присущей человеку традиции рациональности. «Даже самая подлинная и прочная традиция, - пишет Х.-Г. Гадамер, - формируется не просто естественным путем, благодаря способности к самосохранению того, что имеется в наличии, но требует согласия, принятия, заботы. По существу своему традиция – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменах. Но такое сохранение суть акт разума, отличающийся, правда, своей незаметностью.» (Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 334).

Аргумент к традиции неизбежен во всех тех научных рассуждениях, в которые входит «настоящее» как тема обсуждения или как один из факторов, определяющих позицию исследователя. Обращение к традиции – обычный способ аргументации и в морали. Наши установленные нормы и поступки во многом определяются традицией. «Совершенно невысказано было ожидать от современной науки и ее прогресса обоснования новой морали» (Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 336)

Аргументу к традиции близок **аргумент к авторитету – ссылка на мнение или действие лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками.** Традиция складывается стихийно и не имеет автора, авторитетом же является конкретное лицо.

Аргумент к авторитету встречается во всех областях познания и деятельности. Наиболее часто он встречается в обществах с жесткой структурой, невысказанных без собственных, признаваемых всеми авторитетов. И здесь характерным примером является средневековая культура. Авторитарное мышление проникает во все его сферы. Чтобы подвигнуть кого-то к раскаянию, апеллируют не к общему понятию нравственно похвального или предосудительного действия, а перечисляют

соответствующие примеры из Библии. Чтобы предостеречь от распутства, вспоминают все подходящие случаи, обсуждаемые и осуждаемые древними. Для всякого жизненного происшествия всегда находится аналогии и соответствующие примеры из Священного Писания, истории или литературы.

В серьезных доказательствах всегда прибегают к ссылкам на авторитетные источники в качестве исходного пункта и надежной поддержки.

Из авторитарности средневековой культуры непосредственно вытекает ее **комментаторство**, стремление ограничиться детализацией доктрины и уточнением частных, не ставя под сомнение, а иногда вообще не обсуждая ее центральные положения.

С традиционализмом и авторитарностью средневековой культуры тесно связан *формализм*. Суть формализма в том, что форма постоянно господствует над конкретным содержанием, внешнее, жесткое правило едва ли не целиком определяет жизнь и деятельность средневекового человека. Формализм проистекает из ощущения трансцендентной сущности вещей, из очерченности всякого представления незыблемыми границами. В социальной сфере такие границы явлений устанавливаются, прежде всего, авторитетом и традицией. С формализмом связан широко распространенный в средневековье **идеализм** – уверенность в том, что каждый возникший вопрос должен получить идеальное разрешение. Для этого нужно только познать правильное соотношение между частным случаем и вечными истинами. Само это отношение выводится, когда к фактам прилагаются формальные правила.

Подобное истолкование процедуры решения конкретных проблем, так или иначе, ведет к **казуистике**. Именно формализмом Й. Хейзинга объясняет поразительное (с более поздней точки зрения) легкомыслие и легковерие людей средневековья. Это легкомыслие может внушить впечатление, что они вообще не имели никакой потребности в реалистическом мышлении. (Й. Хейзинга Осень средневековья.) Авторитарность и традиционализм

средневековой культуры обусловили чрезвычайную распространенность в ней *дидактизма*, учительства, назидательности.

Авторитарное мышление довольно широко распространено в обычной жизни. Причин этому несколько. Одна из них состоит в том, что человек не способен не только жить, но и мыслить в одиночку. Он остается «Общественным существом» и в сфере мышления: рассуждения каждого индивида опираются на открытия и опыт других людей. Нередко бывает трудно уловить ту грань, где критическое, взвешенное восприятие переходит в неоправданное доверие к написанному и сказанному другими.

2. Интуиция и вера.

Интуицию обычно определяют как прямое усмотрение истины, постижение ее без всякого рассуждения и доказательства.

Для интуиции типичны неожиданность, невероятность, непосредственная очевидность и неосознанность ведущего к ней пути. **Интуитивная аргументация представляет собой ссылку на непосредственную, интуитивную очевидность выдвигаемого положения.** Интуитивная аргументация в чистом виде является редкостью. В «непосредственном схватывании», внезапном озарении и прозрении много неясного и спорного. Философ М. Бунге говорит даже, что «интуиция – это коллекция хлама», куда мы сваливаем все интеллектуальные механизмы, о которых не знаем, как их проанализировать, или даже как их точно назвать, либо такие, анализ которых нас не интересует. Поэтому, как правило, для результата, найденного интуитивно, задним числом подыскиваются основания, кажущиеся более убедительными, чем простая ссылка на интуитивную очевидность.

Тем не менее, интуиция существует и играет заметную роль в познании. Далеко не всегда процесс научного, а тем более художественного творчества и постижения мира осуществляется в развернутом, расчлененном на этапы виде. Нередко человек охватывает мыслью сложную ситуацию, не

отдавая отчета во всех ее деталях. Особенно наглядно это проявляется в военных сражениях, при постановке диагноза, при установлении виновности и невиновности и т.п. Велика роль интуиции и, соответственно, интуитивной аргументации в математике и логике. Существенное значение имеет интуиция в моральной жизни, в историческом и вообще гуманитарном познании. Художественное мышление вообще не мыслимо без интуиции.

Слово «интуиция» вошло в европейскую философию в XIII в. как аналог древнегреческого термина, означавшего познание предмета не по частям, а сразу, одним движением. В позднее средневековье интуиция означала познание того, что конкретно и единично, в противовес абстрактному познанию. В Новое время Декарт свел все акты мышления, позволяющие нам получить новое знание без опасения впасть в ошибку к двум: **интуиции и дедукции**. «Под интуицией, - писал он, - я понимаю не веру в шаткое свидетельство чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, но понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим, или, что одно и то же, прочное понятие ясного и внимательного ума, порождаемое лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция, хотя последняя и не может быть плохо построена человеком» (Декарт Р. Правила для руководства ума. – М., Л., 1936. С. 57). Опираясь на первичную интуицию Декарт пытался доказать существование бога – «субстанции бесконечной, вечной, неизменной, независимой, всемогущей, создавшей и породившей меня и все остальные существующие вещи».

Начиная с Плотина, утверждается противопоставление интуиции и дискурсивного мышления. Интуиция – это божественный способ познания чего-то одним лишь взглядом, в один миг, вне времени. Дискурсивное же мышление – человеческий способ познания, состоящий в том, что в ходе некоторого рассуждения. Последовательно, шаг за шагом разворачивается аргументация. Особой остроты противопоставление интуиции и

дискурсивного мышления достигает у Канта. Он отрицает декартовскую интеллектуальную интуицию и выделяет чувственную интуицию и чистую интуицию пространства и времени. После Канта под интуицией все более понимается интеллектуальная очевидность. Согласно Шопенгауэру, органом интуитивного, моментального, непосредственного познания является интеллект. Разум преобразует интеллектуальное познание в абстрактное. Абстрактное познание не расширяет знание, а только придает ему новую форму, способную выполнить практические функции и быть объектом межличностных отношений. Своеобразную концепцию интуиции предлагает Н.О.Лосский. Он определяет интуицию как «акт непосредственного созерцания предмета в подлиннике» (Лосский Н.О. Учение о непосредственном интуитивизме. – М., 1993. С. 137). Акты внимания, различения и т.п., направленные на предмет, ничего не меняют в нем. Поэтому мы знаем предметы в подлиннике, т.е. такими, как они существуют независимо от нас и нашего познания. Кант называл вещи в их бытии, независимом от познающего сознания, термином «вещь в себе» и считал их абсолютно непознаваемыми. Согласно интуитивизму Лосского, наоборот, всякое знание есть знание о «вещах в себе». Логически обосновать знание о существовании внешнего мира невозможно. Поэтому необходимо допустить интуицию как непосредственное восприятие этого мира. Существуют также другие, абсолютно достоверные разновидности знания, которые может обеспечить только интуиция. Согласно Лосскому, человек способен непосредственно созерцать в подлиннике любые виды и стороны бытия, существующие в мире. В чувственном опыте даны материальные процессы как нечто глубоко отличное от душевных процессов, наблюдаемых путем нечувственного опыта. Человек способен наблюдать не только свою, но и чужую душевную жизнь. Он способен наблюдать не только реальное бытие, но и бытие идеальное, посредством интеллектуальной интуиции. Сверхлогические принципы, находящиеся в мире, и даже сверхмировое начало, Бог, познается посредством мистической интуиции. В этой

концепции интуиция оказывается надежным, а нередко и единственно возможным средством познания предметного мира (чувственная интуиция), своей и чужой душевной жизни (нечувственная интуиция), идеального бытия (интеллектуальная интуиция), запредельного бытия (мистическая интуиция). Ценностных характеристик мира (аксиологическая интуиция).

Существуют и другие трактовки интуиции:

Интуиция Платона понимается как созерцание стоящих за вещами идей, приводящее внезапно, но предполагающее длительную подготовку ума;

Интуиция «здорового смысла» шотландской школы философов, дающая нам самоочевидные моральные и религиозные истины;

Художественная интуиция Шопенгауэра, улавливающая сущность мира как мировую волю;

Интуиция философии жизни (Ницше), несовместимая с разумом, логикой и жизненной практикой, но постигающая мир как форму проявления жизни;

Интуиция Бергсона как непосредственное слияние субъекта с объектом и преодоление противоположности между ними;

Моральная интуиция Дж. Мура как непосредственное видение добра, не являющегося «естественным» свойством вещей и не допускающего рассудочного определения;

Интуиция Фрейда как скрытый, бессознательный первоисточник творчества;

Интуиция М. Полани как спонтанный процесс интеграции, непосредственного внезапного усмотрения целостности и взаимосвязи в ранее разрозненном множестве объектов.

Общим для всех толкований интуиции является признание непосредственного характера интуитивного знания – оно представляет собой знание без осознания путей и условий его получения. Существует давняя традиция противопоставлять интуицию логике. Нередко интуиция ставится выше логики даже в математике, где роль строгих доказательств особенно

велика. Логика и интуиция не исключают и не подменяют друг друга. В реальном процессе познания они, как правило, тесно переплетаются, поддерживая и дополняя друг друга. Уточняя и закрепляя завоевания интуиции, логика вместе с тем сама обращается к ней в поисках поддержки и помощи. Логические принципы не являются чем-то заданным раз и навсегда. Они формируются в многовековой практике познания и преобразования мира и представляют собой очищение и систематизацию стихийно складывающихся «мыслительных привычек». Вырастая из аморфной и изменчивой пралогической интуиции, из непосредственного, хотя и неясного «видения логического», эти принципы всегда остаются связанными с изначальным, интуитивным «чувством логического». Таким образом, логику и интуицию не стоит направлять друг против друга. Каждая из них необходима на своем месте и в свое время. Внезапное интуитивное озарение, способно открыть истины, вряд ли доступные строгому логическому рассуждению. Но и ссылка на интуицию не может служить твердым и тем более окончательным основанием для принятия каких-то утверждений. Интуиция дает интересные новые идеи, но нередко порождает также ошибки и вводит в заблуждение. Интуитивные догадки субъективны и неустойчивы, они нуждаются в логическом обосновании. Чтобы убедить в интуитивно схваченной истине не только других, но и самого себя, требуется развернутое рассуждение, доказательство.

Интуиции близка вера – глубокое, искреннее, эмоционально насыщенное убеждение в справедливости какого-то положения или концепции.

Вера заставляет принимать какие-то положения за достоверные и доказанные без критики и обсуждения. Как и интуиция, вера субъективна. В разные эпохи предметом искренней веры были диаметрально противоположные воззрения. То, во что когда-то свято веровали все, спустя время большинству представляется наивным предрассудком. В отличие от интуиции вера затрагивает не только разум, но и эмоции; нередко она

затрагивает всю душу и означает не только интеллектуальную убежденность, но и психологическую расположенность. Если интуиция – это непосредственное **усмотрение** истины и добра, то вера – непосредственное **тяготение** к тому, что представляется истиной или добром.

Вера противоположна *сомнению* и отлична от *знания*. Если человек верит в какое-либо утверждение, он считает его истинным на основании соображения, которые представляются ему достаточными. В зависимости от способа, каким оправдывается вера, различают **рациональную и нерациональную** веру. Нерациональная вера служит оправданием самой себе: сам факт веры считается достаточным для ее оправдания. Самодостаточную веру иногда называют «слепой». (Например, религиозная вера в чудо не требует какого-либо основания чуда, помимо самого акта веры в него). Рациональная вера предполагает некоторые основания для своего принятия. Ни рациональная, ни иррациональная вера не гарантирует истины.

Существует мнение, что вера (и прежде всего религиозная) не имеет ничего общего со знанием, поскольку вера и знание относятся к дополняющим друг друга, но не сопоставимым сторонам действительности. Соотношение знания и веры во многом является неясным. Очевидно только, что они существенно переплетены, нередко взаимно поддерживают друг друга, и разделение их и отнесение к разным, не соприкасающимся друг с другом сторонам действительности может быть только временным и условным. Знание всегда подкрепляется интеллектуальным чувством субъекта. Предположения не становятся частью науки, до тех пор, пока их кто-нибудь не выскажет и не заставит в них поверить. «Как всякое интеллектуальное действие, искреннее утверждение всегда несет в себе также и эмоциональную нагрузку, - пишет М. Полани. - С его помощью мы стараемся уверить, убедить тех, кому мы адресуем свою речь. Нам памятли крики безумного ликования, дошедшие до нас благодаря записям Кеплера, которые он сделал в предвкушении открытия; мы знаем много других подобных проявлений в ситуациях, когда людям только казалось, что они

приблизились к открытию; нам известно также, с какой силой великие пионеры науки, такие как Пастер, отстаивали свои взгляды перед лицом критики. Врач, который ставит серьезный диагноз в сложном случае, или член суда, выносящий приговор в сомнительном деле, чувствуют тяжеленный груз личной ответственности. В обычных ситуациях, когда нет ни оппонентов, ни сомнений, такие страсти спят, но не отсутствуют вовсе; всякая искренняя констатация факта сопровождается чувством интеллектуального удовлетворения или стремления постичь что-то, а также ощущением личной ответственности». (Полани М. Личностное знание. – М., 1985. – С. 52-53.)

Вера стоит не только за отдельными утверждениями, но и за целостными концепциями или теориями. Особенно наглядно это выявляется при переходе от старой теории к новой. Основные трудности их сравнения и выбора между ними оказываются связанными с разными системами верований, стоящими за ними.

Для двух разных систем веры характерно, что: (1) они используют понятия, между которыми невозможно установить обычные логические отношения (включение, исключение, пересечение); (2) заставляют своих сторонников в многом видеть вещи по-разному, диктуют разные восприятия; (3) включают в себя разные методы обоснования и оценки выдвигаемых положений. Именно таковы и обычные отношения между старой и новой теорией, в силу чего переход от признания одной теории к признанию другой аналогичен «акту обращения» в новую веру и не может быть осуществлен шаг за шагом посредством логики и нейтрального опыта.

Итак, переход от старой теории к новой связан с изменением системы верований. Однако это не означает, что он не может осуществляться с помощью аргументов и что ученых невозможно убедить в необходимости изменения их образа мышления. Аргументация присутствует и здесь, но она не только не является доказательной, но и вообще не имеет единой и унифицированной формы.

Определенная система верований лежит в основе не только отдельной теории, но и науки в целом. Эта система задает предпосылки научного теоретизирования и определяет то, что отличает научное мышление от идеологического, утопического или художественного мышления. Совокупность мыслительных предпосылок науки размыта, значительная их часть носить характер «неявного знания». Этим объясняется то, что трудно науку однозначно отграничить от того, что наукой не является, и определить научный метод исчерпывающим перечнем правил.

Таким образом, возможности аргументации являются ограниченными даже в науке, особенно в периоды кризиса старых теорий и появления новых. Аргументация становится почти бессильной, когда какая-то эпоха пытается определить те общие верования, которые определяют облик ее мышления, ее миропонимания и мироощущения.

Аргумент к вере не так редок и не так предосудителен, как это может показаться. Он встречается в науке, особенно в периоды ее кризисов. Он неизбежен при обсуждении многих общих вопросов, таких как, вопрос о будущем человечества или вопрос о предпосылках теоретического мышления. Аргумент к вере обычен в общении людей, придерживающихся какой-либо общей системы веры. В другой аудитории он может оказаться не только неубедительным, но и попросту неуместным.

3. Здравый смысл и вкус.

Здравый смысл можно охарактеризовать как присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом. Здравый смысл в основе своей не является знанием. Здравый смысл играет особую роль в гуманитарной аргументации и при обсуждении всех проблем, касающихся жизни и деятельности человека. *Аргумент к здравому смыслу – это обращение с целью поддержки выдвигаемого положения к чувству здравого смысла, который обязательно имеется у аудитории.*

Здравый смысл - одно из ведущих начал жизни. Она разворачивается не под действием науки, философии или каких-то общих принципов, а под

решающим воздействием здравого смысла. Именно поэтому он необходим гуманитарному ученому, исследующему моральное и историческое существование человека. Здравый смысл проявляется в суждениях о правильном и неправильном, годном и негодном. «Обладатель здравого суждения не просто способен определять особенное с точки зрения общего, но знает к чему оно действительно относится, то есть видит вещи с правильной, справедливой, здоровой точки зрения. Авантюрист, правильно рассчитывающий людские слабости и всегда верно выбирающий объект для своих обманов, тем не менее не является носителем здравого суждения в полном смысле слова». (Гадамер Х-Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 74).

Здравый смысл чаще всего применим в общественных, практических делах. С его помощью судят, опираясь не на общие предписания разума, а скорее на убедительные примеры. Поэтому решающее значение для него имеет история и опыт жизни. Он имеет двойственный, описательно-оценочный характер: с одной стороны, он опирается на прошлые события, с другой является наброском будущего.

С изменением общественной жизни изменяется и здравый смысл. Так, в древности сны представлялись обычному человеку одним из важнейших выражений его души, материалом для предсказания будущего. В эпоху Просвещения идея о том, что сны могут быть вещими, уже казались предрассудком, в них видели преимущественно отражение соматических факторов и избыток душевных страстей. Позднее снова начала усматриваться связь между характером человека и его сновидениями: в сновидениях отражается характер и особенно те его стороны, которые не проявляются наяву; во сне человеком осознаются скрытые мотивы его действий, и поэтому, толкуя сновидения, можно предсказать его будущие действия.

Хотя здравый смысл касается в первую очередь социальной жизни, по своей природе он более универсален, так как способен судить о любой деятельности и ее результатах.

Аргументация к вкусу – это обращение к чувству вкуса, имеющемуся у аудитории и способному склонить ее к принятию выдвинутого положения.

Понятие **вкуса** существенно уже понятия **здорового смысла**. Вкус касается только совершенства каких-то вещей и опирается на непосредственное чувство, а не на рассуждение. Кант характеризовал вкус как «чувственное определение совершенства» и видел в нем основании своей критики способности суждения. Понятие вкуса первоначально было моральным, и лишь потом его употребление сузилось до эстетической сферы «прекрасной духовности». Идея человека, обладающего вкусом, пришла в XVII в. на смену христианскому идеалу придворного и была идеалом так называемого «образованного общества». «Вкус – это не только идеал, провозглашенный новым обществом, - пишет Гадамер, - это в первую очередь образующийся под знаком этого идеала «хороший вкус», то, что отныне отличает «хорошее общество». Оно узнается и узаконивается теперь не по рождению и рангу, а в основном благодаря общности суждений¹ или, вернее, благодаря тому, что вообще умеет возвыситься над ограниченностью интересов и частностью пристрастий до уровня потребности в суждении». (Истина и метод С. 78). Хороший вкус не является субъективным, он предполагает способность дистанцироваться от себя самого и групповых пристрастий.

Вкус - это не простое своеобразие подхода индивида к оцениваемому им явлению. Вкус всегда стремится к тому, чтобы стать *хорошим* и реализовать свое притязание на всеобщность.

Понятию хорошего вкуса всегда противостоит понятие *отсутствие вкуса*, а не понятие *плохого вкуса*. «Хороший вкус - это такой тип восприятия, при котором все утрированное избегается так естественно, что эта реакция по меньшей мере непонятна тем, у кого нет вкуса» (Там. же).

Широко распространено мнение, что о вкусах не спорят. Кант полагал, что в этой сфере возможен спор, но не диспут. Принцип «о вкусах не спорят»

Не кажется верным в своей общей формулировке. Споры о вкусах достаточно обычны, эстетика и художественная критика состоят по преимуществу из таких споров.

Действительно, о вкусах невозможно вести *дискуссию* – спор, направленный на поиск истины и ограничивающийся только корректными средствами аргументации. О вкусах невозможен также *эклeктический спор*, тоже ориентирующийся на истину, но использующий и некорректные приемы. Суждения вкуса являются оценками: они определяют степень совершенства рассматриваемых объектов. Об оценках возможна *полемика* – спор, цель которого победа над другой стороной и который пользуется только корректными приемами аргументации. Оценки, и в частности суждения вкуса, могут быть предметом *софистического спора*, тоже ориентированного на победу, но использующего и некорректные приемы.

Вкус всегда претендует на общую значимость. Это особенно наглядно проявляется в феномене **моды**, тесно связанном со вкусом. Мода касается быстро меняющихся вещей и воплощает в себе не только вкус, но и определенный, общий для многих способ поведения. «Мода, - пишет Гадамер, - по своему усмотрению управляет лишь такими вещами, которые в равной степени могут быть такими или иными. Фактически ее составляющей является эмпирическая общность, оглядка на других, сравнение, а вместе с тем и перенесение себя на общую точку зрения» (Гадамер Истина и метод. С. 80).

Аргумент к моде – это частный случай аргумента ко вкусу, представляющего собой ссылку на согласие выдвинутого положения с господствующей в это время модой.

Особое значение и вместе с тем особую силу вкус имеет в сфере нравственного решения «...Вкус – это хотя и никоим образом не основа, но, пожалуй, высшее совершенство нравственного суждения, - пишет Гадамер. – Если неправильное противоречит вкусу человека, то его уверенность в принятии добра и отвержении зла находится на высочайшем уровне; она

столь же высока, сколь и уверенность самого витального из наших чувств, которое выбирает или отвергает пищу» (Там. Же С. 162-163).

Вкус несет на себе отпечаток общности социальной жизни и изменяется вместе с ее изменением. Суждения вкуса, относящиеся к разным эпохам или к разным обществам, обычно оказываются несовместимыми друг с другом.

ТЕМА 5. АРГУМЕНТАЦИЯ И ЦЕННОСТИ

- 1. Ценности и эпистемология**
- 2. Описание и оценка**
- 3. Многообразие оценок**
- 4. Квазиэмпирическое обоснование оценок**
- 5. Теоретическое обоснование оценок**
- 6. Контекстуальные аргументы**
- 7. Принципы морали**

1. Ценности и эпистемология.

Существенным недостатком современной теории аргументации является то, что в ней почти не уделяется внимания ценностям. По старой, ошибочной традиции оценки истолковываются как частный случай описаний, не представляющих самостоятельного интереса. Способы аргументации, применяемые в случае описаний, считаются автоматически приложимыми и к оценкам. Своеобразие аргументации в поддержку ценностей остается пока совершенно не исследованным.

Проведение ясного различия между описанием и оценками -необходимая предпосылка правильной трактовки ценностей в теории аргументации. Убедить аудиторию в приемлемости какого-то описательного утверждения значит, прежде всего, продемонстрировать ей истинность или, по крайней мере, высокую правдоподобность этого утверждения. Совершенно иначе

обстоит дело с оценочными утверждениями. Они не являются ни истинными, ни ложными и пытаться по аналогии с описаниями продемонстрировать аудитории истинность оценочного утверждения, значит потратить силы впустую.

Лучший способ утверждения - *абсолютное* или *сравнительное обоснование*. Однако между обоснованием описательных утверждений и обоснованием оценочных утверждений имеется существенная асимметрия. Оценочные утверждения не допускают *прямого* и *косвенного эмпирического подтверждения*: в строгом смысле оценки не поддерживаются ни непосредственным наблюдением (приведением фактов), ни подтверждением в опыте их логических следствий. Оценочные утверждения не могут обосновываться и построением *объяснений*, поскольку посылки последних всегда являются описательными утверждениями. Применительно к оценкам бессмысленно говорить о *фальсификации*, неуспех которой мог бы истолковываться как свидетельство их обоснованности. Не могут быть поставлены и вопросы о принципиальной возможности эмпирического подтверждения и эмпирического опровержения оценок. И наконец, оценки нельзя обосновывать путем *дедукции* их из известных описаний: они вообще не выводимы логически из описаний.

С другой стороны, есть способы обоснования оценочных утверждений, не приложимые к описаниям. Прежде всего, это *целевое подтверждение*, являющееся параллелью косвенного подтверждения описательных утверждений. *Описательные утверждения обосновываются принципиально иначе, чем оценочные утверждения, и, соответственно, аргументация в поддержку описаний должна быть другой, нежели аргументация в поддержку оценок*. И описательные, и оценочные утверждения должны иметь «достаточные основания». Эти основания обеспечиваются процедурами абсолютного и сравнительного обоснования (обоснования и рационализации). Характер обоснования, а значит и характер опирающейся

на него аргументации, зависит от того, к какому из употреблений языка относится обосновываемое положение.

Понятие *ценности* является столь же важным для эпистемологии и методологии науки, как и понятие *истины*. Эпистемология Нового времени сделала осью всех своих рассуждений о знании истину, ценностная сторона процессов познания ушла в глубокую тень. Естественные науки оказались оторванными от гуманитарных, теоретическое освоение мира – от практического, предметного его преобразования. Современная эпистемология все больше фокусирует свое внимание на деятельностных, и тем самым ценностных аспектах научного познания. Становится все более очевидным, что, вопреки старому убеждению, знание не сводимо к истине и включает в себя также ценности. Знать – значит иметь представление не только о том, что есть, но и о том, что должно быть.

Без ценностей нет социальных наук, которые, подобно этике, политической экономии, теории права и т.д., ставят своей задачей обоснование и утверждение определенных ценностей. Без ценностей нет естественных наук: понимание природы является оценкой ее явлений с точки зрения того, что должно в ней происходить, то есть с позиций устоявшихся, опирающихся на прошлый опыт представлений о «нормальном» или «естественном», ходе вещей. Без ценностей нет, наконец, логико-математического знания, прескриптивная интерпретация которого является даже более обычной, чем его дескриптивная интерпретация. Поворот эпистемологии к исследованию ценностей и их роли в познании должен сказаться и на теории аргументации. Одной из основных тем теории аргументации должен стать анализ тех многообразных способов аргументации, которые применяются для поддержки ценностей.

2. Описание и оценка.

Выделение функций языка зависит от тех целей, для которых используется противопоставление языковых выражений. В разных случаях могут выделяться и противопоставляться разные функции. С точки зрения

логики и эпистемологии важным является проведение различия между двумя ведущими функциями языка: *описательной и оценочной*. Все другие употребления языка сводятся либо к описаниям, либо к оценкам. Описание и оценка являются, таким образом, двумя полюсами, к которым тяготеют все другие употребления языка. За оппозицией «описание-оценка» стоит в конечном счете оппозиция «истина - ценность», и первая не может быть понята без прояснения второй. Большинство рассуждений о ценностях, в том числе и о ценностях в науке, имеет существенный недостаток. Обычно упускается из виду, что категория ценности столь же **универсальна**, что и категория истины. Всякая человеческая деятельность неразрывно связана с постановкой целей, следованиям нормам и правилам, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под образцы или стандарты, отделением важного и фундаментального от менее существенного и второстепенного и т.д. Все эти понятия - «цель», «норма», «правило», «система», «иерархия», «образец», «стандарт», «фундаментальное», «второстепенное» и т.п. – являются оценочными или несут важное оценочное содержание.

Ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности, а значит и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала. Аргументация как особый случай деятельности также насквозь пронизана ценностями и без них немыслима. Ценность, как и истина, является **не свойством, а отношением** между мыслью и действительностью. Ценность, как и истина, не существует вне связи мысли и действительности.

Цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки сделать так, чтобы мир отвечал словам. Это – две диаметрально противоположные функции. Очевидно, что они несводимы друг к другу. Нет оснований также считать, что описательная функция языка является первичной или более фундаментальной, чем его оценочная функция. Истинностный и ценностный подходы взаимно дополняют друг друга. Ни один из них не может быть сведен к другому или заменен им.

3. Многообразие оценок.

Всякий раз, когда объект сопоставляется с мыслью на предмет соответствия ей, возникает ценностное отношение. Далеко не всегда оно осознается, еще реже оно находит выражение в особом высказывании. Формы явного и неявного вхождения оценок в наши рассуждения, и в частности в научные теории, многочисленны и разнородны.

Способы выражения оценок разнообразны. **Абсолютные оценки** выражаются чаще всего предложениями с оценочными словами «хорошо», «плохо», и «(оценочно) безразлично». Вместо них могут использоваться слова: «позитивно ценно», «негативно ценно», «добро», «зло», «благо» и т.п. **Сравнительные оценки**, называемые также **предпочтениями**, формируются в предложениях с оценочными словами: «лучше», «хуже», «равноценно», «предпочитается» и т.п. В языке для правильного понимания оценок важную роль играет контекст, в котором они формулируются. Можно выделить **обычные**, или стандартные, формулировки оценочного утверждения, но выделить оценочные утверждения среди других видов утверждений, опираясь только на грамматические основания невозможно.

Оценка включает следующие части, или компоненты:

- *субъект оценки* – лицо (или группа лиц), приписывающие ценность некоторому объекту;
- *предмет оценки* – объект, которому приписывается ценность, или объекты, ценности которых сопоставляются;
- *характер оценки* – указание на абсолютность или сравнительность, а также на квалификацию, даваемую оцениваемому объекту;
- *основание оценки* – явление или предмет, с точки зрения которого производится оценка;

Не все эти части находят явное выражение в оценочном утверждении. Однако без любой из них нет оценки и, значит, нет фиксирующего ее оценочного утверждения.

Описательное (дескриптивное) утверждение предполагает следующие четыре части:

- *субъект* – отдельное лицо или сообщество, дающее описание;

- *предмет* – описываемая ситуация;

- *основание* – точка зрения, в соответствии с которой производится описание;

- *характер* – указание на истинность или ложность предлагаемого описания.

Не все его части явно выражаются в описательном утверждении.

Вопросы, имеющие характер требований, просьб или рекомендаций предоставить определенную информацию, неявно содержат оценку. Существенным является различие между *реальными и номинальными определениями*. Первые представляют собой **описания**. Они претендуют на соответствие действительности и являются истинными или ложными. Вторые – это, в сущности, завуалированные **предписания**. Они требуют употреблять определяемый термин в задаваемом ими значении, не считаясь с особенностями реальной ситуации. Сама эта ситуация в случае необходимости должна быть преобразована так, чтобы не приходилось отступать от предписанного значения. Номинальные определения не имеют истинностного значения. Как предписания номинальные определения являются оценками и представляют собой обычную форму неявного введения ценностных отношений и оценок.

Еще одна форма неявного вхождения оценок – *конвенции* всякого рода. Все они являются предписаниями и находятся в ценностном отношении к миру. Конвенциями могут вводиться новые понятия, но гораздо чаще конвенции ограничивают или расширяют уже употребляемые в науке понятия, а также отождествляют разные совокупности признаков.

Сложный, описательно-оценочный характер имеют также *регулятивные принципы познания*, подобные принципу привычности, наблюдаемости, принципу простоты и т.д. Все они функционируют прежде всего как

эвристические указатели, помогающие сформировать и реализовать исследовательскую программу. Вместе с тем, они складываются и конкретизируются в самой практике научного исследования и являются попытками осознать определенные закономерности познания.

Если не только принципы теории, но и все ее законы и даже факты являются ценностно нагруженными, то ясно, что ценности неизбежны в структуре всех теорий, как гуманитарных, так и естественнонаучных.

4. Квазиэмпирическое обоснование оценок.

Способы аргументации делятся на *универсальные*, применимые во всякой аудитории, и *контекстуальные*, применимые лишь в некоторых аудиториях. Универсальная аргументация подразделяется далее на *эмпирическую*, включающую так или иначе ссылку на то, что дано в опыте, и *теоретическую*, опирающуюся главным образом на рассуждение. По такой же схеме рассматриваются способы аргументации в поддержку *оценок*. Однако строгая параллель между обоснованием описаний и оценок нарушается в одном важном пункте: *эмпирическое обоснование не применимо в области оценок*. Оценочные утверждения, в отличие от описательных. Не могут поддерживаться ссылками на то, что дано в непосредственном опыте. Вместе с тем имеются такие способы обоснования оценок, которые в определенном смысле аналогичны способам обоснования описаний и которые можно назвать **квазиэмпирическими**.

К квазиэмпирическим способам оценок относятся различные индуктивные рассуждения, среди посылок которых имеются оценки и заключение которых также являются оценками. Это неполная индукция, аналогия, ссылка на образцы, целевое подтверждение, истолкование акта понимания как индуктивного свидетельства в пользу его посылок и др.

Поскольку ценности не даны в опыте, процесс приобретения знания о них принципиально отличается от процесса приобретения знания о фактах. Знание о ценностях не может быть эмпирическим, процедуры их получения

могут лишь внешне походить на процедуры получения эмпирического знания.

Современная логическая теория индукции существенно неполна: в ней отсутствует раздел, в котором рассматривались бы индуктивные (правдоподобные) рассуждения, заключениями которых являлись бы оценки. В этом же смысле до недавних пор была неполна дедуктивная логика. В ней не рассматривались дедуктивные рассуждения, посылки которых включали бы оценки (или нормы) и заключение которых являлось бы оценкой (или нормы). С созданием логики норм и логики оценок в 50е – 60е годы этот пробел в дедуктивной логике был устранен. Индуктивные оценочные рассуждения остаются неисследованными.

Самым простым и вместе с тем самым ненадежным способом индуктивного обоснования оценок является *неполная* (популярная) индукция. Другим популярным способом индуктивной аргументации в поддержку ценностей является *аналогия*. Заметив сходство свойств, присущих двум разным предметам, можно это сходство продолжить и предположить, что сравниваемые предметы подобны в других своих свойствах. В качестве аргументов применяется как *аналогия свойств, так и аналогия отношений*. Однако аналогия всегда дает *проблематичное* (вероятное) *заключение*. Поэтому аналогия обладает слабой доказательной силой. Продолжение сходства может оказаться поверхностным или даже ошибочным.

Аналогия – излюбленное средство убеждения в художественной литературе. Аналогии широко используются также в обычной жизни, в моральном рассуждении, в идеологии, утопии и т.п.

Еще одним способом аргументации в поддержку ценностей является *апелляция к образцу*. Образец принципиально отличается от примера. Пример говорит о том, что имеет место в действительности, образец – о том, что должно быть. Пример используется для поддержки описательных утверждений, ссылка на образец призвана поддержать оценку.

Образец, или идеал, - это поведение лица или группы лиц, которому надлежит следовать. Имеются образцы, предназначенные для всеобщего подражания, но есть и образцы, рассчитанные только на узкий круг людей. Образцы или идеалы играют исключительную роль в социальной жизни, в формировании и укреплении социальных ценностей. «Человек, общество, эпоха характеризуется теми образцами, которым они следуют, а также тем, как, каким образом они эти образцы понимают» (Перельман Х., Олберт-Тытека Л. «Новая риторика» с. 220).

Наряду с образцами существуют также **антиобразцы**. Задача антиобразца – дать отталкивающий пример поведения и тем самым отвлечь от такого поведения. Воздействие антиобразца на некоторых людей оказывается даже более эффективным, чем воздействие образца.

Аргументация с помощью образца или антиобразца требует для своей убедительности определенного поведения со стороны тех, кто прибегает к ней: «... Оратор, толкующий о своей вере во что-либо, подкрепляет свои слова не только силой своего авторитета. Его собственное поведение может либо служить образцом, побуждая вести себя так, как это делает он, либо, напротив, отвращать от его образа действий, если он является антиобразцом» (Перельман Х., Олбрехт Тытека Л. Новая риторика С. 224).

Аргументация к образцу чаще всего используется в художественной литературе. Здесь она носит обычно не прямой характер: образец предстоит выбрать самому читателю по косвенным указаниям автора. Обращение к образцу играет важную роль в психологии личности, в моральных рассуждениях, в обучении и т.д. В сущности аргументация к образцу присутствует везде, где речь идет о поведении человека: образцы – одна из форм создания и закрепления традиции, которой определяется по преимуществу поведение.

До сих пор понятие образца употреблялось для обозначения одного лица или группы лиц, которому надлежит следовать. Такие образцы можно назвать **идеалами**. Наряду с образцами действий имеются также образцы

вещей, предметов, событий, ситуаций, процессов и т.д. Образцы такого рода можно назвать **стандартами**.

Понятие образца как стандарта почти не исследовано. Можно отметить, что стандарт, касающийся предметов определенного типа, обычно учитывает характерную функцию этих предметов. Помимо **функциональных** свойств, стандарт может включать также некоторые **морфологические** признаки.

Важным способом обоснования оценок является **целевое**, или **мотивационное обоснование**. Оно представляет собой параллель эмпирическому подтверждению описательных утверждений (подтверждению следствий) и может быть названо также **целевым подтверждением**.

Целевое обоснование позитивной оценки какого-то объекта представляет собой ссылку на то, что с помощью последнего может быть получен другой объект, имеющий позитивную ценность.

5. Теоретическое обоснование оценок.

Теоретическая аргументация в поддержку оценочных утверждений, в том числе и норм, во многом параллельна теоретическому обоснованию описательных утверждений: почти все способы аргументации, применяемые к описаниям, могут использоваться также для обоснования оценок. Способы теоретической аргументации в поддержку оценок включают *дедуктивное обоснование, системную аргументацию* (в частности внутреннюю перестройку теории), *демонстрацию совместимости обосновываемой оценки с другими принятыми оценками и соответствие ее определенным общим оценочным принципам, методологическое обоснование и др.*

Дедуктивное обоснование оценок – это выведение обосновываемого оценочного утверждения из иных, ранее принятых оценок.

Дедуктивное рассуждение только в редких случаях формулируются с явным указанием всех посылок и выведением из них заключения. В

большинстве случаев дедуктивное рассуждение носит сокращенный характер.

Частое применение в аргументации находят логические законы, распространяющие **требование непротиворечивости** на случай оценок. Смысл этих законов выражается в том, что два положения дел, логически несовместимых друг с другом, не могут быть вместе хорошими и не могут быть вместе плохими. Здесь нужно иметь в виду, что речь идет об оценке двух противоречащих друг другу ситуаций *с одной и той же точки зрения*.

В логике норм предполагается, что основные нормативные понятия - «обязательно», «разрешено», «запрещено» - являются взаимно определяемыми. Разрешено действие, от выполнения которого не обязательно воздерживаться; запрещено то, от выполнения чего следует воздержаться; не разрешенное – запрещено, и т.п. Безразличное действие определяется как не являющееся ни обязательным, ни запрещенным.

Оценочные и нормативные высказывания не являются истинными или ложными. Их функция – не описание действительности, а направление человеческой деятельности, преобразующей действительность. Описание говорит о том, каким является предмет, оценки и нормы указывают каким он должен быть. Можно ли из описательных высказываний логически вывести некоторую оценку или норму? В соответствии с принципом, впервые высказанным философом Д. Юмом, нельзя с помощью логики перейти от высказываний со связкой «есть» к высказываниям со связкой «должен». Оценки и нормы выводимы лишь из посылок, включающих некоторые оценки и нормы. Невозможным является и обратный логический переход – от оценок или норм к описаниям.

Еще одним способом аргументации в поддержку оценок является *системное обоснование*, т.е. обоснование путем включения их в хорошо обоснованную систему оценочных утверждений.

Если принципу справедливости дается моральное истолкование, важным в его обосновании будет указание на то, что он является существенным

составным элементом конкретной, хорошо обоснованной системы морали. Та теоретическая и эмпирическая (или квазиэмпирическая) поддержка, какой обладает мораль в целом, распространяется и на принцип справедливости. Это тем более верно, что данный принцип лежит не на «окраине» морали, а представляет собой одно из наиболее важных ее требований. Если из системы морали изъять принцип справедливости, предписывающий, в частности, отвечать на добро добром, сама эта система, если не разрушится, то станет совершенно иной.

Частным случаем системного обоснования оценочного утверждения является *внутренняя перестройка* той системы оценок, к которой оно принадлежит. Эта перестройка может состоять во введении новых оценок, согласующихся с рассматриваемой оценкой и поддерживающих ее, исключении элементов системы, которые не вполне согласуются между собой, уточнения основополагающих принципов системы и т.д.

Важным шагом в теоретическом обосновании оценочного утверждения является *демонстрация его соответствия имеющимся в рассматриваемой области оценкам и их системам*. Новая оценка должна быть в согласии не только с уже принятыми и устоявшимися оценками и их системами, но и с определенными общими принципами, подобными принципам простоты, привычности, красоты и т.д. Простая, красивая внутренне согласованная система оценок, не порывающая резко с ценностями, оправдавшими себя временем, скорее найдет признание, чем неуклюжая, путанная, безосновательно порывающая с традицией система.

6. Контекстуальные аргументы.

Контекстуальные способы аргументации в поддержку оценок охватывают, как и в случае описательных утверждений, аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и др.

Аргумент к традиции представляет собой ссылку на ту устойчивую и оправданную временем традицию, которая стоит за рассматриваемым

оценочным утверждением. Этот аргумент играет первостепенную роль в моральной аргументации, при обсуждении обычаев и правил идеала, правил разнообразных игр, правил ритуала, разнообразных конвенций и т.д. Даже аргументация в поддержку законов государства, методологических и иных рекомендаций, предостережений, просьб, обещаний и т. п. во многом опирается на традицию. Особенно наглядно проявляется роль аргумента к традиции при обсуждении требований этикета. Нередко правила этикета, как и другие нормы повседневного поведения, всецело опираются только на традицию и не претендуют на какое-то, хотя бы поверхностное целевое обоснование.

Достаточно часто традиция участвует в поддержке оценок в области коммуникации. Одним из важных принципов, регулирующих в процессе коммуникации отношения между «я» и «другими», является **принцип вежливости**. Этот принцип всецело принадлежит речевому этикету и требует удовлетворения следующих максим: (1) максимы такта (Соблюдай интересы другого! Не нарушай границ его личной сферы!), (2) максимы одобрения (Не хули других!), (3) максимы великодушия (Не затрудняй других!), (4) максимы скромности (Отстраняй от себя похвалы!), (5) максимы согласия (Избегай возражений!), (6) максимы симпатии (Высказывай благожелательность!). Принцип вежливости опирается в первую очередь на традицию успешной коммуникации. Попытка дедуктивного обоснования данного принципа вряд ли может быть успешной, так же как и целевое обоснование.

Достаточно часто в аргументации, призванной поддерживать оценочные утверждения является *аргумент к авторитету*. Этот аргумент необходим, хотя и недостаточен, в случае обоснования любых предписаний (команд, директив, законов государства и т.п.). Он важен при обсуждении ценности советов, пожеланий, методологических и иных рекомендаций. Данный аргумент должен учитываться при оценке предостережений, просьб, обещаний, угроз и т.д. Несомненна роль авторитета и, соответственно,

апелляции к нему едва ли не во всех практических делах. Следует проводить различие между *эпистемическим авторитетом*, или авторитетом знатока, специалиста в какой-то области, и *деонтическим авторитетом*, авторитетом вышестоящего лица или органа. Аргумент к авторитету, выдвигаемый в поддержку описательного утверждения, - это обращение к эпистемическому авторитету, такой же аргумент, но поддерживающий оценочное утверждение, представляет собой обращение к деонтическому авторитету.

Деонтический авторитет подразделяется на *авторитет санкции* и *авторитет солидарности*. Первый поддерживается угрозой наказания, второй поддерживается стремлением достичь поставленную общую цель. Например, за законами государства стоит авторитет санкции; за приказами капитана судна в момент опасности стоит авторитет солидарности.

Аргумент к авторитету только в редких случаях считается достаточным для принятия оценки. Обычно он сопровождается другими явными или подразумеваемыми, доводами, и прежде всего – целевым обоснованием.

Существенную роль в аргументации в поддержку оценок играет *аргумент к интуиции*. Интуиция играет существенную роль в морали, особенно в сложных моральных ситуациях, когда мотивы действий человека и их результаты неоднозначны. Однако сведение всей морали к тому, что касается интуитивно очевидным вряд ли можно считать безошибочно верным. Важное значение имеет интуиция при выборе *номинальных определений и конвенций*. Последствия, к которым может привести со временем принимаемое соглашение, как правило, не вполне ясны, многие из них заранее невозможно предвидеть. Во многом на интуицию опираются советы, пожелания, рекомендации и т.п.

Вера упрощенно может быть определена как состояние организма, вызывающее такое поведение, какое вызвало бы определенное событие, если бы оно было дано в ощущении.

Аргумент к вере – это ссылка на это особое состояние организма, или «души», в поддержку выдвигаемого положения. Чаще всего этот аргумент не

выражается явно, а только подразумевается. Он кажется убедительным для тех, кто принадлежит к той вере, испытывает то же состояние души, но не для придерживающихся иных верований.

Аргумент к здравому смыслу, вместе с аргументом к традиции, лежит в основе почти всех практических решений. На здравый смысл опираются по преимуществу и те неясные и редко формулируемые принципы, которыми человек руководствуется в своей обычной жизни.

Здравый смысл действует не только в области оценок, но и в сфере описаний. Он говорит как о том, какими должны быть человек и общество, так и о том, какой является природа.

В отличие от здравого смысла *вкус* относится исключительно к сфере ценностей, а *аргумент к вкусу* – к выбору оценок. Аргумент к вкусу чаще, чем аргумент к здравому смыслу, является *прямым*, выраженным как отдельный довод в процессе аргументации. Более обычно *косвенное* использование аргумента к вкусу, когда другие аргументы излагаются так, чтобы своей совершенной формой убеждать в правильности сказанного. Косвенный аргумент к вкусу обычен у проповедников, моралистов, в эстетике, художественной критике и др.

7. Принцип морали.

Особый интерес для теории аргументации представляют *принципы*, или *нормы, морали*.

Мораль – гениальное изобретение человечества, стоящее в одном ряду с языком и религией. Мораль, сложившаяся исторически, существует тысячелетия. Тема моральной аргументации, никогда не уходившая из поля зрения философии и теории аргументации, по-прежнему остается неясной. Моральные оценки могут быть *абсолютными и сравнительными* («Ложь морально предосудительна» и «Морально простительнее лгать дальнему, чем ближнему»). «Чистые» моральные суждения, представляющие собой собственно моральную оценку или норму, встречаются редко. Обычно

моральные оценки (нормы) входят в рассуждение в форме оценок (норм) других видов, составляющих их своеобразный аспект. Граница между моральной и иной оценкой не является четкой; оценка (норма) едва ли не каждого вида может выражать также моральную оценку (норму). Это означает, что понятие «моральное рассуждение» - несомненная идеализация. В теории морали, но не в обычной моральной жизни, первостепенное значение придается *дедуктивному обоснованию* моральных принципов. И в теории морали, и в обычной моральной практике широко распространено *целевое обоснование* моральных принципов и моральных решений. Такое обоснование включает ссылку на ту цель, которая достигается благодаря обосновываемому принципу или принятому решению.

К теоретическим способам обоснования моральных принципов относится *указание на хорошую согласованность не только между собой, но и с другими принципами человеческого общения*. К условию соответствия примыкает *аргумент к системности морали*. Мораль – не только сложная, но и стройная и последовательная система норм, образцов, идеалов и т.д. Указание на то, что конкретный принцип поведения входит в эту систему представляет собой важный аргумент в поддержку данного принципа.

Тема 6. Объяснение и понимание в аргументации.

- 1. Объяснение**
- 2. Предсказание**
- 3. Понимание**
- 4. Понимание поведения**
- 5. Понимание природы**
- 6. Понимание языковых выражений.**

Объяснение и понимание – две универсальные операции мышления, взаимно дополняющие друг друга. Они присутствуют в каждой сфере человеческой деятельности и коммуникации.

1. Объяснение.

Объяснение какого-то явления – это рассуждение, посылки которого содержат информацию, достаточную для вывода из нее описания рассматриваемого явления.

Наиболее развитая форма объяснения – объяснение на основе научного закона, функционирующего как описание. Такое объяснение называется *теоретическим*. Но не всякое объяснение опирается на научный закон, объяснение также может опираться на *случайное общее утверждение*. Посылки объяснения называются **экспланансом**, заключение – **экспланандумом**.

Объяснение должно удовлетворять четырем правилам:

- (1) заключение, описывающее объясняемое явление должно логически вытекать из посылок;
- (2) в числе посылок должно содержаться хотя бы одно общее положение, необходимое для вывода заключения;
- (3) посылки должны иметь определенное эмпирическое содержание, они должны в принципе подтверждаться экспериментом или опытом;
- (4) посылки должны быть истинными.

Такие правила впервые были четко описаны К. Гемпелем и П. Оппенгеймом. Объясняться может не только отдельное событие, но и общее утверждение, и даже теория.

Гемпель предложил вариант *индуктивно-вероятностного объяснения*. В нем используемое для объяснения общее положение носит вероятностно-статистический характер, а в заключении устанавливается лишь вероятность наступления объясняемого события. Объяснение связывает объясняемое событие с другими событиями и указывает на закономерный характер этих связей. Если используемые в объяснении законы являются истинными и условия их действия реально существуют, то объясняемое событие **должно** иметь место и является в этом смысле **необходимым**. Объяснение является дедукцией объясняемого явления из некоторого общего положения (в

частности, закона природы) и утверждения о реализации данного положения в конкретных условиях наступления явления. Если общее положение представляет собой закон, объяснение обосновывает необходимость объясняемого явления. Если же используемое в объяснении общее положение оказывается случайным, то и заключение о наступлении объясняемого явления является случайным утверждением.

Объяснение может быть *глубоким и поверхностным*. Объяснение на основе закона столь же глубоко, как и теория, в рамках которой используемое в объяснении общее положение оказывается законом. Объяснение, опирающееся на случайное обобщение, поверхностно, как и само это обобщение, но тем не менее является объяснением.

2. Предсказания.

С понятием сильного (номологического) объяснения непосредственно связано понятие *предсказания*.

Предсказание – это выведение описания нового явления из установленного общего положения и соответствующих начальных условий. Схема предсказания та же, что и схема объяснения: из общего утверждения (желательно закона природы или общества) выводится частное или единичное утверждение о предсказываемом явлении. Объяснение и предсказание отличаются лишь своей **временной** направленностью: объяснение направлено к прошлому, предсказание – к будущему. При объяснении объясняемое явление уже известно, для него подбирается то общее положение, на которое может опереться объяснение. При предсказании сначала устанавливается общее положение, из него выводится описание предсказываемого явления и ищется его подтверждение.

Объяснение и предсказание играют неоценимую роль в процессе обоснования научных теорий, концепций, общих положений. Успешные объяснения и предсказания – **необходимое** условие истинности независимо от проверяемой теории. Но они не являются **достаточным** условием ее истинности. Подобно косвенному подтверждению теории

(подтверждению вытекающих из нее следствий) подтвердившиеся объяснения и предсказания повышают правдоподобие теории и способствуют ее подтверждению, но не делают ее истинной.

3. Понимание.

Понимание связано с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся идей и представлений. Проблема понимания долгое время рассматривалась в рамках *эзегетики* (толкование), занимающийся толкованием древних, особенно религиозных (библейских), текстов.

До сих пор распространенной является точка зрения, что пониматься может только текст, наделенный определенным смыслом: понять означает раскрыть смысл, вложенный в текст его автором. Очевидно, однако, что это очень узкий подход. Мы говорим не только о понимании написанного или сказанного, но и о понимании действий человека, его переживаний.

Понимание – универсальная операция. Как и объяснение, оно имеется во всех науках – и естественных, и гуманитарных. Другое дело, что понимание разных вещей – природных и духовных – имеет разную ценность для человека. Существует *сильное* и *слабое* понимание. Первое опирается на общую оценку и является дедуктивным рассуждением. Второе представляет собой индуктивное рассуждение, в основе которого лежит утверждение о средствах, необходимых для достижения определенной цели. Понимание представляет собой оценку на основе некоторого образца, стандарта, нормы, принципа и т.д. Соответственно, пониматься может все, для чего существует такой общий образец, начиная с индивидуальных психических состояний и кончая явлениями неживой природы. Как в обычных, так и научных рассуждениях «чистые» описания и чистые оценки довольно редки. Столь же редки опирающиеся на них «чистые» объяснения и «чистые» оправдания. Одно и то же рассуждение чаще всего можно истолковать и как объяснение и как оправдание. Дедуктивный характер объяснения и оправдания не всегда нагляден и очевиден, поскольку наши обычные дедукции до предела сокращены.

Понимание, как и объяснение, обыденно и массово, и только свернутый характер этих операций внушает обманчивое представление, что они редки и являются результатом специальной деятельности, требующей особых знаний и способностей.

4. Понимание поведения.

Понимание поведения является парадигмой понимания вообще, поскольку именно в человеческом поведении ценности, играющие центральную роль во всяком понимании, обнаруживают себя наиболее явно и недвусмысленно.

Понимание поведения, как и понимание любых других объектов, может быть *сильным* (рациональным) и *слабым* (целевым, мотивационным) пониманием. Рациональное понимание не вызывает особых вопросов. *Целевое понимание поведения предполагает раскрытие связи между мотивами (целями, ценностями), которыми руководствуется человек, и его поступками.* Понять в этом смысле поведение индивида – значит указать ту цель, которую он преследовал и надеялся реализовать, совершая конкретный поступок.

Например, мы видим бегущего человека и пытаемся понять, почему он бежит. Для этого надо уяснить цель, которую он преследует: допустим, он хочет успеть на поезд и поэтому бежит.

Логической формой элементарного акта целевого понимания поведения является так называемый *практический силлогизм* (вывод):

Агент М намеревается (желает, стремится) получить

Для получения А нужно совершить действие В

Следовательно, М должен совершить действие В.

Первая посылка фиксирует цель, которую ставит перед собой действующий субъект. Вторая посылка описывает его представления о средствах, необходимых для достижения цели. В заключении предписывается то конкретное действие, которое субъект должен совершить.

Деление выводов на теоретические и практические восходит еще к Аристотелю, говорившему, что если заключение первых является утверждение, то заключение вторых – действие.

Объяснение включает описательные посылки и его заключение является описанием, посылка оправдания (понимания) всегда включает, по меньшей мере, одну оценку и его заключение является оценкой. В обычном языке граница между описательными и оценочными утверждениями не является ясной, одно и то же предложение способно в одних случаях выразить описание, в других – оценку.

5. Понимание природы

Если в гуманитарном знании процедуры истолкования и понимания обычны, то в естественных науках они кажутся по меньшей мере редкими. По поводу идеи «истолкования природы», ставшей популярной благодаря Ф.Бэкону, В.Дильтей ясно и недвусмысленно сказал: «Понимание природы — это образное выражение».

Иного мнения о понимании природы придерживаются сами ученые, изучающие ее.

Одна из глав книги В.Гейзенберга «Часть и целое» симптоматично называется «Понятие "понимания" в современной физике (1920-1922)».

«Позитивисты, конечно, скажут, что понимание равносильно умению заранее рассчитать, — пишет Гейзенберг. — Если можно заранее рассчитать лишь весьма специфические события, значит, мы поняли лишь некую небольшую область; если же имеется возможность заранее рассчитать многие и различные события, то это значит, что мы достигли понимания более обширных сфер. Существует непрерывная шкала переходов от понимания очень немногого к пониманию всего, однако качественного отличия между способностью заранее рассчитать и пониманием не существует»². «Умение рассчитать» — это способность сделать точное количественное предсказание. Предсказание есть объяснение, направленное в будущее, на новые, еще неизвестные объекты.

Сведение понимания к «умению рассчитать» является, таким образом, редукцией понимания к объяснению.

О расхождении объяснения и понимания можно говорить не только относительно взаимодействия природы и человека, но и применительно к самой природе, рассматриваемой вне контекста целей и намерений человека.

Понимание природы является оценкой ее явлений с точки зрения того, что должно в ней происходить, т.е. с позиции устоявшихся, хорошо обоснованных, опирающихся на прошлый опыт представлений о «нормальном», или «естественном», ходе вещей. Понять какое-то природное явление значит подвести его под стандартное представление о том, что происходит в природе. Проблема понимания встает в естествознании, как правило, только в моменты, его кризиса, когда разрушаются существующие *стандарты* оценки изучаемых природных явлений. Если какая-то область явлений описывается одной, в достаточной мере подтвержденной и хорошо вписывающейся в существующую систему знания теорией, то данная теория определяет как то, что происходит в рассматриваемой области, так и то, что должно в ней происходить в обычных условиях. Теория и описывает, и предписывает естественный ход событий. Дескриптивная и прескриптивная интерпретации основных положений теории (ее законов) не различаются, объяснение и понимание, опирающиеся на эти законы, совпадают. Как только в рассматриваемой области обнаруживаются аномальные с точки зрения теории явления, даваемые ею объяснения и понимания начинают расходиться. Когда возникает конкурирующая теория, относящаяся к той же области, расхождение объяснения и понимания становится очевидным, поскольку представление о естественном, и значит единственном, ходе вещей расплывается. Возникает возможность объяснения без понимания и понимания без объяснения.

Понятие *естественного хода событий* является ключевым в проблеме понимания природе. Пока что это понятие столь же неясно, как и понятие понимания природы.

Поскольку научные законы могут истолковываться двояко — дескриптивно и прескриптивно (как описания и как оценки), определение объяснения как подведения рассматриваемого явления под научный закон является неточным. Объяснение — это не просто подведение под закон, а подведение под закон, *интерпретированный как описание*, т.е. берущийся в одной из двух своих функций. Подведение какого-то явления под научный закон, истолкованный как оценка (предписание, стандарт), представляет собой оправдание данного явления, придание ему статуса того, что должно быть

Иногда слову «понимание» придается смысл неожиданного прозрения, внезапного схватывания и ясного видения какого-то, до тех пор бывшего довольно несвязным и туманным целого. Такого рода понимание является, конечно, редкостью не только в естественных, но и в гуманитарных науках. Но сводить к «озарениям», «инсайтам» или «прозрениям» всякое понимание — это все равно, что сводить работу художника над картиной к нескольким завершающим мазкам, придающим ей особое звучание и цельность. Отдельные акты понимания, логически связывая между собой утверждения и упорядочивая их в иерархическую структуру, придают единство и целостность теории или иной сложной системе идей. Роль понимания аналогична в этом плане роли объяснения. Итогом многих элементарных пониманий и объяснений является система идей как органическое единство, отдельные элементы которого придают смысл целому, а оно им. Называя «пониманием» только заключительный этап «схватывания» или «усмотрения» целостности, складывающейся, разумеется, постепенно, нужно помнить, что без предшествующих, более элементарных дедукций в форме объяснений и пониманий он просто не был бы возможен.

И наконец, в естественных науках процедура истолкования и понимания маскируется периодами так называемой «нормальной науки», когда основные ценности теории, входящие в ее парадигму, не подвергаются сомнению и пересмотру. Нормальная наука внушает впечатление, что описание обязательно совпадает с оценкой, «имеет место» — с «должно быть» и, соответственно, объяснение есть одновременно и оправдание. Однако в период кризиса

естественнонаучной теории и разрушения ее парадигмы, когда на арену выходят конкурирующие системы ценностей, объяснение и понимание заметно расходятся. В такой ситуации споры о понимании становятся обычным делом. В кризисный период «есть» и «должен», объяснение и понимание перестают совпадать и становится возможным и явным объяснение (в частности правильное предсказание) без понимания и понимание без умения объяснить на основе точного закона.

До сих пор речь шла о сильном (рациональном) понимании природы. В случае природных явлений возможно также *слабое* (целевое, телеологическое) понимание. Оно редко встречается в рассуждениях о неживой природе, но достаточно обычно в биологии и других науках о живой природе, где оно именуется *телеологическим*.

Один пример телеологического понимания:

Чтобы выжить, зайцу следует зимой иметь другую окраску, чем летом.

Заяц стремится выжить.

Значит, зайцу нужно зимой иметь другую окраску, чем летом.

Первая посылка устанавливает связь между целью и одним из средств ее достижения. Рассматриваемая как описательное утверждение, данная посылка фиксирует простейшую каузальную зависимость: смена зайцем окраски способствует его выживанию. «Способствует» означает здесь «является частичной, или неполной, причиной». Вторая посылка устанавливает позитивную ценность цели. Собственно говоря, каузальное утверждение становится целевым как раз благодаря тому, что следствие причинно-следственного утверждения объявляется целью, то есть позитивной ценностью. В заключении говорится о том, что «должен делать» заяц, «поставивший указанную цель». Многим представляется, что телеологическое понимание является всего лишь метафорическим способом выражения обычного каузального объяснения.

5. Понимание языковых выражений

Казалось бы, что может быть обыденнее и проще общения людей с помощью языка и достигаемого ими понимания друг Друга?

Обычность, постоянная повторяемость речевого общения создает впечатление не только естественности, но и своеобразной простоты употребления языка для целей коммуникации. Кажется, что взаимопонимание собеседников является элементарным делом, если, конечно, выполняются некоторые простейшие условия: скажем, разговор ведется на языке, известном обоим; словам придаются их обычные значения; пословицы и метафоры не истолковываются буквально и т.п. Понимание представляется нормой, а случаи непонимания — отклонениями от нее, недоразумениями.

Однако понимание как схватывание смысла сказанного далеко не так просто и прозрачно, как это кажется. Обычность понимания, его элементарность, повседневность и доступность, прежде всего бросающиеся в глаза, не должны заслонять существования особой проблемы понимания языковых выражений.

Одинаковое понимание, являющееся центральной проблемой интеллектуальной коммуникации, предполагает, что собеседники, во-первых, говорят об одном и том же предмете, в о - в т о р ы х , беседуют на одном языке и, наконец, в - т р е т ь и х , придают своим словам одни и те же значения. Эти условия представляются необходимыми, и нарушение любого из них ведет к непониманию собеседниками друг друга.

Однако сами эти условия — при всей их внешней простоте и очевидности — являются весьма абстрактной характеристикой понимания. Первая же попытка приложить их к реальной коммуникации и выявить тем самым их полезность и глубину наглядно показывает это.

Эти условия не являются независимыми друг от друга, и ни одно из них не может быть понято в изоляции от остальных. Стоящие за ними общие соображения могут быть выражены и иначе, в форме каких-то иных требований. Можно сказать, например, что одинаковое понимание требует,

чтобы высказывания касались одного и того же предмета и включались собеседниками в один и тот же речевой или более широкий контекст.

Для строгого определения понимания языковых выражений необходимо уточнить два фундаментальных понятия семантики — понятие *значения* и понятие *представления*. Первое из них относится прежде всего к изолированным словам, второе — к контексту или ситуации, в которой употребляются слова.

Значение слова характеризует слово вне контекста его употребления и обладает следующими четырьмя особенностями. Во-первых, это значение *растянуто*: одно и то же слово может отсылать к разным конкретным ситуациям. Во-вторых, это значение является *содержательно неопределенным*: оно включает многие признаки, из которых в каждой ситуации его употребления оказываются релевантными лишь некоторые. В-третьих, значение *социально*: слово имеет одинаковое значение для всех, кто пользуется данным языком. И наконец, в-четвертых, значение слова *абстрактно*: оно формируется на основе отбора некоторых признаков предмета, обозначаемого словом, и абстрагирования от всех иных его признаков.

Мостиком между значением и представлением является *предложение*. Оно вместе с контекстом его употребления сводит растянутое, неопределенное, социальное и абстрактное значение до ограниченного, точного, индивидуального и конкретного представления. Если мы слышим изолированное слово, наш ум может блуждать по всему пространству значения. Если же слово услышано в тексте, этого не происходит. Контекст фиксирует. Он фиксирует именно значение. Слова текста взаимно ограничивают друг друга и ограничиваются сами и тем действенней, чем полноценней текст.

Языковое выражение становится понятным слушателю, как только ему удастся связать значения слов, входящих в это выражение, со своими представлениями о тех предметах, к которым отсылают слова.

Понимание языкового выражения — это подведение значений входящих в него слов под соответствующие представления.

В процессе понимания индивидуальное, конкретное представление выступает как *образец*, с которым нужно согласовать значение. Представление о каком-то объекте говорит о том, каким *должен быть* объект данного рода с точки зрения обладающего этим представлением индивида. Представление является ценностью, которой должно соответствовать значение. В представлениях фиксируются образцы вещей, их стандарты, определяющие, какими значениями должны наделяться связываемые с этими представлениями слова.

Понимается всегда не отдельное слово, а *текст*, в котором слова взаимно ограничивают друг друга и редуцируют свои значения до представлений.

Понимание — это подведение значений слов под представления о тех вещах, к которым отсылают слова. Понимание является оценкой значений с точки зрения представлений. Последние показывают, каким должен быть мир, если он правильно отражается в языке, и являются в этом смысле стандартами существующих (быть может, только в воображении) вещей.

Исходя из общего понимания ценностей и соотношения понимания и объяснения, можно сказать, что в языковом общении есть не только понимание языковых выражений, но и их *объяснение*.

Объяснить языковое выражение — значит подвести представления об объектах, к которым отсылают входящие в выражение слова, под значение выражения.

Например, чтобы объяснить значение слова «горящий», надо указать те возможные представления, которые подпадают под его значение: «горящий дом», «горящий огонь», «горящий закат» и т.п.

До сих пор речь шла о сильном (дедуктивном) понимании языковых выражений. Существует также, хотя и является более редким, *целое* (индуктивное) их *понимание*. При таком понимании указывается та цель,

которую хотел достичь индивид, употребляя конкретное языковое выражение.

Ограничимся одним примером:

Чтобы затемнить смысл сказанного, надо использовать слова в их не совсем обычном значении.

N хочет затемнить смысл сказанного.

Значит, Он должен использовать слова в их не совсем обычном значении.

Первая посылка является целевым утверждением. В описательной интерпретации она устанавливает каузальную связь: «Употребление слов в их не совсем обычном значении является причиной не вполне прозрачного смысла сказанного». Вторая посылка фиксирует конкретную цель индивида, идущую, возможно, вразрез со стандартными целями языковой коммуникации. В заключении говорится о том, что должен сделать индивид для достижения поставленной им цели.

Тема 7. Проблемные ситуации и аргументация.

- 1. Многообразный мир проблем.**
- 2. Явные проблемы**
- 3. Неявные проблемы**

1. Многообразный мир проблем

Понятие *проблемы* является одним из центральных в теории аргументации. Тезис аргументации — это всегда один из потенциальных ответов на явную или неявную проблему, одно из возможных ее решений. Полное значение тезиса может быть понято, только если он не отрывается от целостной проблемной ситуации, в качестве ответа на которую он сформировался.

Конкретный характер аргументации также существенно зависит от проблемной ситуации, в рамках которой она разворачивается.

Анализ зависимости аргументации от типа обсуждаемой проблемы — важный аспект логико-эпистемологического исследования аргументации.

С понятием проблемы, хотя оно и кажется поначалу очень простым, связаны определенные сложности.

Обычно под проблемой понимается явно сформулированный вопрос или целый комплекс вопросов, возникших в ходе познания. Сам процесс познания истолковывается при этом как последовательный переход от ответов на одни вопросы к ответам на другие вопросы, вставшие после решения первых.

Общим стало положение, что всякое исследование обязательно начинается с постановки проблемы. Последовательность «проблема → исследование → решение» считается применимой всегда и везде. Ясная и отчетливая формулировка проблемы рассматривается как обязательное условие успеха предпринимаемого исследования.

Все это верно. Но верно применительно не ко всем, а только ко вполне определенным и притом довольно узким классам проблем.

Конкретный анализ проблемных ситуаций показывает, что далеко не каждая проблема сразу же приобретает вид явного вопроса. Не всякое исследование начинается с выдвижения проблемы и кончается ее решением. Нередко бывает так, что проблема формулируется одновременно с решением. Иногда случается даже, что она осознается только через некоторое время после решения. Зачастую поиск проблемы сам вырастает в отдельную проблему, решение которой требует особого таланта. «Великая проблема, — писал Ф.Ницше, — подобна драгоценному камню: тысячи проходят мимо, пока наконец один не поднимет его».

В широком смысле *проблемной* является всякая ситуация, практическая или теоретическая, которая не имеет соответствующего обстоятельствам решения и поэтому заставляет остановиться и задуматься. Проблема в самом общем смысле — это некоторое затруднение, колебание, неопределенность. Требуются действия по устранению этой неопределенности, но далеко не всегда ясно, что именно следует предпринять. Само

древнегреческое слово, от которого произошла наша «проблема», означало вообще «преграду», «трудность», «задачу», а не просто «вопрос».

Можно отметить два фактора, влияющих на способ постановки проблем. Это, во-первых, общий характер мышления той эпохи, в которую формируется и формулируется проблема, и, во-вторых, имеющийся уровень знания о тех объектах, которых касается возникшая проблема.

Разные цели требуют разных классификаций проблем. Для нас особый интерес представляет деление проблемных ситуаций по следующим трем признакам: *сформулирована ли проблема с самого начала; имеется ли метод ее решения; насколько отчетливы представления о том, что именно считать решением проблемы.*

По этим трем основаниям все проблемные ситуации подразделяются на восемь разных типов, указанных в таблице («+» означает «известно», «—» — «неизвестно»):

Типы проблемных ситуаций	Формулировка проблемы	Метод решения проблемы	Решение проблемы
1	+	+	+
2	+	+	-
3	+	-	+
4	+	-	-
5	-	+	+
6	-	+	-
7	-	-	+
8	-	-	-

Первые четыре типа — это *явные проблемные ситуации*, когда формулировка проблемы задана с самого начала. Различия между ними сводятся к тому, известно ли, каким методом должна решаться проблема, и определено ли, что следует считать ее решением.

Последующие четыре типа — это *неявные проблемные ситуации*, когда проблему еще предстоит обнаружить и сформулировать.

2. Явные проблемы

Самые банальные явные проблемы можно назвать *показательными задачами*. Они представляют, пожалуй, вырожденный случай проблем. Указан вопрос, ответ на который нужно получить, известен метод решения и известно, что считать решением, или, как говорят, «ответом». Такого рода задачи с максимальной информацией по всем трем параметрам и, соответственно, с минимумом неопределенности часто применяются в обучении. Прежде чем перейти к решению задач какого-то нового, не встречавшегося раньше типа, обычно приводят развернутые решения одной - двух характерных задач. Проследив шаг за шагом процедуру их решения, обучающийся вырабатывает определенные навыки в обращении с другими задачами такого рода.

Другой тип явных проблем более интересен: задан вопрос; ясен метод решения; не известен только результат решения. Конечно, это тоже не исследовательские проблемы: слишком многое определено уже с самого начала и для поиска решения остается довольно ограниченное пространство. Тем не менее подобные задачи несомненно полезны: они тренируют ум, вырабатывают сообразительность, умение рассуждать последовательно и ясно и т.д.

Вот пример такой задачи.

О человеке известно, что он живет на шестнадцатом этаже и всегда спускается вниз на лифте; вверх он поднимается только до десятого этажа и дальше идет пешком. Почему он так поступает?

Проблема здесь определена: есть вопрос и указана информация, необходимая для нахождения ответа. Метод решения также не нуждается в особом уточнении: надо рассмотреть обычные мотивы поведения людей в стандартных ситуациях и попытаться найти какую-то особенность, объясняющую, почему данный человек ведет себя несколько необычно

Что, однако, считать решением данной задачи, ответом на нее? Здесь имеется известная неопределенность. Самым уместным кажется такой ответ: этот человек небольшого роста; он легко нажимает кнопку первого этажа, но, желая подняться вверх, дотягивается только до кнопки десятого

этажа. Допустимо ответить и иначе: ради тренировки этот человек последние шесть этажей предпочитает подниматься пешком; он вообще предпочел бы не пользоваться лифтом, возвращаясь домой, но это ему уже не по силам. Это решение кажется менее убедительным, но в общем-то и оно вполне согласуется с условиями задачи. С ними согласуются и многие другие ответы: человек по пути заходит к своим знакомым, живущим на десятом этаже; он просто чудак и ему нравится без всяких особых причин поступать именно так и т.д.

Следующие два типа явных проблем представляют особый интерес. Нередко само слово «проблема» употребляют для обозначения именно этих проблем, а все остальные проблемные ситуации относят ко всякого рода затруднениям, не «доросшим» еще до подлинных проблем.

Прежде всего это проблемы, которые можно назвать *риторическими*: они подобны риторическим вопросам, ответ на которые сам собою разумеется. Эти проблемы могут быть названы также *проблемами-головоломками*, поскольку у них есть черты, общие со всякого рода головоломками.

Сформулирован явный вопрос и известно, что будет считаться его приемлемым решением. Все сводится к отысканию метода, с помощью которого из начальных условий может быть получен уже известный в общих чертах ответ.

Лучшие примеры таких проблем — различные кроссворды, ребусы, задачи на составление фигур из имеющихся элементов и т.д. Характерные черты проблем-головоломок очевидны. Они сформулированы кем-то, а не самим исследователем и являются в принципе разрешимыми, причем круг поиска их решения ограничен, а основные линии поиска в основе своей ясны еще до исследования.

Намного сложнее и глубже, чем риторические, проблемы, которые можно назвать *классическими*. Это — подлинно творческие проблемы, требующие не

только определения общих контуров решения, но и открытия того метода, с помощью которого это решение может быть достигнуто.

Когда Ньютон задался вопросом, что представляет собой свет, не было ни знания, в чем мог бы заключаться ответ на этот вопрос, ни методов строгого изучения световых явлений. Это не значит, конечно, что не было никаких теорий света и что Ньютон начинал с нуля. Напротив, существовало даже слишком много таких теорий. Но все они были умозрительными, опирались на ограниченное число фактов, известных из повседневного опыта: свет распространяется прямолинейно; некоторые тела прозрачны для него, другие нет; непрозрачные тела отбрасывают тень и т.п. Решение, которое искал Ньютон, должно было в принципе отличаться от всех этих теорий. Но в чем именно оно должно состоять, Ньютон сначала и сам не представлял. Предстояло также выработать новые методы для изучения световых явлений, а не ограничиваться наблюдением их невооруженным глазом. Короче говоря, проблема, вставшая перед Ньютоном, была классической научной проблемой, требующей богатого творческого воображения, разрыва со сложившейся ошибочной или чересчур умозрительной традицией, настойчивости и изобретательности в реализации нового подхода к исследуемым явлениям.

Когда И.П.Павлов в конце прошлого века занялся изучением рефлексов, давно существовали и понятие рефлекса, и теории, объяснявшие с его помощью поведение животных. Согласно этим теориям, животные — это, по сути дела, машины, своего рода автоматы, однозначно, как бы по заложенной в них программе реагирующие на воздействия внешней среды. Павлову предстояло не только ответить точным, т.е. экспериментальным, образом на вопрос, что представляет собой рефлекс, но и открыть сами экспериментальные методы, применимые для изучения рефлексов. Построенная Павловым и его учениками теория безусловных и условных рефлексов и была развернутым решением проблемы природы рефлексов живых существ.

3. Неявные проблемы

Проблемные ситуации последних четырех типов — это *неявные проблемы*, когда есть какое-то затруднение, недоумение, «загвоздка», но нет открытого и прямо поставленного вопроса. Между явными и неявными проблемами нет резкой границы. Особенно близки к неявным классические проблемы, содержащие минимум информации о своем решении и методе исследования.

Иногда встречаются такие неявные проблемные ситуации, когда имеется т о л ь к о м е т о д и ничего более. Нет проблемы, к решению которой его можно было бы приложить, и нет того, что следовало бы считать решением этой еще не сформулированной проблемы. Такие случаи довольно часты в абстрактной математике: ученый строит чистое, лишенное содержательной интерпретации исчисление, и только позднее обнаруживается, что оно годится для решения каких-то содержательно интересных проблем.

К этому типу проблемных ситуаций можно отнести и те нередкие случаи, когда метод, разработанный в связи с одной проблемой, оказывается применимым к другой, совершенно не связанной с нею проблеме.

Имеются, далее, неявные проблемные ситуации, когда есть т о л ь к о р е ш е н и е , но неизвестен вопрос, ответом на который оно являлось бы или могло бы быть, и неизвестен или не ясен конкретный метод, с помощью которого это решение получено.

Примерами таких ситуаций могут служить исследования, ставящие перед собой один вопрос, но на самом деле оказывающиеся в конечном счете ответом на совсем другой, так и не заданный прямо вопрос. Метод в этих случаях вряд ли вообще может быть ясным.

К типу проблемных ситуаций, когда есть решение, но неизвестно, ответом на какой именно вопрос оно является, близки так называемые *апории* (в

буквальном переводе с древнегреческого это слово означает «затруднение», «недоумение»).

Наиболее известны апории, сформулированные древнегреческим философом Зеноном Элейским. В них рассказывается о быстроногом Ахилле, который не способен догнать медлительную черепаху, о брошенной стреле, которая не только не долетит до цели, но даже не сдвинется с места, и т.п. Эти и подобные им апории теперь признаны подлинными парадоксами, связанными с возможностью описать движение без противоречия.

Апории очень близки к антиномиям, но все-таки отличаются от них в одном важном моменте. *Антиномия представляет собой два несовместимых утверждения, одно из которых отрицает другое. Апория же выдвигает и обосновывает положение, явно противоречащее нашему опыту.*

Всякий раз, когда принятая и хорошо апробированная теория вдруг резко расходится с достаточно твердо установленными фактами, можно говорить о возникновении проблемы. И эта проблема будет относиться к тому роду затруднений, которые в древности называли апориями.

К последнему типу проблемных ситуаций относятся наиболее неявные из всех неявных проблем: нет самой проблемы как четко сформулированного вопроса, требующего исследования, есть только какое-то затруднение, какая-то неловкость; нет намека на метод, как можно было бы справиться с данным затруднением; и нет, разумеется, того, что уместно было бы назвать решением проблемы. Может показаться, что ситуация, когда есть только очень неясное затруднение и ничего более, не относится к проблемным. Однако реальная практика исследования говорит, что это не так: многие крупные научные проблемы в первый период своего становления ощущались и осмыслялись именно как невнятные, неизвестно о чем говорящие затруднения.

Прекрасным примером такого рода неявных проблемных ситуаций, породивших — только через века — важные явные научные и философские проблемы, являются софизмы древних.

Постановка и анализ проблем — центральные пункты аргументации. Неправильно понятая проблема способна сделать бесполезной всю последующую аргументацию, имеющую целью прояснение и решение проблемы. Неявные проблемы легко просмотреть или отнестись к ним как к чему-то, недостойному серьезного внимания. Незамеченная, отброшенная с порога проблема в любой момент может сыграть роль того неприметного в ночи айсберга, который способен внезапно разрушить самое современное и технически оснащенное судно. Множество проблем разнородно. Неправильное определение типа рассматриваемой проблемы неизбежно ведет к тому, что аргументация, призванная поддержать предлагаемое ее решение, оказывается чрезмерно упрощающей ситуацию, а, возможно, и бьющей мимо цели.

Тема 8. Некорректная аргументация

- 1. Некорректные доказательства**
- 2. Софизмы**
- 3. «Есть» и «должен»**
- 4. Стандартные некорректные аргументы**

1. Некорректные доказательства

Аргументация является разновидностью человеческой деятельности. Как и всякая деятельность, аргументация руководствуется определенными образцами и правилами. Круг их является очень широким и разнородным, начиная с требований логики и кончая моральными предписаниями, требованиями обычая и ритуала.

Аргументацию можно оценить как корректную, если в ходе ее не нарушаются сложившиеся в конкретной области требования к ней.

Аргументация будет некорректной, если не соблюдаются требования, относящиеся к процедурам обоснования, к процессам коммуникации, к моральным качествам аргументирующего и т.п.

Системы норм, распространяющих свое действие на аргументацию как определенную сферу деятельности и частный случай коммуникации, многочисленны и разнородны. В силу этого граница между корректной и некорректной аргументацией очень условна и меняется от одной области аргументации к другой. Никакая последовательная и исчерпывающая классификация некорректных приемов аргументации невозможна. Прием аргументации, корректный в пропаганде, может оказаться чужеродным и некорректным в научной аргументации. Стандартные приемы аргументации одной эпохи обычно становятся предметом критики и насмешек в последующие эпохи.

Тем не менее можно выделить достаточно устойчивое ядро корректных приемов аргументации и противопоставить им столь же устойчивое множество некорректных, нарушающих ее стандарты приемов. Наиболее очевидными примерами некорректной аргументации являются *некорректные доказательства*, т.е. доказательства, в которых допускается та или иная логическая ошибка.

Проводя доказательства, мы опираемся на логическую интуицию, на стихийно усвоенное знание законов логики. Как правило, оно нас не подводит. Но в отдельных и, особенно, в сложных случаях оно может оказаться ненадежным.

Провести четкую границу удастся только тогда, когда известно то, что остается за ее пределами. Понять доказательство можно в том случае, если помимо прочего, есть определенное представление о рассуждениях, имеющих форму доказательства, но на самом деле таковыми не являющихся. Эти «несостоявшиеся доказательства» — результат ошибок, допущенных — непреднамеренно или сознательно — в ходе доказательства. Знакомство с наиболее типичными из них способствует совершенствованию практических навыков доказательства и позволяет лучше понять, что представляет собой «безошибочное доказательство».

Доказательство — это логическая, дедуктивная связь принятых аргументов и выводимого из них тезиса. Логические ошибки в доказательстве можно разделить на относящиеся к тезису, к а р г у м е н т а м и к их связи.

Формальная ошибка имеет место тогда, когда умозаключение не опирается на логический закон и заключение не вытекает из принятых посылок. Иногда эту ошибку сокращенно так и называют — «не вытекает».

Встречаются — и довольно часто — хаотичные, аморфные рассуждения. Внешне они имеют форму доказательств и даже претендуют на то, чтобы считаться ими. В них есть слова: «таким образом», «следовательно», «значит» и подобные им, призванные указывать на логическую связь аргументов и доказываемого положения. Но эти рассуждения доказательствами на самом деле не являются, поскольку логические связи подменяются в них психологическими ассоциациями.

Вот, к примеру, рассуждение, внешне напоминающее доказательство: «Вечный двигатель признан невозможным, так как он противоречит закону сохранения энергии, или первому началу термодинамики. Когда было открыто второе начало термодинамики, стали говорить о невозможности вечного двигателя второго рода. Это же можно сказать и о вечном двигателе третьего рода, который запрещается третьим началом термодинамики. Но четвертого начала термодинамики нет! Следовательно, ничто не мешает создать вечный двигатель четвертого рода. И тем более вечный двигатель пятого и так далее рода!».

Характерная ошибка в отношении тезиса — *подмена тезиса*, неосознанное или умышленное замещение его в ходе доказательства каким-то другим утверждением. Подмена тезиса ведет к тому, что доказываемое не то, что требовалось доказать.

Тезис может *сужаться*, и в этом случае он остается недоказанным. Например, для доказательства того, что сумма углов треугольника равна двум прямым, недостаточно доказать, что эта сумма не больше 180° . Для обоснования

того, что человек должен быть честным, мало доказать, что разумному человеку не следует лгать.

Тезис может также *расширяться*. В этом случае нужны дополнительные основания. И может оказаться, что из них вытекает не только исходный тезис, но и какое-то иное, уже неприемлемое утверждение. «Кто доказывает слишком много, гот ничего не доказывает» — эта старая латинская поговорка как раз и имеет в виду такую опасность.

Иногда случается полная подмена тезиса. Обычно эта ошибка затемняется какими-то обстоятельствами, связанными с конкретной ситуацией, и благодаря этому ускользает от внимания.

Известен случай с древнегреческим философом Диогеном, которого однажды за подмену тезиса спора даже побили. Один философ доказывал, что в мире, как он представляется нашему мышлению, нет движения, нет многих вещей, а есть только одна-единственная вещь, притом неподвижная и круглая. В порядке возражения Диоген встал и начал не спеша ходить перед спорящими. За это его, если верить источникам, и побили палкой.

Речь шла о том, что для нашего ума мир неподвижен. Диоген же своим хождением пытался подтвердить другую мысль: в чувственно воспринимаемом мире движение есть. Но это и не оспаривалось. Автор мнения, что движения нет, считал, что чувства, говорящие о множественности вещей и их движении, просто обманывают нас.

Разумеется, мнение, будто движения нет, ошибочно, как ошибочна идея, что чувства не дают нам правильного представления о мире. Но раз обсуждалось такое мнение, нужно было говорить о нем, а не о чем-то другом, хотя бы и верном.

Наиболее частая ошибка в отношении аргументов — это попытка обосновать тезис с помощью *ложных аргументов*.

Тигры, как известно, не летают. Но рассуждение «Только птицы летают; тигры не птицы; следовательно, тигры не летают» не является, конечно, доказательством этого факта. В рассуждении используется неверная посылка,

что способны летать одни птицы: летают и многие насекомые, и млекопитающие (например, летучие мыши), и самолеты и др. С помощью же посылки «Только птицы летают» можно вывести не только истинное, но и ложное заключение, скажем, что майские жуки, поскольку они не птицы, не летают.

Довольно распространенной ошибкой является *круг в доказательстве*: справедливость доказываемого положения обосновывается посредством этого же положения, высказанного, возможно, в несколько иной форме. Если за основание доказательства принимается то, что еще нужно доказать, обосновываемая мысль выводится из самой себя, и получается не доказательство, а пустое хождение по кругу.

Почему мы видим через стекло? Обычный ответ: оно прозрачно. Но назвать вещество прозрачным — значит сказать, что сквозь него можно видеть.

Задача доказательства — исчерпывающе утвердить обоснованность доказываемого тезиса.

Раз в доказательстве речь идет о полном подтверждении, связь между аргументами и тезисом должна носить дедуктивный характер. По своей форме доказательство — дедуктивное умозаключение или цепочка таких умозаключений, ведущих от истинных посылок к доказываемому положению.

Старая латинская пословица говорит: «Доказательства ценятся по качеству, а не по количеству». В самом деле, дедукция из истины дает только истину. Если найдены верные аргументы и из них дедуктивно выведено доказываемое положение, доказательство состоялось и ничего более не требуется.

Нередко в понятие доказательства вкладывается более широкий смысл. Тогда под доказательством понимается любая процедура обоснования истинности тезиса, включающая как дедукцию, так и индуктивное рассуждение, ссылки на связь доказываемого положения с фактами, наблюдениями и т.д. Расширительное истолкование доказательства является обычным в гуманитарных науках, но встречается и в экспериментальных, опирающихся на наблюдения рассуждениях.

Как правило, доказательство широко понимается в обычной жизни. Для подтверждения выдвинутой идеи активно привлекаются факты, типичные в определенном отношении явления и т.п. Дедукции в этом случае, конечно, нет, речь может идти только об индукции. Но тем не менее предлагаемое обоснование нередко называют доказательством.

Широкое употребление понятия «доказательство» само по себе не ведет к недоразумениям. Но только при одном условии. Нужно постоянно иметь в виду, что индуктивное обобщение, переход от частных фактов к общим заключениям, дает не достоверное, а лишь вероятное знание.

2. Софизмы

Софизм обычно определяется как умозаключение или рассуждение, обосновывающее какую-нибудь заведомую нелепость, абсурд или парадоксальное утверждение, противоречащее общепринятым представлениям.

Хорошим примером софизма является ставший знаменитым еще в древности софизм «Рогатый». С его помощью можно уверить каждого человека, что он рогат: «Что ты не терял, то имеешь; рога ты не терял; значит, у тебя рога».

Софизмы — логически неправильные рассуждения, выдаваемые за правильные и доказательные.

Само собой разумеется, что убедить человека в том, что у него есть рога, можно только посредством обмана или злоупотребления доверием. А это и есть мошенничество. Отсюда «софист» в одиозном, дурном значении — это человек, готовый с помощью любых, в том числе и недозволенных, приемов отстаивать свои утверждения, не считаясь с тем, истинны они на самом деле или нет.

Чем обусловлена кажущаяся убедительность многих софизмов, иллюзия их «логичности» и «доказательности»? Она связана с хорошо замаскированной ошибкой, с нарушением правил языка или логики.

Софизм — это обман. Но обман тонкий и закамуфлированный, так что его не сразу и не каждому удастся раскрыть. В софизмах эксплуатируются многие особенности нашего повседневного языка. В нем обычны метафоры, т.е. обороты речи, заключающие скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения:

Неустанно ночи длинной
Сказка черная лилась,
И багровый над долиной
Загорелся поздно глаз.

(И.Анненский)

Многие обычные слова и обороты м н о г о з н а ч н ы . Например, слово «земля» имеет, как отмечается в словаре современного русского языка, восемь значений, и среди них: «суша», «почва», «реальная действительность», «страна», «территория»... У прилагательного «новый» — тоже восемь значений, среди которых и «современный», и «следующий», и «незнакомый»... В языке есть о м о н и м ы — одинаково звучащие, но разные по значению слова (коса из волос, коса как орудие для косьбы и коса как узкая отмель, вдающаяся в воду).

Эти особенности языка способны нарушать однозначность выражения мысли и вести к смешению значений слов, что создает благоприятную почву для софизмов.

Софизмы могут основываться и на логических ошибках, таких, как умышленная подмена тезиса доказательства, несоблюдение правил логического вывода, принятие ложных посылок за истинные и т.п.

Говоря о мнимой убедительности софизмов, древнеримский философ Сенека сравнивал их с искусством фокусников: мы не можем сказать, как совершаются их манипуляции, хотя твердо знаем, что все делается совсем не так, как нам представляется.

Ф.Бэкон сравнивал того, кто прибегает к софизмам, с лисой, которая хорошо петляет, а того, кто раскрывает софизмы, — с гончей, умеющей распутывать следы.

Чтобы успешно справляться с софизмами, встречающимися в процессе аргументации, надо хорошо знать обсуждаемый предмет и обладать определенными навыками логического анализа рассуждений, уметь подмечать допускаемые оппонентом логические ошибки и убедительно раскрывать несостоятельность его аргументов.

Рассмотрим несколько типичных софизмов и на конкретных примерах покажем те обычные нарушения требований логики, которые лежат в их основе.

В одном из своих диалогов Платон описывает, как два древних софиста запутывают простодушного человека по имени Ктесипп.

— Скажи-ка, есть ли у тебя собака?

— И очень злая, — отвечает Ктесипп.

— А есть ли у нее щенята?

— Да, тоже злые.

— А их отец, конечно, собака же?

— Я даже видел, как он занимается с самкой.

— И этот отец тоже твой?

— Конечно.

— Значит, ты утверждаешь, что твой отец — собака и ты брат щенят! Смешно, если и не Ктесиппу, то всем окружающим, ведь такие беседы обычно происходили при большом стечении народа.

Какая же ошибка поставила в тупик Ктесиппа?

Здесь заключение не вытекает из принятых посылок. Чтобы убедиться в этом, достаточно слегка переформулировать посылки, не меняя их содержания: «Этот пес принадлежит тебе; он является отцом». Что можно вывести из этой информации? Только высказывание «Этот пес принадлежит тебе и он является отцом», но никак не «Он твой отец».

Обычная для разговорного языка сокращенная форма выражения заводит в тупик и в следующем рассуждении.

— Скажи, — обращается софист к молодому любителю споров, — может

одна и та же вещь иметь какое-то свойство и не иметь его?

— Очевидно, нет.

— Посмотрим. Мед сладкий?

— Да.

— И желтый тоже?

— Да, мед сладкий и желтый. Но что из этого?

— Значит, мед сладкий и желтый одновременно. Но желтый — это сладкий или нет?

— Конечно, нет. Желтый — это желтый, а не сладкий.

— Значит, желтый — это не сладкий?

— Конечно.

— О меде ты сказал, что он сладкий и желтый, а потом согласился, что

желтый не значит сладкий, и потому как бы сказал, что мед является и сладким,

и несладким одновременно. А ведь вначале ты твердо говорил, что ни одна

вещь не может и обладать, и не обладать каким-то свойством.

Конечно, софисту не удалось доказать, что мед имеет противоречащие друг другу свойства, являясь сладким и несладким вместе. Подобные утверждения несовместимы с логическим законом противоречия, и их вообще невозможно доказать. Но за счет чего создается все-таки видимость убедительности данного рассуждения?

Она связана с подменой софистом выражения «Быть желтым не значит быть сладким» выражением «Быть желтым значит не быть сладким». Но это совершенно разные выражения. Верно, что желтое не обязательно является

сладким, но неверно, что желтое — непременно несладкое. Подмена происходит почти незаметно, когда рассуждение протекает в сокращенной форме. Но стоит развернуть сокращенное «желтый — это не сладкий», как эта подмена становится явной.

Употребление софизмов с целью обмана заставляет относиться к ним с осуждением. Однако не следует забывать, что софизмы — не только приемы интеллектуального мошенничества. Они могут играть и другую роль.

В древности софизмы были прежде всего своеобразной формой осознания и словесного выражения *проблемной ситуации*.

Первым на эту сторону дела обратил внимание в начале прошлого века Гегель. Он проанализировал ряд старых софизмов и вскрыл те реальные проблемы, которые поднимались ими.

Большое число софизмов обыгрывает тему скачкообразного характера изменения и развития. Постепенное, незаметное, чисто количественное изменение какого-то объекта не может продолжаться бесконечно. В определенный момент оно достигает своего предела, происходит резкое качественное изменение — скачок — и объект переходит в другое качество. Например, при температуре от 0 до 100°C вода представляет собой жидкость. Постепенное нагревание ее заканчивается тем, что при 100°C она закипает и резко, скачком переходит в другое качественное состояние — превращается в пар.

Вопросы софистов: «Создает ли прибавление одного зерна к уже имеющимся зернам кучу?», «Становится ли хвост лошади голым, если вырвать из него один волос?» — кажутся наивными. Но в них, говорит Гегель, находит свое выражение попытка древних греков представить наглядно скачкообразность изменения.

Многие софизмы поднимали проблему текучести, изменчивости окружающего мира и в своеобразной форме указывали на трудности, связанные с отождествлением объектов в потоке непрерывного изменения.

«Взявший займы, — говорит древний софист, — теперь уже ничего не должен, так как он стал другим», «Приглашенный вчера на обед приходит сегодня непрошенным, так как он уже другое лицо» — здесь опять-таки речь не о займах и обедах, а о том, что всеобщая изменчивость вещей постоянно сталкивает нас с вопросом: остался рассматриваемый предмет тем же самым или же он настолько переменялся, что его надо считать другим?

Очень часто софизмы ставят в неявной форме проблему доказательства. Что представляет собой доказательство, если можно придать видимость убедительности нелепым утверждением, явно не совместимым с фактами? Например, убедить человека в том, что у него есть рога, копыта или хвост, что он произошел от собаки и т.п.

Сформулированные в тот период, когда науки логики еще не было, древние софизмы прямо ставили вопрос о необходимости ее построения. Прямо в той мере, в какой это вообще возможно для софистического способа постановки проблем. Именно с софизмов началось осмысление и изучение доказательства и опровержения. И в этом плане софизмы непосредственно содействовали возникновению особой науки о правильном, доказательном мышлении.

Не может быть, конечно, речи о реабилитации или каком-то оправдании тех рассуждений, которые преследуют цель выдать ложь за истину, используя для этого логические или иные ошибки. Нужно, однако, помнить о том, что слово «софизм» имеет, кроме этого современного и хорошо устоявшегося смысла, еще и иное значение. В этом значении софизм представляет собой неизбежную на определенном этапе развития мышления форму постановки проблем.

3. «Есть» и «должен»

Как уже отмечалось, из описаний не выводимы оценки и из оценок не выводимы описания. Описательные утверждения обычно формулируются со связкой «есть», в оценочных утверждениях нередко употребляется «должен». Идею о невыводимости оценок из описаний и описаний из

оценок выражают поэтому также в форме положения, что от «есть» нельзя с помощью только логики перейти к «должен», а от «должен» перейти к «есть».

Д.Юм первым подчеркнул невозможность логического перехода от «есть» к «должен» и упрекнул всю предшествующую этику в том, что она не считалась с этим важным обстоятельством. «Я заметил, — писал Юм, — что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* и *не должно*. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это *должно* или *не должно* выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него... Я уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом».

Этот отрывок из «Трактата» Юма очень популярен. Положение о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования получило название «принципа Юма».

Данный принцип не раз служил отправным пунктом для важных методологических заключений, касающихся этики и всех иных наук, устанавливающих или обосновывающих какие-то утверждения о долженствовании. Утверждалось, в частности, что если моральные заключения не могут логически следовать из неморальных посылок,

значит, нельзя обосновывать моральные принципы, выходя за пределы самой морали. Это положение, утверждающее, как кажется, независимость морали от фактов, получило название «принципа автономии морали» и вызвало большие споры.

А Пуанкаре таким аргументом пытался показать невозможность научного обоснования морали, или этики: все научные предложения стоят в индикативном наклонении, а все моральные предложения являются императивными; из индикативных предложений с помощью логического вывода могут быть получены только индикативные предложения; следовательно, невозможно вывести моральное предложение из научных предложений.

Положению о невыводимости оценочных утверждений из фактов важное значение придавал К.Поппер. «...Необходимо усвоить, — писал он, — что наши решения никогда не выводятся из фактов (или из утверждений о фактах), хотя они и имеют некоторое отношение к фактам» (Поппер К. Открытое общество и его враги). Например, решение бороться с рабством не зависит от факта, что все люди рождаются равными и свободными и никто не рождается в цепях. Действительно, даже если все рождаются свободными, скорее всего, найдутся люди, пытающиеся заковать других в цепи и даже верящие в то, что они должны это сделать. Если человек заметит, что некоторый факт можно изменить, например, факт, что многие люди страдают от болезней, то по отношению к этому факту он может занять совершенно разные позиции: принять решение сделать все возможное, чтобы изменить этот факт, решить бороться со всякой попыткой его изменения или решить вообще не предпринимать по отношению к нему никаких действий. Действие по принятию решения, введению нормы или стандарта является фактом, но сами введенные норма или стандарт фактами не являются. То, что большинство людей следует норме «Не укради», есть социологический факт. Однако норма «Не укради» — это не факт, и она не может быть выведена из утверждений, описывающих факты. По отношению к определенному факту всегда

возможны различные и даже противоположные решения. Так, например, перед лицом социологического факта, что большинство людей подчиняются норме «Не укради», мы можем решить либо подчиниться этой норме, либо бороться с ней; мы можем либо приветствовать тех, кто ей подчиняется, либо бранить их, убеждая подчиниться другой норме. *«Итак, невозможно вывести предложение, утверждающее норму, решение или, скажем, политическую рекомендацию, из предложения, утверждающего факт, — иначе говоря, невозможно вывести нормы, решения, предложения-проекты или рекомендации из фактов»* (Поппер К. Открытое общество и его враги). Идею дуализма фактов и решений (норм) Поппер непосредственно связывает с доктриной автономии морали и либерализмом. «По моему глубокому убеждению, — пишет он, — учение о дуализме фактов и норм — это одна из основ либеральной традиции. Дело в том, что неотъемлемой частью этой традиции является признание реального существования в нашем мире несправедливости и решимость попытаться помочь ее жертвам. Это означает, что имеется (или возможен) конфликт (или по крайней мере разрыв) между фактами и нормами. Факты могут отклоняться от справедливых (верных или истинных) норм, особенно те социальные и политические факты, которые относятся к принятию и проведению в жизнь сводов законов. Иначе говоря, либерализм основывается на дуализме фактов и норм в том смысле, что его сторонники всегда стремятся к поиску всех лучших норм, особенно в сфере политики и законодательства»¹.

Принцип Юма, утверждающий невыводимость оценок, и в частности норм и решений, из фактов, имеет, таким образом, важное общеметодологическое значение. Несомненно и его значение для теории аргументации: *если этот принцип верен, несостоятельным должно быть признано всякое доказательство, в котором оценочный тезис поддерживается фактическими (описательными) аргументами.*

Как можно обосновать принцип Юма, не впадая в порочный круг? Имеются два важных довода в поддержку этого принципа. Во-первых, все

попытки его опровержения ни к чему не привели. Неуспех фальсификации является аргументом в пользу принятия утверждения, устоявшего под напором критики. Во-вторых, принципу Юма может быть дано теоретическое обоснование путем включения его в теоретическую систему, в рамках которой он оказывается следствием других, более фундаментальных положений.

Были предложены многочисленные контрпримеры принципу Юма, в которых из посылок, кажущихся чисто описательными, дедуктивно выводилось оценочное (нормативное) заключение. Более внимательный анализ показал, однако, что ни одно из предлагавшихся в качестве контрпримера умозаключений не достигало своей цели: или его посылки содержали неявную оценку (норму), или между посылками и заключением отсутствовала связь логического следования². Таким образом, никому не удалось продемонстрировать логический переход от «есть» к «должен» и опровергнуть тем самым принцип Юма.

Более существенным является теоретический аргумент. Цель описания — сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки — сделать так, чтобы мир отвечал словам. Это — две диаметрально противоположные функции, не сводимые друг к другу. Очевидно, что если ценность истолковывается как противоположность истины, поиски логического перехода от «есть» к «должен» лишаются смысла. Не существует логически обоснованного вывода, который вел бы от посылок, включающих только описательные утверждения, к заключению, являющемуся оценкой или нормой.

Хотя принцип Юма представляется обоснованным, некоторые методологические выводы, делавшиеся из него, нуждаются в важных уточнениях.

А. Пуанкаре, К.Попперу и др. представлялось, что из-за отсутствия логической связи оценок и норм с описаниями этика не может иметь какого-либо эмпирического основания и, значит, не является наукой. «Наиболее простым, по-видимому, и наиболее важным результатом в области этики является чисто логический результат, — писал когда-то Поппер. — Я имею в

виду невозможность выведения нетавтологических этических правил... из утверждений о фактах. Только учитывая это фундаментальное логическое положение, мы можем сформулировать реальные проблемы философии морали и оценить их трудность». Принципу Юма нередко и сейчас еще отводится центральная роль в методологии этики и других наук, стремящихся обосновать какие-то ценности и требования. Иногда даже утверждается, что в силу данного принципа этика неспособна перейти от наблюдения моральной жизни к ее кодификации, так что все системы (нормативной) этики не опираются на факты и в этом смысле автономны и равноценны.

Несмотря на то, что принцип Юма справедлив, принцип автономии этики ошибочен. Ни логика норм, ни логика оценок не санкционируют выводов, ведущих от чисто фактических (описательных) посылок к оценочным или нормативным заключениям. Обсуждение особенностей обоснования моральных норм требует, конечно, учета этого логического результата. Вместе с тем ясно, что он не предопределяет решение методологических проблем обоснования этики, точно также, как невозможность перехода с помощью только логики от фактов к научным законам не предрешает ответа на вопрос об обоснованности теоретического знания. Научные законы не вытекают логически из фактов, но это не значит, что опыт для них безразличен. Переход от эмпирического описания к закону не является логическим выводом, это всегда скачок в неизвестность, связанный с тем, что закон имеет двойственное, описательно-оценочное значение. Он не только обобщает известные факты, но и выступает критерием оценки новых фактов и других законов. Двойственность научных законов не означает, конечно, что каждая наука автономна и не зависит от эмпирического материала.

То, что моральные утверждения не могут быть выведены по правилам логики из описательных утверждений, представляет особый интерес в связи с обилием в философии морали концепций, обосновывающих нормы нравственности ссылкой на некое их соответствие определенным реалиям внешнего мира: законам природы, направлению естественной

эволюции, объективному ходу истории и т.п. Все эти концепции являются некорректными, поскольку предполагают нарушение принципа Юма. Если, допустим, в истории господствует необходимость и переход от одного этапа в развитии общества к другому совершается закономерно, из этого вовсе не вытекает, что каждый человек морально обязан содействовать исторической необходимости и даже пытаться ускорить диктуемый ею переход. Из социологических законов не вытекают моральные нормы точно так же, как из закона природы, что все люди смертны, не следует моральный долг способствовать этому исходу.

Сведение морали к исторической или природной необходимости не только методологически несостоятельно, но и опасно. Как пишет К.Поппер, «...философия, представляющая собой попытку преодоления дуализма фактов и норм и построения некоторой монистической системы, создающей мир из одних только фактов, ведет к *отождествлению норм или с властвующей ныне, или с будущей силой*. Эта философия неизбежно приводит к моральному позитивизму или моральному историцизму...» (Поппер К. Логика и рост научного познания).

Проще обстоит дело *с принципом, согласно которому из оценочных утверждений логически невыводимы описательные утверждения*. Ни логика оценок, ни логика норм не считают переход от «должен» к «есть» обоснованным. Если ценность понимается как противоположность истины, то лишаются смысла не только поиски логического перехода от «есть» к «должен», но и поиски перехода от «должен» к «есть».

Кант утверждал, что, если человек обязан что-то сделать, он способен это выполнить. Если «принцип Канта» истолковывается как допущение возможности логического перехода от суждения долженствования (т.е. оценки) к описанию (а именно, к описанию способностей человека), он является неверным. Данный принцип представляет собой, скорее, совет, адресованный нормативному авторитету: не следует устанавливать норм, выполнение которых выходит за пределы (обычных) человеческих спо-

способностей. Этот совет, как и всякий другой, является оценкой. Принцип Канта можно интерпретировать также как описание: из утверждения о существовании нормы можно с определенной уверенностью вывести утверждение, что предписываемое ею действие лежит в пределах человеческих возможностей. Но эта дескриптивная интерпретация не является, конечно, контрпримером к положению о невыводимости описаний из оценок.

Таким образом, *аргументация, в ходе которой из описаний логически выводятся оценки или из оценок — описания, является заведомо некорректной.*

4. Стандартные некорректные аргументы

Некоторые некорректные приемы аргументации, применяемые довольно часто, получили собственные имена.

Аргумент к аудитории — попытка опереться на мнения, чувства и настроения аудитории вместо обоснования тезиса объективными доводами. Воспользовавшийся этим аргументом человек обращается не к своему партнеру в споре или иной аргументации, а к другим участникам или даже случайным слушателям и стремится привлечь их на свою сторону, апеллируя по преимуществу к их чувствам, а не к разуму.

Так, на одной из дискуссий по поводу теории происхождения видов Ч.Дарвина епископ Вильберфорс обратился к слушателям с вопросом, были ли их предки обезьянами. Защищавший данную теорию биолог Т.Хаксли ответил на это, что ему стыдно не за своих обезьяньих предков, а за людей, которым не хватает ума и которые не способны отнестись всерьез к выводам Дарвина.

Довод епископа — типичный аргумент к аудитории: тем, кто присутствовал на этой происходившей в конце прошлого века дискуссии, казалось не совсем приличным иметь своими, пусть и отдаленными, предками обезьян.

Аргумент к личности — приписывание оппоненту недостатков, реальных или мнимых, представляющих его в смешном свете, бросающих тень на его умственные способности, подрывающих доверие к его рассуждениям.

Такого рода «критика» ведет к тому, что сущность спора уходит на задний план, предметом обсуждения становится личность оппонента. Даже если упреки в адрес последнего справедливы, этот прием некорректен, поскольку меняет плоскость аргументации. Из того, что человек допускал какие-то промахи, вовсе не следует, что и к сказанному им сейчас надо отнестись с недоверием. Жонглирование отрицательными характеристиками личности противника, не имеющими никакого отношения к существу рассматриваемого вопроса, разумеется, недопустимо.

Особенно обидным аргумент к личности оказывается тогда, когда один из спорящих приписывает другому свои собственные отрицательные черты или порочащие мотивы. О совете одного пройдохи поступать именно так вспоминал И.С.Тургенев.

— ...Если вы, например, ренегат, — упрекайте противника в том, что у него нет убеждений!

Если вы сами лакей в душе, — говорите ему с укоризной, что он лакей... лакей цивилизации, Европы, социализма...

— Можно даже сказать: лакей безлакейства! — заметил я.

— И это можно, — подхватил пройдоха.

К числу аргументов к личности можно отнести и случаи, когда, например, адвокат с целью опровержения какого-то обвинения подчеркивает достоинства подзащитного:

— Господа присяжные заседатели, господин судья! Мой клиент признался, что воровал. Это ценное и искреннее признание. Я бы даже сказал, что оно свидетельствует о необыкновенно цельной и глубокой натуре, человеку смелом и честном. Но возможно ли, господа, чтобы человек, обладающий такими редкостными качествами, был вором?

Аргумент к массам — попытка взволновать и наэлектризовать широкий круг людей, используя их групповой эгоизм, национальные или расовые предрассудки, давая лживые обещания и т.п. Этот аргумент, называемый также *демагогией*, нередко применяется в политических диспутах.

Аргумент к человеку — использование в поддержку своей позиции оснований, выдвигаемых противной стороной в споре или вытекающих из принимаемых ею положений.

Например, школьники просят учителя ботаники вместо урока отправиться в лес. При этом они ссылаются на то, что, как он сам не раз говорил, что непосредственный контакт с природой — лучший способ узнать ее тайны.

Такого рода довод является нечестным только в том случае, когда человек, прибегающий к нему, сам не разделяет данного убеждения и только делает вид, что он присоединяется к общей платформе.

Аргумент к тщеславию — расточение неумеренных похвал противнику в споре в надежде, что, тронутый комплиментами, он станет мягче и покладистой.

Этот довод можно считать частным случаем аргумента к личности. Как только в дискуссии начинают встречаться обороты типа «не подлежит сомнению глубокая эрудиция оппонента», «как человек выдающихся достоинств, оппонент...» и т.п., можно предполагать завуалированный аргумент к тщеславию.

Аргумент к несмелости, или *к авторитету*, — обращение в поддержку своих взглядов к идеям и именам тех людей, с кем оппонент не посмеет спорить, даже если они, по его мнению, неправы.

Например, в дискуссии по мировоззренческим вопросам одна сторона ссылается на авторитет великих ученых: физиков, математиков, химиков. Другая сторона чувствует, что эти авторитеты в частных областях далеко не всегда правы в самых общих вопросах, но не рискует высказаться против них.

Аргумент к силе («к палке») — угроза неприятными последствиями, и в частности угроза применения насилия или прямое употребление каких-то средств принуждения.

Скажем, наставляя не соглашающегося с ним сына, отец грозит, что накажет его, если тот принесет из школы тройку.

Аргумент к незнанию, или невежеству — ссылка на неосведомленность, а то и невежество оппонента в вопросах, относящихся к существу спора; упоминание таких фактов или положений, которых никто из спорящих не знает и не в состоянии проверить.

Допустим, приводится известный принцип, но сформулированный на латыни, так что другая сторона, не знающая этого языка, не понимает, о чем идет речь, и вместе с тем не хочет этого показать. Иногда неспособность оппонента опровергнуть какое-то утверждение представляется как довод в пользу этого утверждения: «Можешь доказать, что никто не способен читать мысли другого?» — «Нет, не могу». — «Значит, должен согласиться с тем, что кто-то способен это делать».

Аргумент к жалости — возбуждение в другой стороне жалости и сочувствия.

Например, студент, не сдавший экзамена, просит профессора поставить ему хотя бы удовлетворительно, иначе его лишат стипендии.

Все эти аргументы являются, конечно, некорректными способами защиты своей позиции. Но нетрудно заметить, что применение одних легче понять и извинить, чем употребление других. Некоторые же вообще ничем нельзя оправдать.

Недопустимы в аргументации и такие уловки, как умышленный уход от темы, длинные разглагольствования о вещах, не имеющих никакого отношения к обсуждаемым вопросам, попытки запутать основную мысль в чаще всяких деталей и подробностей, чтобы затем незаметно направить внимание аудитории на то, что кажется выигрышным, и т.п.

Тема 9. Искусство спора.

- 1. Спор как частный случай аргументации**
- 2. Корректные приемы спора**
- 3. Некорректные приемы спора**

4. **Споры об истине и споры о ценностях**
5. **Четыре разновидности споров**
6. **Как следует спорить**
7. **Общие требования к спору**
8. **Можно ли одержать победу в споре?**

1. Спор как частный случай аргументации

Спор представляет собой столкновение мнений или позиций, в ходе которого стороны приводят аргументы в поддержку своих убеждений и критикуют несовместимые с последними представления другой стороны.

Спор является частным случаем аргументации, ее наиболее острой и напряженной формой. Всякая аргументация имеет предмет, или тему, но спор характеризуется не просто определенным предметом, а наличием **н е с о в м е с т и м ы х** представлений об одном и том же объекте, явлении и т.д. Спор предполагает противоположные мнения и активное отстаивание каждой из его сторон своей собственной позиции, несовместимой с позицией другой стороны. Если противоположности или столкновения мнений нет, то нет и самого спора, а есть какая-то иная форма аргументации.

Когда в ходе аргументации активная сторона, проponent выдвигает какой-то тезис, отношение другой стороны, оппонента к данному тезису может быть трояким:

— оппонент заранее склонен поддержать данный тезис и, возможно, принять его. Задача проponentа в этом случае не в том, чтобы переубедить оппонента, опровергнув его доводы, а в том, чтобы заставить последнего еще более настойчиво и активно поддерживать тезис;

— оппонент нейтрален в отношении предлагаемого тезиса и не имеет доводов ни за, ни против него. Задача проponentа

состоит в том, чтобы склонить оппонента на свою сторону, рассеяв в случае необходимости те возражения, которые могут возникнуть у оппонента;

— оппонент отвергает выдвинутый тезис, т.е. поддерживает а н т и т е з и с , отрицание тезиса. Это может делаться как с приведением определенных аргументов в поддержку своей позиции, так и без всяких доводов.

Соответственно проponent может выдвигать свой тезис, поддерживая его аргументами или же не делая этого. Эти контексты аргументации систематизированы в таблице:

Пропонент	Оппонент			
	Принимает тезис	Нейтрален к тезису	Отвергает тезис	
			Без аргументов	аргументированно
Выдвигает тезис без аргументов	Лозунг, призыв, команда, норма	Прямое давление на оппонента	Перепалка, ссора, перебранка	Попытка оппонента стать проponentом
Выдвигает тезис с аргументами	Съезд, митинг, собрание, проповедь	Попытка вызвать сочувствие к тезису	Нигилизм, ересь, нежелание спорить	Спор

Ситуация аргументации может быть, таким образом, весьма разнородной: от выкрикивания призывов или произнесения проповедей перед сторонниками выдвигаемых положений до попытки перехватить инициативу и вести полноценный спор. Аргументация может быть направлена на усиление (активизацию) убеждения, если оно уже имеется у оппонента и совпадает в своей основе с позицией проponentа. Если у оппонента еще нет ясной и отчетливой позиции в отношении выдвигаемого тезиса, аргументация проponentа имеет своей целью вызвать у оппонента убеждение в приемлемости и справедливости того, что говорится проponentом. Если этой цели пытаются достичь без приведения сколь-нибудь убедительных аргументов, можно говорить о п р я м о м да в л е н и и на нейтрального или колеблющегося оппонента. Если,

наконец, выдвигаемому тезису противопоставляется антитезис, то целью аргументации пропонента является п е р е у б е ж д е н и е оппонента.

Спор как одна из возможных ситуаций аргументации имеет характерные признаки:

— на тезис пропонента оппонент отвечает противоположным утверждением, антитезисом («столкновение мнений»);

— и пропонент, и оппонент выдвигают какие-то доводы в поддержку своих позиций;

— каждый из спорящих подвергает критике позицию противной стороны.

Если какой-то из этих признаков отсутствует, нет и спора как особого случая аргументации.

Иногда все возможные ситуации аргументации пытаются свести к спору или представить последний по меньшей мере как парадигму аргументации вообще. Это, конечно же, неправомерно. У призывов и проповедей нет ничего общего со спорами. Если тезис, поддерживаемый аргументами или нет, обращен к тем, кто нейтрален к нему, то опять-таки нет оснований отождествлять эту ситуацию со спором. И даже в тех четырех случаях, когда тезис встречается не с поддержкой или колебаниями, а с антитезисом, только в одном случае можно говорить о споре как таковом.

Спор — это ситуация, когда аргументированно опровергается противоположное мнение. Зная многое или даже все о спорах, их основных разновидностях и требованиях к ним, можно не иметь никакого представления о призывах и проповедях и иметь очень слабое представление о перебранке или ереси. Нагорная проповедь — это аргументация, но не дискуссия Христа со своими последователями; молитва — это тоже аргументация, но не полемика молящегося с Богом по поводу своих недооцениваемых добродетелей.

2. Корректные приемы спора

Как и в других случаях аргументации, доводы, используемые в споре, могут быть *корректными* или *некорректными*. Первые могут содержать элементы хитрости, но в них нет прямого обмана и тем более вероломства или принуждения силой. Вторые ничем не ограничены и простираются от умышленно неясного изложения и намеренного запутывания до угрозы наказанием или применения грубой физической силы.

Нужно изучать, конечно, и те и другие приемы. Корректные — чтобы знать, как можно, пользуясь допустимыми средствами, отстоять свою точку зрения. Некорректные — чтобы предвидеть, что можно ожидать от неразборчивого в средствах противника и уметь вывести его на чистую воду.

Спор — это борьба, и общие методы успешной борьбы приложимы также в споре.

Во всякой борьбе очень ценной является инициатива. В споре важно, кто задает тему, как конкретно она определяется. Нужно уметь повести полемику по своему сценарию.

Рекомендуется, далее, не обороняться, а наступать. Даже оборону лучше вести с помощью наступления. Вместо того, чтобы отвечать на возражения противника, надо заставить его защищаться и отвечать на выдвигаемые против него возражения. Предвидя его доводы, можно заранее, не дожидаясь, пока он их выскажет, выдвинуть их самому и опровергнуть.

Один из приемов, допустимых в устном споре, — отвлечение внимания противника от той мысли, которую хотят провести без критики. С этой целью мысль или не высказывается вовсе, а только подразумевается, или высказывается, но как бы мимоходом, возможно короче, в стертой форме. Перед этим для отвлечения внимания выдвигают идею, способную своим содержанием или формой выражения привлечь внимание противника, задеть его, поразить и т.п. Можно также перед той мыслью, которую намереваются провести без критики, выдвинуть какой-то второстепенный, но заведомо слабый аргумент. Спорщик, постоянно нацеленный на поиск слабых мест в доводах противоположной стороны, сразу

же набросится на явно слабое место и пропустит ближайšie к ней доводы, особенно если они приводятся между прочим и не бросаются в глаза своей ошибочностью.

Иногда полезно возложить «бремя доказывания» на противника. Можно сослаться, например, на то, что ваш тезис вытекает из уже признанного общего положения. Тезис противника окажется исключением из этого положения, и тому нужно будет доказать правомерность такого исключения.

Не только корректна, но и желательна концентрация действий, направленных на центральное звено системы аргументов противника или на наиболее слабое ее звено. «Вполне позволителен и тот прием (его даже трудно назвать "уловкой"), — пишет С.И.Поварнин, — когда мы видим, что противник смутился при каком-нибудь доводе или стал особенно горячиться, или стараться "ускользнуть" от ответа, — обращаем особенное внимание на этот довод и начинаем "напирать" на него. Какой бы ни был спор, всегда следует зорко следить за слабыми пунктами в аргументации противника и, найдя такой пункт, "разработать" его до конца, не "выпуская" противника из рук, пока не выяснилась и не подчеркнулась вся слабость этого пункта. "Выпустить" противника в таких случаях можно лишь тогда, когда у противника очевидно шок или т.п., или же из великодушия, из известного "рыцарства в споре", если он попал в особо нелепый "просак". Между тем меньше использовать слабые места противника встречается довольно редко. Кого интересует искусство спора, тот часто с жалостью наблюдает, как спорщик, по полному своему неумению ориентироваться в споре или по другим причинам, теряет свое преимущество перед противником» (Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора).

Можно применять в споре и прием опровержения противника его же собственным оружием. Из принятых им посылок надо всегда пытаться вывести следствия, подкрепляющие защищаемый вами тезис. Особый интерес в этом случае представляют неожиданные для противника следствия, о которых он даже не подозревал.

Эффект внезапности можно использовать и многими другими способами. Например, придержать самые неожиданные и важные сведения к концу спора.

Корректность приема, используемого в споре, существенно зависит от того, какими именно приемами, или уловками, пользуется противоположная сторона. Скажем, к эффекту внезапности уместно прибегать в споре с тем, кто сам приберегает самые важные и неожиданные сведения к концу спора; напирать на слабое звено аргументации оппонента особенно оправданно в том случае, когда он сам постоянно выискивает слабые стороны ваших доводов и т.п.

К корректным приемам обычно относят и оттягивание возражения. Хорошо описывает эту уловку С.И.Поварнин: «Иногда бывает так, что противник привел нам довод, на который мы не можем сразу найти возражение. Просто "не приходит в голову", да и только. В таких случаях стараются по возможности незаметнее для противника "оттянуть возражение", например, ставят вопросы в связи с приведенным доводом, как бы для выяснения его или для осведомления вообще, — хотя ни в том, ни в другом не нуждаются; начинают ответ издали, с чего-нибудь имеющего отношение к данному вопросу, но прямо с ним не связанного и т.д. В это самое время мысль работает и часто является желаемое возражение, к которому сейчас и переходят. Надо уметь это сделать ловко и незаметно. Если противник заметит, в чем дело, он всячески будет мешать уловке. Уловка эта в чистом виде вполне позволительна и часто необходима. Психический механизм человека — механизм очень капризный. Иногда вдруг мысль в споре отказывается на момент от работы при самом обычном или даже нелепом возражении. Человек *теряется*. Особенно часто случается это с людьми нервными или застенчивыми, под влиянием самых неожиданных причин, — например, даже иногда под влиянием внезапно мелькнувшей мысли: "А вдруг я не найду ответа" (самовнушение). Высшей степени это явление достигает в так называемом "шоке". У спорящего вдруг утрачивается весь багаж мыслей по данному вопросу. "Голова опустела".

Все знания, все доводы, все возражения как будто вылетели из головы. Человек совершенно беспомощен. Такой "шок" встречается чаще всего тогда, когда человек очень волнуется или устал. В подобных случаях единственное "спасение" — разбираемая нами уловка. Надо стараться не выдать своего состояния, не смотреть растерянно, не понижать и не ослаблять голоса, говорить твердо и умело оттянуть возражение до тех пор, пока не оправившись. Иначе и противник, и слушатели (по большей части судящие о ходе спора "по внешности") будут думать, что мы "разбиты", как бы нелеп ни был довод, при котором случилась с нами эта неприятная история»¹. Нередко — особенно когда предмет спора не вполне определен — может оказаться полезным не занимать с самого начала жесткую позицию, не спешить твердо и недвусмысленно изложить ее. Иначе в переменчивых обстоятельствах спора трудно будет ее модифицировать и тем более от чего-то отказаться.

Принято считать, что нет ничего недозволенного и в таком приеме, как взять слово в самом конце спора, зная все аргументы выступавших и лишая их возможности развернутого ответа. Однако вряд ли этот прием демократичен: он доступен далеко не для каждого участвующего в споре.

3. Некорректные приемы спора

Некорректные приемы, используемые в спорах, не только многочисленны, но и чрезвычайно разнородны. Среди них есть грубые и даже очень грубые, но есть и очень тонкие.

Наиболее грубыми являются «механические», как их называет С.И.Поварнин, уловки.

Таков, в частности, н е п р а в и л ь н ы й «выход из спора». «...Бывает и так, — пишет Поварнин, — что спорщику приходится в споре плохо потому, что противник сильнее его или вообще, или в данном вопросе. Он чувствует, что спор ему не по силам, и старается всячески "улизнуть из

спора", "притушить спор", "прикончить спор". В средствах тут не стесняются и нередко прибегают к грубейшим механическим уловкам».

Самым грубым и самым «механическим» Поварнину представляется прием, когда противнику не дают возможности говорить: «Спорщик постоянно перебивает противника, старается перекричать или просто демонстративно показывает, что не желает его слушать: зажимает себе уши, напевает, свистит и т.д. В споре при слушателях иногда играют такую роль слушатели, видящие, что их единомышленнику приходится плохо: тут бывает и хор одобрения или неодобрения, и рев, и гоготанье, и топанье ногами, и ломанье столов и стульев, и демонстративный выход из помещения — все по мере культурности нравов слушателей. Спорить при таких условиях, конечно, невозможно. Это называется (в случае успеха) *сорвать спор*.

Если спорщик достаточно нахален, он может, "поспорив" так с вами и не дав вам сказать ни слова, заявить: "С вами нельзя спорить, потому что вы не даете толкового ответа на вопросы" или даже: "Потому что вы положительно не даете возможности говорить". Иногда все это делается "тоньше". Вы привели сильный, но сложный довод, против которого противник не может ничего возразить: он тогда говорит с иронией: "Простите, но я не могу спорить с вами больше. Такие доводы — выше моего понимания. Они слишком учены для меня" и т.п.

После этого иного упрямца никак не заставишь продолжать спор: не схватить же за ногу, чтобы удержать его. Иного можно удержать "в споре", заявив, что, если он не понял довода, то вина в нашем неумении ясно высказать его, а не в его уме и т.п.».

Довольно грубым приемом является и о р г а н и з а ц и я «хора» *полуслушателей – полуучастников спора*, всячески восхваляющих доводы одной стороны и демонстрирующих скептическое, а то и презрительное отношение к доводам другой стороны. «Вот остроумное замечание! Это называется смотреть в корень вещей», «Превосходно!»,

«Безусловно правильно», «Изумительный ответ» и т.п., — эти восклицания адресуются той стороне спора, которую поддерживает специально подготовленная аудитория; «Слабый ответ», «Плохие доводы», «Это то же, что ничего не ответить», «Все это только пустые оправдания», «Доводы, внушающие жалость» и т.п., — все это адресуется стороне, которую аудитория намеревается «завалить».

Предельно грубым приемом в споре является использование насилия, физического принуждения или даже истязания для того, чтобы заставить другую сторону, если не принять тезис, то хотя бы сделать вид, что она его принимает. Разновидности этого «аргумента от палки» Поварнин описывает так: «Сначала человек спорит честь-честью, спорит из-за того, истинен ли тезис или ложен. Но спор разыгрывается не в его пользу — и он обращается ко властям предержажим, указывая на опасность тезиса для государства или общества и т.д. Все равно, какие власти: старого режима или нового, "городовые" или "товарищи", — название такого приема одно и то же: "призыв к городовому". И суть одна и та же: приходит какая-нибудь "власть" и зажимает противнику нашему рот. Что и требовалось доказать. Спор прекратился и "победа" за нами. Для того, чтобы применить подобную уловку, требуется, конечно, очень невежественная голова или очень темная совесть.

Но "призыв к городовому" имеет целью только прекратить спор. Многие этим не довольствуются, а применяют подобные же средства, чтобы "убедить" противника, т.е. вернее, заставить его, по крайней мере на словах, согласиться с нами. Тогда подобные доводы получают название "палочных доводов". Конечно, и в наше время употребляются еще "палочные доводы" в *буквальном* смысле слова. Насилие во всех видах очень часто "убеждает" многих и разрешает споры, по крайней мере на время. Но такие палочные доводы в область рассмотрения логики, хотя бы и прикладной, не входят. Здесь палочным доводом называется довольно некрасивая уловка, состоящая в том, что приводят такой довод, который

противник... *должен принять из боязни* чего-нибудь неприятного, часто опасного, или на который он *не может правильно ответить по той же причине* и должен или молчать, или придумывать какие-нибудь "обходные пути". Это, в сущности, разбой в споре. Даже, пожалуй, в одном отношении, еще хуже. Разбойник открыто предлагает дилемму "кошелек или жизнь". Софист преподносит *скрытым образом* и с невинным видом дилемму: "принять довод или потерпеть неприятность", "не возражать или пострадать".

Такие доводы изобилуют во все времена, у всех народов, при всех режимах: в государственной, в общественной, в частной жизни. Стоит понаблюдать их, например, в газетах — в правых или левых, смотря по тому, в чьих руках власть. Конечно, не все газеты унижаются до этого. Но в виде общего правила можно сказать, что, чем газета более "крайняя", тем больше шансов встретить в ней палочный довод, хотя есть немало любителей его и не из "крайних"».

Разновидностью «аргумента от палки» Поварнин считает и доводы, апеллирующие к тайным мыслям и невыраженным побуждениям другой стороны в споре. «К наиболее "любимым" видоизменениям и усложнениям относятся прежде всего многие случаи "чтения в сердцах". Эта уловка состоит в том, что софист не столько разбирает ваши слова, сколько те тайные мотивы, которые заставили вас их высказывать. Иногда даже он только этим и ограничивается. Достаточно! Не в форме "палочного довода" эта уловка встречается очень часто и употребляется вообще для "зажимания рта" противнику. Например, собеседник высказывает вам в споре: "Вы это говорите не потому, что сами убеждены в этом, а из упорства", "Лишь бы поспорить". "Вы сами думаете то же, только не хотите признать своей ошибки". "Вы говорите из зависти к нему". "Из сословных интересов"... "Сколько вам дали за то, чтобы поддерживать это мнение?", "Вы говорите так из партийной дисциплины" и т.д. Что ответить на такое

"чтение в сердцах"? Оно многим "зажимает рот", потому что обычно опровергнуть подобное обвинение невозможно, так же как и доказать его. Другие умеют "срезать" подобного противника, например, ловко и резко подчеркнув характер его уловки. Но настоящую грозную силу уловка эта приобретает *в связи с палочным доводом*. Например, если мы доказываем вредность какого-нибудь правительственного мероприятия, противник пишет: "Причина такого нападения на мероприятие ясна: это стремление подорвать престиж власти. Чем больше разрухи, тем это желательнее для подобных слуг революции (или контрреволюции)" и т.п. Или: "Эти слова — явный призыв к вооруженному восстанию" и т.д.

Конечно, подобные обвинения, если они обоснованны, может быть, в данном случае и справедливы, и обвинитель делает очень полезное дело, обращая внимание на известные факты. Иногда это гражданский долг. Но нельзя же называть это *спором*, и нельзя этого примешивать к спору. Спор — это борьба двух мыслей, а не мысли и дубины. Вот против примеси таких приемов к спору необходимо всячески и всемерно протестовать. Не всякая словесная борьба — спор.

Иногда "чтение в сердцах" принимает другую форму: отыскивают мотив, по которому человек *не говорит* чего-нибудь или не пишет. Несомненно, этого он не делает по такому-то или по такому мотиву (например, "крамольному"). Например, почему он не выразил "патриотического восторга", рассказывая о таком-то событии? Явно, ему не сочувствует. Таким образом, для искусного любителя "читать в сердцах" представляется, при желании, возможность отыскать контрреволюционную или революционную "крамолу" и т.п. как в некоторых словах противника, так иногда и в его молчании».

Спор — это определенная деятельность, причем деятельность, требующая напряжения не только интеллекта, но и всех духовных сил человека. Мысль, память, воображение спорящих должны работать особенно эффективно и четко. Смешавшийся, вставший в тупик, растерявшийся участник спора рискует забыть и упустить свои самые надежные и выигрышные доводы и потерпеть

неудачу в споре. Если мы сильно взволнованы, возбуждены, горячимся, смущены и т.п. — мы спорим хуже, чем обычно. Спор — это не соревнование чистых интеллектов, а состязание, затрагивающее все стороны человеческой души.

Еще один некорректный прием — использование ложных и недоказанных аргументов в надежде на то, что противная сторона этого не заметит.

Употребление ложных, недоказанных или непроверенных аргументов нередко сопровождается оборотами: «всем известно», «давно установлено», «совершенно очевидно», «никто не станет отрицать» и т.п. Слушателю как бы остается одно: упрекать себя за незнание того, что давно и всем известно.

К одной из форм лжи иногда относят намеренное запутывание, или сбивание с толку. В выступлении того, кто прибегает к такому приему, возможно, и содержится какая-то информация, но ее чрезвычайно трудно уловить.

Целый ряд некорректных приемов — их обычно называют *психологическими* — как раз и ориентируется на то, чтобы вывести оппонента в споре из психического равновесия, расстроить работу его мысли и воображения.

«Самая грубая и обычная уловка, — пишет Поварнин, — *раздражить противника и вывести из себя*. Для этого пускают в ход грубые выходки, оскорбления, глумление, издевательство, явно несправедливые, возмущающие обвинения и т.д. Если противник "вскипел" — дело выиграно. Он потерял много шансов в споре. Некоторые искусно стараются "взвинтить" его до желательной степени. Я видел такую уловку: несправедливостью и насмешками софист вывел из равновесия своего противника-юнца. Тот стал горячиться. Тогда софист принял вид несказанного добродушия и покровительственный тон: "Ну, Юпитер! Ты сердишься, значит ты не прав" — "Ну что вы, батюшка! Стоит так горячиться! Успокойтесь, успокойтесь! Какая вы горячка", и т.д. Так ведь довел юнца до белого каления! У того и руки дрожат от волнения и негодования. Бросается сослепу в споре, куда ни попало. Перестал соображать совсем и,

конечно, "провалился". Но применяют и разные другие способы, чтобы "вывести из равновесия". Иной намеренно начинает глумиться над вашим "святыми святыми". В личности он не пускается, нет! Но "взвинтить" может неосторожного идеалиста до последнего предела. Если спор очень важный, при слушателях, ответственный, то, говорят, иные прибегают даже к "уловке артистов". Некоторые артисты, например певцы, чтобы "подрезать" своего соперника, перед его выступлением сообщают ему какое-нибудь крайне неприятное известие, чем-нибудь расстраивают его или выводят из себя оскорблением и т.п. в расчете, что он после этого не будет владеть собой и плохо споеет. Так, по слухам, не гнушаются поступать изредка некоторые спорщики перед ответственным спором. Лично мне никогда не приходилось наблюдать этой подлой уловки, но, несомненно, возможна и она. Нужно и против нее быть настороже».

Некорректен и такой психологический прием, когда один из спорящих говорит очень быстро, выражает свои мысли в нарочито усложненной, а то и просто путаной форме, быстро сменяет одну мысль другою. Этот прием производит особенно тяжелое впечатление, когда быстрая, путанная, постоянно меняющая свое направление речь обращена к неопытному спорщику или к человеку, мыслящему пусть основательно, но медленно и с трудом схватывающему только кое-что из сказанного. «Наиболее наглые, — пишет Поварнин, — иногда не стесняются приводить мысли без всякой связи, иногда нелепые, — и пока медленно мыслящий и честный противник старается уловить связь между мыслями, никак не предполагая, что возможно такое нахальство, они уже с торжествующим видом покидают поле битвы. Это делается чаще всего перед такими слушателями, которые ровно ничего не понимают в теме спора, а судят об успехе или поражении — по внешности».

Нет необходимости дальше обсуждать разнообразные корректные и некорректные приемы, используемые в спорах. Корректные приемы спора

— это, в сущности, корректные приемы аргументации вообще плюс то небольшое, что связано со спецификой спора. Некорректные приемы спора — это некорректные приемы всякой аргументации с добавлением тех вариантов обмана, запутывания и сбивания с толку, которые могут встречаться именно в спорах.

5. Споры об истине и споры о ценностях

Аргументы — это средства спора. Что касается его цели, то это может быть обнаружение истины или достижение победы в споре.

Ясной границы между корректными и некорректными аргументами не существует. Естественно, что нет ее и между спорами, ведущимися с целью прояснения истины, и спорами, направленными на победу одной из сторон. Отсутствие четких разграничений не означает, конечно, что сами эти разграничения не являются важными. Скажем, между умом и глупостью тоже нет сколь-нибудь ясной границы и существует масса переходов, но из этого вряд ли можно заключить, что они в общем-то совпадают и разграничивать их нет особой нужды.

Хорошую характеристику споров, направленных на поиск и прояснение истины, дает польский философ и логик Т.Котарбиньский, называющий такие споры «предметной дискуссией»: «Кто хочет выявить истину, тот не менее усердно ищет ее и в убеждениях или предположениях противника, хотя последние вначале и не согласуются с его собственными взглядами. Чтобы извлечь ее также и оттуда, он старается помочь противнику найти для его мысли слова, которые наиболее точно выражали бы ее. Он пытается, как говорят, понять противника лучше, чем тот сам себя понимает. Вместо того, чтобы использовать каждый слабый пункт аргументации противника для низложения, развенчания и уничтожения того дела, которое он отстаивает, участник предметной дискуссии прилагает усилия к тому, чтобы извлечь из утверждений противника все то ценное, что поможет выявлению истины. И в этом нет

противоречия. Это как бы определенное разделение труда: "Ты будешь пытаться отстаивать свою гипотезу, а я свою, и посмотрим, что из этого выйдет. Я буду пытаться опровергнуть твои утверждения, а ты — мои. Давай в нашем исследовании опровергать все, ибо только таким образом можно выявить то, что опровержению не поддается. То, что при этом устоит, и явится совместно найденной истиной. Пусть же она и окажется единственным победителем в этом споре».

Спор, целью которого является победа, — это всегда спор о ценностях, об утверждении каких-то собственных оценок и опровержении несовместимых с ними оценочных суждений другой стороны. Честность, равенство, справедливость, сострадание, любовь к ближнему и т.п. — все это ценности, и споры о них — это всегда споры о ценностях. Личные планы и планы социальных групп, нормы государства и принципы морали, традиции и идеалы и т.д. — все это также ценности. Цель всех споров о ценностях не истина, а победа. Если перед спором ставится задача — достичь победы, то такой спор — как бы ни представляли его спорящие себе и окружающим — является спором о ценностях. Даже спор об истинности тех или иных утверждений становится спором о ценностях, когда ориентируется не на истину, а на победу одной из сторон.

Большим упрощением было бы думать, что целью каждого спора может быть только истина или по меньшей мере достижение общего согласия по еще нерешенным проблемам, оказавшимся источником спора. Человек — не только разумное и познающее, но и действующее существо. Действие — это всегда успех или неуспех, удача или неудача. Не следует представлять дело так, что успех достигается только теми, кто ориентируется на истину, и что неудача — неизбежный удел тех, кто не особенно считается с нею. Иногда, и нередко, успех достигается как раз неправыми средствами.

Действие невозможно без оценок: норм, образцов, идеалов, утверждений о целях и т.п. Истина является свойством описаний, и спор о ней — это спор о соответствии описания реальному положению дел. Споры об оценках,

направляющих действие, не относятся к спорам об истине, поскольку оценки не являются ни истинными, ни ложными.

Было бы ошибкой поэтому говорить, что в споре всегда нужно бороться не за утверждение собственного или коллективного мнения или убеждения, а только за установление истины. Истина — не единственная цель споров. Другой их целью может быть ценность и, соответственно, победа как утверждение одних ценностей в противовес другим.

Можно отметить, что подавляющее большинство обычных споров — это как раз споры не об истине, а о ценностях. Споры об истине встречаются по преимуществу в науке, но и там они нередко переходят в споры о ценностях.

Имеются, таким образом, *споры об описаниях* и *споры об оценках*. Конечной целью первых является истина, т.е. достижение описания, отвечающего реальности. Цель споров об оценках — утверждение каких-то оценок и, соответственно, принятие конкретного, определяемого ими направления будущей деятельности. Слово «победа» прямо относится только к спорам об оценках и выражаемых ими ценностях. **Победа – это утверждение одной из противостоящих друг другу систем ценностей.** В спорах об истине о победе одной из спорящих сторон можно говорить лишь в переносном смысле: когда в результате спора открывается истина, она делается достоянием обеих спорящих сторон, и «победа» одной из них имеет чисто психологический характер.

6. Четыре разновидности споров

По своей *цели* споры делятся на *преследующие истину* и *преследующие победу над противоположной стороной*. По своим средствам они подразделяются на *использующие только корректные приемы* и *использующие также разнообразные некорректные приемы*.

Объединяя эти два деления споров, получаем четыре их разновидности, которые можно назвать дискуссией, полемикой, эклектикой и софистикой.

Дискуссия — спор, направленный на достижение истины и использующий только корректные приемы ведения спора.

Полемика — спор, направленный на победу над противоположной стороной и использующий только корректные приемы.

Эклектика — спор, имеющий своей целью достижение истины, но использующий для этого и некорректные приемы.

Софистика — спор, имеющий своей целью достижение победы над противоположной стороной с использованием как корректных, так и некорректных приемов.

Дискуссия — одна из важнейших форм коммуникации, метод решения спорных проблем и своеобразный способ познания. Она позволяет лучше понять то, что не является в полной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования. И если даже участники дискуссии не приходят в итоге к согласию, они определенно достигают в ходе дискуссии лучшего взаимопонимания.

Полезность дискуссии еще и в том, что она уменьшает момент субъективности. Убеждения отдельного человека или группы людей она сообщает общую поддержку и тем самым определенную обоснованность.

Непосредственная задача дискуссии — достижение определенной степени согласия ее участников относительно дискутируемого тезиса.

Используемые в дискуссии средства должны быть корректными и, как правило, признаваться всеми, кто принимает в ней участие. Употребление средств другого рода ведет обычно к обрыву дискуссии.

Полемика, во многом подобная дискуссии, существенно отличается от последней в отношении как своей цели, так и применяемых средств.

Цель полемики — не достижение согласия, а победа над другой стороной, утверждение собственной точки зрения. Средства, употребляемые в полемике, должны быть корректными, но они не обязательно должны быть настолько нейтральными, чтобы с ними соглашались все участники. Каждый из них применяет те приемы, которые находит нужными для достижения победы, и не

считается с тем, насколько они соответствуют представлениям других участников полемики о допустимых приемах спора.

Именно это различие целей и средств дискуссии и полемики лежит в основе того, что противоположная сторона в дискуссии именуется обычно «оппонентом», а в полемике — «противником». Poleмику можно сравнить с военными действиями, не предполагающими, что противник согласится с применяемыми против него средствами; дискуссия подобна военной игре, в ходе которой допустимо опираться только на средства, доступные другой стороне и признаваемые ею.

Хотя полемика и направлена по преимуществу на утверждение своей позиции, нужно постоянно помнить, что победа ошибочной точки зрения, добытая благодаря уловкам и слабости другой стороны, как правило, недолговечна, и она не способна принести моральное удовлетворение.

В самом общем смысле э к л е к т и к а — это соединение разнородных, внутренне не связанных и, возможно, несовместимых идей, концепций, стилей и т.д. В качестве методологического принципа эклектика появилась впервые в древней философии как выражение упадка и интеллектуального бессилия последней. Эклектика широко использовалась в средневековой схоластике, когда приводились десятки и сотни разнородных, внутренне не связанных доводов «за» и «против» некоторого положения.

Спор об истине, использующий и некорректные приемы, уместно назвать «эклектикой» на том основании, что такие приемы плохо согласуются с самой природой истины. Скажем, расточая комплименты всем присутствующим при споре, или, напротив, угрожая им силой, можно склонить их к мнению, что 137 — простое число. Но выиграет ли сама истина при таком способе ее утверждения? Вряд ли.

Тем не менее, эклектические споры, в которых истина поддерживается чужеродными ей средствами, существуют, и они не столь редки, как это может показаться. Они встречаются даже в науке, особенно в период формирования

новых научных теорий, когда осваивается новая проблематика и еще недостижим синтез разрозненных фактов, представлений и гипотез в единую систему.

Известно, что Галилей, отстаивавший когда-то гелиоцентрическую систему Коперника, победил благодаря не в последнюю очередь своему стилю и блестящей технике убеждения: он писал на итальянском, а не на быстро устаревавшем латинском языке, и обращался напрямую к людям, пылко протестовавшим против старых идей и связанных с ними канонов обучения. Для самой истины безразлично, на каком языке она излагается и какие конкретно люди ее поддерживают. Тем не менее пропагандистские аргументы Галилея определенно сыграли позитивную роль в распространении и укреплении гипотезы Коперника.

Истина рождается в споре, и утверждается она в конечном счете с помощью корректных средств. Но наука делается живыми людьми, на которых оказывают воздействие и некорректные приемы. Не удивительно поэтому, что в спорах об истине иногда возникает искушение воспользоваться какими-то мягкими формами таких приемов.

Отношение к эклектике как разновидности спора должно быть взвешенным и учитывающим ситуацию, в которой для защиты еще не для всех очевидной истины были использованы не вполне корректные средства.

Что заслуживает безусловного осуждения, так это софистика — спор, в котором для достижения победы над противником используются любые средства, включая и заведомо некорректные. В споре, как и в других делах, нельзя быть неразборчивым в применяемых средствах. Не следует вступать в спор с единственной целью — победить в нем любой ценой, не считаясь ни с чем, даже с истиной и добром.

7. Как не следует спорить

В отрывке из юмористического рассказа Л.Зорина «Полемисты» описывается «полемика» между сотрудниками некоего научного института.

Автор утрирует и доводит до карикатуры черты, присущие некоторым обычным спорам.

Читая этот отрывок, являющийся, можно сказать, иллюстрацией того, как не следует спорить, попытайтесь ответить на вопросы: к какому виду относится этот спор? можно ли достичь в нем победы? какие конкретные аргументы в нем используются и какие из них относятся к некорректным?

Петрунин, еще молодой человек, направлен в институт, чтобы помочь разрешить возникшие разногласия. Его представляет собравшимся директор института, профессор Ратайчак.

«...Стоило ученым войти, задвигать стульями, усесться удобнее, принять свои привычные позы и, главное, оглядеть кабинет и разместившихся в нем коллег, как сразу возникла некая аура, какое-то грозное биополе. В воздухе было что-то опасное...

— Ну что ж, дорогие друзья, приступим, — приветливо сказал Ратайчак.

— Это вот товарищ Петрунин. Прошу вас его любить и жаловать. Очень надеюсь, его участие будет полезным и плодотворным.

— Уже успели сориентировать? — спросил с места ученый с проседью и окладистой бородой.

— На недостойные намеки не отвечаю, — сказал директор.

— Не отвечать — это вы умеете, — бросил с места другой ученый, сутуловатый, желтолицый, с быстро бегающими красноватыми глазками.

— Я попрошу соблюдать порядок, — сказал с достоинством Ратайчак.
—

Как известно, в коллективе сложилась ситуация весьма деликатная...

— О деликатности лучше не надо! — крикнул разгневанный бородач. — Эва куда загнул — деликатная...

— Виноват, не учел аудитории, — ответил Ратайчак не без яда. — Речь

идет о том, что профессор Скурский обвиняет профессора Чердакова в заимствовании...

— В заимствовании?! — завопил желтолицый, по-видимому, это и был

Скурский. — Он не заимствовал, а спер!..

"Что происходит? — терялся Петрунин. — Что это они говорят?"

— Низкий поклон! — сказал бородач. Петрунин понял, что это и был Чердаков.

— Скажите, какое высокое сердце, — издевательски усмехнулся Скурский, какие мы не от мира сего... А пытаться присвоить материалы, собранные твоим коллегой, да при этом заинтересовать директора...

— Ну, Маврикий Петрович, — сказал Ратайчак, — за такие слова когда-то к барьеру...

— Отродясь у нас не было никаких барьеров, — крикнул Скурский, — как и у вашего выкормыша...

— И вы смеете — о чужих материалах? — Чердаков патетически воздел

руки. — Всю жизнь на вас, как на плантатора, горбятся молодые люди, а вы еще имеете наглость...

— Это мои ученики! Уж разберемся без вашей помощи, как я формирую

ученых, — Скурский испепелил его взглядом. — А переманивать да обольщать — так поступают только растлители! Мазурики на худой конец...

— Я прошу занести в протокол, — сказал Чердаков, сжав кулаки, — что

здесь при полнейшем попустительстве руководителя института травят заслуженного специалиста...

— Ну, то, что вы заслужили — всем ясно... Заслуженный специалист, как

вам нравится? — спросил Скурский с почти натуральным хохотом.

— Пишет собственную фамилию по крайней мере с двумя ошибками!

— Ложь, — сказал Чердаков. — Передержка и ложь. Но лучше плохо писать фамилию, чем хорошо — на других доносы!

— Уж этот жанр здесь процветает, — горько сказал толстяк с одышкой, как выяснилось, профессор Кайлов.

Его с готовностью поддержал Герасим Александрович Холкин, розовый, лысоватый мужчина:

— Вот именно! Сдают не листаж, а анонимки. С превышением плана!

— Боже мой... — прошептал Петрунин.

— Позвольте, — вскочил худощавый ученый со звучной фамилией Недобоков, человек резких изогнутых линий, казалось, он движется на шарнирах.

— Я анонимок не пишу, всегда говорю, как известно, все прямо...

— На воре шапка горит, — сказал Чердаков.

— В воровстве здесь винят не меня, а вас, — живо парировал Недобоков.

— Я возвращаюсь к своей мысли. Пусть сам я не пишу анонимок, но я понимаю тех несчастных, которые вынуждены скрывать свое имя, ибо знают чугунную и беспощадную руку нашего, как говорится, шефа.

— Была б у меня рука чугунная, — с горечью возразил Ратайчак, — ты бы недолго здесь хулиганил. Давно бы вылетел по сокращению!

— Слышали? — воззвал Недобоков, громко хрустя всеми суставами. — Вот он ответ на честную гласность! Грязный неприкрытый шантаж!

— Не стоило б говорить о грязи тому, кто еще не пропустил ни одной
сотрудницы моложе пятидесяти, — укоризненно сказал Ратайчак. — Сначала надо бы стать почище.

— Вот, вот! — огрызнулся человек на шарнирах. — Как же! Чистота — ваш конек! Недаром содержали уборщицу.

— Клоака, — кивнул одобрительно Скурский, — в подобной

безнравственной атмосфере стесняться, разумеется, нечего...

— Морали читает, — махнул рукой Чердаков, презрительно озирая Скурского, — лучше бы сказал про свою законную, про Зойку... Из какого расчета ты помалкивал, когда она здесь хороводилась?

— Клевета! — почему-то одновременно воскликнули и Ратайчак, и Кайлов, и розовый лысоватый Холкин.

Шумно задвигался и Недобоков — от возмущения он не мог говорить. Казалось, что все его шурупы разом вылезли из пазов.

— Вот видите, товарищ Петрунин, какие облыжные обвинения, — с душевной болью сказал директор. — Поверите, не сразу найдешься... Как прикажете все это квалифицировать?

Но Петрунин ничего не ответил. Голова подозрительно горела, на щеках выступили алые пятна, в горле была зловещая сухость, намертво сковавшая речь. Перед глазами его мелькали страшные смутные видения...».(Зорин Л. Осенний юмор)

Каждый из нас принимал участие в самых разнообразных спорах и дискуссиях, так что общие принципы ведения спора известны нам и без всякой теории. Можно без особого труда назвать те обычные правила ведения спора, которые нарушаются — и притом недвусмысленно и грубо — в постоянно переходящей на личности перебранке «ученых».

Данный спор определенно направлен на победу. В нем используются аргументы, явно выходящие за рамки корректных. Спор является типичной с о ф и с т и к о й , хотя прямых софизмов (недоказательных рассуждений, выдаваемых за доказательные) в споре нет.

Победа в подобном споре нереальна. Как это иногда бывает, здесь за одним спором, ведущимся явно, скрывается еще и другой, более глубокий, лишь временами обнаруживающий себя вовне спор. Поскольку тема этого, по преимуществу неявного спора прямо не ставится и не обсуждается, победа в первом споре может быть только временной и неустойчивой.

Переплетение двух споров, глубинный из которых определяет поверхностный, обуславливает неясность темы ведущегося открыто спора.

К некорректным приемам данного спора следует отнести прежде всего создание его участниками неприязненной, напряженной атмосферы, в которой протекает спор, «грозного биополя» и ощущения опасности. Этому во многом способствует их нескрываемая подозрительность в отношении сказанного друг другом.

Неприемлема в корректном споре и грубость в отношении оппонента («не заимствовал, а спер», «низкий поклеп», «выкормыш», «заслуженный специалист, пишущий свою фамилию по крайней мере с двумя ошибками» и т.п.). Язык спора является нарочито грубым, он изобилует жаргонными словами и вульгаризмами («растлители», «мазурики», «на воре шапка горит», «грязный неприкрытый шантаж», «всю жизнь на вас, как на плантатора, горбатятся, а вы еще имеете наглость...» и т.п.). В голосах спорящих звучат постоянная ирония и издевка («эва куда загнул...», «отродясь у вас не было никаких барьеров», «то, что вы заслужили — всем ясно», «сначала надо бы стать почище» и т.п.).

В корректном споре вряд ли приемлемо и притворство его участников в выражении своих чувств, характерное для данного спора (он начинается с «дорогих друзей» и «любить и жаловать», но затем переходит к «деликатной ситуации» и к «ты бы не долго здесь хулиганил»).

В споре обеими его сторонами активно используется аргумент к публике, когда вместо обоснования выдвинутого положения или предъявленного обвинения объективными аргументами, апеллируют к чувствам и настроению слушателей.

Постоянно используется также аргумент к личности: противнику приписываются недостатки с намерением подорвать доверие к его аргументам («переманивает и обольщает», «не отвечать — это вы умеете...», «не пропустил ни одной сотрудницы моложе пятидесяти» и т.п.). Недостатки противной стороны при этом явно гиперболизируются.

Используется также некорректный аргумент к силе: противнику угрожают барьером, увольнением, разоблачением («за такие слова когда-то к барьеру», «давно бы вылетел по сокращению» и т.п.).

Самое главное состоит, однако, в том, что у «ученых» нет, в сущности, предмета спора, нет единой темы, о которой могли бы высказываться разные точки зрения. И если быть строгим, можно сказать, что и спора как такового здесь нет, ибо он идет относительно неясных взаимных обид и претензий. Не удивительно, что человеку со стороны так и не удалось вмешаться в ход полемики, которая остается для него совершенно темной. Каждому понятно, что неразумно сразу же ввязываться в спор, скажем, о древневерхненемецком языке, впервые услышав о нем.

В этом споре без единой и ясной темы спорящие не находят нужным слушать друг друга. Один не вникает в аргументы другого, каждый ведет свою партию, никак не связанную с партией оппонента. Такой спор напоминает опробование музыкантами своих инструментов перед началом концерта: каждый играет что ему вздумается, слышна не музыка, а какофония.

О большинстве утверждений спорящих трудно сказать, истинны они или ложны. Скорее всего, к верному в них примешивается изрядная доля вымысла и недоброжелательства. Иногда используются, как можно предположить, и явно ложные сведения, что недопустимо в корректном споре. В тех случаях, когда высказываются истинные утверждения, создается впечатление, что они важны не сами по себе, а столько как средство прикрыть ложное и необоснованное и придать всему иллюзию убедительности. Это — обычный софистический, обманный прием. К другим таким приемам относятся используемые в этом споре угрозы, обращения за поддержкой к публике, запутывание противника, прозрачные намеки на его недостойное поведение.

И конечно же, в споре нет никакой внутренней логики. Высказывания спорящих не связываются друг с другом, одни из них не вытекают из других. Зато есть слова, намекающие на логические связи и создающие впечатление

определенной последовательности рассуждения. Это обычный обманый прием: придавать видимость логичности тому, что лишено внутренней логики.

Все эти ошибки и уловки легко, конечно, обнаружить. Но прежде всего потому, что они очень рельефно поданы. Точно такие же по своему характеру ошибки могут проходить в обычных спорах незамеченными.

Это говорит о том, что практика ведения споров, какой бы обширной она ни была, сама по себе далеко не всегда достаточна для искусного ведения спора. Здесь, как и везде, хорошая теория может дать многое.

8. Общие требования к спору

Спор — это столкновение мнений, позиций, в ходе которого каждая из сторон аргументированно отстаивает свое понимание обсуждаемых проблем и стремится опровергнуть доводы другой стороны.

Спор представляет собой важное средство прояснения и разрешения вопросов, вызывающих разногласия, лучшего понимания того, что не является достаточной мерой ясным и не нашло еще убедительного обоснования. Если даже участники спора не приходят в итоге к согласию, в ходе спора они лучше уясняют как позиции другой стороны, так и свои собственные.

Искусство ведения спора называется *эристикой*.

Эристика получила большое распространение в Древней Греции в связи с расцветом политической, судебной и моральной полемики. Первоначально эристика понималась как *средство отыскания истины и добра с помощью спора*, она должна была учить умению убеждать других в правильности высказываемых взглядов и, соответственно, умению склонять человека к тому поведению, которое представляется нужным и целесообразным. Но постепенно эристика выродилась в обучение тому, как вести спор, чтобы достигнуть единственной цели — выиграть его любой ценой, совершенно не заботясь об истине и справедливости. Широкое хождение получили разнообразные некорректные приемы достижения победы в споре. Это серьезно подорвало доверие к обучению искусству спора. Эристика разделилась на *д и а л е к т и к у* и

с о ф и с т и к у . Первая развивалась Сократом, впервые применившим само слов «диалектика» для обозначения искусства вести эффективный спор, диалог, в котором путем взаимозаинтересованного обсуждения проблемы и противоборства мнений достигается истина. Софистика же, ставившая целью спора победу в нем, а не истину, существенно скомпрометировала саму идею искусства спора. От Аристотеля идет традиция неправомерного отождествления эристики с софистикой. Такое понимание эристики развивал, в частности, немецкий философ А.Шопенгауэр, определявший ее как искусство спора или духовного фехтования с единственной целью остаться правым.

Использование в споре нечестных, или некорректных, приемов не способно, конечно, скомпрометировать саму идею спора как интересного и важно средства достижения взаимопонимания между людьми, углубления знания о мире. Эристика как изучение спора и обучение искусству его ведения и правомерна, и полезна, но только при условии, что целью спора считается установление истины и добра, а не просто победа любой ценой.

Эристика не является отдельной наукой или разделом какой-то науки. Она представляет собой разновидность «практического искусства», подобного обучению ходьбе и музыке.

Очевидно, что не существует такого общего перечня требований, которому удовлетворяли бы все четыре разновидности споров. Софистика вообще не стеснена никакими правилами: в софистическом споре может быть нарушено любое общее требование, не исключая требования быть логичным или требования знать хотя бы приблизительно те проблемы, о которых зашел спор. Для трех остальных разновидностей спора можно попытаться сформулировать общие требования, которым они должны удовлетворять, если подразумевается, что спорящие ориентируются в конечном счете на раскрытие истины или добра.

В числе таких общих требований можно упомянуть, в частности, следующие.

1. *Не следует спорить без особой необходимости.* Если есть возможность достичь согласия без спора, надо этим воспользоваться.

Встречаются люди, готовые спорить по поводу и без повода, иногда они даже гордятся этим. Такие завязтые спорщики, ввязывающиеся в спор ради него самого, чаще всего только мешают прояснению дела. Полезно всегда помнить, что спор представляет ценность не сам по себе, а как средство достижения определенных целей. Если ясной и важной цели нет или она может быть достигнута без всякого спора, затевать спор бессмысленно. Постоянная нацеленность на спор, на оппозицию любым мнениям, не совпадающим полностью с собственным мнением, развязывание мелких споров и т.п. характеризует человека не с лучшей стороны.

Вместе с тем не следует и бояться споров и стараться любыми способами уклоняться от них. По принципиальным проблемам, решить которые не удастся без дискуссии и полемики, нужно спорить.

Особенно опасно избегать споров в научном исследовании. Нет нужды создавать видимость единомыслия и единодушия, якобы царящих в науке. Неотъемлемая черта науки — критицизм. Без критического отношения ученых к чужим и к своим собственным идеям рост и развитие научного знания невозможны.

2. *Всякий спор должен иметь свою тему, свой предмет.* Это — очевидное требование к спору, но даже оно иногда нарушается.

Желательно, чтобы предмет спора был относительно ясным. Лучше всего в самом начале зафиксировать этот предмет особым утверждением, чтобы избежать потом довольно обычного вопроса: о чем же все-таки шел спор?

Беспредметные споры, споры по проблемам, неясным для спорящих сторон, оставляют, как правило, тяжелый осадок из-за своей бессвязности и беспомощности. Не давая участникам возможности обнаружить свои знания и способности, такие споры представляют их в искаженном свете. «Дальше всех зайдет тот, — говорил Кромвель, — кто не знает, куда идти».

3. Еще одно условие плодотворности спора: *его тема не должна изменяться или подменяться другой на всем протяжении спора.*

Это условие редко когда удается соблюсти, что, в общем-то, вполне объяснимо. В начале спора тема не является, как правило, достаточно определенной. Это обнаруживается, однако, только в процессе спора. Его участники вынуждены постоянно уточнять свои позиции, что ведет к изменению подходов к теме спора, к смещению акцентов рамой этой темы.

Уточнение и конкретизация позиций спорящих — важный момент спора. Но нужно все-таки постоянно иметь в виду основную линию спора и стараться не уходить далеко от нее. Если предмет спора изменился, целесообразно специально обратить на это внимание и подчеркнуть, что спор относительно нового предмета — это, в сущности, другой, а не прежний спор.

Многие споры кончаются тем, что их участники еще больше утверждают в своей правоте. Было бы поспешным, однако, делать из этого вывод о неэффективности большинства споров.

Пусть позиции споривших не изменились, но они, несомненно, стали яснее, чем до момента спора. Далек не всякий спор кончается тем, что все переходят в «одну веру». Но почти каждый спор помогает сторонам уточнить свои позиции, найти для их защиты дополнительные аргументы. Именно этим объясняется возросшая убежденность участников закончившегося спора в собственной правоте.

Спор имеет место только при наличии несовместимых представлений об одном и том же объекте, явлении и т.д. Если такой несовместимости нет, вскоре обычно выясняется, что спорящие говорят хотя и о разных, но взаимодополняющих аспектах одного и того же объекта. Спорить дальше не о чем.

Спор предполагает, далее, определенную общность исходных позиций сторон, некоторый единый для них базис. Всякий спор опирается на определенные предпосылки, беспредпосылочных споров не существует. Общность базиса обеспечивает начальное взаимопонимание спорящих, дает ту площадку, на которой

может развернуться противоборство. Те, кто совершенно не понимают друг друга, не способны спорить, точно так же как они не способны прийти к согласию.

Обычно предпосылки спора просты и не требуют специальной констатации. Но если базис не вполне ясен или толкуется по-разному, лучше всего начать с его уточнения и прояснения. Спор без общности предпосылок, без одинакового отношения к исходным и неоспариваемым идеям имеет мало шансов на то, чтобы оказаться в какой-то мере эффективным.

Успешное ведение спора требует определенного знания логики. Прежде всего предполагается умение выводить следствия из своих и чужих утверждений, замечать противоречия, выявлять отсутствие логических связей между утверждениями. Обычно для всех этих целей достаточно интуитивной логики, стихийно сложившихся навыков правильного рассуждения.

Требование быть логичным и последовательным в споре не предполагает, разумеется, что спор должен разворачиваться как некое сугубо формальное доказательство определенной точки зрения. В ходе дискуссии или полемики уместны и шутки, и отступления, и многое другое, что не связано прямо с логикой развития мысли. Спорят между собою живые люди, а не какие-то «логические машины», озабоченные только неуклонным выведением следствий из принятых посылок.

7. *Спор требует известного знания тех вещей, о которых идет речь.* Это знание не может быть полным, иначе не возникли бы

разногласия и полемика. Но оно все-таки должно быть достаточно обширным. Плохо, когда люди начинают спорить о том, о чем они знают только понаслышке, а то и вовсе не имеют представления. И тем не менее привычка с апломбом рассуждать и спорить о малоизвестном и даже совсем неизвестном у некоторых укоренилась довольно глубоко.

Человек, являющийся специалистом в какой-то области, обычно критически оценивает свои познания в этой области, хотя ее изучению он, возможно, посвятил всю свою жизнь. Грешит самоуверенностью и претензией на широкие знания, как правило, тот, чьи представления как раз поверхностны и неглубоки. Как с иронией заметил кто-то, профессор медицины знает о болезнях кое-что, врач — многое, а фельдшер — все. Отсутствие основательных знаний часто идет рука об руку с привычкой подходить ко всему с готовыми мерками и определениями, на каждый вопрос иметь готовый ответ.

8. *В споре нужно стремиться к выяснению истины и добра* — это одно из наиболее важных, если не самое важное требование к спору.

Принципиальное значение этого требования впервые подчеркнул, пожалуй, Сократ, остро полемизировавший с софистами. Последние, как известно, ставили своей целью выдавать слабое за сильное, а сильное — за слабое, совершенно не заботясь о том, как все обстоит на самом деле.

«По их мнению, — говорил Сократ, — тому, кто собирается стать хорошим оратором, совершенно излишне иметь истинное представление о справедливых и хороших делах или о людях, справедливых или хороших по природе либо по воспитанию»¹. Результат такой позиции прискорбен: «В судах решительно никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность, — констатирует Сократ. — А она состоит в правдоподобию, на чем и должен сосредоточить свое внимание тот, кто хочет произнести искусную речь. Иной раз в защитительной и обвинительной речи даже следует умолчать о том, что было в действительности, если это неправдоподобно, и говорить только о правдоподобном: оратор из всех сил должен гнаться за правдоподобием, зачастую распрощавшись с истиной»².

Итак, в споре нужно бороться не за утверждение собственного мнения, а за установление истины и добра.

Это особенно важно, когда речь идет о ростках нового, не встречавшегося ранее и еще не нашего достаточного числа сторонников.

Новая идея возникает, когда кто-нибудь открывает новую комбинацию, новую модификацию или новое применение уже существующих идей. Объекты, люди или идеи соединяются так, как никогда раньше не соединялись.

В момент выдвижения идеи человек обычно не может последовательно доказать ее жизнеспособность. Обоснование приходит потом. Именно поэтому новые идеи так хрупки. Их легко отвергнуть и отодвинуть в сторону до лучших времен. Новое пробьет себе в конце концов дорогу, но время, которое будет упущено, нельзя будет ничем возместить.

Дискуссия и полемика, с особой остротой разворачивающиеся вокруг новых идей, должны вестись с предельным вниманием к самим этим идеям, отвлекаясь от всяких привходящих обстоятельств. Истинна выдвинутая идея или нет, продуктивно ли внесенное предложение и в какой мере — вот что должно в первую очередь заботить спорящих, а не то, кому первому пришла в голову идея, насколько она согласуется с нашими убеждениями и положением и т.д.

9. В споре нужно проявлять гибкость. Ситуация в споре постоянно меняется. Вводятся новые аргументы, всплывают неизвестные ранее факты, меняются позиции участников — на все это приходится реагировать. Но гибкость тактики спора вовсе не предполагает резкой смены позиции с каждым новым моментом.

Вступив в спор и уяснив свое отношение к обсуждаемому предмету, надо твердо стоять на занятой позиции, стараясь сделать ее как можно более определенной и ясной. Иносказания, гипотезы, отсутствие прямых ответов — все это размывает границы позиции, делая спор уклончивым, а то и просто малосодержательным. Временами и уклончивость хороша, но

только временами. Правилom должна быть четкая, недвусмысленно выраженная позиция.

Наиболее распространены два крайних способа ведения спора: уступчивость и жесткость. Более эффективен, однако, способ не жесткий и не уступчивый, а скорее соединяющий в себе особенности и того и другого. Там, где это возможно, нужно искать точки соприкосновения и совпадения взглядов, а там, где последние вступают в противоречие, настаивать на решении, основанном на беспристрастных критериях, не зависящих от спорящих сторон. Жесткость необходима, когда речь идет о существе вопроса; если же дело касается деталей, частных, личностных моментов, субъективных симпатий и антипатий, обычно лучше проявить уступчивость и терпимость. Это позволит решать сложные спорные вопросы по существу, минуя мелкие препирательства и вместе с тем не поступаясь своими взглядами и своим достоинством.

10. Не следует допускать крупных промахов в стратегии и тактике спора.

Само собой понятно, что спор призван если не разрешить, то по меньшей мере прояснить обсуждаемую проблему. И тем не менее случается, что дискуссия и полемика приводят как раз к противоположному результату. Первоначальные сравнительно четкие представления в ходе спора постепенно расплываются, и к концу его от исходной ясности и казавшихся убедительными аргументов мало что остается.

Чаще всего причиной этого является сложность обсуждаемого предмета. Столкновение разных представлений о нем обнажает их частичность и неполноту. Проясняющая функция спора парадоксальным образом выливается в свою противоположность: то, что было относительно ясным до спора, становится туманным и темным после него.

Хуже, когда спор кончается туманом из-за неумения спорить, в силу очевидных промахов в стратегии и тактике спора.

Стратегия — это наиболее общие принципы аргументации, приведения одних высказываний для обоснования или подкрепления других.

Тактика — поиск и отбор аргументов или доводов, наиболее убедительных с точки зрения обсуждаемой темы и данной аудитории, а также реакции на контраргументы другой стороны в процессе спора.

Решение стратегической задачи спора предполагает соблюдение указанных выше требований. Они просты в своей общей формулировке, но нередко сложны в конкретном применении.

11. Не следует бояться признавать в ходе спора свои ошибки. Главное в споре — это внести свою долю в положительную разработку обсуждаемого вопроса. Человек, убедившийся в не верности каких-то своих представлений, должен сказать об этом с полной откровенностью и определенностью, что сделает спор более плодотворным.

Нужно быть терпимым к критике и не бояться того, что кто-то укажет нам на ошибки. В споре, когда критические замечания высказываются в лицо, это особенно важно.

«Не бойся исправлять свои ошибки», — говорил Конфуций. Этот совет имеет прямое отношение к спору.

9. Можно ли одержать верх в споре?

Вопрос этот кажется по меньшей мере странным. Тем не менее есть люди, которые всерьез убеждены, что это невозможно. «Если вы спорите и возражаете, вы иногда можете добиться победы, но это будет бесполезная победа, потому что вы никогда не добьетесь этим хорошего отношения к вам со стороны вашего противника». Эти слова принадлежат американскому ученому и дипломату Б.Франклину.

Американский президент А.Линкольн однажды отчитал молодого офицера за то, что тот вступил в жаркий спор со своим сослуживцем. «Ни один человек, который решил действительно преуспеть в жизни, — внушал Линкольн, — не должен тратить время на личные споры, не говоря уже о том, что он не должен позволять себе выходить из себя и терять самообладание. Уступайте в крупных вопросах, если чувствуете, что и вы, и ваш собеседник по-своему правы, и уступайте в более мелких вещах, даже наверняка зная, что правы только вы. Лучше уступить дорогу собаке, чем допустить, чтобы она укусила вас. Даже убийство собаки не вылечит укуса...»

На чем основывается этот совет всячески избегать споров? Действительно ли победа в споре, если даже она достигается, оказывается бесполезной?

Против спора обычно приводится два довода. Человека, убежденного в своей правоте, активно отстаивающего свою точку зрения, практически невозможно переубедить. Именно поэтому споры чаще всего заканчиваются тем, что спорящие остаются еще более уверенными в своей правоте. И потом, если спор все-таки завершается победой одного из участников, другой — проигравший — непременно испытывает чувство горечи поражения. Он может даже изменить свое отношение к партнеру по спору.

Очевидно, что оба эти довода неубедительны.

Неверно, что человека нельзя переубедить в споре. Многое зависит от манеры спора и приводимых аргументов. Если бы споры не вели к изменению позиций сторон, было бы непонятно, под влиянием чего меняются убеждения людей.

Ссылка на обязательную, якобы, обиду побежденного в споре тоже легковесна. Как говорил Леонардо да Винчи: «Противник, вскрывающий ваши ошибки, полезнее для вас, чем друг, желающий их скрыть». Неудача в споре действительно может показаться обидной. Но если человек осознал, что был неправ, он не станет сетовать на горькое лекарство.

«Когда узнаешь свои ошибки, имеешь шанс их исправить» — эти слова Роберта Бернса являются и косвенной похвалой спора, представляющего собой хорошее средство прояснения ситуации.

Что было бы действительно обидно, так это лишиться спора как одного из эффективных путей устранения ошибок и недоразумений.

Все это очевидно. Тот, кто высказывается против споров, скорее всего, недостаточно ясно выражает свою мысль и, говоря об одном, имеет в виду совсем другое.

Пожелание или требование избегать всяких споров и постоянно стремиться к примирению неоправданно, да и просто неосуществимо. Спор объективен и необходим в том смысле, что он является одной из неотъемлемых особенностей общения людей и достижения ими взаимопонимания. Нужно, однако, не упускать из виду и другую сторону вопроса.

Спор — не единственное средство обеспечения понимания людьми друг друга. Он даже не главное такое средство. Неприемлем спор ради спора, с целью доказательства абстрактной правоты и посрамления противника. Главная задача спора — не сама по себе победа над противной стороной, а решение некоторой конкретной проблемы, лучше всего — обоюдодоприемлемое ее решение.

Спор — сложное явление. Он не сводится к столкновению двух несовместимых утверждений. Протекая всегда в определенном контексте, он затрагивает такие черты характера человека, как достоинство, самолюбие, гордость и т. д. Манера спора, его острота, уступки спорящих сторон, используемые ими средства определяются не только соображениями, связанными с разрешением конкретной проблемы, но и всем тем контекстом, в котором она встала. Можно достичь формальной победы в споре, настоять на правоте или целесообразности своего подхода и одновременно проиграть в чем-то ином, но не менее важном. Мы не сумели изменить позицию оппонента в споре, не добились его понимания, обидели его, оттолкнули от взаимодействия и взаимопомощи в решении проблемы, вызвавшей спор, — эти побочные следствия спора могут существенно ослабить эффект победы в нем или даже вообще свести его на нет.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М., 2003.
2. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение.- М.:изд-во МГУ, 2002.
3. Рузавин Г.И. Логика и аргументация -М.: Изд-во «ЮНИТИ», 2003.

Дополнительная

- 1.Брутян Г.А. Аргументация.- Ереван: АН АрмССР, 1984.
2. Еемеерен Ф.Х.Ван; Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация, ошибки.- Л.: Васильевский о-в, 1992.
3. Ивин А.А. Искусство правильно мыслить: Кн. Для учащихся старших классов.- М.: Просвещение, 1990.
4. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – Пг., 1918.
5. Меськов В.С., Карпинская О.Ю., Ляшенко О.В., Шрамко Я.В. Логика: наука и искусство. – М.; Высшая школа, 1993.
- 6.Логика и риторика. Хрестоматия. – Минск «ТетраСистемс» , 1997.